

Литературный
Журнал

СИМБИРСКИЙ

12+

№2 (101)
АПРЕЛЬ

2023

С 1 апреля 2023 г.
«Почта России»
объявляет подписку
на II полугодие 2023 г.

Цена подписки:
1 номер – 240,10 руб.
3 номера – 720,30 руб.

Индекс ПА041

Владимир Крупин.
Лазарева суббота

стр. 4

Театр Островского.
К 200-летию со дня рождения
русского драматурга

стр. 51

Наш Языков.
Торжества на Симбирской
земле к 220-летию со дня
рождения Н.М. Языкова

стр. 61

Краски жизни
через творчество.
Выставка декоративно-
прикладного искусства

стр. 88

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

№2 (101)

АПРЕЛЬ
2023

Главный редактор Елена Викторовна Водкина
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев

Содержание

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432048, Ульяновская область, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.
Телефон редакции 41-04-32

Подписано в печать 11.04.2023 г.
Дата выхода 18.04.2023 г.
Тираж 1300 экз. Заказ №108

Отпечатано с готового оригинал-макета в АО «Печатный двор». 432049, Ульяновская область, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27, тел. (8422) 29-70-19, e-mail: ul-pd@mail.ru

© Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №2 (101), 2023

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Руководитель корректорского отдела – Наталья Степченко.

На обложке: Храм во имя Всех святых. Ульяновск.
Фото Ольги Тюльпа.
На обороте обложки: Вербное воскресенье.
Фото Ольги Тюльпа.

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске:
ул. Пушкинская, 11, каб. 104 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье», тел. 8 (846) 202-14-12 (г. Самара).

Оформить подписку
на II полугодие 2023 года
(подписной индекс ПАО41)
можно и с помощью Сети интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или через смартфон по QR-коду:

Слово редактора. Весенняя песня.....	3
Дорога к храму Владимир Крупин. Лазарева суббота	4-11
Гость Нина Ягодинцева. Живую карту перекраивая. Стихи	12-15
Дороги памяти военной Всё памятно, что было на войне	16-19
Александр Тимаков. Члены семьи военнослужащего.....	20-22
Пульс времени Александр Никонов. Обмен. Рассказ.....	23-40
Литературный ковчег А. Никонова	41
Страна поэзия Ольга Даранова. Меня ищите на земле! Вспоминая А. Лайкова.....	42-44
Илья Таранов. Исток мой – устье Волги	45-48
Молодые голоса Анастасия Карпова. Однажды в декабре. Рассказ	49-50
Литературное наследие Антонина Лобкарёва. Театр Островского	51-54
Валентина Никонова. Три реки Николая Некрасова	55-56
Некрасов в Доме Гончарова	57-59
Наш Языков. К 220-летию Н.М. Языкова.....	61-64
Ольга Клопкива. Родня по вдохновенью	65-66
Житейские истории Сергей Изуграфов (Зазимко). Порок сердца. Рассказ	67-75
Память сердца Магомед Ахмедов. Мотив прощальный и щемящий. Стихи	76-78
Нина Орлова-Маркграф. На небесную родину. Памяти Магомеда Ахмедова	78-79
Илья Таранов. Аромат дагестанского персика	80
Перекресток Гала Узрютова. Которые. Отрывки из нового романа.....	81-85
Под сенью дружных муз Виктория Шейко. Музыкотерапия Марата Хаердинова.....	86-87
Нина Никифораки. Краски жизни через творчество	88-93
Времена года Анны Вилковой	94-96
Юбилей Нина Никифораки. Отраженное пространство: мир любви и добра.....	97
Река воспоминаний Николай Полотнянко. Бумажные кораблики. Повесть о детстве.....	100-128
Книжная полка Елена Белова. Любозному читателю	129-130
Карамзинский сад Марина Субина. Песней, строчкой, облаком в небе	131-133
Народное творчество Елена Гусейнова. Жаворонки, прилетите	134-135
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО	136-138
Юбилейный календарь.....	139-176

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Перед вами новый апрельский номер журнала.

Писатель Владимир Крупин – желанный гость «Симбирска». Предлагаем вниманию читателей рассказ «Лазарева суббота».

«Думаю, не одно и не два сердца замирало при понимании невозможности описать Божий мир. Солнце розоватит лес, особенно березы. В даль смотрю: леса и леса... Уже ходил не по сухой траве, а по зеленым травинкам. Жалко их, надо бы босиком ступить. Цветочки пошли! Голубенькие лепестки и желтенькие, как солнышки...»

Публикуем подборку стихов челябинского поэта Нины Ягодинцевой «Живую карту перекраивая...»

*...Айсберг апреля, стремительно тающий,
Кружится облачком над головою.
Каждым цветком и травинкою каждую
Учится мир просыпаться счастливым.
Руки возденешь – и хлынет над жаждою
Бурного лета неистовый ливень!*

В стихах и прозе авторы журнала пишут о пробуждающейся природе, о весне света, о надежде на обновление.

В преддверии майских праздников публикуем стихи о войне и Победе. Читайте подборку «Всё памятно, что было на войне», подготовленную Николаем Маряниным. Рубрику «Дороги памяти военной» продолжает рассказ Александра Тимакова «Члены семьи военнослужащего».

К 75-летию со дня рождения димитровградского прозаика Александра Никонова (1948–2018) представляем его рассказ «Обмен» (из цикла «Донбасские рассказы»).

Мы вспоминаем Александра Лайкова, нашего собрата по перу. Во Дворце книги прошел вечер памяти поэта, об этом рассказывает Ольга Даранова, воспоминаниями об А. Лайкове делится Илья Таранов.

В рубрике «Литературное наследие» – статья Антонины Лобкарёвой о театре Островского, к юбилею замечательного русского драматурга. О выставке «Три реки Николая Некрасова», состоявшейся в историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова, – заметки Валентины Никоновой.

16 марта 2023 исполнилось 220 лет со дня рождения поэта Николая Языкова. На страницах журнала мы рассказываем о том, как эту дату отмечали на Симбирской земле: в Ульяновске, в Карсуне, в Языкове.

В рубрике «Река воспоминаний» предлагаем вниманию читателей повесть о детстве Николая Полотнянко «Бумажные кораблики», к юбилею писателя.

Публикуем поэтическую подборку «Мотив прощальный и щемящий» недавно ушедшего народного поэта Дагестана Магомеда Ахмедова (1955–2023), а также послесловие: слова прощанья Нины Орловой-Маркграф и Ильи Таранова.

В рубрике «Карамзинский сад» читайте стихи Марины Субиной.

В разделе «Под сенью дружных муз» – заметки о творческом вечере барда Марата Хаердинова.

Журналист Нина Никифораки рассказывает о выставке декоративно-прикладного искусства, открывшейся в картинной галерее Союза художников.

Одна из участников выставки – Анна Вилкова. О ней в рубрике «Юбилей» пишет Нина Никифораки подробнее, в очерке «Отраженное пространство: мир любви и добра».

Страницы прозы журнала продолжает рассказ Сергея Изуграфова (Зазимко) «Порок сердца». Публикуем отрывки из нового романа Галы Узрютовой «Которые».

В 2023 году модельная центральная городская библиотека имени Ивана Гончарова отмечает юбилей, ей исполняется 55 лет. На протяжении юбилейного года мы будем знакомить читателей журнала с книгами, которые советуют прочитать сотрудники библиотеки. В разделе «Книжная полка» – публикация Елены Беловой «Любезному читателю».

В рубрике «Народное творчество» – записки Елены Гусейновой «Жаворонки, прилетите...» о фольклорной экспедиции.

Новости программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» подготовила Дарья Фокина.

Завершает номер по традиции «Юбилейный календарь».

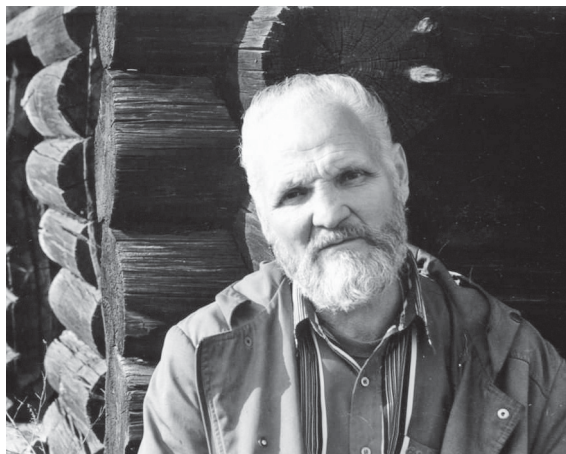
В этом выпуске несколько публикаций посвящены ушедшим поэтам. Мы приглашаем наших читателей в «Страну Поэзию», читайте стихи, повторяйте любимые строчки.

И хочется воскликнуть победно вслед за Александром Лайковым:

*За нами – Россия! Языков и Блок,
И Пушкина звонкая лира!*

Светлой весны вам, пасхальной радости, дорогие друзья!

Елена КУВШИННИКОВА

Владимир КРУПИН, русский писатель, публицист, педагог. Секретарь Союза писателей России, лауреат литературной премии им. святого благоверного князя Александра Невского, лауреат Патриаршей литературной премии. Живет в Москве.

Миссию русского художника Владимир Крупин видит в том, «чтобы бороться за воскрешение России, за ее место в мире, за чистоту и святость православия».

Владимир Николаевич Крупин неоднократно приезжал в Ульяновск, участвовал в Гончаровских праздниках, выступал в библиотеках и музеях.

В письме в адрес редакции нашего журнала Владимир Крупин, в частности, написал: «Всегда помню Вас, Симбирскъ, Андреюшку, обрыв, беседку, Волгу, парк вдоль высокого берега – светлое впечатление, радостные воспоминания».

ЛАЗАРЕВА СУББОТА

Рассказ

Рука дрожит, сильно дрожит, даже трясётся. Но, чтоб ни на кого не думали, когда меня обнаружат, надо записать.

Я умираю. Стал выволакивать старое бревно, чтоб сжечь, перенапрягся и упал. В глазах потемнело, голову обволокло. И сколько лежал, не знаю. Когда очнулся, может, от холода, то всего меня колотила дрожь. Я икал и не мог встать. Костёр, на котором сжигал мусор, еле-еле дымился. Пламя могло и ко мне подобраться. Господь пожалел – не доходя до меня, оно загасло.

Приполз, именно приполз в свою избушку. Искал какие-то лекарства, ничего нет. Попил оттаявшей воды из фляги. И сильно замутило. Стало рвать. Все жилы на шее вытягивало.

Темнеет быстро. Спички не нашёл. Но печь все равно не истопить. Свечек бы побольше зажечь для нагрева воздуха, но спичек нет. Наверное, у костра выронил. Но уже туда не доползти, падаю. Ложусь. Тошнит. Рвать нечем. Лягу одетым. Одежда ледяные. Сердце останавливается, так что могу и не успеть простудой поболеть.

Если не проснусь, простите меня, родные, простите.

Ночь. Замёрз окончательно. Но в темноте увидел, что огонёк в лампаде живой. Ноги не держат, хватался за спинку кровати, за стол. Еле вспомнил, где свечи. Страшно боялся загасить огонёк. Стал читать «Отче наш», губы сводит, зубы стучат. «Господи, умираю!» А всегда просил умереть после покаяния, исповеди, причастия, и вот... Господи, умираю. По грехам моим не осуди меня, дай свечку от лампы зажечь. И зажёт! И согрел ею, попеременно держа в руках, и левую ладонь, и правую. Потом вставил в подсвечник. Дальше легче. По стенке дошёл до кухонного стола, взял тарелки, в них наткал свечей, которые зажигал от первой. В избушке посветлело, вскоре показалось, что потеплело. Воду пить боялся – несвежая. Даст Бог до утра дожить – закипячу.

«В руце Твои, Господи Боже мой, предаю дух мой...» Ложусь.

Нет, сразу встал. Что-то с головой. Умираю. Обносит слабостью. Стоять – ноги не держат, лежать – тошнит, голова падает в темное, с искорками, пространство. Сижу. К печке привалился – от неё могильный холод: зимой не топили.

Надо завещание написать. Какое завещание, не смехи людей. Ничего ты не нажил. А что есть, какое наследство, на то есть умная жена и хорошие дети.

Уснуть бы. Но лежать тяжело, мысли рвутся, всё время только дети и внуки в сознании. Какими-то наплывами.

Вот, оказывается, как умирают. А столько читал о смертях. Так читал же о монахах, молитвенниках. А наш брат, серый народ, умирает простенько. Вот остановится сердце, и всё. Господи, спаси и помилуй!

Попробую сидя дремать. Да, уже опять ночь. Что это? Или ещё первая не прошла, или новая наступила? Сколько же я тут? Сутки или больше? Какое-то безсознание.

Свечи освещают иконы. Очков нет. Читаю молитвы, какие помню. Рвётся и память. Тысячи раз читал Покаянный канон, а сбиваюсь. Что, моя хваленая память, захромала?

Очнулся. Утро. А утро ли?... Вроде опять темнеет? Значит, опять вечер? Значит, день проспал? Или пять минут дремал? Нет, не пять: все свечи в тарелках догорели до корешка. Одна, толстая, мерцает. Какое-то тупое безразличие. Перечитал написанное. Смешно: завещание хотел писать. Небо как свиток совьётся, земля и всё, что на ней, сгорит, всякое железо сгорит, и ты туда же с клочком бумажки.

А ведь вправду вечер. Хорошо, свечей много. Но вряд ли эту холодину поборют. Термометр есть, но нет очков. Может, градусов восемь – десять.

Свечка эта толстая спасла, лампада-то погасла. Где масло, не помню. Место мне среди десяти уродивых дев.

Свечи зажёт. Опять всё осветилось. Дров у печки нет, дрова на улице, да и все из-под снега. Не разгорятся. Печка страшно холодная, ещё и от неё леденит.

Деточки милые, ничего я не нажил, только на одно надеюсь, что будете хоть иногда вспоминать. Я вас очень любил, больше жизни любил. Но почему любил? Люблю, с любовью к вам умираю.

Сидел и силился вспомнить число и день недели. Какой год – неважно, да и число тоже, а вот что сегодня? Вторник? Среда? Нельзя мне, если доживу, пропустить Лазареву субботу, Вербное воскресенье, и начать жить в Страстной седмице. Но это всё за такими горами, на которые нет сил подняться.

Конечно, надорвался от тяжести. Дурак, он и умирает по-дурацки, нельзя же было после стольких операций хвататься за сырое бревно. Тебе говорили: не больше трёх килограммов. Мало ли что – батюшка благословил сжечь этот огромный холм отходов от строительства часовни, дома, мусор, говорил же: «Ты потихоньку, сколько успеешь, столько и ладно». Мне же всегда надо больше всех.

Дрожь бьёт. Рука – видно по кривой строке, косям буквам – трясётся. Озяб. Ногам в ботинках холодно. Вчера промочил.

Так сколько же я здесь? Ночь, две? День, два? Три?

Какое-то тупое состояние. Надо оживать, молиться надо, ведь пропадаю. Есть надо. Но даже мысль о еде вызывает тошноту.

Господи, помоги затопить печку. Ну, уж это стыдно просить: самому надо. Ну-ка соберись, не будь нюней. А то скажут внукам: ваш дедушка и печку не сумел истопить, умер в холодной избе.

Видимо, сегодня среда всё-таки. Батюшка обещал приехать за мной рано утром в субботу.

Но чего считать дни, может и часов не осталось. Подпирает слабость, которая всё сильнее. Наша сила в нашей слабости? Так это о женщинах. А вот если бы тут была жена, и ради неё надо было согреть избу, то как? Ведь истопил бы. Да, ради любимых нашёл бы силы. Ну и для себя найди! Ты же любимый у Господа.

Сидел, голова падала, с трудом поднимал. Увидел вдур в красном углу, на полу, бутылку с лампадным маслом. Начнём оживание с лампы.

Зажег! Вроде и руки не трясутся. Нет, опять вибрируют. В окне на улице день. Всё-таки день. По солнцу понимаю, что идёт к обеду. Да, солнышко. С ним повеселее.

Ищу телефон. Взмолился, нашёл. Но что толку, здесь прочно вне зоны связи. Лес же. В те приезды ходил далеко, к трассе, там соединяло. Сейчас и до часовни не дойти. На телефоне должны быть год, месяц, день и час, и минуты. Но я же без очков. Шарил их, шарил, обезсилел совсем, опять сидел и только дышал.

А как бы дойти до моей берёзы, поившей меня раньше? Тут на полочке даже сохранился маленький лоточек из нержавеющей стали, который аккуратно вколачивал в ствол. И капало. Днём побыстрее, к вечеру замирало. Да, вот сок земли, выкачанный корнями берёзы, меня бы оживил.

Мысль о берёзе, память вкуса о берёзовом соке меня как-то оживляют. А что? Вставай и иди к природе за лекарством.

Нет, слаб. Ноги не держат. Вот бы костылики.

А ведь и хорошо, что ни часов, ни радио, ни связи нет. Зачем? Светлеет окно – скоро утро, просветлело – день. И пошёл день, и идёт, и идёт, не останавливается. Но какие же долгие ночи!

Так хотелось справиться с этой некрасивой грудой мусора, убрать и у домика, и у часовни. Убирать

и всё время поглядывать на разливающуюся реку, на этот океан воды. Я на берегу океана. Выброшен умирать.

Тяжело даже ручку в руках держать. Сейчас опять налетало забвение и какое-то бездумие. Выветривается голова, так что ли?

Не могу понять, лучше мне становится или хуже? Есть совсем не хочу. Да и Великий пост. Но для сил нужно питание.

Пожевал кусочек ржаного хлеба. Сухо, слюны нет, не проглотить. Птицам отдам. Они всегда здесь меня ждут. Зимовали. Да, и зимой сюда приезжал. На лыжах продирался.

Пульс слабый. То изредка частит, то еле-еле напрягается жилка, пульсирует. Да, прижало. Так мне и надо. Даже и сейчас собой занимаюсь, стыдно.

Что, братишечка, страшно помирать? Не страшись: всё равно же придётся.

Но дети, дети мои милые, внуки, как же вы без меня? Дети мои, кровные и крёстные! Внуки! Вот ваш дедушка среди весеннего леса один-одинёшенек. Как хотел дожить до того, чтобы видеть вас взрослыми. Видимо, увижу, но уже из другого мира. Если ещё заслужу такой чести.

Смею просить: молитесь за меня, обо мне. Боюсь даже не смерти, ответа за грешную жизнь. Грешник «биен будет много». Особенно тот, кто знал, что надо будет ответить не только за дела, даже за каждое слово. Не только бранное, просто праздное. Которое можно было не произносить. А я-то сколько их рассорил! Сколько словесного мусора оставляю. Как бы его сгрести в кучу и сжечь?

Авторучкой пишу, она тоже, как и я, еле живая. Также перемерзла. Над свечкой отогрел. А блокнот ещё совсем толстый, мне его никогда не исписать.

Солнышко рассиялось. Дай мне сил, светило, Богом созданное.

Нет, пока на улицу не осмелюсь. Сижу, валюсь на правый бок, на левый опасуюсь: сразу тяжелеет сердце.

Всё-таки потеплело от свечей в моём пристанище. Пальцами ног шевелю. Слушаю себя, везде пусто. Вот оно, великое изречение: в чём только душа держится. Цепляться же ей за что-то надо. Надо что-то съесть. И без воды нельзя. И пить воду из фляги боюсь.

О, и тут батюшка спасает! Оказывается, он привёз и поставил у стола пятилитровую бутылку с водой. Не давал мне тащить. А солнышко её высветило. Прямо на колени перед ней встал, накренил, налил в кружку. Боялся пить – затошнит. Но всё хорошо. Попил глоточками. Ещё попил. Желудок благодарно отозвался. То есть я почувствовал, как вода оживляет меня.

Да, так. Оживляет. Ну, оживи и дальше, чтобы до берёзы дойти.

Полежу. Плохо, что вода холодная, внутри холодно. Лежи, в могиле ещё холоднее.

Полежал. Думал: как понять, что вот именно моя душа пришла в этот мир? Господи, за что мне такая милость и благодать? Я ли должен был видеть эти облака, этот весенний широкий разлив, эти сухие, умирающие травы и эти стрелки-иглопочки новых зелёных травинков, я ли?

Господи, как всегда легко и привольно дышалось

под небесами Твоими. И какая краткая оказалась жизнь – как мало успел. Успел только понять: какая у нас коротенькая жизнь.

Мгновенная.

И в эти мгновения, составляя опись сотворенного Богом мира, в который Он поместил меня, думал, что надо в неё вставить и залетевшего в домик шмеля, который упрямо таранит воздух в избушке, сердится, значит, на меня. Откуда я вдруг взялся в его привычном мире? Или просит выпустить? Ничего, мы с ним подружимся. А как изобразить в словах полёт умирающего в полёте, догорающего сухого листочка? Вчера же удалось немного разжечь костёр.

Да! Вот где сухие дрова, в костерке. Он погас, но всякие ветки в нём и щепки высохли.

Надо за ними. Не истоплю печь – окачурюсь. Уже и кашель налетает. Тяжелый, сухой. Надрывный. Знаю, под утро будет ещё сильнее мучить.

И вот – первая победа. Сходил, еле-еле дотащился до груды мусора, около которой разжигал костёр, постоял, отдышался. Запах костра, такой родной с детства, тоже воскрешает. Река ещё и ещё размахнулась в размерах, подпирает мой высокий берег, а низкий весь затоплен. Островки деревьев.

Притащил дровишек. Мало. Но начать топку – великое дело. Открыл отдушину, вьюшку. Скомкал сухую газету, поджёг свечкой. Горит, но дым идёт не в трубу, а в избу. Это или снегом забило, или ворона гнездо в трубе свила. Плохо дело. Избушка полна дыма, ещё и от него кашляю и плачу. Беда, беда. Пришлось дверь открыть, чтоб дым вытягивало. Снова рвал газетки, уже и лучинки к ним добавлял, и сухие веточки. Нашел даже за печкой свиток бересты, это материал зажигательный. Трещит, свивается. Дым ахает из дверцы, сквозит из плиты, прямо дымовая завеса. Дышать нечем. Как ты, мой шмель, жив ли?

Выполз на крыльцо, дверь оставил открытой. Отдышался, пошагал опять за дровами. Надеялся, что протянет. От костра оглянулся на избу, на трубу и возликовал – тонюсенькая струйка дыма шла из неё. Победа!

Даже сил прибавилось. Себя урезонивал: набирай дров поменьше. Приковылял с дровишками в избу. В ней, конечно, холодно, но не дымно уже, уже «весёлым треском трещит затопленная печь». Вроде и сам повеселел. Пушкин пришелся к месту.

Тяга хорошая. Плита вскоре тёплет, теперь горячая уже.

И ещё ходил за дровами, и ещё. И перестарался. Опять прижало, да так, что думал: всё. Стало даже безразлично дальнейшее. Умирать-то, что в тёплой, что в холодной избе, разница невелика, не я тут решаю.

Воду пил из бутылки. Но что вода организму, да ещё холодная. Рвало опять. Крепко меня прополаскивает.

Сознание опять терял. Всё же ненадолго, так как дрова не успели прогореть. Поставил чайник, насыпал в печку дровишек, бывших досок, реек, веток.

Стемнело. Ночи страшусь – дрожь опять вернулась. Печь всё ещё холодная.

Ещё победа – чайник согрелся, заговорил со мной трясущейся крышкой. Чай у меня хороший.

Заварил в кружке. Вначале её ошпарил, прогрел тоже. Вылил из чайника кипяток в умывальник – пар идёт, тоже греет воздух. Снова налил чайник, снова на плиту поставил.

Пока он закипал, читал молитвы. И всё время стараюсь их читать. Прошу ангела-хранителя гнать от меня плохие мысли. Только молитвы. Вот, милый ангел, где мы с тобой. Прости, тебе со мной всегда было несладко.

Воздух в избушке всё теплее. Но пол ледяной. Поднял повыше одеяла и подушки. Кашляю до стона.

Понимаю, что меня так за грехи треплет. Хоть бы только не умереть. А и умру. Недавно же, перед поездкой, причащался.

Слава Богу.

Постоянная судорога мыслей, лица, мелькающие в сознании, вина перед всеми, как понять?

А так и понять, что вина перед всеми, то есть перед Богом.

Господи, Твоя воля, пока живу: лампада горит, иконы со мною, в окне часовня, под обрывом растущая мощь прибывающей воды.

Ещё и ещё натолкал в топку дров, уже кончились. Больше не пойду за ними – темно. Да и хватит, уже плита раскалилась. Пойдут после зимы трещины в стенках печи, неудобно перед батюшкой.

В избе всё теплее, а мне всё холоднее.

Молитва перед едой. Чай дымится в кружке, подсластил. Размочил хлебшек, потихоньку съел немного. Больше пока не буду, пусть приживётся.

Не буду и гадать, какой день, какое число на дворе. Батюшка сказал, что приедет в субботу утром. Может, она завтра и есть.

Хотя бы уснуть.

А как уснуть, когда, как последний салага, налопался крепкого чаю. Прямо, как зэк, чифирил. Но хотя бы ощутимо согрелось внутри. А кашель наваливается с новой силой. До помутнения сознания. Передышки редкие. Будто кто у меня внутри поднимает к горлу волны удушья, которые надо выкашлять. Нос заложило. Сморкаюсь сильно, бесполезно.

Так мне и надо. Может, от этих страданий грехи изглаживаются? Чего захотел! Какие это страдания, кожу с тебя, что ли, сдирают?

Вспомнил недавнее прошлое, то есть поход за дровами. В нём сочинилась такая фраза: «И упадет закатный луч на прошлогодние травы». И ещё: «Спасение России – в пространстве и времени». Вот какой умный гриппозный писака. Кашляй, выкашливай дурь. Да, ещё же была фраза, когда глядел на лес: «И вдруг в завершение дня солнце озаряет окрестность и особенно роскошную берёзу, любоваться ею можно в любом состоянии». Немножко искусственно. Но уж больно берёза была хороша. И любому состоянию помогала.

А интересно, почему моя берёза не рядом с домиком? Не знаю. Шёл с топориком по берегу, выбирал, и всё их жалел. То есть берёзы. Выбрал. Аккуратно подрубил две канавки уголком книзу, в угол вколотил лоточек, подставил ведёрко. Но вообще такое небольшое изъятие сока для дерева не страшно. Например, сосны, добывание из них ценнейшей живицы. Называется подсочка. Такие сосны

даже иногда растут лучше тех, которые росли без изъятия живицы.

Перед дорогой к берёзе полежу.

Боже мой, какое полежу: потолок чёрный. Думал, что это закоптил дымом, но нет, это ожили мошки. Потолок прямо весь шевелится. На окнах они же, стадами пасутся на стеклах. Что делать? Когда были с братом, и они так же ожили от тепла, то я стоял внизу, подняв над собой таз с водой, а брат, встав на стол, сметал мошек веником. Вода в тазу становилась чёрной. Сейчас я один. Куда денешься, хай живут. Меня уж точно переживут.

Опять что-то плоховато. Давно молитвы не читал.

Нет, пока день, надо идти за соком. Побреду. Святителю отче Николае, помоги!

Да, сходил. Тихохонько брёл, добрёл. Надрезы мои прошлогодние промокли, на них черным-черно муравьёв. Сок берёзовый, их можно понять. Освежил бороздки, заколотил лоточек, подставил банку. Приду часа через два. Нет, так нельзя, надо: «Если, даст Бог дожить, приду через два часа».

Из опыта многолетней жизни знаю, что ожить может только молитва. Но так плохо мне ещё не бывало, когда-то и молитва не оживит. Читай, брат, читай. За Богом молитва не пропадёт.

Снял даже куртку. Сверху, с проволоки спустил одеяла и подушки – нагрелись. Но и они все в мушках. Кашель.

Вот на улице не кашлял. Даже голова отдохнула. А то такое надрывающее напряжение. Сейчас опять приступ был. Хотя бы отхаркивалось. Нечем.

Спустил ноги с кровати. Еле-еле душа в теле. Как это точно! Но чем хороша русская изба, она залёживаться не даст. Когда лежать? Надо печку топить, дров запастись. И к берёзе сходить.

Ну, крестись на красный угол, молись, и в путь на долгие минуты.

Молодец я, надо же когда-то и себя похвалить, натаскал и дров и за соком сходил. Там присел у берёзы, прислушался. Всегда любил слушать, как тенькают капли сока в ведро, в кастрюлю. Слушаю, но не слышу. А капли – одна за другой. Что такое? Прислушался. Не слышу ничего. Знаю, что птицы поют, ветви на ветру вверху шумят, но не слышу. Ударила простуда по ушам. Впечатление ошеломляющее. Возвращался в полной тишине. Ветка под ногой хрустнула, чувствую, а не слышу звука. Что же, и это за грехи.

Похвалил себя, и сразу наказан: упал прямо лицом. Запнулся на ровном месте, полетел. Руки вытянул, а они не держат. Ткнулся в землю. Оцарапал нос. Ощутил кровь. Хорош подарок солнечного дня.

Умылся, лежу. Зеркала нет на себя полюбоваться.

Собрался с силами, затопил. Опять дымит. Слезы от дыма. Но хоть и от него, а хорошо, что слёзы. Прошу же в молитве дать мне «слёзы, память смертную и умиление». Память смертную можно и не просить, она рядом, а слёзы – смыть грехи – прошу.

Гасла опять лампадка. Видимо, масло загустело от морозов, фитиль плохо тянет. Зажег лампаду. Снял со стены крест. Большой, латунный. Расстегнул рубашку, приложил к груди. Так целительно освежил грудь. Остудил и лоб крестом.

Чистил лук, разрезал луковицы и вдыхал носом запах. Это очень надо, ибо явился «к числу других затей» насморк. Дышать ртом не могу, губы пересыхают, язык стал шершавым.

Покрошил мелко лук и картошку, поставил на плиту рядом с чайником.

После таких подвигов опять лежу. И как-то спокойно думаю о земной кончине своей. Совсем не страшно умереть, хотя ночью очень испугался, когда куда-то проваливалась голова и сердце сдавливалось. Все равно я же не чахлик неумеруций, не вечный жид, все равно умирать. Страшно одно: как мои родные, милые, любимые люди без меня тут останутся?

Но им же лучше, что здесь умру, на родине. Не надо будет меня везти в такую даль, сам приехал.

Здесь же и услышал великую вятскую поговорку: «Отдохнем, когда подохнем».

Забулькал мой суп. Посолил. Немножко масла растительного добавил. А вдруг пятница?

Двигаюсь как-то заторможено, но двигаюсь же.

Мошек на окне припекло, перебрались окончательно на потолок. «На кровати я лежу и гляжу на потолок: таракашка таракашку на шабашку поволок». И лезет же в голову такое. Или вспомнился совсем вроде ни к чему мальчик лет трёх, в Вятке, на улице. Говорит мне: «Папка на шабашке, а мама красавица».

О, у меня появился заступник и союзник. Это паук. Он питается мошками. Ему за ними бегать не надо, не надо паутину тянуть, сами к нему подползают. Он выедает пространство вокруг себя и перемещается. Только и делов. Ну и пузо у него, ну и аппетит.

Дышал над кастрюлей паром от картофеля и лука. Потом похлебал немного. Немножко греет изнутри.

Главное желание – больше всего хочется услышать голоса детей и внуков. Пусть ни о чём, только голоса. Милые мои! Уже из школы пришли, уже капризничают: то не хочу, другое не хочу. Небось, ухватили конфет, суп не хотят. Мне бы ваши супы. Но и свой хорош. Жёнушка, родная, молюсь за всех вас, прошу и вас меня вспомнить. И потом вспоминать.

Солнце сияет во всё небушко. А выйдешь – ветер, холодина, несёт с реки влажной сыростью.

Надо попытаться зажечь костёр для сжигания мусора. Зарядился старыми газетами, спички нашёл. Они и не терялись, лежали в печурке. Одедся. Надо бы переобуться. Обмывать будут, да увидят невымытые ноги. Стыдно.

Поставил в большой кастрюле греть воду. Вода из фляги. Из бутылки, батюшкину, берегу.

Итак, ходил к костру. И разжёл его, и потихоньку из груды мусора доставал, что помельче, и подкладывал. Разгорелось. Вдруг пламя резко и резво пошло по сухой траве, еле-еле успел захлопать его лопатой. Потом еле отдышался. Потом долго окапывал костёр. Иначе может быть беда. Трава сухая, по ней огонь может уйти к лесу.

Но эти старания стоили полного бессилия, приступов кашля до изнеможения и тошноты. Всё-таки сплюнул, но слюна красная. И как-то спокойно подумал: кровь. Видно, надорвал бронхи. А может, что

и посерьёзнее. Как знать. Как Бог даст. В домике ещё поел свой суп. Но что-то не пошло.

Рассмотрел сумки, привезённые сюда. Да, оказывается, у меня всего полным-полно. Матушкины заботы. Лепёшки, блины, помидоры, мандарины. Морковь и свёкла. Тоже надо варить. Но уже, даст Бог, завтра. Да, надеюсь.

Лежал, вспомнил Акутагаву Рюноске, его «Зубчатые колёса». Читаешь, и с ним начинаешь сходиться с ума. Вспомнил и Мопассана – «На водах». Читаешь, и с ним умираешь. Талант, или они в самом деле это переживали? Литература или жизнь? У меня здесь записи начались с написания завещания, а потом пошёл репортаж об умирании. Скорее, желание оставить детям свидетельство о последних днях (да, именно так думал), о том, что именно о них, и почти только о них, думал днями и особенно ночами.

А, собственно, хоть сейчас умру, хоть погода, – все равно последние дни.

Стараюсь даже не дремать, чтобы ночью уснуть.

Ещё кашель схватил у раковины и снова отплюнул, и опять плевков красный. Ладно, что будет, что Бог даст. Если пора отчаливать, так пора. Всё в Его воле.

Надо мне, как монаху, которого мучили боли, говорить им: мучьте, мучьте, а вот я возьму и помру, кого вы будете мучить? У трупа радикулита не бывает.

Паук мой наелся и дремлет среди своей пищи. Потолок весь шевелится. Мушки перемещаются на окна. Будто живые тёмные занавески.

Надо за банкой к берёзе. Наберусь сил и побреду. По пути заверну к костру, подброшу, но помельче, чтобы до ночи прогорело. А уже скоро и вечер.

Да, ещё и этим наказан – глухой. Читал вслух Девяностый псалом, читал, будто ватой обложенный. И глухоту приемлю как милость. Что ещё слышать из звуков мира? Болтовню, враньё политиков? Пошлость артистов? Жаль пения соловьёв, плеска волн, детского смеха, «Херувимской», но всё это в памяти слуха.

У берёзы новость – не один я сладко жить хочу – муравьи полезли пить сок в банке на дармовщинку, и в нём утонули. Жалко трудяг. Выплескал их щепочкой на траву на пригорке. Отпил глоток, долго держал во рту, согревал. Проглотил. Очень всё внутри откликается. Это же с детства, это же навсегда.

Сок уже не капает, утром, если доживу, надо принести какую-то ёмкость побольше. К приезду батюшки – дары природы.

Вернулся в дом. Перед выходом на улицу в нём согрелся, но потом у костра с одной стороны жарко, с другой холодит. А у берёзы совсем просквозило. Насморк, конечно. Да уж хотя бы сопли текли, сопливый был бы Робинзон, нет, просто носом не могу дышать. И опять кашель.

К ночи кружится голова.

«Господи, на всякий день, на всякий час дня наставь и поддержи меня».

Слабость повалила. Лежал, и вдруг пригрелись, что меня пришли убивать. «Дайте помолиться. И за вас тоже буду молиться». И молился, и они встали рядом на колени. И мы обнялись. Но у них задание. Вот такой у меня юмор, такая фантазия.

Интересно, что перед отъездом виделся с другом. Он болеет, но всё равно шутит: «А если б к утру умереть, то лучше было бы ещё». Как он там? И другого почему-то спросил по телефону: «Тебе хотелось умереть?» В ответ прозвучало: «Ещё бы! Непрерывно!» Так что я не одинок.

Нет, одинок. Умирают в одиночку. Даже в толпе. Даже при расстреле. И на Страшный суд идут не в коллективе.

Ой, надо же печку топить. Надо. Хорошо, уже дрова есть. Выгреб золу, высыпал в ведро. Подумал, надо было золу сохранить, под посаженные осенью дубочки высыпать. Смешно, этой золы от костра будут мешки.

Топится печь. А треска не слышу. А ведь в первый раз, когда затопил, слышал. Глохну, глохну. И принимаю, как будто так и надо. Течёт струйка из рукомойника в тишине. А ведь звонко барабанила по металлу раковины.

Ещё новость – ступня правая немеет. И пальцы левой. Хорошее дело, как же ходить?

Перестрадал ночь. Задышался. Боялся закрыть печку, угара боялся (в скобках: значит, жить хочу). Тепло высвистало в трубу. Встать и среди ночи опять затопить не смог. Да и не мечтал. Какое-то равнодушное, хриплое дыхание, кашель. Пил много слабого, тёплого чая, вроде помогает.

Утром разбирал свою сумку. Привёз из Москвы лоскутную скатёрочку. Очень искусна. С блёстками в лоскутках. Утром расстелил. Положил на неё Евангелие и Псалтирь. Красиво. Сколько же ещё будут глаза мои отдыхать? Очки мои, за что покинули меня?

Топил печку, разогрел картофельно-луковый суп, дышал опять над ним. Вроде нос оживает. Чувствую, что и сам оживаю. Это молитвы, и сок берёзовый, и картофельная похлёбка.

Наверное, в Лазареву субботу можно и рыбу? Не помню. В Вербное-то воскресенье можно.

Такое счастье – солнце и сегодня.

Постоянная вина перед теми, кто дорог, кто близок.

Возвёл очи горе. Ого! Мошки как окаянное жидовство, обсевшее Русь, зачернили потолок.

Встал утром – брюки сползли. Подтянул, а дырок на ремне нет, кончились. «Брюки спали, брюки спали, потихоньку съехали. Все колхозники на тракторе собирать поехали». Открыто такие частушки пели. И ещё будут нам демократы долдонить о запуганном русском народе. Сами пугались, дело ваше, а русские тут ни при чём. Да, крепко исхудал. Но это очень хорошо, гроб легче нести. Ладно, не искушай судьбу, не шути так. Отец раз так обеднел в командировке, что остались копейки только на короткую телеграмму: «Шлите денег поддержки штанов».

Долго занимался ремнём, делал две новые дырки. Это называется: живот подтянуть, а чего подтягивать – живота-то нет.

Солнце. Одевался потеплее, вышел, стоял на солнце, очень надеясь на его помощь. Оживил костёр, подвалил в него мусор. Дымило, потом занялось. Пламя костра и солнце.

И вот, продолжаю репортаж об умирании – слепну. Не вижу, что пишу. Думаю, это от того, что нагляделся на солнце и на пламя. Нахвтался зайчиков,

как говорят о тех, кто глядел на пламя электросварки. Я солнышка нахвтался.

Глухой, слепой, больной, как хорошо! Чую, что температуру. А к костру надо. Надо у него дежурить, подкладывать сжигаемый мусор и следить, чтоб огонь не ускачил. Ещё поокапывал вокруг костра. Но опасность и в ветре – подхватит искры, унесёт на сухую траву. О, тогда так польхнёт!

Хожу, как в мутной воде плаваю. Ноги переставляю. К берёзе пора. Собрать сока побольше, рабочим в церкви радость. И матушке с семейством.

Ходил и заменил одно ведро на другое. Первое принести просто не мог, закрыл его крышкой. Это я заранее сообразил о крышке. Да, а моих муравьишек нет на пригорке, значит, ожили. Обсохли на солнышке, разбежались. И на берёзе их бессчётно.

Капли сока падают на пустое дно ведра. Не слышу. Глухая тетеря. Куда денешься – старик.

Этот день, он же не повторится. Как и жизнь. И зачем в такой день покидать этот мир? Да только кто меня спросит, когда мой срок. Будь готов, и всё.

И вспомнил, что надо обязательно читать 17-ю кафизму. А как? Лежит на столике у икон, сам же привёз, толстенная Псалтирь. Может, разберу буквы, шрифт крупный. Нет, в глазах сумерки.

Но вообще, думаю, хорошо не знать ни дня, ни числа. Солнце в зените, вот и всё. Что ещё? Идёт к западу. Успеть бы ещё что-то поделать.

В доме воевал с мошками. Сколько же вас! Даже на блокнот падают десантами, пачкают белую страницу.

Лежал. Было состояние какого-то равнодушия. Подумал: разве это плохо – ровная душа?

Повыше сделал подушки, лучше глядеть в окно. Глядел на небо. Облака белые, как стерильная вата. Да, это нормальное сравнение. Медицинская вата, которой собирают кровь с раны. И эти облака, которые кровятся, будто впитывают на закате кровь с раненой земли. Насыщаются ею и уходят в ночь отстирывать.

Думал: надо встать и эту мысль записать, пусть и простенькая. Ведь пропадёт, если не встать и не записать. И подняла меня профессия с постели и усадила за стол. Вроде получше вижу. А вот уши – похлопал в ладоши – в отпуске.

Думаю, от того оглох, что сильно сморкался, даже в висках отдавалось. Говорила же мама: не надо сильно сморкаться, оглохнешь. Маму надо слушать.

Мошки дрейфуют с потолка на окно. На потолке уже три паука. Ленивые, ясно, что обожрались. Исаак Сирий даже блох жалел.

Честно записываю: если и есть в мире дурак, то он перед вами. Это я. Доказательство? Я вспомнил, что здесь есть канистра бензина. Отлил из неё в глубокую миску, принёс к костру и... выплеснул. Взрыв был такой, что меня сшибло с ног. И как ни был глух, взрыв услышал.

Зеркала нет, а то бы увидел, в чём уверен, что мне брови и ресницы опалило. Конечно, костру стало повеселей от такой моей гуманитарной помощи. В доме умылся, проморгался, помазался освященным маслом. Вижу! Видимо, от потрясения зрение восстанавливается.

Какой-то зверь заскулил за дверью. Услышал! Даже скребётся кто-то. Взял в руки топорик, открываю. Собачка. Милая, да как ты здесь? Заходи, заходи. У тебя поста нет, накормлю.

Рыженькая собачка, такая ласковая. Скулит, у ног трётся.

– Ах ты, красавица!

Всех зверушек моих внуков вспомнил, всяких котов и кошек, Рыжиков и Мусек, и свинок. А ещё раньше хомячков. Черепахи Тортила и Донателла.

– А тебя стану звать Ласка. Консервы у меня есть рыбные, как открыть?

А в руках-то топорик. Разворотил им крышку, поставил банку на пол. Собачка кинулась к ней.

– Ну, Ласка, мне бы твой аппетит. Не бойся, не выгоню, живи тут. Небось, ищут тебя, такую красивую?

Вот что такое живность, сразу стало мне повеселее. Если не убежит, то и ночевать будет спокойнее. А с другой стороны, чего бояться? Как говорит батюшка: «Чего нам бояться? Перекрестись и живи!»

Ласка ходила со мной. И к берёзе, и к костру, и к часовне. У часовни тоже прибирался, тоже стаскивал мусор к костру. Совсем оживаю.

Нет, убежала Ласка. Отбежала, остановилась, оглянулась, вильнула хвостом и умчалась. И ладно.

Опять, дурачок, наломался, опять хотелось побольше. Опять сердце прижало. Лежал долго. И вспоминал Иерусалим, Вифанию, особенно Лазареву пещеру. Такое мне выпало счастье, и много раз выпадало, что в святых месте бывал один-одинёшенек. И на Голгофе, и у Гроба Господня, и на Фаворе, в Хевроне, Вифлееме, Назарете, на Иордане, везде!

В пещере Лазаря глубоко, тихо. И вот, вроде передо мной прошли две или три группы, тоже, конечно, мечтали что-то с собой унести, а этот камешек был ими не замечен, берётся для меня. Он у меня в Москве. Его хорошо бы со мной в могилу мою положить. Но лучше пусть останется внукам.

Тяжело и прерывисто дышал и, конечно, вспомнил пословицу: перед смертью не надышишься. Её употребляли, например, в том смысле, что за пять минут до экзамена не успеешь к нему приготовить. А тут всерьёз, экзамен экзаменов.

Напишу для исповеди грехи. Но если кто прочитает, кроме батюшки? Тут беда в том, что приходят, летят в меня? будто камни из прошлого, грехи. Они уже были мною исповеданы, а помнятся. Значит, плохо каялся. Нет, не буду писать. Их за меня бесы сто раз записали, да ещё и своего всего присочинили. Ангел мой, защити!

Долго соображал, ел ли что сегодня. Даже по записям пролистал блокнот. Нет, трапезы в нём не значится. Сок пил, хлебушко жевал. Даже сок грел в ковшике на плите и втягивал в нос, и высмаркивался. Внушаю себе, что помогает. И пил весь день только сок. Чего-то ел.

Но видимо, изнурение организма таково: так глубоко погрузился в болезни, что всплывание или далеко впереди, или... Ладно, не хнычь. Не ты первый дорогу т у д а открываешь, не ты и закроешь. Погружайся на кровать, да вспоминай молитву: «Неужели мне одр сей гроб будет?»

Тень от креста легла на часовню, будто кто её выжег на брёвнах. Топлю, а холодно. Топлю,

поглядел – тень ощутимо сдвинулась и увеличилась. Тень смещается, как стрелка на компасе. Не верится, что вся часовня утонет во тьме.

Ветер, такой ветер! Откроешь дверь, её прямо вырывает из рук. А с той стороны идёшь, открываешь, дверь тебя прямо отшвыривает. Костёр, слава Богу, погас. А то могло бы раздуть. Река вся посередела, прямо шкура первобытных зверей. Стоял у берёзы, вспомнил вдруг про клещей, их время настаёт. Бывало, впивались они в меня. Весёлого мало.

Тень от домика дотянулась до лиственниц. Указует на восток, откуда, даст Бог дожить, завтра придёт солнце. Интересно, кто ночью движет тенью? Ей же надо столько пройти, чтоб утром начать указывать на запад. Вопрос для внуков.

Радость! Открыл Псалтырь, а там, как раз на 17-й кафизме, как закладка, мои плоскенькие очки. Это такое счастье! Читал и Псалтырь, и имена тех, кого тут поминал о здравии и об упокоении. Надо уже несколько имён из живых переместить в усопших.

Ну, с очками чего не жить!

А ещё событие – луна! Весёленькая, чистенькая. Хорошо ей тут, в вятском небе. Оживаю, оживаю! Надеюсь, что оживаю.

Варил свой фирменный суп: картофель и лукавицы. Уже и крупы сыпанул. Тут их много, круп: гречка, пшено, овсянка. Морковь вымыл и мелко покрошил. Как у меня всё изысканно. Ладно, не хвались, бойся.

Ведь старик я. Давно бы дотлеть, а живу. И ветер слышу в ветвях берёз.

Прикрыл печку. Осмелюсь пойти искать место, откуда есть связь.

Закат. Красиво.

Красиво, а связи нет. Да и батарея садится. Все-го-навсего две малюсенькие палочки.

Да, думаю, не одно и не два сердца замирали при понимании невозможности описать Божий мир. Солнце розоватит лес, особенно берёзы. В даль смотрю: леса и леса. Река широченная, подтопила всё заречье.

Уже ходил не по сухой траве, а по зелёным травинкам. Жалко их, надо бы босиком ступать. Цветочки пошли! Голубенькие лепестки и жёлтенькие, как солнышки. Всегда приносил домой такую первую весеннюю радость. Хотел сорвать, нагнулся – голова закружилась.

Река прёт молча и неостановимо. Такая мощь откуда берётся? От таяния снега, из лесов. Не видят этого мои милые деточки.

Ну, не последний же для меня был этот закат?

Ранее, ранее, дорассветное утро. Помираю. Еле живой. Зря вчера надеялся, что оживаю. Ночь эта могла быть последней. Как же меня после полуночи схватило. Опять же сам дурак, чего ради вчера так много работал, перед кем хвалился? Тем более такой ветер. У костра нагреешься, а ветер продувает.

Ночью было на меня нашествие. Оно началось изнутри. Это волны. Начинаясь дрожь внутри, в груди, в сердце, потом всё больше, било всего, руки тряслись, икры ног схватывало, мышцы тянуло. Потом отпускало. Конечно, молился, конечно, говорил: «Так мне и надо», но страшился следующей волны телесной дрожи. Ещё так будет, вряд ли

выживу. Не передать. Колотун. Колотило, сотрясало всего. Тело тряслось, сознание отключалось. Видимо, из сострадания, чтобы переждать боль. И страх был, конечно, был. Что ж ты хорохорился, что легко умирать?

Вроде как кто пытал меня. Издевательски, напуская приступы крупной дрожи. Будто током. Всё сильнее прибавляя трясучку. Даже не стеснялся, стонал. Кого стесняться, Господа? Он знает, что я мал и бессилён, и беспомощен.

Трясло, как будто что из меня вытряхивало. Именно так. Душу вытряхивало. Цеплялась, бедная, за сердце, за разум. Хотя и сердце, и голова под давлением боли сдавались. Уже иногда казалось – всё. Силился заглянуть за темноту.

Молился. Просил и мысленно, и вслух родных и знакомых за меня молиться, и уверен, что молились. Тем более батюшка, который очень рано встаёт.

Дожил до утра. Еле сел на кровати. Печь тёплая. О ночи непременно хотел записать. Записал плохо, но главное – где бы сейчас был, если б не дожил до утра? Глядел бы со стороны, как входит в домик батюшка, ахает, едет за подмогой, как вытаскивают меня? Как при известии без чувств падает жена? Нет, надо жить.

Лазарь Четверодневный выйдет из пещеры сегодня? Или завтра? Может, он уже вчера вышел? Просто батюшка не смог за мной приехать, и решил вывезти меня уже к Пасхе?

Опять трясёт. Опять перележал приступ крупной дрожи.

Это всё мне за мои грехи. И слава Богу, что так карает, легче будет потом.

Дожил до утра, даже не верится.

Осмелился встать. Вроде живу. Вроде отпустило. Растирал, массажировал икроножные мышцы. Да какой из меня массажист, пальцы в кулак не сжимаются.

О, она уже тут! Конечно, Ласка. Не она бы, может, и не смог бы дойти до дверей. Но просится, скребётся, надо впустить.

– Что ж ты меня бросила? Была б тут ночью, как бы легче было.

Хвостом крутит, но видно, что не только из-за еды пришла, рада тому, что загревок треплю. Собрал что-то, приспособил треснутую тарелку со следами воска от свечки. И воск выгрызла. Соскрёб и с остальных. И вообще пора мне в домике прибраться, не умирать же неряхой.

Ну, ночка была. Ещё одну такую, может, не прожить. Господи, спаси и помилуй!

Спасает меня ангел мой хранитель. Почему вдруг захотелось выйти на крыльцо? Ангел позвал.

Журавли! С юга на север. Где же они, миленькие, отдохнут, где приземлятся? Как же любо-дорого смотреть на них. Летят именно к нам. «Не нужен им берег турецкий и Африка им не нужна», только Россия.

Милые, родные деточки, жена, братья, сестры, крестники, батюшка! Мысли о вас спасали меня. Мог умереть, и умер бы, если бы не чувствовал, что нужен ещё на земле. «Я умер бы, одна печаль – тебя оставить в этом мире жаль».

Больше ничего не буду записывать, главное запишу: всё в руках Божиих. Сами мы – «пар приходящий на время и исчезающий».

Пора утренние молитвы читать. Господи, помоги мне родиться в жизнь вечную! Так страшусь, так боюсь, так надеюсь!

***Нина ЯГОДИНЦЕВА**, поэт, секретарь Союза писателей России, кандидат культурологии, лауреат премии имени П.П. Бажова, координатор работы Совета молодых литераторов Союза писателей России, профессор Челябинского института культуры.*

ЖИВУЮ КАРТУ ПЕРЕКРАИВАЯ...

А здесь когда-то сирень была –
и ласка её, и тень...
Выбелено до серебряного дерево старых стен.
Взглядом коснёшься – бархатно,
приложишь ладонь – тепло...
И время стоит непахано, крапивою поросло.

Здесь когда-то и я была,
пила молоко и мёд.
Неслышно подходит яблоня,
ладонь на плечо кладёт.
Я помнила о тебе, говорит,
важно ли, сколько лет? –
И яблочко мне протягивает,
румяное, на просвет.

Короткою или долгою разлука наша была –
Ранетка её медовая
мне душу насквозь прожгла,
В вечернее небо выпала – дарена,
да не мне –
И звёздочкой малой выплыла
на сумеречной волне.

Насквозь прошивая смутное,
наивным светом дрожа,
В вечернее время –
утренняя доверчивая душа.
И кажется, до полуночи ей не удержаться там...
Но звёзды считают иначе и не открывают тайн.

* * *

А что случится – и знать не надо:
Ковид, предательство, слом эпох...
В медвежьей нежности снегопада
Неровен выдох и жаден вдох.

Полотна ветра проносят мимо –
И кажется, всё: не вернуть назад
Ни хлеба запах, ни запах дыма,
Ни роз таинственный аромат.

Идешь, дыханье с трудом вплавляя
Во встречный холод, белёный мрак –
Ни зги не видно, и жизнь была
Тебе не может помочь никак.

Но то и счастье, что путь неведом,
Но то и свет, что в твоей груди,
И снегопадище прёт медведем
И тоже не знает, куда идти.

* * *

Взглядом ловишь – а очи неймут:
Не собрать этой радостной дани
Лёгким щебетом праздных минут,
Чередой оправданий.

В мягком шелесте майской листвы –
Золотисто искрящем прибое
Так светло – не поднять головы
В ослепительно голубое...

Но прихлынет холодная тишь
Из глубин этой праздничной сени –
И с пустыми руками стоишь
В гуще ярмарки у карусели,

Где на каждой лошадке – плюмаж,
Стременные золочены кольца,
Где бравурно заявленный марш
Всё не может никак успокоиться.

* * *

Вязкая тревога – словно вызрела
В воздухе чудовищная ложь.
Тьма стоит на расстоянии выстрела –
Дальше ни на шаг не отойдешь.

И её не уличить в обмане нам –
Тьме, похоже, просто всё равно,
Кто в её прицеле затуманенном
Двигается, как светлое пятно.

Часовые сняты, псы прикормлены –
Но за этой страшной тишиной
Мы стоим, предчувствием прикованы
К тайным рубежам земли родной.

Лишь на ней, весенней силой вспоены,
Сомкнуты корнями, как трава,
Смогут удержаться наши воины –
Наши чувства, мысли и слова.

* * *

Живи в своём невинном лепете,
а потаённого не трогай!
Они взлетели, гуси-лебеди,
по-над рекой, по-над дорогой,
Они взлетели и заплакали,
они взлетели и запели
Над площадями и над плахами,
над белой хусткою метели.

Когда б ты знала,
понимала бы небесный голос безответный,
Свои бесхитростные жалобы
в него вплела бы алой лентой
И по неведомой беде-вине,
непостижимой и поныне,
Всё тосковала бы по родине,
как птичья стая на чужбине.

О, это русское и женское, неодолимое от века –
В тоске неведомой блаженствуя,
ждать невозможного ответа...
Но вот уже поля оттаяли,
и небеса в высоком гуле –
И воротились птицы стаями,
и ленту алую вернули.

Зелёным светом дышит рощица,
парит разбуженная пашня,
И лента алая полощется,
и сердцу робкому не страшно –
Пока трепещет, словно деревце,
и, словно ленточка, алеет –
Одной тоской оно удержится,
одной печалью одолеет.

* * *

Как за Масленой мело, как пути переметало!
Неприметное село к ледяной Оби пристало.
Только крыши да дымок
в месте этом незнакомом.
На реке стальной замок в цепи белые закован.

А на Маслену, небось,
здесь цвели костры да шали,
Как заходит в избу гость – всё блинами угощали,
И морошка на меду
в чашках писанных светилась,
И до проруби во льду
солнце в саночках катилось.

Обь-река разоспалась, да уже пора к заботам –
Собирать сырую бязь по дорогам-огородам.
Сколь снегов ни полегло,
а весне всё будет мало –
Так за Масленой мело, так над Масленой сияло!

* * *

Идешь по берегу, легка,
но остановишься невольно:
Покатый шёпот тростника
легко соскальзывает в волны,
Воды касается едва, её движенью не мешая,
Простые тихие слова со всхлипами перемежая...

Не так ли у другой воды,
о скалы бьющей белокрыло,
Вот так же всхлипывала ты
и говорила, говорила...
И ни одно из тихих слов в стихии грохота и гула
Твою печальную любовь
ни на мгновенье не вернула...

Но так же ни одно из них
не потеряло боль и силу –
Сухой безмысленный тростник
весенним солнцем просквозило,
И вот теперь, золотокрыл,
на тихой набережной мая,
Он слово в слово повторил,
а ты стоишь, не понимая...

В вечерней маршрутке
прекрасны усталые лица.
За тёмным стеклом неподвижная улица длится.
Мобильник звонит,
и слова приглушённо-неловки.
Сутулое время стоит на чужой остановке.

И снова лица его я разглядеть не успела –
Пока у кого-то мобильная песенка пела,
Пока доставали её из глухого кармана,
Маршрутка скользнула под ниткою меридиана.

Какое-то странное тайное благословенье –
Случайная близость дыханья и прикосновенье!
Мы все в одиночку прошли лабиринтами улиц –
Но вот собрались и плечами соприкоснулись...

Казалось бы, в тёмную коронобесную пору
Теряет душа равновесие, свет и опору,
И тянутся новости к горлу, убить угрожая –
Но как вы прекрасны, родные мои горожане!

Словно зимы песнопением прерванным,
Воздух цветеньем неистовым вспенен.
По деревянным, скрипучим, серебряным
Трёх на веранду ведущим ступеням

Можно подняться – но дверь заперта ещё,
Ключ в тайнике с прошлогодней листвою...
Айсберг апреля, стремительно тающий,
Кружится облачком над головою.

Каждым цветком и травинкою каждою
Учится мир просыпаться счастливым.
Руки возденешь – и хлынет над жаждою
Бурного лета неистовый ливень!

И никогда не узнаешь, зачем это,
Может быть, просто взглянув, удивиться
Щедрой горсти немолчного щебета,
Нежно мерцающего пересвиста...

Розовый лоскут тумана, молодой воды гладь...
Имя у реки Мана – любоваться и звать.
Тянутся к губам губы, тянется душа встречу...
Из какой речной глубины льётся вперекат речь?

Возвращаюсь в ту полночь по сырой траве лет.
Я твои слова помню, а свои слова – нет.
Всё – любовь, и так странно –
почему же мир слеп?
Имя у тебя Мана, сердцу моему хлеб.

Разломить его просто, раскрошить его – всласть,
Птицам, рыбам и звёздам высыпать свою часть.
Кажется, в горсти мало,
а разделишь – всем впрок...
Щедрая моя Мана, радости живой ток.

Подойдёт тайга ближе,
зачерпнёт подолом волну.
Я её лица не увижу, я в глаза твои загляну.
Из забот твоих малых –
ни одной наивной тщеты...
Знаешь ли, куда манишь? Знаю, говоришь ты.

Как чисто вымел ветер низовой
Под ивами всё золото былого!
Как мечется листва над головой,
В небытие сорваться не готова...

Как медлит в ней последнее тепло –
Уходит в ветви, утекает в корни,
Как солнце нынче дышит тяжело,
О прошлом и о будущем не помня!

Дай, Господи, под ветром низовым
Нам удержаться – мёртвым и живым!

Дай, Господи, отринув мерзкий страх,
Не надломиться на лихих ветрах,
Не заблудиться на путях лукавых!
Нет больше в мире правых и неправых,
Но кто в любви Твоей – пребудет прав.

Пасмурно, томительно, бесснежно,
пустота – а не видать ни зги.
Острый холодок вдыхая спешно,
ветер ищет лежбище пурги.
Вот она, разбуженная, встала,
вот она полнеба обняла –
И вокруг горячего оскала
задышала розовая мгла.

Задышала, полем заходила,
мягко смяла горлышко воды
И в одно мгновенье поглотила
чьи-то одинокие следы.
Бледною, бессильною луною
на короткий миг освещена,
– Выходи поговорить со мною! –
равнодушно требует она.

Знаю, что ни правдою, ни ложью,
ни наивной речью нараспев
Не пройти навывлет бездорожье
на почти немислимый рассвет.
Только из былого в небылое
выйти молча на высокий Суд,
Где слова очнутя, вспомнят Слово,
встанут на молитву – и спасут.

ВСЁ ПАМЯТНО, ЧТО БЫЛО НА ВОЙНЕ...

Николай КРАСНОВ (1924–2010)

На месте зданий камни да зола.
Здесь побывала чёрная беда,
Волной кроваво-огненной прошла,
Леса сметая, сёла, города...
С полей бегут последние ручьи,
Над горизонтом белый пар дрожит.
Заботливые, умные грачи
Галдят на космах прошлогодней ржи.
А мимо напролёт и ночь и день
Дорогой, что безжалостно вязка,
Встречая лишь названья деревень,
Идут вперед советские войска.
И мы, товарищ, скоро вступим в бой,
И будет, знаю, наша месть страшна:
Мы не забудем в схватке огневой
Сожжённых сёл родные имена.

Вонзилась в небо красная ракета –
Сигнал к атаке. Рухнул небосвод,
И то, что нам казалось краем света,
Далёко отодвинулось вперёд.

Бетон фашистских дотов, камень надолб,
Смертельный ливень стали и свинца.
Какую здесь большую силу надо!
Но всё пробили смелые сердца.

Михаил НАЙДИЧ (1924–2005)

ДАВНИЙ СНИМОК

Жарко. Пьёт боец. У самых глаз
Залегла глубокая морщина.
Может, в бой уйдёт он через час.
А пока блаженствует мужчина.

Старый снимок. Пусть глядит народ,
Женщины пусть молча повздыхают.
Жарко. Пьёт боец... Который год
Капли на щеке не высыхают.

Я НИЧЕГО НЕ ЗНАЛ

Первый бой. Я ничего не знал,
Не почувствовал его начала.
Лишь волна взрывная закачала
Травку, что вползла на перевал.

Взрыв, другой – я понимаю это:
 Чёрные повсюду веера,
 И комбат привстал: «Ну что ж, пора!» –
 И шагнул в объятия рассвета.
 Вот что значит кипяток атак –
 Встать хочу, а свет в глазах оранжев;
 Никогда б и не подумал раньше,
 Что земля притягивает так.
 Наступил черёд, сбывался срок;
 Плечи неожиданно сутуля,
 Шёл я... Рядом свистнул ветерок,
 Я потом лишь догадался – пуля...

Евгений ЛАРИН (1926–2020)

ЖУРАВЛИ

На краешке своей родной земли
 Мы смотрим из траншеи прибалтийской:
 Вонзились в небо клином журавли
 И тают в голубой дали российской.

Уже берёзы сбросили листву,
 И только сосны да густые ели
 Глядят, как мы, на неба синеву,
 Окутавшись в зелёные шинели.

Глядим вослед плывущим журавлям,
 Охваченные грустью и печалью,
 И сердцем каждый где-то уже там –
 В Заволжье, в Зауралье, в Забайкалье...

Гляжу на журавлей и всё молчу,
 А на душе тревожно и тоскливо.
 Когда ж и я вот так же полечу
 В родимый край – свободно и счастливо?

ИМЯ ТВОЁ

Когда под грохот канонады
 Мы гнали полчища врага,
 И ты была со мною рядом
 В строю стрелкового полка.

Нередко шли через болота,
 А дождь нещадный сёк и сёк,
 Но я письмо твоё и фото
 В любую непогодь берёг.

Письмо же, как стихотворенье,
 Я наизусть, дословно знал
 И твоё имя с умиленьем,
 Как заклинанье, повторял.

Оно в дыму эпохи грозной
 Мне было свято до того,
 Что я почти религиозно
 Поверил верности его.

И нет признательности меры,
 Что ты и именем была,
 Как символ и синоним веры,
 Которой Родина жила.

Пётр МЕЛЬНИКОВ (1928–2012)

ПИСЬМО С ФРОНТА

Кому-то снятся золотые слитки...
 Но я, переосмыслив жизнь свою,
 Полученные письма и открытки
 От брата с фронта бережно храню.
 «Родителям желаю долголетия, –
 Писал с поклоном он моим родным. –
 На фронт мне часто пишет письма Петя.
 Я словно разговариваю с ним.
 Его я просьбу выполняю охотно:
 Вот бьётся с Челубеем Пересвет –
 Открытку высылаю, ну а фото...
 На фронте, Петя, фотографий нет!»
 Однажды нёс из штаба донесенье –
 Брат выбивался из последних сил!
 И вдруг оно, последнее мгновенье –
 На вражескую мину наступил...
 Да, не сравняется навек с землёю
 Тот бугорок, в котором брат зарыт,
 Простой солдат, он Родины и мною,
 Как Пересвет, не будет позабыт!

Не покидайте, русские, Россию,
 И те вернитесь, кто в изгнание был,
 Кто пережил безвременья стихию,
 Кто Родину свою не разлюбил!
 Закройте, казаки, её границы,
 Как прежде, от непрошенных гостей.
 Дух православья в виде голубицы
 Пусть осенит простор России всей!

Рэм ГЕРАСИМОВ (1929–1989)

ОЖИДАНИЕ

Хмелеющим от жара самоваром
 гудит изба, где стыла тишь в углах.
 Вошли однополчане сына к старой –
 аж зарябило от наград в глазах!

И шаль ей дарят, и целуют руки...
 Растрогана вниманием, она
 сидит среди них.
 Избу качает вьюга.
 ...К дорогам дымным увела война.

А со стены, плечом к плечу с друзьями,
 смеётся сын (был снят в конце войны).
 Не с карточки ли, забелев висками,
 сошли Победу праздновать они?

Их сравнивает с сыном затаённо:
 в отцы годятся, внуки есть небось.
 И голову склоняет убелённую,
 чтобы не выдать ненароком слёз.

...Вот в сумрак отскрипели половицы.
 Потухшая, вернулась со двора.
 И чашку сына (сколько лет хранится!)
 поставила под самоварный кран.

Почудились шаги, наверно, старой:
 к окну прильнув, глядит, глядит во мглу.
 А кипяток из крана самовара,
 наполнив чашку, льётся по столу.

Вере Д.

Николай БЛАГОВ (1931–1992)

22 ИЮНЯ

Рассвет томил затишьем,
 Как гроза,
 Из трав стреляли жаворонки в небо.
 Одни чужие, жадные глаза
 Обшаривали край,
 Пропахший хлебом.
 Всё ближе стекленели ожиданьем.
 В рассветных дымках разглядеть легко,
 Как, разливая сизое мерцанье,
 Играл весь запад гранями штыков.
 Чугунное дыханье приглуша,
 Темнели танки,
 Притаясь на травах.
 Они сейчас в испаринах кровавых
 Рванутся,
 По земле пылающей кружа.
 И ниоткуда раскатился гром!
 За раздорожье двух миров вгрызаясь,
 Полями,
 Как раскиданным костром,
 Металась, обжигаясь, бронь борзая.
 И, мушкой чью-то жизнь подкараулив,
 Солдаты на завянувшей траве,
 Здесь, обменявшись пулями,
 Уснули,
 К Берлину головой
 И головой – к Москве.

ПАМЯТНИК

Поставили гранитного навеки.
 С винтовкой, честь по чести – как в бою.
 Мать привезли из дальней деревеньки:
 – Ну, узнаёшь?
 – Да вроде узнаю.
 А что там «вроде»? Если б без оружия,
 Да если б строгость соскоблить с лица,
 Тогда бы стал похожим он на мужа,
 А сын – другой, хотя и был в отца.
 Живого разве мыслимо из камня?
 А так похож. Известно – возмужал...
 Да если б сын, да встретил мать глазами –
 Да разве б он на месте устоял!

Геннадий ЗИМНЯКОВ (1936–1993)

Последний день Помпеи... Что он мне?
 Но вот смотрю на полотно Брюллова,
 На это небо жуткое в огне,
 На эту бурю бедствия людского,
 На эту гибель красоты – и мне
 Слышнее стук встревоженного сердца.
 Я думаю: куда в таком огне,
 В таком огневороте людям деться?!
 И, может, странно: видя этот ад,
 Иное вдруг себе я представляю –
 Пылающий военный Сталинград.
 Помпея ли была страшней? Не знаю...
 А перед взором мысленным бурлит
 Уже другой пожар неугасимый:

Испепеляет, корчится, кричит
 Японская Помпея – Хиросима.
 И я кричу неслышно, как во сне:
 «Ещё ль такие будут эпопеи?!»
 ...Передо мной – картина на стене,
 Передо мной – «Последний день Помпеи».

Рассвет... Расстрел... Враги... Поняття эти –
 Как жизнь и смерть. А ведь созвучны, и
 Расстреливали часто на рассвете,
 Когда весна, быть может, соловьи...
 Не мракобесы ль!.. Мало было пули,
 Чтоб человека попросту убить.
 Сначала душу из него тянули:
 Мол, посмотри, как расчудесно жить!
 Они б уж только ночи выбирали,
 Ведь сами были всем нутром черны!
 Такие даже и в детей стреляли,
 И в стариков... Дорвавшись до войны!

Дмитрий ЛЕСКИН (1946–1993?)

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Наклонясь, роняет верба
 Листья грустные с ветвей...
 Сколько слёз пролило небо
 На могилу сыновей!

Крепко спят они в объятьях
 Нежной матери-земли,
 Память вечную, как братья,
 Без обиды разделив.

Я стою перед святыней,
 Я уверен – никогда
 Не погаснет, не остынет
 Их высокая звезда.

РОССИЯ

Россия, Россия, родная Россия!
 Берёзовый шорох... Над пашнями дым...
 Прими же моё молодое «спасибо»
 За то, что родился под небом твоим.

За то, что мне с детства до боли знакомы
 И дым этих пашен, и шорох берёз...
 Я этой земли своей древней, исконной
 Врагам не отдам – даже малую горсть.

Владимир ДВОРЯНСКОВ (1948–2016)

Ни одного не уцелело сына,
 Обоих увела с собой война.
 Стоит у окон горькая калина,
 Её видать из каждого окна.

Видать, как рдеют над землёю грозди,
 Видать дорогу, поле, небосвод.
 И верит мать, что вот нагрянут гости...
 Но нет, никто не едет, не идёт.

И вьётся над дорогой паутина.
Над речкою не слышно соловья.
И лишь всю ночь стучит в окно калина,
Как в юности, бывало, сыновья.

Как будто бы стучат нетерпеливо
Мальчишки, проводившие подруг:
То словно младший – часто, торопливо.
То словно старший –

редко: тук... тук... тук...

И кажется, что вот на самом деле
Войдут сейчас два стройных молодца,
Ещё не надевавшие шинели,
Не знающие смерти от свинца.

* * *

Не дымятся дали,
Пыль черна от слёз.
Ни одной медали
Дед мой не принёс.

Только в этом самом
Нет его вины,
Потому что сам он
Не пришёл с войны.

Юрий СОКОЛОВ (1949–2005)

УЧЕБНАЯ РОТА

Пришла зима.
Карпатская зима.
Принарядились вековухи-ели.
И задымили трубами дома.
А мы надели серые шинели.

А мы идём по первому снежку,
ушанки наши новые синеют,
и лица у ребят ещё в пушку,
а многие и бритвы не имеют.

Ещё подошвы вразной стучат,
и вещмешки в походах не измяты.
Но только из-за правого плеча
уже сурово смотрят автоматы.

ПЕРЕД АТАКОЙ

Сгорел закат над полигоном,
готовы роты для броска.
Над каждым замершим погоном
встаёт звездой честь полка.

Молчат суровые комбаты,
зажав ракетницы в руках,
и вставлены комочки ваты
у миномётчиков в ушах.

Прижал полковник ухо к трубке –
вот телефон отдаст приказ,
спрессует стрельбы, марши, сутки
и в неизвестность кинет нас.

Леонид КЛИМОВ (1949–1996)

БИОГРАФИЯ

Мой собеседник ночь не спал:
«С ногою плохо...»
Меня он старше, я считал,
На всю эпоху.

Меня он старше на войну:
Мы там не были,
И я завидую ему,
Военной были.

Я молча слушаю рассказ
Про Днепр и Вену,
И долго думаю о нас,
Послевоенных...

НА ПОСТУ

Мгла швыряет в лицо мокрой крошкой.
Я на пост заступил час назад.
Уж не кажется лёгкой игрушкой
Оттянувший плечо автомат.
Из кармана шинели новой
Достаю карамель: Новый год...
Значит, вместе со всей страной
Отмечаю его приход.
Вспомнил мать.
Вспомнил лучшего друга.
И представил: богатыри,
В стременах привставая, сквозь вьюгу
Мне кричат: «Слышишь? Зорче смотри!...»

Анатолий ЧЕШОКОВ (1951–2010)

* * *

Родина светом берёзы,
Вспыхнувшим в утренней мгле
В холоде синем мороза,
Ровно горит на земле.

Свет этот утренний, чистый
В заиндевельных лучах
Снова потоком лучистым
Затрепетал на снегах.

В мире, где войны и грозы
Канут во мраке и тьме...
Родина! Светом берёзы
Ясно сияй на холме.

* * *

Надо мною горит золотая звезда.
Подо мною поёт голубая вода.
Но печали слова мне роняет листва,
Горевую беду мне приносит молва.

Предо мной по ночам разверзается ад,
Только звёзды златые во мраке горят.
С каждым днём всё темней голубая вода,
Всё тревожней шумят над Россией года.

И живу я в тревоге от листвы и воды,
От полночной звезды, от народной беды.
Пусть уносятся годы – голубая вода,
Да не меркнет в России золотая звезда.

Подборку составил
Николай МАРЯНИН, поэт и краевед.

Александр ТИМАКОВ, член Союза писателей России. Подполковник медицинской службы запаса. Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, как военный врач участвовал в первой и второй чеченских кампаниях. Награждён орденом «За военные заслуги», боевой медалью Суворова. Автор книг «Открытие эпохи», «Апельсин в ладонях», «Чувства и честь», «Загадываю встречи», «Ханкалинский дневник» и других.

ЧЛЕНЫ СЕМЬИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО

Из цикла «Чеченские рассказы»

Их было четверо. Чинуша, Седой, Варфоломей и Слуга. Но Варфоломея звали короче, просто Варя. Сами себя они называли в шутку членами семьи военнослужащего, по начальным буквам их позывных. Так они и воевали, и на задание ходили вчетвером.

Чинуша, он же Толик, был толстым и бочкообразным с виду и вообще-то списанным десантником. Однажды, десантируясь с транспортного ИЛ-76, оступился и серьезно сломал ногу внутри летящего самолета. Когда самолет приземлился, он испытал новое чувство, не ведомое десантному братству и выражаемое в словах: «Опа-мать, в первый раз *выхожу* из самолета на землю!» За это его оставили служить в армии. Приграться с парашютом он уже не мог, но жажда приключений на свою пятую точку привела его в разведывательную роту нашего полка. А прочие десантные умения, как то стрельба из всего, что стреляет, и изо всех немыслимых положений, помогли ему быстро влиться в небольшой коллектив и завоевать нужный авторитет. Кроме того, несмотря на молодой возраст, он прекрасно водил всю армейскую и гражданскую технику, несколько раз бывал в горячих точках, и опыт его был практически бесценен. Он носился по полку на своей БМП, как ужаленный. И потому все, от повара до командования, частенько называли его за глаза майор Вжик. Однако до недавнего времени в его окружении мало кто знал, что Чинуша – это не позывной, а его настоящая фамилия.

Совсем другим был Седой. К тридцати трем годам, дослужившись до старшего лейтенанта, он имел за плечами двенадцать лет скитаний по захламленным гарнизонам, пару разводов, пятилетнего внебрачного сына и совершенно седую голову. Но седым его называли не за это. Когда в юности он рассказывал об очередном своем приключении, он частенько повторял «туда-туда» вместо «туда-туда». И вот очередной слушатель одернул его словами: «Ну, хватит, сядой!» А получилось – «седой». Так и приклеилось к нему это прозвище – Седой. И ведь всё сходилось. И седина, и возраст, и странная в своей нелепости жизнь военного. Только никто не знал, что, окончив инженерное училище, он один разминировал в лесу большой склад боеприпасов времен Отечественной войны, когда приехал в отпуск в родную деревню. Помощников не было,

а ждать было нельзя. Так что, когда на другой день приехали саперы, он им все обезвреженное и сдал. Они после недели разбирали и удивлялись, что он один всё это смог! А еще через неделю он поседел, как лунь. После того случая Коля Иванов, он же Седой, стал немногословным, как все саперы.

Варфоломей учился в Питере, в институте физкультуры имени Лесгафта. Он был сложен как Аполлон, и, разумеется, пользовался ошеломляющим успехом у женской половины, и не только института. Ах, сколько заплаканных подушек, заломленных рук, размазанных тушью глаз, охов и вздохов сопровождали его учебный процесс. Но любимой девушкой для него стала... снайперская винтовка – СВД. На втором курсе он съездил на какой-то слет снайперов вместо попавшего в больницу товарища. Там вошел в тройку призеров и всерьез заболел этим делом. Он неделями пропадал в тире, беспрестанно смазывал и протирал свою «СВДевушку», изучал баллистику, тут же закреплял знания на практике, тем самым обрекая реальных девушек на еще большие страдания. Однако это продолжалось недолго. Кто-то из озлобленных на него девиц пустил слух, что Дон Жуан – нетрадиционной ориентации. На этом страсти по Варфоломею быстро закончились. Но правду говорят, нет худа без добра! Одной из немногих, не остывших по нему воздыхательниц, повезло.

Пропустив мимо ушей злобный слух, поздним дождливым вечером она дождалась его у тира. Сильно дрожа, то ли от страха, то ли от холода, она сказала, что хочет быть только с ним и больше ни с кем! И готова стать для него кем угодно, хоть сыном Вильгельма Телля, чем и заслужила его внимание и уважение, а впоследствии и любовь. К тому же звали её Варвара, Варя значит! В общем, мезальянс получился крепким. Чтобы не умереть молодой семье с голоду, он записался на военную службу. Да так и остался снайпером в армии после двух лет еще на три, потом на пять. Я встретил его в горах, когда он «дохаживал» капитана.

Теперь Слуга. То есть Слугин, такова была его фамилия. Училище связи он окончил с отличием, на последнем курсе удачно женился на кареглазой Риточке, дочке заместителя командующего военным округом. Отлично распределился на узел связи «Рубин»! Самая что ни на есть Москва! Центре

не бывает. Звёзды на погоны без тормозов, квартира, машина, папина дача, крепкая любящая семья. Ни дать, ни взять, идиллия. Прямо-таки Мастер и Маргарита!

Но тут снова оказались правы французы! Шерше ля фамм! – говорят они и попадают в десятку! Один из подчиненных офицеров оказывает недвусмысленные знаки внимания его супруге. Дело доходит до тайной дуэли, и когда наступает день «М», этот молодой повеса, струсив, устраивает Слугину скандал на службе, принародно угрожая покончить с собой. Шум замяли, но на следующий день офицера, воспылавшего любовью к чужой жене, обнаружили в его комнате с прострелянным сердцем. Прямых доказательств конечно, не нашли, но реноме Слуги было безнадежно подпорчено, даже папа Риты был не всемогущ. Да и она сама декабристкой не оказалась. И вот, покинув Риту, он принял роту в полку, который направляли в Чечню... Сначала у него был жуткий депрессняк, а потом он понял, что всё произошедшее с ним – есть горе от ума и только! Будучи обладателем, как он говаривал, рабской фамилии, Слугин частенько по поводу цитировал бессмертного Грибоедова. Фразы типа «А судьи кто» или «Дистанция огромного размера» или «Мы с нею вместе не служили» нередко слышались у связистов. Но всё же чаще приходило на ум «Служить бы рад, прислуживаться тошно!» Но чего не отнять – наш герой в связистском деле был великий шаман! У него работали даже рации, одну из которых бессовестно утопили в РДВ-5, пятитонном резервуаре для воды, или та, в корпусе которой застряла не разорвавшаяся граната от подствольника! Только Чен, наш пёс в медпункте, отчего-то не любил связиста...

Вот таких офицеров собрала судьба в одно время в одном месте, а именно на пастбище в горах над селом Ведено. Был жаркий июльский день. Четвертый месяц перемирия на бумаге. В палатке в тени плюс 45 градусов Цельсия. У саперов на краю обрыва была закопана РДВ-5, вчера ее наполнили родниковой водой, и хотя прогреться вода еще не успела место встречи изменить было уже нельзя. Заботливые саперы обустроили резервуар мостками из снарядных ящиков от «Града», поставили беседку и накрыли ее маскетью. Все Члены Семьи Военнослужашего пару дней тому назад вернулись с задания и тихо «отдыхали на всю катушку». Где в горах они нашли два ящика баночного пива и пяток жестяных банок голландской водки, одном Богу известно. В жлобстве из них никто замечен не был, и они сегодня наливали. Выходившим из холодной купели устраивали праздник. Подносили 50 грамм. Рюмки делали из защитных колпачков боеголовок 80-мм мин. Просто кувалдой плющили доньшко и все. Объем такой рюмки был небольшой, с одной не опьянеешь, а еще при касании стаканчики издавали редкой чистоты тонкий звук, за что получили название «Чеченский хрусталь».

Чинуша со Слугой учили Варю игре в преферанс. Седой только что вылез из РДВ, выпил залпом свои пятьдесят, и на виду у всей горы закутался вместо полотенца в белоснежную простыню. Варфоломей со знанием дела заметил, что Седой теперь с головы до ног является идеальной мишенью для его оппонентов с другой стороны пастбища. Иванов не

стал спорить и сел в беседку, накрытую маскировкой. У меня еще остались сигареты LM, полк давно уже перешел на «Приму». Он глубоко затянулся, смакуя, и вдруг задумчиво произнес: «Ну, все, хватит! Приеду домой – распишемся!»

– То есть? – не понял я.

– Да надо с Ленкой оформить отношения, а то сынишке уже шестой годик, а в графе «отец» – прочерк. Но живем мы вместе, – пояснил он.

– Что? Переоценка ценностей? – поинтересовался я.

Да ты понимаешь, – начал он, – жизнь совсем обесценилась. Муху прибить сложнее! Вот ходили мы в разведку крайний раз. Старались ни с кем не встречаться, свидетели не нужны, а того, кто нас увидит, – по приказу... ну ты понял?

– И что? – я превратился в слух, ибо мое предназначение врача заключалось в том, чтобы человек жил как можно дольше.

Он продолжал: «Дорогу уже перешли, видим, едет фургон «Москвич», сапжок, заметил нас, тудой-сюдой! Чинуша водителя снял, машина уткнулась в камень. Думали всё, тут задняя дверь открывается, выскакивает с автоматом молодая ханум, очередью по нам, а сама бежать. В этот раз Варя сработал. Не люблю я этого!..»

А в кузове третий сидел, не дышал. Ну, выгребли мы его оттуда, оказывается они с девушкой молодожены, и водитель его отец, тудой-сюдой, вез их в дальний аул, чтобы боевики с собой не забрали. У боевиков не получилось, а у нас... А по-другому нельзя! А на душе хреново!»

Он многозначительно замолчал и затушил сигарету. Было заметно, что отношение к произошедшему и невысказанные переживания не добавляли спокойствия в его и без того не простую жизнь. Пауза становилась похожа на попытку хоть как-то оправдаться пред самим собой.

– Давно ты здесь? – спросил я, стараясь перевести неліцеприятную тему.

– Скоро шесть месяцев, – ответил он и задумался. По ходу, завтра минные поля проверю, а потом сменщику передам и домой! Тудой-сюдой!

Тут под разговор в лесу сработали сигналки, и через пару секунд раздался мощный грохот «монки», мины направленного действия. В горах канонада быстро запоминается.

– Ну вот, опять косуля попала! Завтра на себе лишнюю «монку» тащить! – раздосадовано произнес Седой. – Но штука классная! Зона сплошного поражения сто десять метров, моща! – В нем заговорил специалист.

– И как ты различаешь этот грохот? Что по мне, так все одно; «монка» ли, граната ли, фугас! – подыграл я.

– Ты здесь недолго, тудой-сюдой, через пару недель всё будешь слышать не хуже меня, – опрокинул он еще дозу и закусил бутербродом из хлеба ДХ (длительного хранения) и солёной черемши.

– Слыхал, вчера в полдень громыкнуло? Это мои взрывали в ущелье ствол от «саушки»*. Чтобы чеченцы не унесли. Взрывчатки не пожалели, двойной заряд заложили. Так, не поверишь, один осколок, пуда на два оттуда, к нам в роту прилетел! И в метре от меня сверху шмякнулся, прикинь! Если бы

еще чуть-чуть, мы бы сегодня с тобой не говорили!

И откровенно так, по-доброму рассмеялся, словно шутку рассказал...

– Ты хочешь сказать – они возле полка ходят? – поразился я с опаской.

– Нет, летают, – ответил спокойно он. – Они ж тут дома! Это мы гости, а гостей они не трогают в своем доме.

Я об этом хорошо знал...

– Да ну, тебя, Варя! – Чинуша отбросил карты на стол. – Пиджаку не научиться преферансу никогда! Кому везет в любви – не везет в картах!

И он, зажав нос, голышом плюхнулся в бассейн, устроив великое цунами.

– Это точно робкий пингвин, – бодро произнёс Варфоломей, блеснув интеллектом, обращаясь к Чинуше. Он всего лишь раз рассказал друзьям свою лав стори и был рад, что они её запомнили. Его Вареньку. А как не запомнить, ведь это был его позывной! Варфоломею было не до сантиментов, все его мысли занимали две девушки, и любил он их одинаково. Одна осталась там, дома, и ждала его, сходя с ума от сводок ТВ из Чечни, а вторая стояла в палатке в ружейном ящике, та самая «СВДевушка», что не раз спасала их в рейдах по горам. Он отразил бороду и стал похож на былинного богатыря. Не хватало щита и меча! Русский, в горном камуфляже и кроссовках, он и на войне был замечен своей мощью и мужской красотой.

Чинуша плескался в холодной родниковой воде так долго, что у всех наблюдавших за ним стали появляться мурашки. Теперь всем стало понятно, почему Варя его обозвал робким пингвином. Но тут из штаба за Чинушей пришел посыльный. Не успев обсохнуть, он отставил в сторону чеченский хрусталь, прыгнул в свою БМП и вместе с посыльным помчался в штаб.

– Чё-нить, придумали! – многозначительно произнес Слугин. Интуиция его не подводила! Однако, помимо интуиции, он от своих подчиненных знал, что получена телефонограмма о прибытии к нам очередной комиссии по проверке перемирия.

На следующий день все подразделения посетили инспекторы. Наш медпункт, саперная и разведдрота досталась маленькому, кругленькому военному в возрасте, без знаков различия. Он первым протянул руку и представился: «Полковник Валерка!» Кто-то спросил: «Товарищ полковник, может, по отчеству?» На что он ответил: «Я сказал, полковник Валерка, и все!»

– Ты в Афгане был? – обратился он ко мне.

– Никак нет! Рапорт писал – отказали! – ответил я по-военному.

– Был – гордись! Не был – радуйся! – заключил он и рассмеялся. На этом проверка для нас закончилась. Вечером того же дня комиссия изъявила желание пойти в разведку и проверить минные поля. Командир полка вызвал Чинушу, Седого, Варю, Слугу и возглавил поход.

Так они и ушли: Седой, за ним пара его саперов с «монками», командир, трое из комиссии,

Варфоломей и Слуга со своими двумя помощниками замыкали цепь. Чинуша подвез их до места и остался ждать возвращения.

Это была единственная комиссия, которой не повезло. Они ушли на кряж, что возвышался над пастбищем. Под вечер солнце садилось за него, и стемнело рано. Что ж поделать – горы. Шли след в след, закон разведки. Уже расставили принесенные мины, все проверили, возвращались почти затемно... Тут командир на ходу окликнул Седого, тот обернулся, его спешно поправил солдатик, шедший следом: «Товарищ старший лейтенант!» Но было поздно. Обернувшись, Седой пяткой задел растяжку, и под свистящий звук сигналки необычайно громко сработала «монка», та самая, которую он так хвалил сутки назад.

Ох, какой поднялся переполох! Слуга по рации поднял всех на уши. Ранен командир, а у него ни царапины. В медпункт привезли пятерых раненых. Самый легкий был Варя. Он один не полетел в Ханкалу, остался в полку. Четверых обработали и отправили в госпиталь. Их спасли от неминуемой смерти вековые буковые стволы. А троих «двухсотых», Седого и двух его мальчишек, оставили до утра в импровизированном морге-блиндаже...

Когда я пришел к саперам, техник роты Витя Тарабата плакал. Он показал мне автомат Седого. Осколок вошел в левую лопатку, прошил сердце, пробил ствольную коробку висевшего у Коли на груди АК-47 и застрял в возвратной пружине. Второй осколок, тоже пройдя через тело, наполовину распилил поперек ствол автомата, словно болгаркой. В общем, у Седого шансов не было. Мы разобрали автомат, и в руке у меня оказался тот самый осколок, что пробил Колино сердце. Маленький, алюминиевый, холодный. Все было словно во сне... До сих пор не верилось во всё произошедшее. Витя держал в руках двухлитровый кувшин браги, которой поминал командира и плакал.

– Что же достанется Ленке-то с мальчишкой? Какая страховка, они ж не расписаны!

Сорокалетний прапорщик сидел и плакал навзрыд.

– Ну, может, женсовет пойдет в Политотдел, они ж там все видели, может, докажут, что они вместе жили. Ну, как же так!

Он налил мне в кружку браги и сказал: «Давай помянем...» А я, вспоминая вчерашнюю нашу с Седым беседу у бассейна, не мог поднять кружку. Ком застрял в горле, и мысли все разом быстро покинули бритую голову. Всплыли вдруг слова Коли: «Да, ты понимаешь, жизнь совсем обесценилась...»

Тарабата взял у меня из рук осколок и бросил его с обрыва. «Будь проклята эта война», – сказал он и вновь заплакал.

А я, вернувшись в медпункт, еще долго отогревал ладони возле буржуйки, от холода того маленького алюминиевого осколка, что своим явлением прервал и изменил так много жизней и судеб... В одной отдельно взятой семье военнотружущего...

* САУ – самоходная артиллерийская установка.

27 апреля 2023 года исполняется 75 лет со дня рождения замечательного димитровградского прозаика Александра Федоровича Никонова (1948–2018). В творческом наследии Александра Никонова – повести, сказки, рассказы, сюжеты которых неизменно заставляют читателя задуматься о главных вопросах человеческого бытия.

С болью в сердце откликнулся писатель на трагедию, развернувшуюся в Донбассе. По крупицам собирал материал, следил за новостями, разговаривал с очевидцами. Почти пять лет нет с нами Александра Фёдоровича, а темы его произведений стали ещё актуальнее. И страшные события, которые разворачиваются на страницах художественной прозы Александра Никонова, сегодня отражают историю не только многострадального Донбасса, речь идёт о русских людях и территориях, которые всегда были частью нашей общей Родины, России.

Читатели журнала «Симбирскъ» уже знакомы с трогательной историей «Спаси Женечку» из цикла «Донбасские рассказы» Александра Никонова. Сегодня мы публикуем еще один рассказ из этого цикла. Автор повествует о событиях на Украине, о реальных фронтовых эпизодах, о жестоких подробностях украинского плена и непростых судьбах людей, о великой силе духа, открывающей дверь к самым невероятным возможностям человека.

Раиса КАШКИРОВА

Александр НИКОНОВ, член Союза писателей России.

ОБМЕН

Почти полгода представители минской группы ДНР добивались очередного обмена пленными с Украиной. Добивались упорно и терпеливо, несмотря на издевательские условия со стороны украинской стороны. Хотели сделать это по минской формуле, «всех на всех», но противная сторона под любым предлогом затягивала процесс, ей нужна была лишь шумиха, пиар по шестому пункту Минских соглашений, пока вороватые украинские начальники

разъезжали по Европам и к заокеанскому куратору, чтобы выклянчить у них очередные валютные транши. По всем каналам средства массовой информации Украины визжали о том, что проклятые «сепары» с оккупированных территорий «ридной нэньки» недоговороспособны, что именно по их вине постоянно срывается обмен, что в это время их «киборгов» и «хероев» истязают и убивают в застенках.

Не могли договориться и по количеству обмениваемых лиц. Сначала хотели обменять по формуле 720 на 56, потом 618 на 47, затем уменьшили 329 на 37. Эти цифры от переговоров к переговорам уменьшались и уменьшались. Украинская сторона постоянно выдвигала новые и новые требования, иногда нелепые. То они сообщали, что не нашли нужного человека из списка, составленного представителями Донецка и Луганска, то переносили по неизвестным причинам место обмена – им, как плохим танцорам, постоянно что-то мешало. Однажды они даже выдвинули ультиматум, не то в шутку, не то всерьёз, чтобы ополченцы, сопровождавшие автобусы с пленными к месту обмена, при приветствии атошников «Слава Украине!» обязательно отвечали: «Героям слава!» Ещё бы они попросили ополченцев, ненавидевших майданщиков, разрушивших их спокойную и мирную жизнь, и нацбагов, позировать, придурки! Уполномоченный по правам человека республики и представитель Комитета по делам военнопленных и беженцев из Донецка разъезжали по многочисленным украинским СИЗО СБУ и тюрьмам, сверяя, уточняя и постоянно дополняя списки задержанных. Наконец, кажется, пришли к единому мнению: обменять двенадцать человек пленных ополченцев и гражданских лиц, проходящих по особо тяжёлым статьям и арестованных за «сепаратизм» и «измену родине», на пятерых пленных ВСУ. Это была капля в море, но хоть что-то. И этот обмен мог не состояться, если бы не случай.

Однажды на передке вспыхнул стрелковый бой при поддержке танковых орудий и миномётов. Ополченцы не могли понять, с чего это атошники попёрли на их траншеи. Обычно они начинали обстрелы ближе к ночи, вели так называемый беспокорящий огонь, и тем более опасались ходить в атаку в светлое время суток. А тут прямо ад крошечный открылся. Атошники при поддержке двух танков шли почти в полный рост, грамотно используя складки местности и заросшие кустарником участки и укрываясь за «коробками». Командир отделения приказал не высовываться из укрытий и «придерживать» наступающих редкими автоматными и пулемётными очередями и гранатомётами. Удивился даже Семён, самый опытный из подразделения боец, прошедший Изварино и Дебальцево:

– Чего это они? Обкуренные, что ли! Хреново их немцы учили, те ходили в атаки чик в чик, в строго назначенное время. А тут... Непорядок, понимаешь. Ты как думаешь, Павел? – спросил он командира, бывшего своего начальника смены забоя, с которым когда-то работал в шахте.

Тот, и правда, сидел в раздумье, почёсывая грязными пальцами небритый подбородок. Затем приподнялся с ящика из-под гранатомёта, посмотрел в амбразуру и ответил:

– Ты прав, Сёма, непорядок это. Что-то замыслили, сволочи.

Он вытащил из разгрузочного кармана трубку военной рации, прокричал:

– Сова, как у вас, спокойно? Прут, говоришь? На нас тоже. Не знаешь, с чего? Мы будто бы повода не давали. А у соседа слева как, не знаешь? Не общались, говоришь. Слушай, ты держи ушки на при-

целе, что-то взэсушники задумали... На меня? Со взвод, наверное, с двумя черепаками. Предполагаю, что это отвлекаловка. Так что я тебя предупредил. – В этот момент рядом с окопами взорвался снаряд, встряхнув землю вместе с блиндажами. Павел прокричал: – Всё, всё, Сова, мне некогда! Бьёт, не то огурцами, не то дынями!

Бой длился с полчаса. Укры, оставив на нейтралке одного «двухсотого» и трёх «трёхсотых», которые ещё ползали по траве, умоляя о помощи, под прикрытием танков стали пятиться и отходить к своим укреплениям. Скоро всё стихло. Командир, снимая каску, спросил неизвестно кого:

– Что это было, мне кто-нибудь объяснит? – Крикнул: – Все живы? Раненые есть? Доложить.

Оказалось, что у одного бойца осколком оторвало палец на левой руке, у другого поцарапало щёку. Ополченцы видели, как раненые украинские бойцы, оставшиеся на нейтральной полосе, криками просят о помощи. Вот затих один – видно, потерял всю кровь, затем второй; третий, очевидно, с перебитой ногой, пополз в сторону своего блокпоста, затем остановился и стал перебинтовывать рану. Заполз в кустарник. Бойцы видели, как тряслись ветви лещины, как боец встал на самодельные костыли, сооружённые из ореховых палок, и поковылял к своим позициям. Ополченцы, наблюдавшие эту страшную картину, молчали. Кто-то, выругавшись, заметил:

– Вот сволочи, фашисты, своих же бросают.

Другой вдруг закричал:

– Мужики, смотрите, да он к нам повернул!

К бойницам прильнули все. Реплики:

– И правда, к нам идёт. Вот сумасшедший! Может, ориентировку потерял? Не, к нам просто ближе.

Неожиданно с позиций укропов раздались одиночные выстрелы. Заметив вспыхивающие на земле у самых ног раненого фонтанчики, приподнимающие срезанную траву, кто-то закричал:

– Мужики, да они же в него, в своего, стреляют.

– Видно, боятся, что секреты их выдаст.

– Да какие секреты – смех, мы и так всю их диспозицию как под микроскопом изучили.

– Хорошо, что не снайпер, а то бы загубили парня.

– Да, отморозки ещё те, – сквозь зубы процедил командир и обратился к пулемётчику: – Денис, прикрой-ка парня, заткни им пасть.

– Не достану, командир, далековато, – пробасил пулемётчик.

– А ты траекторию повыше возьми – если и не достанешь, так заставишь майдануток в норы спрятаться.

Раненый ковылял кое-как, цепляясь одной ногой об землю. Белое лицо его было искажено от боли. Ополченцы подбадривали:

– Эй, укрёнок, бери левее, к кустам, чтоб тебя не видели – убьют ведь! Ползком, ползком давай! Не бойся, мы в раненых не стреляем! Смелее, смелее!

Денис дал несколько коротких очередей по позициям противника, но оттуда всё равно продолжали стрелять до тех пор, пока раненый не свалился шагах в пятнадцать от траншеи. Кто-то жалостливо крикнул:

– Эх, срезали всё-таки парня!

– Да, жалко. Совсем сопляк ещё, жить бы да жить.

– А ну, хватит соплей! – прикрикнул командир и обратился к двоим мужчинам: – Семён, Виктор, давайте-ка, сходите за парнем. Вдруг живой ещё. Только осторожно, ползком, ужиками, ужиками. Поняли?

Ополченцы приволокли раненого противника, уложили на землю. Семён, отпыхиваясь, сказал:

– Живой ещё, дышит. По дороге даже матерился, гад, а потом сознание потерял.

Боец Георгий, работавший до войны фельдшером в небольшом посёлке, исполнял в отряде должность санитаря. Он исследовал ранение, развёл руками:

– Так, у него только одно ранение – в ногу. Это он от болевого шока вырубился. Пуля в кости застряла, вот она торчит.

– Жора, так ты сделай что-нибудь, – растерянно посоветовал Павел. – Умрёт ведь.

– Не умрёт, – уверенно ответил фельдшер. – Сейчас я ему промедольчик вколю – пусть балдеет, а пока спит, и пульку вытащу.

Операция и перевязка заняла не больше четверти часа. Ополченец с позывным Муха спросил неизвестно кого:

– Интересно, чья пулька-то? – И посмотрел на бойца с жидкой бородкой, сидящего на корточках в углу. – Дьяк, уж точно не твоя. Как там у вас, у попов: не убий, если тебя ударили по правой щеке, подставь левую. Так, что ли?

Дьяк спокойно ответил:

– Чья это пуля, даже Боженка не знает – не меченая она. Но если враг пришёл на мою землю, и хочет веру мою порушить, то уж поверь, Муха, рука моя не дрогнет.

Вспыхивающую перебранку прекратил командир:

– Хватит вам цапаться! И ты, Муха, цепляться к Дьяку перестань. Не ты ли под Дебальцево, когда нацики на нас с танками пёрли, крестился и молил Бога, чтобы он тебя спас, а? Сразу и про Боженку вспомнил.

Ополченцы рассмеялись, а Муха смущенно оправдывался:

– Так, я это, испугался просто. Страшно было. У них армада, а у нас... Но победили же.

Скоро солдат открыл глаза, обвёл всех болящим взглядом, посмотрел на свою босую перевязанную ногу, откашлявшись, сказал:

– Спасибо, мужики.

Георгий протянул пулю парню:

– На. Это тебе на долгую память. Чтоб ты против нас больше не воевал.

– Да я, – начал перебежчик, неожиданно скрипил губы, но плач сдержал. – Я не хотел воевать, мужики. Мобилизованный, в троллейбусе схватили, повестку вручили – вот, мол, тебе, иди, воюй, кроши сепаров. Куда денешься. Если рыпнешься, сразу на пять лет упекут. А я не хотел, честное слово.

– Ну, ладно, ладно, – остановил оправдания солдата командир. – Ты хоть скажи, как зовут тебя?

– Грицай. Гриша, значит.

– Ты скажи, Гриша, чего к своим не пошёл? Только честно.

– Не хочу я больше воевать, убивать не хочу. Я художник, писать картины хочу. – Снова скривил губы. – Родителей жалко – замордуют их эсбэушники, азовцы или правосеки из-за меня, скажут, что родину предал, врагу сдался. А я просто жить хочу, работать, людей радовать своим творчеством! – уже кричал Гриша.

– Ладно, ладно, успокойся. – Командир легонько потрепал парня по плечу. – Позвонишь родителям, предупредишь, сообщишь, что жив-здоров. Ты вот что скажи, парень: на кой хрен вы на рожон попёрли?

– Я не знаю. Нам приказали, мы и пошли.

– Ну, не просто же так, не ради забавы вас на убой бросили. Командиры, сослуживцы что говорили?

Парень упрямо сжал губы:

– Я не предатель, ничего говорить не буду. Давайте со мной, что хотите.

– Ладно, если ты такой принципиальный, то и не говори. Пытать тебя не будем, – отступил командир, отошёл в сторону и закурил.

Гриша глупо хлопал глазами, видно, ему всё же было неловко за своё упрямство, ведь совершенно чужие люди, даже враги, можно сказать, спасли его от смерти, а он... Наконец, выдал из себя:

– Я ничего такого особенного и не знаю. Нам, рядовым, командиры ничего не говорят. Ходили разговорчики об отвлекающем бое, о диверсионных группах, говорили, что скоро прихлопнут сепаратистскую верхушку. Вот и всё.

Эти сведения Павел сообщил вышестоящему командованию, а через несколько дней стало известно, что ополченцы захватили и уничтожили несколько диверсионно-разведывательных групп, просочившихся в тыл ополченцев как раз в стыке между позициями Павла и Сова, которые шла в Донецк с заданием уничтожить главу республики. Живыми удалось взять лишь двоих. Одним из захваченных оказался известным на всю Украину «киборгом» под кличкой Саваоф, он же Савва Крачукковский, медийный герой, защищавший донецкий аэропорт и «героически» выведший своё подразделение из Дебальцовского котла. Награждённый самим президентом «Незалежной» высшей наградой страны, героизированный прессой, он оказался в плену ополченцев Донбасса.

Что тут началось! После сообщения информационного агентства самопровозглашённой республики о разгроме и захвате в своём тылу диверсантов во главе с Саваофом, Киев несколько дней молчал, затем разразился гневными обвинениями в адрес руководства республики о дезинформации общественности; сообщали, что «херой Саваоф» ни в каких диверсиях не участвует и в настоящее время находится в длительной командировке. Почему Киев не хотел признавать очевидного, стало ясно после того, как несколько диверсионных групп украинских войск, пытавшихся освободить «киборга» из плена, тоже были уничтожены. Власти Украины и после этого долго блефовали, утверждая, что это именно ДРГ ополченцев, в нарушение всех договорённостей о прекращении боевых действий, просочились на подконтрольную украинским войскам территорию и захватили пленных. И снова ни слова о Саваофе.

К освобождению Саваофа подключилась «тяжёлая артиллерия»: депутаты Верховной Рады, олигархи, командир батальона «Азов». Они предлагали за освобождение Саваофа взятку в миллион гривен, угрожали уничтожить родственников руководителей ДНР, обещали поднять авиацию и бомбить мирный Донецк, пока им не отдадут «киборга».

Но очередной блеф хунтовской верхушки не сработал. Донецкая сторона настаивала на скорейшем обмене пленными, понимая, что за кровавого «киборга» можно больше освободить своих. Наконец, договорились обменять семь человек пленных с донецкой стороны, включая Саваофа, на семьдесят одного пленного, удерживаемых украинской стороной. Уже в который раз составили и сверили списки, осталось их только утвердить подписями сторон, когда в последний момент руководитель Комитета по делам военнопленных и беженцев ДНР Владимир Денисюк обнаружил в списках неточности. Фамилии в списке стояли именно тех людей, на которых делали запрос, но вот некоторые имена и отчества не совпадали. Он срочно связался по скайпу с украинской стороной:

– Добрый день, Валерий Михайлович.

– Добрый день, Владимир Тарасович. Что за нужда заставила вас выйти на связь, да ещё так срочно? Будто бы мы всё согласовали, проверили и утвердили списки. Даже место и день обмена подходящий назначили, идёт подготовка.

– Пока ещё не утвердили, – прервал собеседника Денисюк.

– Что так? – прищурившись, удивился собеседник.

– Ну что вы юлите, Валерий Михайлович! Вы же прекрасно знаете, что подсовываете нам не тех людей, на которых мы делали запрос.

– Как не тех! Вот передо мной список лежит: всё тютелька в тютельку и по количеству и по фамилиям.

– По количеству – да, по фамилиям – тоже да, а имена, отчества, место проживания совсем другие. Я проверял, Валерий Михайлович, вы вместо наших бойцов и активистов подсовываете нам алкашей, мелких воришек и дебоширов, но с теми же фамилиями. Где вы их только набрали?

Валерий Михайлович ехидно и хитро улыбнулся:

– А вам не всё равно, Владимир Тарасович? Ведь количество совпадает, это ваши же дончане, только с другой стороны линия разведения. Давайте договоримся, а мы вас отблагодарим.

– Нет, не договоримся, Валерий Михайлович. Вот я возьму и вместо вашего героя Саваофа включу в список обмена какого-нибудь забулдыгу. Поверьте, мы быстро найдём человека с такой же фамилией...

– Нет-нет-нет! – вскинув руки, взмолился собеседник. – Только не это! Хорошо, я понял, всё исправим, найдём ваших людей, приведём их в порядок...

– Что значит «приведём в порядок», Валерий Михайлович! Мы хорошо знаем, как в застенках СБУ наших пленных «приводят в порядок». Нам наши боевые товарищи нужны здоровыми и живыми. Поняли меня? Иначе обмен не состоится, и ваш «герой» будет содержаться в более строгих условиях –

уж больно он буйный и самоуверенный. Даже кликуху себе библейскую выбрал, наверное, мнит себя Богом на Земле!

– Почему Богом? – недоумевал Валерий Михайлович. – Я думал, у него позывной от его имени, Саввы?

– Да нет, Валерий Михайлович, я историк по основной профессии и знаю, что библейский Саваоф в переводе с древнееврейского языка – это Господь воинств Израилевых, или Господь воинств Ангельских. Так что судите сами, куда ваш «киборг» метит.

На этом разговор закончился.

И вот настал день обмена. Противоборствующие стороны гарантировали соответствующие для этого важного события условия: соблюдать тишину – не стрелять, сдерживаться при разговорах и вести себя прилично, обменивать партиями – десять к одному, последним передать Саваофа. Сигналом готовности к обмену должны были послужить две зелёные ракеты, пущенные с обеих сторон. Время семнадцать сорок восемь. Три автобуса и два тен-тованных «Урала» с бойцами, которых сопровождал БТР, подъехали к блокпосту, остановились около укрепления, сооружённого из бетонных блоков. Несколько бойцов с командиром подошли к тем, кто нес службу. Командир в звании капитана спросил:

– Как тут у вас, ребята?

– Тихо.

– С той стороны, – кивок в сторону строения, находящегося километрах в двух от блок-поста, – с той стороны ничего не сообщали?

– Нет, товарищ капитан, тихо.

– Как нацики себя ведут?

– Лаютя, обзываются, матерятся, грозят стереть нас в порошок.

– А вы?

– А что мы... Пусть лаютя, а нам нервы себе портить ни к чему.

– Матерятся-то хоть по-нашему, по-русски? – с усмешкой спросил капитан.

– А то как же, – ощерился постовой, – ведь русский – это международный язык для мата, на их мове их никто бы не понял.

Капитан в ответ усмехнулся, посмотрел на часы:

– Время уже, а нациков всё нет.

– Они любят поиздеваться, товарищ капитан, одно слово – бандеровцы.

В это время на передних сиденьях в автобусе сидели трое: сухощавая женщина лет пятидесяти – уполномоченная по правам человека, державшая под мышкой папку, руководитель Комитета по делам военнопленных Денисюк и мужчина лет тридцати с кофром у ног. Сзади сидели шестеро мужчин под охраной двоих ополченцев.

– Ты, Коля, – вполголоса обращалась к молодой женщине, – не вздумай вести съёмки при этих. – Она показала головой вдоль шоссе. – А то сорвёшь нам обмен. Они сильно не любят, когда их морды светят.

– Вера Игнатъевна, да знаю я, помню, понимаю – не дурак. Я осторожно. К тому же, они на людях в масках ходят, как бандиты. А как с пленными: показания у них прямо здесь брать?

– Хорошо бы прямо здесь, пока впечатления у людей ещё свежи, эмоции видны, – ответила Вера

Игнатъевна, – но это зависит от их состояния. Ты же помнишь прошлый обмен, тогда нам одних калек привезли, некоторые не то, что говорить, ходить не могли – на носилках их перетаскивали в машины скорой помощи. В общем, смотри сам, – заключила она.

Денисюк посмотрел на часы:

– Что-то они не торопятся. – Обернулся к сидящим сзади шестерым хмурым мужчинам. – Слышите, хлопцы, что-то ваши братуни запаздывают. Может, вы им и не нужны, а?

Пленные молчали, свесив головы и пряча взгляды.

– Ничего, ничего, ребята, будем ждать до последнего, – обнадеживала пленных украинцев Вера Игнатъевна. – Увидитесь сегодня со своими родными, мамами, папами. Только на войну больше не ходите – не ваша это война, ребята. Охота вам класть свои молодые головы за ваших богачей, олигархов, за нацистов, бандеровцев...

В этот момент капитан переговорил с кем-то по радиации, подбежал к переднему автобусу, постучал в окно, прокричал водителю:

– Разворачивайся, уезжаем! Быстро, быстро!

– Стой! – приказала водителю Вера Игнатъевна. – Открой дверь. – Когда дверь распахнулась, спросила: – В чём дело, капитан? Ты нам срываешь...

– Вера Игнатъевна, – капитан прижал руки к груди, – вы думаете, я не хочу провести этот обмен, будь он трижды проклят! Хочу! Но вы слышите? – Он показал на дорогу влево и поднял палец, давая знать, чтобы никто не шумел – издали доносилось баханье, словно далёкие раскаты грома. – Мне сообщили, что у Константиновки на прорыв пошёл нацистский батальон, пытаются отрезать нас от своих. Так что, от греха подальше, разворачиваемся!

Развернувшись, колонна проехала несколько километров. На этот раз впереди ехал «Урал», за ним автобусы, прикрывал тыл колонны БТР. Неожиданно колонна остановилась. Денисюк, глядя на сообщение в телефоне, выдохнул:

– Фу! Испугались, сволочи! Видно, видели с беспилотника, что мы уезжаем, и испугались.

– Что там, Владимир Тарасович? – поинтересовалась Вера Игнатъевна.

– Сообщают, что произошла ошибка, извиняются и просят возвратиться. Наверное, уже доложили наверх, что своего «героя» обменяли, а тут такой облом! Ну, что, Вера Игнатъевна, едем?

– Конечно, едем, – без тени сомнения отозвалась омбудсменша. – Там же наши люди.

Когда возвратились к блок-посту, уже начало вечереть. Заходящее солнце освещало золотые чубы облаков, летящих с запада. Длинные тени от тополей по краям шоссе ложились мрачными заборами на обочины, на машины, на людей. Стих даже ветер, словно задумался о чём-то. Со стороны ВСУ наконец-то поднялись в сереющее небо две зелёные ракеты, оставляя голубые дуги траекторий. Капитан приказал высыпавшим из «Урала» бойцам:

– Рассыпаться по точкам! Бдить! – Оставшимся троем ополченцам сказал: – Наконец-то дождалась! Любят, сволочи, темноту. Ну-ка, дай ответку.

В небо со свистом улетели две ракеты и, рассыпавшись на сотни рукотворных звёздочек, погасли.

Две группы, от украинской и донецкой сторон, сошлись на дороге, между блокпостами. Гражданские поздоровались за руки, военные лишь кивнули друг другу головами – враги. Вера Игнатъевна спросила первой:

– Ну, что начнём, Валерий Михайлович?

– Начнём, Вера Игнатъевна, – ответил мужчина крепкого телосложения и махнул рукой.

Из автобуса, раскрашенного в цвета украинского флага, вывели десять человек, которые кучкой направились к разделительной линии. С противной стороны шёл, как и улавливались, один человек. Провели переключку, сверили по спискам. Затем пошла вторая партия, затем третья. Николай, который с разрешения украинской стороны вёл съёмку, заметил, что от партии к партии обмениваемые пленные с украинской стороны выглядели всё хуже и хуже. Одни хромали, другие еле передвигались от слабости, худой мужчина со страдальческим лицом поддерживал свою больную руку, некоторые шатались. Он видел, как еле сдерживается Вера Игнатъевна, но продолжала сверять людей по спискам. Один из обмениваемых не откликнулся, она повторила фамилию:

– Кулишенко, Кулишенко Фёдор здесь?

Украинский солдат вытолкнул из толпы мужчину с изуродованным лицом:

– Да вот он, просто говорить не может. У него зубы болят, – с усмешкой добавил он.

– Вы Кулишенко Фёдор Васильевич? – снова спросила уполномоченная.

Тот кивнул головой. С четвёртой партией произошёл инцидент. Мужчина с перебинтованной головой пристально, с волнением вглядывался в молодого парня, идущего ему навстречу. Парень шёл с низко опущенной головой. Поравнявшись с парнем, мужчина воскликнул:

– Мишка, это ты?!

Тот опустил голову ещё ниже и, не отвечая, шёл дальше, а мужчина кричал вслед:

– Гад ты, сыночек! Как ты мог сбродиться с этим шакальём! А мать-то, мать твоя слегла, думала, что ты сгиб, пропал! А ты! Будь ты проклят! И чтоб дорога тебе в наш дом, когда будешь возвращаться, гвоздями утыканной показалась.

Мужчина, перегнувшись в поясе, зарыдал.

– Что это было? – спросил Денисюк.

– Сын, видно, – отозвалась Вера Игнатъевна. – А я заметила, что фамилии у них одинаковые. Думала, однофамильцы. А оно вон как повернулось.

Обмен заканчивался. Последняя группа с украинской стороны оказалась, как тихо заметила уполномоченная, самой плохой. Здесь были и слепые, и безногие, и безрукие, с проломленными головами. Двоих несли на носилках. Один из них был без сознания. Второй двигал руками и стонал, но очевидно, не понимал, что происходит, лишь молча, широко открытыми светлыми глазами смотрел на проклевывающие в небе звёзды. Фамилии его никто не выкликал, это был хорошо известный всем донбассцам воин под кличкой Спартак. В последней группе была и женщина, с измученным, отвлечённым взглядом, тихая и худая, одетая в лохмотья.

Саваофа извлекли из бронетранспортёра и с завязанными сзади руками повели к линии обмена.

Казалось, он нисколько не переживает. Его прямая походка, торжествующий, победный взгляд словно говорили о том, что он и не сомневался в подобном исходе. Было уже темно. Метров за двадцать до линии обмена, увидев, что его снимают фотоаппаратами и на видео, остановился, дёрнул плечами и приказал сопровождавшим ополченцам:

– Развяжите, сепары, иначе, дальше не пойду.

Один из конвоиров одним взглядом спросил у капитана, что делать, и тот кивком головы разрешил развязать руки пленника. Вот он уже за чертой, братается со своим друзьями и победно кричит:

– Слава Украине!

А ему отвечают:

– Героям слава!

Женщина, проходившая мимо Саваофа, неожиданно остановилась, глаза её округлились от удивления и блеснули огнём ненависти. Она тонким дискантом закричала, показывая на него пальцем:

– Это он, это он, изверг! Это он мучил нас и издевался над нами. Не отпускайте его, не отпускайте, умоляю вас! Задержите его, расстреляйте, повесьте, разрежьте! А-а-а-а!

Видя, что на её крики никто не обращает внимания, она бросилась к «киборгу», готовая вцепиться ему в глотку, но её остановили бойцы ополчения и стали оттаскивать от линии разграничения. Она кричала, отбивалась, царапалась, истошно воя. Саваоф спокойно смотрел на истерику женщины, а затем сказал:

– А, это ты, мокрая курица. Жаль, что я не успел тебя тогда пристрелить.

– Слышите, слышите, что он говорит! – истерично кричала женщина. – Он даже сейчас, здесь угрожает меня убить. Не отпускайте, не отпускайте его! Сволочь, изверг, фашист!

Теперь уже заскрипел зубами, зарычал и дёрнулся Саваоф, но его удержали солдаты и повели к чёрной легкой машине.

Вера Игнатъевна долго успокаивала женщину, ведя её под руку к автобусу:

– Успокойтесь, милая. Поверьте мне, он за всё ответит.

– Как же, ведь вы его отпустили! Отпустили, отпустили! Гады, фашисты! – кричала она вслед украинцам.

– Мы его обязательно накажем, обязательно. Вместе с тобой, моя хорошая, – перешла на «ты» Вера Игнатъевна, словно говорила с родным человеком.

– Со мной? Но как? Что мы можем сделать, когда нам приходится отпускать таких сволочей?

Вера Игнатъевна мягко спросила:

– Как тебя зовут, моя хорошая?

– Как? – с вызовом спросила женщина. – За эти три месяца я, кажется, и имя-то своё забыла. Как меня только не называли: и тварью, и сепаркой, и проституткой, и предательницей, и московской шпионкой.

– Но ведь вы же человек, милая, женщина, у вас есть имя.

– Да-да, конечно. Мама назвала меня Юлией, потому что я родилась в июле. Фамилия моя Хвостикова.

– Вот и хорошо, Юленька с такой симпатичной

фамилией. Поверь, мы можем многое. Воюют не только автоматами и пушками, воюют и словом.

– Разве эти нелюди понимают слово? Для них существует только одно средство убеждения: сила, злоба, боязнь смерти! Зря, ох, зря вы отпустили этого упыря. Я б его своими руками... – Женщина в бессилье сжала свои кулачки.

– Зато мы спасли вас, – убеждала Вера Игнатъевна, – и ещё много людей. Видите, сколько нас прибыло? – показывала она на толпу, шумящую у автобусов. – Видите, как они рады, что вернулись домой. И вам надо радоваться.

– Я не могу радоваться, мне больно.

Вера Игнатъевна подвела его к парню с висющим на шее фотоаппаратом, который в этот момент видеокамерой снимал освобождённых пленников: радующихся, плачущих, обнимающихся, со слезами на глазах, счастливых.

– Познакомься, Юля, это Николай, ведущий специалист нашего информационного агентства.

Николай с полупоклоном представился:

– Николай Добринский.

– Ты всё ему расскажешь, – продолжала уполномоченная. – Он всё запишет на видео. Всё, что будет записано, мы предъявим на суде над этими преступниками как доказательство. Расскажешь и о тех, кто над тобой издевался. Понимаешь, это и будет нашей мстью, их имена и так называемые подвиги будут известны всему миру, всем честным людям на земле.

– Вы думаете, над ними будет суд? И это животное тоже будут судить? – с сомнением в голосе спросила Юля.

– Конечно, будет! Обязательно будет! Рано или поздно, – заверила Хвостикову Вера Игнатъевна и пошла к толпе.

После команды капитана все стали рассаживаться по автобусам, тяжелораненых разместили в машинах скорой помощи. Юля уже не отставала от Николая, словно боялась остаться одна, она цеплялась за его руку и одежду. Успокоилась, лишь когда села. И замолчала, тревожно рассматривая незнакомые лица, словно искала кого-то. Николай не раз наблюдал за освобождёнными, вернувшимися с той стороны: сразу после обмена они становились тихими, похожими не на людей, а на их тени; многие, устроившись на сиденье, тут же засыпали; кто-то проявлял слишком бурную радость, и их приходилось успокаивать не только словами, но и уколами. Как-то он спросил Веру Игнатъевну, почему люди так себя ведут, а она отвечала:

– Всё нормально, Коля. Это естественная реакция организма человека, который после пыток и нечеловеческих условий меняет обстановку. Он успокаивается. Это даже хорошо. Бывает иначе, когда человек не справляется со своими эмоциями, начинает проявлять чрезмерную радость, тогда у него и разум помутиться может.

– Разве человек может сойти с ума от радости?

– Может, Коля, может. Радость – это тоже встряска для организма. Адреналин – это коварная штука, это одновременно и лекарство, и яд.

Наконец, колонна под прикрытием бойцов ополчения и БТР тронулась в полной темноте – даже в салонах автобусов и машин свет не включа-

ли. Кто-то не выдержал, истерично крикнул:

– Эй, шофёр, включи свет!

Кто-то ответил:

– Нельзя.

– Почему нельзя?

– Потому что псы или азовцы засекут, минами закидают. Потерпи немного.

В салоне автобуса стихло. Когда выехали на центральную магистраль, в автобусе включили освещение. Люди вмиг оживились, стали шептаться, разговаривать, словно до этого момента тьма связывала им голоса. Открыли боковые окна, вместе со свежим, прохладным вечерним воздухом в автобус ворвались странные ухающие и визжащие звуки.

– Что это? – тревожно спросила Юля.

– Мины кидают, сволочи, – ответил Добринский. – Они каждую ночь, как только люди начинают засыпать, начинают обстрелы. – Увидев встревоженный взгляд серых глаз спутницы, добавил: – Но вы, Юля, не бойтесь – это далеко. До нас они не достанут.

Через минуту Николай спросил:

– Юля, может, вы хотите связаться с родными, сказать им...

– Нет у меня никого родных, – недовольно прервала его Юля и добавила: – А теперь, наверно, уже и друзей, и соседей нет. Никого.

– Почему нет. Куда они делись?

Неожиданно девушка пожаловалась:

– Я есть хочу. Я почти двое суток в рот маковой росинки не брала. – Она виновато оправдывалась, глядя на Николая. – Вот, не хотела-не хотела, а сейчас почему-то захотела.

– Это нормально, естественная реакция организма, – повторял слова Веры Игнатьевны Николай, копясь в своём кофре.

Он достал пакет с бутербродами и протянул его Юле:

– Вот, берите.

– А вы?

– А я до дома потерплю. К тому же у меня жировой запас приличный – не умру, – шутливо добавил он, похлопывая по своему животу.

Хвостикова за три минуты управилась с бутербродами, икнула. Николай налил ей из термоса кофе. Она его выпила, тут же откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза.

Утром Вера Игнатьевна вызвала к себе Добринского:

– Слушай, Коля, ты кого-нибудь из бывших пленных наметил себе для видеосвидетельств?

– Нет ещё.

– Почему?

– Вера Игнатьевна, смилуйтесь, – шутливо ёрничал Николай, прижав руки к груди и сделав просящую мину на лице, – ведь я уснул только в три часа ночи.

– Ну, хватит, хватит тут кривляться передо мной! Я тоже не больше тебя отдохала, может, даже меньше, а не жалуюсь. Свидетельства преступлений нужно собрать как можно больше и быстрее.

– Больше – это я понимаю, а быстрее зачем? Что, послезавтра состоится первое заседание Гаагского трибунала?

– Ковать железо надо, Коленька, пока горячо.

Знаешь такую поговорку? Надо записать все показания, пока они свежи, воспоминания остры и болючи. Ты знаешь, что такое амнезия? Знаешь. Со временем воспоминания стираются из памяти людей, особенно у тех, кто пережил муки и страдания – они невольно стараются избавиться от них, скорее о них забыть. А потом прошлое в памяти перемешивается, примешиваются потусторонние воспоминания, а затем возникают и фантазии. Ладно. – Вера Игнатьевна села за стол, вынула из папки список, поводила пальцем по строчкам. – Тогда вот тебе двое на сегодня. Запиши фамилии и адрес.

– Адрес-то зачем, ведь они все сейчас в больницах, в пункте временного размещения? – спросил Добринский.

– Не все. Кто более-менее чувствовал себя нормально и живёт в Донецке, прямо-таки рвались домой – скорее родных хотели обрадовать и увидеть. Запиши: Соловейчик Герман Давыдович – он лежит в больнице; второй, Партизанов Денис Викторович, сейчас он дома, вот его адрес. Учти, видеопоздравления ты должен записать за сегодняшний день, сдать их мне, чтобы я их зарегистрировала. Понятно?

– Ага. А Хвостикова Юля – её кто записывать будет?

Вера Игнатьевна удивлённо приподняла крашенные брови:

– Какая Хвостикова?

– Ну, та, которая на Саваофа с кулаками бросалась.

Вера Игнатьевна блеснула смешливыми глазами:

– Что, понравилась?

– Да нет, не в этом дело, – вспыхнул Николай. – Просто вчера я уже начал с ней разговаривать, уже, как говорится, в материале.

– Ладно, – согласилась уполномоченная, ставя галочку в списке, – бери и свою Хвостикову. Но учти, это тебе в нагрузку на сегодняшний день.

– Инициатива всегда наказуема, – пробормотал под нос Добринский.

– И учти, Коля, – уполномоченная наставительно погрозила указательным пальцем, – с людьми беседуй осторожно, бережно, чтобы человек, не дай бог, не замкнулся в себе. Они так пострадали, что для них каждое неосторожное слово или тень подозрения во лжи хуже пули или дыбы.

– Да знаю я, знаю, Вера Игнатьевна, не в первый раз.

Добринский очень любил свой родной город. Даже сейчас, ошетинившийся против врага блоками на въездах и опоясанный окопами, он был прекрасен: яркая зелень парков, скверов и аллей оттеняла однообразные стены зданий и серого асфальта; город миллиона роз и сейчас благоухал их ароматами, неперебиваемыми даже выхлопными газами автомобилей; а чистота улиц подчёркивала его миролюбивость. Мир, мир, мир... Его желал каждый человек, живущий в этом работающем и прекрасном мегаполисе Донбасса и уставший от войны. Но мир лишь брезжил, словно желанный рассвет очередного дня, и никак не хотел наступать.

Проезжая на своём старом «Пежо» через Петровский район, в одном из кварталов он увидел клубы чёрного дыма, взвихриваемые верховым

ветром, затем услышал сирены пожарных машин, увидел мчащуюся вдоль потока автомобилей машину «скорой помощи». Хотел свернуть на восток, чтобы объехать место происшествия, но любопытство взяло верх. Поставил машину в соседнем дворе и, не забыв прихватить камеру и фотоаппарат, побежал через проулок.

У пятиэтажки уже суетились пожарные, размазывая рукава. Из окна на третьем этаже валил дым. По пролому в стене было ясно: прилетел снаряд. Народ толпился неподалёку, обсуждая происшествие. Николай сделал несколько снимков и вскинул видеокамеру, спросил женщину:

– Что случилось?

– Или сам не видишь! – зло ответила женщина. – Бандеры подарок от Порошенки прислали. Он же обещал, что мы в подвалах жить будем, вот и живём. Сволочи, фашисты! Куда стреляют? В белый свет, как в копейку! Они что, не знают, что здесь мирные живут? Мужики-то наши в окопах сидят, а не здесь, а они сюда пуляют. Значит, специально, чтобы нам в досаду: вот, мол, вам, если по-нашему жить не хотите.

К разговору подключилась другая женщина, с двумя канистрами в руках, которая спросила:

– Или снимаешь, сынок?

– Снимаю, мать. Чтобы показывать всему народу, всему миру, что кастрюлеголовые у нас вытворяют.

– Правильно, сынок, снимай, показывай. А я за водой в это время пошла – у нас воды второй день нет, гады эти снова фильтровальную станцию повредили. В общем, пошла я, а тут – бах! бах! бах! На землю повалилась, голову руками закрыла. Мать божья! Потом стихло. Встала, гляжу, а в нашем доме дыра и из неё дым идёт. Кричит кто-то, да так страшно кричит!

Старичок, стоявший рядом, добавил:

– Штук шесть выпустили, сволочи. Видать, сблизил бахают, может, с машины. Оттуда они бы не достали. – Он показал на запад. – Несколько мин за домом упало, на школьной площадке, одна в сквере, а одна вот в квартиру Партизановых попала. А ведь Денис-то только вчера из плена вернулся, семь месяцев у эсбэушников, говорят, сидел.

Добринский прекратил съёмку, спрятал камеру в чехол, переспросил старика:

– Говорите, только вчера вернулся?

– Ага. Да вот он, вон. Видите? Вы его спросите, – показал старичок на мужчину в синей майке, в трико и тапочках на босу ногу.

Добринский отвернулся, посмотрел в записную книжку смартфона: точно, тот же адрес, тот же человек, Партизанов Денис Викторович, у которого он должен был записать показания. В этот момент из подъезда пожарные вынесли носилки с человеком, за которыми с рыданиями шла женщина в халате. А со всех сторон доносилось:

– Ранило, осколками. Живая ещё. Может, даст бог, выживет. Мать-то как каменная. Ещё бы – такое горе, окаменеешь.

Денис Викторович тоже пошаркал к носилкам, с надрывом закричал:

– Доченька, донюшка, миленькая моя, да за что же нам такое!

Его трясло, словно в лихорадке. Лицо было белым, похожим на маску, словно высохший гипс. Одна из медсестёр поднесла к его лицу вату, он вздрогнул, отшатнулся и снова пошёл к раненой дочери.

Смотреть на чужое горе было страшно. Николай вернулся к машине и поехал к центру реабилитации. Хвостикову он нашёл в сквере, на скамейке. Она с лёгкой улыбкой созерцала, как на лужайке порхают вокруг цветов бабочки. Услышав шаги, вздрогнула, испуганными глазами уставившись на Николая. Спросила:

– Вы кто?

Николай понял, что она его не узнала:

– Добрый день, Юля. Это я, Николай. Мы с вами вчера вместе ехали, разговаривали.

– А, Коля. Здравьете. Спасибо, что вы меня вчера подкормили, а то бы я, наверное, умерла от голода.

– На здоровье. Могу ещё угостить, у меня бутерброды есть.

– Нет, не надо, я сегодня уже в столовой завтракала.

– Можно к вам присоединиться?

– Конечно, садитесь.

Добринский сел рядом, почувствовал запах лекарств, исходящий от девушки.

– А вы почему не в палате?

– Там везде стены. Они пугают меня. А здесь хорошо, привольно, открыто, красиво. Очень красиво, – повторила она. – И солнце. – Юля, прищурившись, посмотрела сквозь ветви деревьев. – Смотрите, какое оно яркое и тёплое, ласковое.

Она пристально взглянула на Николая:

– Вы, наверно, по делу, ведь вы журналист?

Добринский растерялся:

– Если вам, Юля, сейчас тяжело вспоминать, то я приду в другой день, когда скажете.

– Нет-нет, я понимаю, спрашивайте, записывайте – я не против.

Добринский начал издали, чтобы сначала разговаривать собеседника, как и учили его в университете:

– Вчера, Юля, вы сказали, что у вас нет ни родных, ни друзей. Почему так?

– Всё просто. Меня растила одна мама. Я была у неё поздним ребёнком. Когда я появилась на этот свет, ей было уже под сорок. Отца я не знала...

– Но у вас есть отчество. Наверное, когда подросли, вы спрашивали у мамы, кто отец.

Она засмеялась:

– Одно отчество от него и осталось. Поверьте, Коля, я почему-то никогда не хотела узнать, кто мой отец. Не знаю, почему. Может, потому что мне очень хорошо было с мамой. Она была прекрасной мамой: очень доброй, понятливой, заботливой, иногда строгой. Ведь она работала учителем, преподавала химию. Которую я, кстати, не любила. Мы всегда вместе делали уроки, ходили в кино, на море, ездили в Крым. Я ведь из Мариуполя. Насчёт друзей – я не знаю. Я, конечно, дружила с девочками, с мальчишками из нашего двора, играла с ними, но я не могу сказать, что они были моими друзьями. Были и соседи, они уважали маму. Всё изменилось после Майдана. Когда в моём родном городе появились нацики, правосеки, свободовцы, азовцы, всё пере-

менилось. Представьте себе, Коля, ясный, тёплый день, и вдруг, откуда ни возьмись, налетает холодный ветер, солнце заслоняют чёрные тучи и начинает лить дождь.

– Я понимаю.

– Так, вот. Понаехали нацики и рагули, стали устанавливать свои порядки. Мама каждый день приходила с работы злая и встревоженная. Эти сволочи ходили и по школам, надзирали за учителями, подсказывали, как и чему учить. – Юля надолго замолчала. Николай понимал, что она хочет сказать что-то очень важное для себя, но собирается с духом. – Ну, вот. Как-то мама пришла с работы, пожаловалась, что к ней на урок приходили «западэнцы», спрашивали, почему она не разговаривает на мове, почему дети пишут на русском языке. Мама объясняла, что ученики не усваивают материал, когда специфические дисциплины, такие как химия, им объяснять на украинском языке; что и учебников-то на украинском тоже нет. Они ничего не понимали, или не хотели понимать, орали на маму, выдвигали нелепые требования и грозили, что если она и дальше будет преподавать на русском, то её или уволят, или отвезут, куда надо. Когда мама про это рассказывала, она вся дрожала. Что интересно, директор школы тоже был вместе с этими идиотами, слушал всю эту ахинею и ни слова не произнёс в защиту своего учителя. Одним словом, мама пожаловалась, что очень устала, что у неё болит голова, выпила таблетку и прилегла отдохнуть. К ужину она из спальни не вышла. Я забеспокоилась. Зашла в её комнату, а она, она... – Юля закрыла лицо руками. – Я вызвала скорую допomoгу. Мама пролежала в реанимации три дня и умерла. Эти сволочи довели её до могилы.

Снова долгая пауза, на этот раз на несколько минут. Николай понимал, что подстёгивать монолог опасно – девушка могла просто обидеться, замкнуться в себе, тоже ждал и молчал. Юля отняла руки от лица, быстрым движением откинула распущенные волосы на спину, виновато посмотрела на Добринского, словно извиняясь за свою минутную слабость, и продолжала:

– Вы, наверное, спросите, почему я не пошла в милицию, не пожаловалась? Я знала, что делать это бесполезно, что те же сотрудники органов, эсбэушники, нацбатовцы – они все повязаны своими кровавыми делами и преступлениями. Все видели и знали, что среди бела дня пропадали дети, девушки, пропадали без следа, и их никто не искал. Ходили страшные слухи, что их продают за границу на органы, в публичные дома и даже гаремы. Стало нормой доноительство: сосед доносил на соседа, муж на жену или наоборот, подчинённый на неугодного ему начальника. После смерти мамы я жила одна, никакой политикой не интересовалась, читала книги, смотрела сериалы, ходила на работу в свою библиотеку. В общем, вела жизнь простой домохозяйки и не ведала ни о каких своих грехах.

И вдруг однажды, когда я шла на работу, позади меня раздался скрип тормозов. Я испугалась, отошла подальше от дороги и даже не обернулась. Вдруг слышу:

– Девушка, а, девушка, вы куда-то спешите?

Остановилась, обернулась – смотрю, от машины

идёт ко мне парень, ухмыляется. Ну, думаю, очередной клеиватель, познакомиться хочет. Я отвечаю:

– На работу спешу.

– А вы не спешите.

Я ничего не понимаю:

– Почему?

– А я астролог. Хотите, расскажу о вашем прошлом, предскажу будущее.

Понимаю, что он так стебается, опасности для меня никакой не предвидится – кругом народ. Отвечаю:

– Ну, хорошо, послушаю ваши предсказания.

Он смотрит в мои глаза, в упор смотрит и говорит:

– Вы работаете библиотекарем. Правильно?

Я подтверждаю, понимая, что ухажёр мог следить за мной раньше и видеть, куда я прихожу по утрам.

– Ваша фамилия Хвостикова, звать Юлей, отчество Станиславовна. Правильно? Живёте вы по адресу...

И называет мой адрес. Только тут я почувствовала что-то неладное, мне стало страшно, я рванулась в сторону, но было уже поздно: он схватил меня за руки; из машины выскочили ещё двое и потащили меня к машине. Я закричала:

– Люди, граждане, меня грабят, меня убивают, меня воруют! Помогите! Умоляю, позвоните в милицию!

Я думала, что меня бросят спасать прохожие, мужчины, парни, что среди этой толпы, спешащей куда-то, найдётся хоть один защитник, рыцарь. Но какое там, всё происходило ровно наоборот: все разбежались, кто куда и попрятались как тараканы. Для меня это было удивительно, ведь я всегда считала, что в Мариуполе живут самые гордые, самые справедливые и самые бесстрашные люди – нас в школе и техникуме так воспитывали, и я этому верила. А они... Вот до чего довели народ эти сволочи!

Хвостикова снова замолчала. Здесь Николай понял, что дать замкнуться Юле нельзя, что она вот-вот сорвётся или откажется продолжать разговор, спросил:

– Вы их осуждаете?

– Сейчас нет, сейчас я понимаю, что люди живут в страхе, что они запуганы, боятся не только за себя, но и за своих детей, родных. А тогда, в те секунды, я их проклинала, я их ненавидела, как трусов, как подлецов.

– Что же происходило с вами дальше?

– Дальше? Дальше... Дальше они привезли меня в свою располагу...

– Что это?

– Это место, где размещался нацбат «Азов». Меня втащили в какое-то тёмное помещение – не то подвал, не то кладовка, обыскали, отобрали паспорт, телефон, ключи от квартиры и даже мою женскую сумочку. Паспорт разорвали прямо на моих глазах и сожгли в жестяной банке. Один из мучителей зло сказал: «Теперь ты никто, ты тля, ты навозный гробак. И тебя никто искать не будет». А потом они стали меня бить: руками, ногами, дубинкой. Я кричу: «За что? Что вам от меня надо? Mamочка! Пощадите!» Какое там, они даже ещё сильнее меня колотят, видно, от того что кричу, они ещё злее ста-

новятся. Вопросов не задавали, а просто колотили по мне, как по боксёрской груше, будто тренировались. Бьют, словно веселятся, хохочут, подсказывают, куда больнее ударить, потому что в какой-то момент я замолчала. А знаете, почему? – спросила вдруг Юля.

– Почему? – отозвался Николай.

Здесь Хвостикова улыбнулась:

– В какой-то момент мне стало вдруг хорошо, я чувствовала, что меня бьют, но боли уже не чувствовала – так, сотрясение моего тела. Они били по очереди: один устанет, подходит другой, затем третий, четвёртый. А я их про себя умоляю: «Бейте, ещё бейте. Не останавливайтесь». Потому что понимала, что если они перестанут меня бить, то страшные боли вернутся. Не знаю, сколько меня били, но сознания я не теряла. В конце концов, и они, видно, устали, бросили издеваться надо мной. Я куклой с закрытыми глазами валялась в углу, вся окровавленная и израненная. Я пыталась понять, что они от меня хотят, перелопачивала в уме все последние события, которые происходили в моей жизни, и не находила никаких причин, чтобы так поступать со мной. Каждый день одно и то же: утро, душ, кофе с маковой булочкой, работа, снова квартира, компьютер, заход на почту, просмотр новостей, сериал по телику, ужин, сон. Истязатели мои разговаривают, видно, думают, что я без сознания. А всё слышу, всё понимаю, хоть и разговаривают они на западнско́й мове.

– Хорошая хатина, со всеми удобствами.

– Аха, и сиральня есть. – Хохочут.

– Только балкон малёнький.

– Зато две комнаты и море видно.

Я слушаю и понимаю, что они говорят о моей квартире. Понимаю и то, почему я оказалась у этих зверей. В разговоре со знакомыми и соседями я слышала, что азовцы и рагули, приехавшие с западных областей, специально вылавливают таких, как я: одиноких, бессильных, хватают их и куда-то увозят. А те пропадают совсем, и никто не знает, куда. Мало ли: может, человек решил сменить место жительства, продал или обменял своё жильё, а сам уехал. А их жильё занимают рагули. Политика такая у украинской власти: русских извести или переселить, а на их место поселить своих западнцев. Ведь они уверены, что когда-то русские оккупанты захватили земли их предков, самих хохлов сгноили в Сибири или уничтожили. В общем, понимаю, что схватили меня из-за жилья и мне уже не жить: или расстреляют, или забьют до смерти. Крикнула:

– Сволючи, фашисты, бандеровцы! Чтобы вам вечно поджариваться на адском огне.

Видно, зря я это сделала – что бы это изменило, да ничего. Один из них закричал:

– Гляди, хлопцы, а сучка-то наша ещё живая! Живучая, стерва! Давай-ка мы её «поджарим»!

– Лучше бы они меня расстреляли, – продолжала девушка после долгого молчания. – Они стащили с меня всю одежду, уложили на стол... В общем, после их издевательств и надруганий я на самом деле потеряла сознание. Очнулась от тряски – везут куда-то. Лежу я в багажнике машины, душно, жарко. Руки у меня за спиной связаны. Понимаю, что трепыхаться и звать на помощь бесполезно. В общем,

приехали. Выволокли меня из багажника, приказывают: вперёд! И стволом автомата в спину подталкивают. Оглядываюсь вокруг – что-то знакомое. Понимаю – аэропорт, наш, Мариупольский аэропорт. Только пустой, тихий – там давно самолёты не летают. Помню, мы с мамой давно, когда я ещё маленькой девочкой была, из этого аэропорта летали в Краснодарский край, к моей бабушке, маминой маме. Я тогда в первый раз увидела козу и ослика.

– Но зачем вас привезли в аэропорт? – спросил Николай.

– Я тоже сначала не понимала, – продолжала Хвостикова, – но женщина, с которой я сидела в какой-то кладовке без окон, объяснила, что бандеровцы в аэропорту сделали концлагерь.

– Что, настоящий концлагерь? – переспросил Добринский.

– Ну, настоящий или нет, я не знаю, загражденный и колючей проволокой я там не видала. Но сами азовцы, я слышала, так его называли.

– А эта женщина, с которой вы сидели, за что там оказалась?

– Я поняла, что за сепаратизм и измену. Будто бы она в мае, после Майдана, призывала всех своих знакомых провести референдум, как в Донецке, Луганске, в Крыму и голосовать за украинскую федерацию. Она мало что рассказывала, видно, меня побаивалась.

– Почему?

– Не знаю, наверное, думала, что меня специально к ней посадили бандеры. Не знаю. Её в тот же день куда-то увели, и я эту женщину больше не видала. Хотя... – В этом месте своего рассказа Юля запнулась. – Может быть, и видала – я не уверена.

– Как звали ту женщину? – нетерпеливо спросил Николай, понимая, что каждая деталь в разговоре, каждое имя может помочь в расследовании зверств карателей.

– Она назвалась тётей Христиной, было ей лет за пятьдесят. Возможно, моложе, мне так казалось, потому что она была вся в синяках, неухоженной, со сломанной левой рукой. Да и темно в кладовке было, я даже рассмотреть её лицо как следует не смогла – так, маска какая-то. В этот же день меня допрашивали снова, на этот раз без битья. Они, словно иезуиты, бесконечно и по очереди задавали одни и те же вопросы: с каких пор я занимаюсь шпионской деятельностью, кому и каким образом передавала сведения о дислокации частей и подразделений украинской армии, просили назвать имена и фамилии москальских агентов и подпольщиков в Мариуполе, с какого времени я занимаюсь предательской деятельностью. Где и в какое время мы готовили теракты. Они подсовывали мне листки бумаги и требовали, чтобы я их подписывала. И я подписывала их, не читая. Они издевательски гоготали, рвали их и начинали допрашивать снова. Они же знали, что я ничем подобным не занимаюсь, что я простой библиотекарь, они просто издевались надо мной, откровенно ржали и подсказывали ответы. В конце концов, мне это надоело, и я просто замолчала.

Хвостикова и на самом деле надолго замолчала, отвлечённо рассматривая аллею, скамейки, цветы, бабочек, словно вспоминала что-то, затем взгляд её вспыхнул:

– А потом пришёл этот гад!

– Какой гад?

– Ну, тот, которого вы отпустили при обмене.

– Саваоф?

– Разве так его звали? – спросила Юля, наморщив лоб. – При мне все называли его почему-то видряженником, батькою.

– И что же он? – спросил Николай.

– Эти гады перед ним как кролики перед удавом стояли. Посмотрел на меня, такими, такими холодными, как у змеюки, глазами, спрашивает у рагулей: кто, мол, такая? Ему один говорит: сепарка. Он как зарёт: «Так чего же вы с ней возитесь, идюты безмозглые? К стенке её, шоб от неё и сепарского семени не было. Показания сняли?» Второй отвечает, тот, что старше всех: «Батько, так она же ничо не знае, это вата, гражданская». Как это не знает, у каждого человека есть глаза, уши, что-нибудь видела, слышала. В этом Мариуполе полно москальских гнид, которых передавить надо, пока они по нашей Украине не распозлзлись. Это он, как его, Саваоф так говорит. Засуньте-ка её в «антарктиду» чашка на три – так она курским соловушкой запоёт. И ушёл. А у меня злость такая поднялась после его слов, что зубы сжала и думаю: «Ну уж нет, бандеровец, теперь-то я тебе и слова не скажу. Хоть убей. Интересно, что это за «антарктида» такая? Не повезут же они меня, в самом деле, на Южный полюс». Только полюс этот гораздо ближе оказался, – вздохнула девушка.

Хвостикова замолчала, посмотрела на цифровую видеокамеру, спросила Николая:

– А прерваться можно? Мне отойти на несколько минут надо.

Несколько минут продлились почти до получаса. За это время Добринский успел два раза покурить, позвонить Вере Игнатьевне и сообщить ей о беде, случившейся утром с семьёй Партизанова. Пришла Юля:

– Извините, Коля... Можно, я так буду вас называть? – спросила Юля.

– Конечно, можно! Можно даже на «ты».

– Меня в больнице медсёстры поймали, заставили укольчики сделать.

– Ничего, ничего, Юля, успеем наговориться.

Неожиданно она с улыбкой призналась:

– Вы... Ты знаешь, Коля, раньше я почему-то всегда очень боялась уколов. Я не знаю, почему: наверно, просто трусиха страшная. А сейчас после всего, что я пережила и увидела, они мне кажутся комариными укусами. Даже самой смешно сейчас. Ну, давай, записывай дальше. На чём я остановилась?

– Ты говорила о какой-то «антарктиде», – напомнил Добринский.

– Ах, да. Так вот, повели меня в сторону грузового терминала, за ним какие-то камеры стояли, похожие на рефрижераторы. Три или четыре, не помню сейчас. Возле одного вэсэушники командуют нашими местными прихлебателями, а те возятся, выволакивают что-то изнутри, вроде как мясную тушу. Пригляделась. Мамочка! Да это же человек, свернувшийся в комок, замороженный, белый, покрытый инеем. А я и не испугалась поначалу, думала, что эти рефрижераторы используют для мертвецов, как морги. Иду и оглядываюсь, иду и огляды-

ваюсь. И не заметила, как меня втолкнули куда-то. Только когда захлопнулась створка двери, поняла, что меня заперли в холодильнике. Темнота, холодище, как в преисподней! Вот тут я струхнула порядочно, стала стучать в дверь ногами, руками, ругаться всякими матерными словами, которые раньше и произносить-то боялась. Потом стала просить, чтобы выпустили, а затем плакать и умолять – всё бесполезно. Чувствовала, как страшный холод пробирается прямо внутрь моего тела, как какой-то неумолимый, невидимый и неуловимый призрак и начинает сжимать всё моё тело. Представляешь, Коля, в морозильной камере мороз градусов пятнадцать, а я в одном платёшике. Я снова в отчаянии стали молотить по двери, но на мои стоны и мольбы никто не отзывался. В какой-то момент в темноте я ударила рукой по какому-то щитку с дверкой. Наощупь, вся дрожа от холода, стала его открывать, внутри маленькие рычажки, поняла, что это электрические выключатели. Начала щёлкать ими, надеясь выключить эту адскую машину, которая морозила меня. Неожиданно вспыхнул свет – загорелся маленький светильник, встроенный в стену. Господи, я так обрадовалась ему, будто после многолетнего затмения увидела солнечный свет. Я знала, что лампочки при накаливании нагреваются, подставила руки к светильнику, но он был холодным, потому был закрыт толстым плафоном.

Чтобы окончательно не окоченеть, не превратиться в глыбу льда, я стала прыгать, похлопывать себя по ногам и бокам, как я делала это зимой во время сильных морозов, когда ждала автобус. Какое-то время мне это помогало, на моей коже от движения стал выступать даже пот. Рефрижератор был длинным, и что находилось дальше, я не видела. Решила исследовать, чтобы найти укромный уголок, где морозило не так сильно. Но там, в конце рефрижератора, как мне показалось, холод был ещё сильнее. Но там же я увидела какую-то ледяную кучу, похожую на снежный сугроб. Я стала колотить по ней ногой, ледяная корочка треснула, и тут я увидела какие-то тряпки. Обломав все ногти об осколки льда, я вытащила из кучи мешки, обыкновенные мешки. Я стала обвязывать ими ноги, руки и перевязывать их нитками, которые вытащила из этих же мешков, чтобы они не спадали. Один мешок разодрала, просунула в дыру голову и натянула на себя, как платье. Ещё одним мешком обмотала голову. Стало как будто теплее, но через какое-то время почувствовала, что стала коченеть. Долго прыгала, прыгала, прыгала. Сколько это продолжалось, я не знаю: час, три, десять – я потеряла ритм времени. А потом вдруг почувствовала страшную усталость, присела в уголке, чтобы передохнуть и, видно, заснула.

В этом месте своей исповеди Юля неожиданно рассмеялась, и очень долго смеялась. Николай подумал, что девушка сходит с ума от этих страшных воспоминаний, переживаний и страданий, выпавших на её долю; он уже хотел позвать медсестру или врача, но в глазах девушки увидел вдруг не безумие, а счастье. Его намерение остановила сама Юля:

– Нет-нет, Коля, я не схожу с ума. Я вспомнила лицо того охранника, когда пришла в себя. Окажется, они вытащили меня из холодильника и были уверены, что я давно мертва, превратилась

в лдышку, в обыкновенную замороженную тушу мяса. А я вдруг очнулась, увидела голубое вечернее небо с оранжевыми облаками, почувствовала ветерок на щеках и открыла глаза. А этот бритоголовый охранник, выпучив глаза, толкал локтем напарника и сиплым голосом каркал: «Смотри, Мереж, она ещё живая». Второй лишь отмахнулся: «Да брось ты, у нас ещё никто не выживал». А потом посмотрел на меня, зло сплюнул и прорычал: «Вот сепарская сука, надо же, и правда, живая. Что делать будем?» Бритоголовый говорит, что надо бы меня снова в холодильничек засунуть. И в этот момент к ним кто-то подошёл, выслушал охранников и сказал: «Ладно, несите её в диспетчерскую, там разберёмся, что с ней делать. Повешенных два раза не вешают – примета плохая».

Хвостикова снова улыбнулась, на этот раз иронично:

– Вот так старинное суеверие продлило мне жизнь. Но что самое интересное, Коля, после восьми часов в морозильнике я даже не заболела, у меня даже насморка не было. Понимаете? Это чудо какое-то. Правда, когда меня притащили в диспетчерскую аэропорта, один охранник дал мне бокал кипятка. Я выпила его залпом, даже не почувствовав, что это был кипяток. Правда, обожгла глотку и ошпарила губы, с которых сразу же слезла кожа. И снова уснула, или упала в обморок – я точно это и сейчас не могу определить. Может, этот бокал кипятка и спас меня от двухстороннего воспаления лёгких.

В этот момент издали раздался визгливый женский голос:

– Обед, все на обед! Больные, обед, обед! Все в столовую!

Я развёл руками:

– Ну вот! Придётся прерваться. Как говорится: война войной, а обед должен быть по расписанию.

– А мне что-то не хочется есть, – заявила вдруг Юля.

Николай запротестовал:

– Нет, Юля, так не годится. Чтобы быстрее выздороветь, надо хорошо и вовремя питаться. Боюсь, доктора меня обвинят, что я задерживаю пациента, нарушаю его режим, и в следующий раз меня сюда не пустят. – Неожиданно он предложил: – Слушай, а давай здесь, вместе перекусим. У меня и бутерброды есть, и сыр, и сальцо. Кофе горячее. А?

Они ели молча, изредка поглядывая друг на друга. Хвостикова сначала лениво пожёвывала бутерброд, пирожки и сыр, а затем стала молотить так, что самому Николаю достался лишь кусочек сала и пирожок с капустой. Юля спохватилась, лишь когда Добринский наливал ей кофе из термоса:

– Ой, Коля, извини меня. Кажется, я...

– Да брось, Юля. – И тут же пошутил: – Ты же знаешь, что у меня приличный жировой запас, как у барсука или медведя.

– А я, правда, сначала не очень хотела есть. А потом...

– Ты лучше расскажи, Юля, чем вы питались там, у них? Кормили вас вообще чем-нибудь?

– Конечно. Если это можно было назвать едой. Там я впервые узнала, что такое бурда. В нацбате служили в основном преступники и эки, которых выпустили из тюрем и колоний. Для пленных

варили местные женщины, которых тоже набрали по окрестным посёлкам. В этой бурде было всё: буряк, картошка, зелёные листья от капусты, которые обычно культурные люди выбрасывают, чёрствый хлеб, иногда давали просяную кашу со старым, заветренным салом, бульон с куриными костями. Всё эти отбросы они, видно, отбирали для нас у торговцев, на рынках, на птицефабрике, на хлебозаводах. Зато сами они жрали всё высокого качества и обязательно под горилку. Особенно я любила бульон с куриными костями, которые оставались на мясоперерабатывающем комбинате после разделки тушек. А о колбасе, борще, сыре и овощах мы только мечтали. – Юля неожиданно оторвалась от воспоминаний. – Извини, Коля, я, кажется, поехала совсем в другую сторону.

– Нет-нет, всё хорошо, нам всё важно знать. А теперь расскажи, что происходило с тобой дальше, и как ты вообще попала на обмен.

– Дальше? Дальше... После холодильника меня несколько раз снова били. Просто так, видно, для веселья и тренировки: ведь для них я была обыкновенной боксёрской грушей. Целую неделю не трогали, я думала, что про меня уже и забыли. Но нет, вспомнили. Как-то вечером вывели из камеры и повели к краю аэродрома, к самому лесу. В душе шевельнулось что-то нехорошее, предчувствие какое-то, подумала: «Ну, всё, наверно, расстреливать будут. Ну и пусть! Ну и пусть!» Что интересно, меня вели пешком двое охранников, а за нами медленно ехала большая чёрная машина. Кто в ней находился, я не видела. Поверишь, Коля, даже после всех этих издевательств и унижений мне очень хотелось жить, очень. Я где-то читала, что иногда человека доводят до такого состояния, что он сам молит о смерти. Ерунда это всё, вымыслы писателей. Человек всегда хочет жить, даже если он смертельно болен и у него ужасные боли, даже если он знает, что спасения нет и он одной ногой уже в могиле. Эта надежда не умирает до самой последней секунды. Один психолог заметил, что люди перед казнью становятся апатичными, безразличными ко всему и даже весёлыми. Кто-то такое состояние объясняет душевным смирением с неизбежным, но этот психолог утверждает, что люди до самого последнего мгновения не верят, что у них отберут жизнь, что эта вера и заставляет их быть покорными. – Юля махнула рукой. – Что-то я в философию ударилась. Это сейчас легко об этом рассуждать. А тогда... Меня подвели к глубокой яме, вырытой экскаватором, у которой стояли металлические ящики. В нос ударил резкий запах. Я поняла, что это или известь, негашёная известь, или хлорка. Из машины вышли трое и среди них этот самый Саваоф. Он подвёл меня к самому краю и приказал: «Смотри, сепарка, кремлёвская шпионка, то же самое через минуту будет и с тобой. Смотри, смотри!»

И я смотрела. Боже мой! В этой яме вповалку лежали люди, убитые люди, присыпанные сверху каким-то белым порошком. Тела их были обезображены ожогами, руки и ноги переплелись, словно колючая проволока. И среди мёртвых, как мне показалось, я узнала ту самую женщину, с которой я сидела в кладовке.

– Тётю Христину? – спросил Николай.

– Да, её. Я узнала её по волосам и по ленте, которой она перевязывала волосы. Я отвернулась, я не могла больше глядеть на это. А они, эти скоты, уже держали автоматы наизготовку. Поняла, что они готовы меня расстрелять. Саваоф командовал: «Внимание, по предательнице украинского народа...» Дальше я уже ничего не слышала, потому что от этой страшной картины и резкого запаха сознание моё отключилось, видно, грохнулась на землю от обморока. Очнулась от того, что меня сильно, очень сильно били ногами в ботинках. Словно сквозь сон слышала крики: «Вставай, сука! Вставай, скотина! Если не встанешь, пристрелим на месте, как собаку!» Сил у меня не было, и мне было уже всё равно, что со мной сделают. Но тут ко мне склонился этот Саваоф и прорычал прямо в ухо: «Если ты, сепарка, сейчас не поднимешься, я тебя сброшу в яму к твоим сёстрам и братьям! Живую! Ты поняла меня, падаль! Хочешь?» Эти слова меня испугали почему-то больше, чем угроза расстрела. У меня перед глазами, словно наяву встали эти груды тел, присыпанные известью и хлоркой. Я кое-как встала на свои дрожащие ноги, подняла глаза к небу. С запада летели лохматые сизые тучи и какой-то самолёт, над ямой бесновались какие-то птицы. Вдруг раздался треск автомата. Я закрыла глаза и уже думала, что я на том свете, и вдруг услышала гогот. Это смеялись они, мои палачи. А Саваоф с усмешкой сказал: «Глядите, хлопцы, она даже не обос...ась! Крепкая сепарка попалась!» И снова ржание и гогот.

– Тогда меня не расстреляли, – продолжала Юля. – Не знаю, почему. Может и не хотели, а решили просто попутать. В аэропорту меня продержали около месяца, точно не знаю, сколько – я счёт времени потеряла, я не знала, какой сегодня день недели: вторник, суббота или среда. Они все для меня были одинаковыми. Но били они меня в любые дни одинаково. А однажды куда-то повезли. Приехали в какое-то предместье, за колючую проволоку. Оказалось, что это тюрьма СБУ. Если азовцы со мной просто развлекались, то здесь было всё уже по серьёзному: следователь, допросы, протоколы. Били меня здесь не менее усердно, чем в Мариуполе. Я на первом же допросе сказала, что про сепаратистов ничего не знаю, одним словом: не видела, не слышала, не участвовала, задом стояла. Но они упорно и постоянно что-то спрашивали, часто одно и то же, записывали, просили подписаться. И я подписывала не читая, понимая, что меня всё равно заставят это делать.

Потом наступило затишье. Во время прогулки кто-то мне шепнул, что нас, женщин, хотят обменять на пленных эсэушников. Я не верила, думала, что это провокация эсэушников. Они часто устраивали такие провокации. Однажды увели всех моих соседок – а их было трое – и привели какую-то девушку. Она села на нары и сразу стала хныкать и жаловаться, что её посадили ни за что, что она не знает, что делать, просила советов. Успокоилась, спросила, за что я страдаю. А я сразу почувствовала, что тут что-то не так – там, в тюрьмах, это чувство сильно обостряется. Девка как девка, крашенные волосы, избитая, вся в синяках, в грязной, истасканной одежке, худая. Так и хотелось прижать её к себе, тоже поплакаться. Только я заметила, что уж слишком ухоженные у

неё руки, нежные, с покрашенными ногтями. Даже под глазами кое-где проглядывались остатки теней. Я решила поиздеваться над ней и начала нести такую ахинею, что она рот раскрыла да так и не закрывала его, пока не увели.

Юля улыбнулась:

– А та женщина на прогулке меня не обманула. Теперь я здесь, на свободе. Но той женщины среди нас, которых обменивали, я не видела. Ты не знаешь, Коля, её тоже обменяли?

Добринский не знал, кого именно имела в виду Хвостикова, ответил:

– Успокойся, Юля. С ней всё в порядке, она ехала в другом автобусе.

Ложь во благо, она не раз спасала Николая. Он хотел уже выключить видеокамеру, как вдруг вспомнил совет Веры Игнатьевны расспрашивать о других пленных.

– Да, Юля, ещё один вопрос: ты помнишь имена, возможно, фамилии тех людей, которые сидели вместе с тобой?

– Имена помню, некоторых по отчеству знаю. Вот женщина из Донецка, Софья Викторовна. Её задержали на КПП, когда она ехала к своему сыну и везла ему тёплые вещи и продукты – он у неё в ВСУ служил.

– Как же он в ВСУ-то попал?

– Да очень просто. Работал в Запорожье на каком-то заводе. Пришёл утром на работу, у него пропуск отобрали и увезли в лагерь. Выдали форму, автомат и – вперёд на сепаров. Так вот, эту женщину обвинили в шпионаже в пользу ополченцев. Была ещё одна, девушка, Татьяна. Её азовцы прямо на улице схватили, вывезли в свою располагу и хотели изнасиловать. А она выхватила у насильника из кармашка гранату и взорвалась. У насильника всё хозяйство оторвало, он умер, а Татьяну и ещё двоих, которые её за ноги держали, ранило. Теперь у неё детей не будет, – добавила Юля. – Таких историй я могу рассказать с десяток. Но особенно мне запомнилась одна женщина, красивая такая, Ольга Георгиевна. Фамилию её я не запомнила, интересная такая фамилия, вроде как от хлеба.

Добринский неожиданно рассмеялся. Хвостикова нахмурилась, но Николай её сразу успокоил:

– Нет-нет, Юля, это не над тобой. Я просто рассказа Чехова вспомнил, «Лошадина фамилия», где герои пытались вспомнить фамилию какого-то персонажа. Чего только не предполагали: и Жеребцов, и Телегин, и Уздечкин.

– А как же его фамилия была? – спросила Юля.

– Не поверишь, Овсов.

Николай думал, что собеседница тоже посмеётся, но произошло совсем другое.

– Овсов, говоришь. – Юля наморщила лоб. – Овсова, Пшеницына, Пшёнкина. Вот, вспомнила: Остьянина её фамилия. Она не совсем в себе была, вроде как полупомешанная. С виду будто нормальная женщина, но в какой-то момент вдруг замкнётся, а потом начинает хохотать, как сумасшедшая. Её бы в больницу надо, лечить, а её в камере держали. Судьба у неё страшная. Когда наши, донецкие, из Мариуполя вышли, туда вошли азовцы. Что они там творили, боже мой! Поверишь, Коля, весь город с неделю ни на работу, ни в магазины, никуда не выходил –

боялись. Старики, которые войну помнили, говорили, что даже фашисты так над людьми не издевались. Ведь в нацбатах служили одни бандиты и ээки, которых из тюрем повыпускала майданная власть. Они творили, что хотели.

Вот и в дом Остяниных они пришли. Как она рассказывала, жили они гарненько, был сад, огород, свиней держали, машина иномарка была. Однажды приехали нацики на грузовике, не то пьяные, не то обколотые. Требовали открыть ворота, а когда хозяева отказались, просто выдавили их грузовиком. Всё, что было ценного, нацики отбирали и грузили в машину: телевизор, холодильник, старую швейную машину, компьютер, мебель. Хозяин за ружьё было взялся, так они его тем же грузовиком к сараю прижали, да так, что у него все внутренности через рот вылезли. Ольга Георгиевна не знала, что делать, позвонила в милицию, а там мямлят, что они ничего не могут сделать. Детей, а их у неё трое было, она успела в подпол спрятать. Она не за себя, а за детей сильно боялась, грабить не мешала, потому что понимала, что сделать ничего не сможет. В общем, азовцы погрузили всё, что хотели, даже машину из гаража вывели и уже уезжать собирались. И тут один из грабителей спросил, нет ли у неё горилки. Ольга Георгиевна ответила, что нет. Тот не поверил, пошарил по укромным углам, потом полез в подвал, она в него вцепилась, не пускает, бандит ударил её прикладом по лицу. Она в ответ лицо ему расцарапала. Тот завыл зверем от боли, начал её обзывать самыми грязными словами, хотел пристрелить на месте. Подбежали и другие, затащили её в подвал. Горилки не нашли и стали её насиловать, по очереди, прямо при детях. Мало того, заставляли их смотреть на своё скотство. Потом связали, бросили в багажник машины и увезли с собой.

– Да за что же? – спросил Николай.

– А ты что не знаешь, что у сильного всегда безвинный виноват! Приписали, как и всем другим пленным, сепаратизм, измену родине, помощь оккупантам.

– А дети как же?

– О детях Ольга Георгиевна так ничего и не узнала.

Юля замолчала, затем поморщилась, сказала:

– Устала я что-то, да и голова болит. Давай, Коля, мы закончим. Я вроде бы всё рассказала. Если что вспомню, я на бумаге напишу.

– Хорошо, Юля, – согласился Добрянский и протянул девушке визитку. – Вот, возьми. Если что, позвонишь.

После обеда Николай поехал в другую больницу, где лежал другой обмененный пленный, Соловейчик Герман Давыдович. Нашёл его в палате для тяжелобольных. Сразу узнал в нём того самого мужчину, который в одном из обмененных вэзэушников узнал своего сына. Хотел спросить об этом, но решил сдерживаться и оставить этот вопрос до удобного случая. Мужчина оказался, в отличие от Хвостиковой, неразговорчивым, даже мрачным. Узнав, что нужно от него Добринскому, сказал:

– А что рассказывать-то, у меня, как у всех.

Разговор вышел очень тяжёлым, показания из него приходилось буквально выдавливать по капле, словно засохшую зубную пасту из тюбика. По

донецким меркам история Германа Давыдовича и правда оказалась банальной, как у тысяч и тысяч жителей этого края. Жил он в Славянске. Как и большинство нормальных людей, не принял новых порядков майданщиков. Даже если и хотел бы, пояснял Герман Давыдович, всё равно не принял бы, потому что душа и всё его естество сопротивлялись непонятному и инородному. Почему? Потому что ощущал себя, как и его предки, русским, только русским, а не украинцем. Как и все, участвовал в референдуме о независимости. Потом, когда свои ушли и в город вошли нацисты, начал понемногу помогать подпольщикам – оставались и такие. Ну как помогал: подбирал им подходящие квартиры, сдававшиеся внаём, потому что работал в жилищно-коммунальной сфере и знал весь свой район. Кто-то, видно, из своих же и предал. Арестовали его прямо на работе.

Постепенно Соловейчик разговорился:

– Пришли за мной эсбэушники, документы предъявили – всё как полагается. Я ведь поначалу, идиот, даже обрадовался, – усмехнулся Герман Давыдович.

– Почему?

– Ну, почему... Всё же официальные органы, государственные, они по законам работают. Не то, что эти нацики, правосеки. Эти настоящие бандиты, садисты. Наслышались мы, что они творят: насилуют, грабят, издеваются над людьми, как хотят, убивают. И нет на них никакой управы. Вот почему. В общем, повезли меня в харьковское управление СБУ, допрашивать стали. А я ничего толком и не знаю, на самом деле не знаю. Ведь я как в это подполье попал. Пришёл ко мне однажды человек, совершенно незнакомый: мол, помоги, дай надёжные адреса для дела. А у нас были такие сведения, где дома, квартиры пустые стояли. Люди в них прописаны, а сами или уехали куда надолго, или пропали, или на зоне чалятся. Я сразу понял, что человек этот не из бандитов, не из уголовников, подсказал ему несколько адресов. Потом он уже просто звонил, представлялся определённым именем и четырёхзначную цифру называл – и я знал, что это именно он или от него. Я даже сейчас не могу тебе этот пароль назвать, потому что люди, насколько я знаю, до сих пор работают. Вот... Да, и ещё уговорились, что, если со мной что, я молчать не буду, назову все адреса. Всё-таки у меня семья, дети, даже внуки уже есть, от дочери.

Добринский спросил:

– А как они узнали бы, что вас арестовали?

– Ну, это совсем просто. Они раз в день мне звонили, на рабочий или на сотовый, вроде, как по ошибке, убеждались, что со мной всё в порядке. Вот... Одним словом, в этом СБУ я всё рассказал как на духу: и адреса назвал, и внешность этого мужика обрисовал. – В этом месте Соловейчик горько усмехнулся. – Ты думаешь, эти сволочи поверили? Как бы не так! У них аппетит ещё больше разыгрался, требуют – всё рассказывай, имена, явки, пароли давай; если сказал «а», говори и «бэ». Я говорю, что не знаю больше ничего, что я всё рассказал. Вот тут-то и пошли самые страсти христовы! Как надо мной только не издевались, как не били, боже мой! Такое нормальному человеку и придумать невозможно. – В этом месте Герман Давыдович слов-

но спохватился: – А вы знаете, чего я больше всего боялся? Что жену и сына, Мишку, тоже арестуют. Старшая-то наша дочь в Крыму осталась, замуж там вышла за военного, двоих внуков нам с бабкой родила. А Мишка подросток, всего семнадцать было, когда меня забирали. Шалопай! Связался с какими-то уродами. Ведь у него и друзья хорошие были, на гитаре выучился играть, песни пел, а потом как отрезало: забросил и друзей, и гитару, по лесам стал ходить – мол, физической подготовкой занимаюсь. А там, видно, бандеровцы собирались. Сманили парня, всю душу ему изувечили. Эх, если бы я только знал, да я бы его... Не хочу об этом говорить. Слушай, давай-ка выйдем на вольный воздух, – предложил Соловейчик. – Душно тут.

– А дойдёте?

– Доковыляю как-нибудь.

Устроились на скамеечке у сухого фонтана.

Николай знал о том, что сын Соловейчика воевал на другой стороне, но не хотел этим тревожить Германа Давыдовича: если захочет, сам расскажет. Спросил:

– Что же дальше-то происходило, Герман Давыдович?

– А что... Искалечили меня так, что я ни двигаться, ни говорить уже не мог. Я даже сам не понимал, то ли жив ещё, то ли умер. То в себя приходил, то снова сознание терял, тело, словно чужое. Это я уж потом узнал, что у меня всё рёбра поломаны, одна нога как у слона стала – распухла, левая рука сломана, голова тоже разбита. Однажды очнулся ночью – несут меня куда-то на носилках, погрузили в автозак и поехали. На скамейках три конвоира сидят с автоматами. Думаю: ну, всё, Гермаша, видно, это твой последний путь на этом белом свете. Сначала ехали молча, а потом слышу: ругань. Прислушался (мотор-то работает, слышно плохо): один говорит: «Это тебе не мешок картошки сплести, дурень, человек всё же, хоть и сепаратист. Наверняка искать начнут. А кого виноватыми сделаю? Нас! Вот и думай». Второй отвечает: «А давай сгрузим в лесок, там сам сдохнет или волки, медведи сгрызут. Никто не опознает». – «Да какие у нас волки, медведи, это вам не Сибирь, не в тайге». Пошептались чего-то, замолчали. Чувствую, кто-то смотрит на меня, наклонился ко мне – проверяет, живой я или нет, дыхание его с чесноком чую, видно, сало жрал, говорит: «А сынок-то его подлюка». Понимаю, что, видно, разговор на другое перешёл, кого-то обсуждают. «Почему?» – «А ты не знаешь? Так это же сыночек его родной к нам, в СБУ, на отца накапал».

В этом месте своей исповеди Герман Давыдович неожиданно задёргался, несколько раз с искажённым лицом взрыднул, часто и тяжело задышал, но через полминуты справился с собой и охрипшим голосом продолжал:

– Только тут до меня дошло, что это они обо мне, о моём Мишке говорят. Мне кричать хочется, что, мол, это всё враньё, что этого не могло быть, а голоса-то у меня нет. Совсем пропал. Охранник говорит: «Гляди, хлопцы, мертвяк-то завозился!» – «Может, услышал?» – «Да не, это он, наверно, отходит». – «Хоть бы сдох, что ли, и мы ни при чём». Снова кто-то ко мне наклонился: «Не, дихати ешо». Снова тишина, только движок машины воеет – в гору

поднимается. Кто-то спрашивает: «Так, что же с ним делать?» – «А давайте его в больницу отвезём, пусть доктора с ним возьтятся. А?» – «А шо ми им скаже?» Дальше уж я снова отключился – машину тряхнуло.

Соловейчик неожиданно спросил Добринского:

– Звать-то тебя как?

– Николаем.

– У меня брат, тоже Николаем зовут. Младше меня на три года. В Киеве сейчас живёт, на хохлушке женился. Теперь не признаёт ни меня, ни родителей своих: вы, мол, против Украины голосовали, сепаратистами стали. С нами совсем не знается, даже по телефону не звонит. Родители переживают за него, дурака. – Герман Давыдович тяжело вздохнул и поморщился, держась левой рукой за грудь. – Не заживает никак. Слушай, Николка, дал бы ты мне сигарету, что ли. Что-то жаба в груди душит, выкурить бы её оттуда, стерву.

– А врачи разрешают курить? – спросил Добринский. Тот лишь махнул рукой: мол, не всё ли равно.

Николай протянул Соловейчику сигарету, дал прикурить, закурил сам. Мужчина долго молчал, рассматривая окрестности, признался:

– Я сейчас долго в помещении находиться не могу, стены душат. – Затем без напоминаний продолжал: – Да, свобода для человека иногда дороже жизни. Так, вот, конвоиры привезли меня в больницу. Я лежу на носилках с закрытыми глазами, не то живой, не то мёртвый – сам не понимаю, но всё слышу. Доктор в приёмном покое, когда меня увидел, закричал: «Вы чего мне живой труп привезли, идиоты! Вы его искалечили, вы и отписывайтесь. А я за ваши делишки отвечать не собираюсь». Слышу: уговаривают его. Врач снова кричит: «Ему очень серьёзная операция нужна, и не одна, а у нас даже наркоза нет!» А какой наркоза, когда я самого себя уже давно не чувствую. Конвоиры говорят: «А ты без наркоза делай что-нибудь, он сепар». Что происходило потом, я не помню – видно, окончательно отрубился.

Сколько дней я был без сознания, не знаю. Открыл глаза, смотрю: лежу на кровати, всё тело в бинтах, руки-ноги привязаны, боли страшные во всём теле. Звать на помощь стал. Входит охранник: чего, мол, орёшь! «Доктора позови». – «Нет доктора, на операции он». – «Сестру позови». Позвал. Сестра говорит: «Обезболивающего нет, терпи, сепар». Про свои мучения я подробно рассказывать не стану: кто такое испытал такое, тот меня поймёт, а кто не испытал, не прочувствует всего, что претерпеть мне пришлось. В этой больнице были не врачи, а самые настоящие садисты, похуже фашистов. Они приводили ко мне практикантов и на мне, как на какой-то подопытной собаке, рассказывали о ранах, о лечении, тыкали в открытые мои раны, отмечая болевые реакции организма. Больше всего меня поразили укровские медицинские работники – и откуда их таких набрали: казалось бы, это люди добра, возвращающие человеку самое дорогое – здоровье, жизнь, но они казались словно какими-то пришельцами с чужой планеты, которые появились на Земле, чтобы проводить эксперименты. Они не обращали внимания на мои крики, стоны и мольбы, они просто фиксировали мои болезненные реакции, за-

писывая их в какие-то журналы. Сначала я орал как резаный, а потом перестал – не хотел доставлять этим гадам радость от моих мучений. И кто теперь меня убедит, что на Украине, моей родной Украине, властвуют не фашисты? Да никто!

Герман Давыдович осторожно высморкался и продолжал:

– Медсестры, которые мне приносили еду, просто ставили её на тумбочку рядом с моей кроватью, мило улыбались и уходили. А они знали, что у меня ноги и руки привязаны, что сам я поест не могу.

Неожиданно он спросил Добринского:

– А знаешь, Николка, кто людьми оказался? – И сам же ответил: – Мои охранники. Я уже потом узнал, что на двери моей каморки, где я лежал, врачи повесили табличку: «Сепаратист», и весь персонал больницы знал, что помогать мне опасно, потому и остерегались проявлять заботу о враге – вот до чего людей запугали. А охранники не испугались. Они стали тайком, иногда даже по ночам, подкармливать меня. Один парень за свои деньги покупал мне обезболивающие лекарства. Я так был ему благодарен, что однажды спросил, как его зовут, за кого ставить свечку за здоровье. Знаешь, Коля, что он ответил? Тебе, отец, моё имя знать ни к чему, а вот за Украину, если живой останешься, обязательно помолись. Вот оно каково!

Герман Давыдович осторожно и глубоко вздохнул, снова держась левой рукой за правую сторону груди – видно, даже такое простое, естественное движение, как вдох, доставляло ему боль. Он взглянул прямо в глаза Николая:

– Вроде бы всё рассказал.

– А на обмен-то как попали?

– Вот чего не знаю, так не знаю. Однажды в эту больничку приехал какой-то чин в сопровождении чуть ли не целого батальона, – я слышал, как в коридоре сильно шумели и стояли все на ушах – чин этот с врачами зашёл ко мне, спросил какого-то военного, который постоянно за его спиной тёрся: «Наших убивал?», тот ответил, что в убийстве я не замечен, но помогал сепаратистам. Чин лишь махнул рукой: «Включите в список. И нам мороки с ним меньше, пусть там долечивают». До меня уж потом, в автобусе дошло, когда нас на обмен везли, где именно «там» – в республике. И чина этого я сначала не узнал – вживую-то он совсем по-другому выглядит, много раз по телевизору выступал, в Раде, в передачах разных. Сволочь последняя, но ему я тоже почему-то благодарен. Думаю вот: «А если бы он меня не увидел, не зашёл ко мне? Или приказал бы снова меня мучить?»

Соловейчик снова поморщился, но Добринский понял, что не от боли, потому что Герман Давыдович грустно покачал головой:

– Сейчас бы мне Мишку, сына моего, выручить. Задурили ему бандеровцы голову, заманили в свою шайку. Ведь это сын мой, Мишка, при обмене-то был, на него я кричал. Зря, наверно, кричал. Лучше бы он здесь, в плену остался. Не дай бог, убьют парня, свои же убьют. Дурь-то из головы выбить можно, а вот с того света уже не вернёшь. Да и самому в жизни как-то по-новому устроиваться придётся: назад уже не поедешь, там меня азовцы окончательно домордуют. Нет, назад никак нельзя. Жена...

Чего жена надумает, тоже не знаю. Мне нельзя туда, она неизвестно, поедет ли сюда. Там у нас всё устроено, налажено. Работа у неё. Слушай, Николка, а можно мне как-то связаться с ней, ну, списаться, поговорить с ней, а?

– Номер телефона помните? – спросил Николай.

– Как не помнить, до смерти не забуду, память ещё не вышибли.

Добринский протянул свой телефон:

– Звоните.

Соловейчик отошёл в сторону, больной рукой медленно набирал номер, приложил трубку к уху, долго, с нетерпением, с трясущейся головой ждал ответа, наконец, закричал:

– Нина, Нина, это я! Да, да! Живой, живой! Да не реви ты, Нина! Мишку нашего видел. Как видел? Да живой, здоровый наш Мишка. Ты приехать сможешь? Приезжай, приезжай, я всё расскажу...

Третьего свидетеля Добринскому удалось допросить лишь на следующее утро. Он приехал по адресу, где днём ранее произошёл взрыв. Увидел, что в стене строители уже заделали пробоину от снаряда, вставили стёкла в раму. Николай долго нажимал на кнопку звонка, потом понял, что он не работает, постучал в дверь. Открыли сразу. Денис Викторович Партизанов был небрит, взлохмачен, в майке, в шортах. С ходу задал вопрос:

– Вы электрик?

– Нет, я из Комитета по делам военнопленных, – уточнил Николай и представился. – Мне бы с вами побеседовать надо, Денис Викторович. Хотя, если вам сейчас не до разговоров, мы можем отложить...

– Нет-нет, – неожиданно запротестовал хозяин. – Заходите, раз приехали. Мне всё равно электрика ждать, обещали до полудня. Правда, у нас тут беспорядок. Вчера нас обстреляли, мина попала. Говорят, маленькая, восемьдесят вторая. Слава богу, что не снаряд, – на ходу, пока они проходили на кухню, объяснял хозяин.

– Я знаю, Денис Викторович.

– Откуда? – удивился Партизанов.

Добринский рассказал, как проезжал вчера мимо и что увидел, спросил:

– Как ваша дочка?

Хозяин нашёл взглядом в углу икону Божьей Матери, перекрестился:

– Слава богу, пронесло. Жива наша Светочка, контузило только – оглохла, да осколками поцарапало. Хорошо, что мина под кровать залетела, там взорвалась. Матрац, перина все осколки приняли. Жена сейчас там, у неё, в больнице. Сволочи, – неожиданно зло выругался он. – Не в плену, так здесь эти проклятые выродки меня достали!

– Сообщают, что наши ответку им дали, за то, что они мирные кварталы обстреливают, – сказал Николай. – Чтобы неповадно было.

– Так им и надо, бандеровским сукам, – со злостью процедил Партизанов и снова простонал: – Слава богу, что доченька жива осталась! – а потом спохватился – Извините, Николай, мне даже и чайком вас не угостить. Ни газа, ни электричества пока нет.

– Да что вы, Денис Викторович, беспокоитесь обо мне. Давайте лучше о вас поговорим. Как вы в плен попали, что от вас хотели, как вас обменяли? В общем, все подробности. Это для дела надо.

Партизанов начал сразу:

– По глупости я к этим уродам попал, по своей глупости да из жалости. Ведь знал же, что творится в Мариуполе, а поехал туда. Из жалости к родственнику поехал. Позвонила мне дальняя родственница по отцу. Старенькая она уже, за семьдесят, больная, плачет: «Дениска, помоги, Христа ради, Митеньку, внучка моего, ироды арестовали. И помочь некому, одни мы». Я спросил, за что. Оказывается, азовцы искали себе дозу – ломало их сильно.

– Вы про наркотики? – переспросил Николай.

– Ну а про что же ещё? Вы ведь знаете, кого в эти нацбаты набирали: уголовников, наркоманов, бандитов, зэков – одним словом, всякую шваль. Вот они и искали дозу. Где взять, видно, не знали. Прямо на улице схватили какого-то парня и давай его избивать и пытаться, где им дозу взять. А откуда ему знать, если сам он не колется и не курит марихуану. А они: говори, а то убьём! Парень-то не стерпел издевательств и назвал первый попавшийся адрес, чтобы они только от него отвязались. А по этому адресу как раз и жили мои родственники.

Пришли эти уроды в их дом, вызвали Диму, давай, говорят, нам дозу. Он, понятное дело, не понимает, о чём речь, отнекивается. Тогда азовцы поволокли его за дом и давай там его лупить. Несколько часов его пытали на глазах у целого района. Бабушка его беспокоилась, звонила внуку на телефон, а эти гады отвечали и подробно рассказывали, как они над ним издеваются. Кто-то всё же осмелился вызвать милицию. Приехали, скрутили всех, в том числе и Диму. А он еле живой. Его бы в больницу надо везти, а они его в кутузку. В общем, там он и умер. Всего этого бабушка, конечно не знала, потому и позвонила мне. Да я и сам не знал. Вот и приехал. Не знал, что Димы уже в живых нет, да и бабушка тоже не знала – ей даже не сообщили о его смерти.

Одним словом, пошёл я в отделение милиции, а там такое творится! Дружки арестованных убийц уже сообщили об их задержании начальству, те – ещё выше. Я хожу по кабинетам, спрашиваю о парне, а они только отмахиваются – не до тебя сейчас, завтра приходи. А в это время к милиции подъехала чуть ли не рота азовцев, на машинах, на бэтээрах, а с ними какой-то начальник из Киева, чуть ли не заместитель министра внутренних дел. Требуют выпустить своих уродов. Милиция отказывается: мол, поздно, уже дело завели, что свидетели есть. А что бандеровцам до законов, у них свой закон – сила! Начальнику милиции объяснили популярно: если ты наших не отпустишь, мы твой курятник разнесём в пух и прах, а вас порежем, как бройлеров. И что ты думаешь, Николай, всех отпустили. Словно они не убили никого, ни над кем не издевались. Весь этот беспредел происходил на моих глазах. Я, конечно, стал возмущаться: мол, как так, виновных отпускают, а невиновного в клетке держат. Тут-то на меня и обратил внимание этот самый заместитель, спрашивает: «А ты кто такой?». Я отвечаю: мол, родственник. «Откуда? А ну-ка, дай паспорт. О, да ты из Донецка, сепаратист! А ну-ка, хлопцы, упакуйте сепара, проверим, что у него внутри мозгов». Вот так я и попал в плен, – с горькой усмешкой закончил свой рассказ Герман Давыдович.

– А что же там? – спросил Добринский. – Ведь предъявить-то вам нечего было.

– Эх, Коля, да этим упырям и доказательств никаких не надо. Это не люди, это дьяволы какие-то, всплывшие из преисподней, из геенны огненной. Для них одно удовольствие над людьми поиздеваться, кулаки почесать. Для них мы не люди – пыль, которую надо сдуть, стереть с Донбасской земли. Для них все, кто тут живёт, – комары, которых можно пришлѣпнуть, чтобы не кусался. Вот я тебе расскажу. Как-то они в магазине водку у продавца требовали на похмелье, причём бесплатно, как хероям хреновым, оскорбляли, издевались над женщиной, а девчонка одна взяла да засняла весь этот беспредел на телефон. Они заметили и что сделали! Мало того, что телефон разбили, так ещё отвезли её в свою располагу и хором изнасиловали. А бабушке, которая им замечание сделала за нахальное поведение, ногу прострелили. И таких случаев сотни.

Мне ещё повезло, я и побыл-то у них всего три недели. А Диму жалко, ох как жалко. Ни за что погубили парня. Ему бы жить да жить, совсем молодой был, в техникуме учился, на мастера. Я ведь о смерти его уже там, у азовцев, узнал, шепнул мне один нацбатовец на ушко, что зря, мол, я так о Димке пекусь, нет его уже в живых – у этого, видать, ещё совесть какая-то, с каплю, осталась. Бабушка тоже смерть Димину не пережила – как узнала, занемогла да так и не поднялась больше. И ещё говорят, примириться с ними. Да разве можно примириться с этими уродами после того, что они натворили? Да ни за что! Лучше под пытками умереть – так честнее будет. Дима, Дима... Ладно бы за дело парня угробили. Да если бы и за дело, какое они имели право...

В этом месте раздался громкий стук в дверь. Хозяин быстро поднялся со стула:

– О, это точно электрик! Ты извини, Николай, мне больше и рассказывать-то нечего.

Добринский почти месяц записывал показания бывших пленных, но почему-то из его головы не выходила Юлия Хвостикова. Сходил в больницу, где он с ней встречался первый раз, но там сказали, что девушку выписали ещё две недели назад, а куда она потом делась, не знают. Решился спросить в комитете, зная, что они отслеживают судьбу своих подопечных. Вера Игнатьевна подозрительно посмотрела на холостяка, улыбнулась:

– Что, Коля, понравилась?

– Да нет, что вы, Вера Игнатьевна, при чём тут это, – смущенно начал оправдываться Добринский. – Я же журналист, мне интересно, как сложится её судьба. Может, даже напишу.

– Только без указания настоящих имён, – строго прервала Вера Игнатьевна. – Это не просто журналистское расследование, а показания, свидетельства пострадавших. Они будут предъявляться на суде. Не строй обезьянью гримасу, Фома неверующий. Суд обязательно будет, не знаю, когда, но точно будет. Иначе вся наша работа ни хрена ничего не стоит. А красавица твоя сейчас работает на птицефабрике, живёт там же, в центре реабилитации.

– Почему на птицефабрике? – спросил Николай.

– Вот у неё и узнаешь. Всё, иди, некогда мне

с твоими сердечными амурами разбираться.

На проходной Николай спросил, где найти ему Хвостикову. Полная вахтёрша спросила:

– Зачем она тебе?

Он показал удостоверение.

– А, это ты, – пристально взглядевшись в лицо Добринского, равнодушно протянула женщина. – Я тебя по телику видела. Настоящий ты какой-то другой, а балакаешь складно. Только врешь много.

– Чего это я вру? – возмутился Николай.

– А то! Помнишь, ты про котельную рассказывал? – напирала женщина. – Как ты расписывал: всё-то хорошо, к зиме подготовились, начальник чуть ли не батька родной, насос, мол, новый поставили! Ага, щас! Ты хоть знаешь, что начальник этот насос, новый-то, продал да денежки в свой карман припрятал, а старый насос-то перебрал, подкрасил, а сказал, что новый поставил. Вот оно как! Ты вот журналист, а работать не умеешь!

– Почему не умею?

– Да потому! Ты сначала у людей спрашивай, а потом к начальнику иди. Народ-то, он всё знает, всё примечает. А начальник что: он тебе и соловушкой пропоёт, чтобы себя в красне выставить! Вот, мол, какой я заботливый да хозяйственный...

Вахтёрша, наверное, так до конца своей смены и вываливала бы свои сплетни, если бы не пикнувшая легковая машина. Женщина бросилась к кнопке на стене с криком:

– Сейчас, сейчас, Гаврила Михайлович, открою!

Добринский, чтобы не выслушивать словоохотливую контролёршу, сел в свою машину, посмотрел на часы – до конца смены оставалось совсем немного. Подождал за музыкой, пока с птицефабрики не повалит народ, в основном женщины. Вот уже все прошли, а Хвостиковой он так и не увидел. Хотел снова подойти к вахтёрше, спросить, как вдруг заметил, что на скамейку в сквере усаживается девушка. Присмотрелся: точно – она, Юля. И неудивительно, что не узнал её. За этот месяц девушка сильно изменилась, превратившись из сказочного гадкого утенка в прекрасного лебедя. И всё же в ней можно было заметить что-то ещё прежнее, пережитое. Сейчас Николаю казалось неудобным подойти к ней, заговорить первому. Хотел даже уехать, как вдруг Юля, присмотревшись к водителю, помахала ему рукой и закричала:

– Николай, Николай!

Он обрадовался, что девушка узнала его, вышел из салона, забыв захлопнуть дверь, подошёл, сел рядом, поздоровался:

– Здравствуй, Юля.

– Здравствуй, Коля. Ой, ты знаешь, а я смотрю: ты, не ты? Ты, наверное, тут по своим журналистским делам? А я теперь здесь работаю, в цыплятнике.

– Почему в цыплятнике? Что это такое?

– Ну, это там, где после инкубатора подрастают цыплята, что-то вроде куриных детских яслей. –

Она рассмеялась. – Знаешь, они такие смешные, маленькие, жёлтенькие, как крошечные мячики. А пищат! – аж уши закладывает.

– Работа – это хорошо, а где живёшь?

– Пока в центре реабилитации, ведь у меня ни денег, ни паспорта, ничего нет.

– Что-то ты туда не спешишь, там, наверно, несладко.

– Терпимо, неплохо кормят, соседки по палате неплохие попались. Мне и вещи кое-какие дали, одежду, туфли, даже сумочку – из гуманитарки. Только хочется подольше побыть вне стен, на просторе, на воле. Да и ужин ещё не скоро.

– Это правда, – отозвался Добринский, – у меня тоже что-то подсасывать начинает. Давай в кафе сходим, посидим, кофе попьём, мороженого поедем. Я угощаю.

Через десять минут они сидели в открытом кафе, ели чебуреки, запивая их кофе, мороженое и болтали о пустяках. В какой-то момент Николай спросил:

– Домой, в Мариуполь, возвращаться не собираешься?

Юля задумалась:

– Домой? Наверное, нет, пока там хозяйничают эти садисты и идиоты. Да и документов у меня никаких нет, всё дома осталось. Живу пока по справке, обещали скоро выдать паспорт, паспорт Донецкой народной республики. Да и жильё моё уже наверняка или продали, или заселили «западэнцами».

– Разве это возможно? Ведь есть же законы, право на частную собственность и всё такое.

– Для этих уродов, Коля, никаких законов не существует. И вообще... Жить рядом с ними... Знаешь, перед тем как мне предложили работу на птицефабрике, я ходила ещё в одно место.

– Куда?

– К ополченцам. Я просила их взять меня к себе, на передовую, чтобы убивать, убивать и убивать этих тварей.

– И что?

– Они сказали: «Нет, девочка, тебе оружие в руки давать нельзя, потому что ты начнёшь убивать всех без разбора». Не знаю, наверно, они правы, я бы не сдержалась. – Вдруг Юля заявила: – Какое вкусное мороженое, как будто сто лет его не ела!

Неожиданно Николай предложил:

– А давай в кино сходим!

– В кино?

– Ну да. Тут недалеко летний кинотеатр работает, бесплатный.

– А что там показывают? – спросила девушка. – Если про войну, боевики, убийства, то...

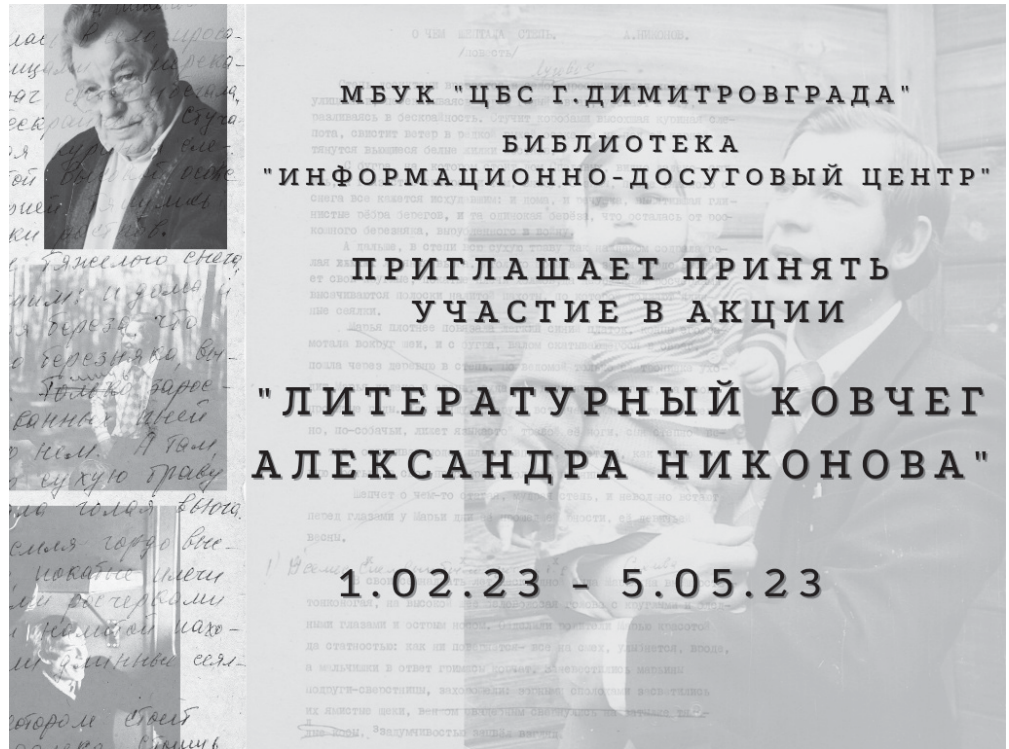
– Нет-нет, там показывают старые, добрые, ещё советские фильмы. Сегодня как раз идёт «Весна на Заречной улице». Я, когда мы мимо проезжали, афишу видел. Ну, что?

– Если «Весна», то я согласна.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОВЧЕГ АЛЕКСАНДРА НИКОНОВА

Литературная акция проводится с 1 февраля 2023 года по 5 мая 2023 года, работы принимаются до 30 апреля 2023 года. Участие может быть как индивидуальным, так и коллективным и не зависит от возраста и места проживания.

Участники литературной акции самостоятельно выбирают отрывок из произведения А.Ф. Никонова и представляют работу в одной из номинации:

– «Видеочтение» – видеоролик, слайд-шоу, электронная презентация, буктрейлер, продолжительностью не более трёх минут.

– «Аудиочтение» – аудиозапись в формате mp3 продолжительностью не более пяти минут.

– «Рисунок» - иллюстрация к одному из произведений писателя, как вариант – обложка для книги.

– «Мультфильм» – создание мультфильма в любой анимационной технике по одному из произведений писателя.

– «Поделка» – изделия из бисера, природных материалов, вышивка, аппликация и т.д. по одному из произведений писателя.

Положение размещено на сайте централизованной библиотечной системы <http://cbs->

dimitrovgrad.narod.ru/ и на странице библиотеки «Информационно-досуговый центр» в социальной сети «ВКонтакте» https://vk.com/biblioteka_idc.

Работы с анкетой участника присылайте на электронную почту idcdimgrad@mail.ru с пометкой «Литературный ковчег А.Ф. Никонова».

5 мая 2023 года в библиотеке «Информационно-досуговый центр» состоится литературный юбилей «75 лет жизни и творчества Александра Никонова» с участием дочери писателя Ксении Александровны Щетининой (Никоновой) и награждение участников Акции.

Авторы лучших аудио- и видеороликов могут получить приглашение для участия в записи литературного тележурнала «СЛОВО» на ТВ канале ДимГрад24.

Приглашаем наших читателей принять участие в акции, посвященной Александру Никонову.

*Раиса КАШКИРОВА,
соучредитель димитровградской писательской организации «Слово»,
член Правления УРО Союза писателей России,
редактор литературного приложения «Слово» к газете «Димитровград»*

*Ольга ДАРАНОВА, председатель Ульяновского регионального отделения
Союза писателей России, ученый секретарь Дворца книги.*

«МЕНЯ ИЩИТЕ НА ЗЕМЛЕ!..»

Вспоминая Александра Лайкова

*Переживу, дружнице, злую зиму,
Пережую солёный кус в тепле.
А если я внезапно в темень сгину,
Меня ищите на Земле!*

«Меня ищите на Земле!» – сказал нам своими стихами замечательный поэт и человек Александр Лайков, которому 16 февраля 2023 года могло бы исполниться 70 лет. Всего лишь...

В память о поэте во Дворце книги состоялся творческий вечер, на который пришли его собратья по перу, друзья и коллеги. Каждый сказал свое слово. Горечь утраты смешивалась с обострённым чувством незримого присутствия поэта. Вечер транслировался по удалённой связи для библиотеки города Лутугино Луганской народной республики. Прозвучала музыка Шостаковича, Гречанинова, Рыбникова, авторские песни на стихи Александра Лайкова в исполнении Олега Киселева, Александра Тимакова, Сергея Лямина. В вечере приняли участие юные дарования общеобразовательной школы №53 города Ульяновска, ДШИ №2 Чердаклинского района Ульяновской области.

Ведущая вечера – Ольга Даранова

Его век оказался не длинным, но вместил многое. Он стал настоящим поэтом, чьи строки мы теперь открываем вновь, оставил в памяти людей след своей душевной щедростью и добротой.

Александр Лайков был поэтом и человеком своего времени, чья молодость и зрелость пришлось на завершение века двадцатого, на рубеж веков, и ветры времени пронизывали его насквозь.

Ему выпала судьба родиться на переломе эпох, стать свидетелем появления новой России. И всё пережитое им лично и страной переплавилось в стихи. Остро ощущая кровную связь с Родиной, её многовековой историей, он слышал дыхание прошлых столетий в каждом современном дне.

*Я каждый миг ликую и скорблю
И устаю, как все, к исходу дня...
Шум города и шорох звёзд ловлю,
И вечность протекает сквозь меня.*

Сейчас, на расстоянии полутора лет со дня его ухода, многое начинает просматриваться по-иному, глубже, что ли... Наступило время воспоминаний, перечитывания... А стоит только вернуться к его строкам, припасть к ним глазами – и почувствуешь такую круговерть жизни!

О чём писал Александр Лайков? О русской правде и вечной доле, о речках детства и живой воде... Он писал о том, что «от рожденья до вечности» дарует нам Свет...

Начиналась его стихотворная судьба цветением вишнёвых садов над Волгой, стуком рыбацких моторок, клёкотом чаек над волной – всем тем, что вбирает душа с детства, с родного порога, с первого выбега на берег реки, с первого выплеска чувств... И к чему в итоге поэт всегда возвращается:

*К вешним водам идём причаститься,
С грустью гладим бездомных котят...
Наши души, как белые птицы,
К старым гнёздам, к истокам летят!*

В книге «Зимородок» есть фотография маленького Саши Лайкова у мамы на руках. У него там такой удивленно-восторженный взгляд! И такой вот взгляд на мир сохранил он на всю жизнь! Так он и жил – просто, с восторженной доброй улыбкой, искринкой в скрытых очками глазах... Жил-бежал, работал, любил, растил детей и внучек. Писал, ездил, выступал на встречах с читателями, студентами, молодёжью; любил дружеское застолье – потом

опять бежал, освежённый ветром, радуясь новому дню, не давая заботам и огорчениям согнуть и сломать себя. Он раскрывался и подтверждал свою верность и любовь ко всему земному, чувственному и в лирике, и в поэзии гражданского характера, и, конечно, в посланиях к друзьям:

*Меня не мистика спасёт
От суеты сует и терний,
А влажно-розовый осот,
Дымок над русской деревней!*

*Спасёт сиреневый рассвет,
Плетень с берёзовой сорочкой...
И этот полувнятный бред
Над пушкинской строчкой.*

Всеми не раз отмечено его притяжение к родной земле, его слитность с ней:

*А там, под вёслами в речной излуине,
Стоит просторный, хлебосольный дом.
Всё самое хорошее, всё лучшее,
Что есть в душе, рождено в доме том.*

*Чу! Слышу вновь певучий скрип уключины,
Арбузный хруст и отголоски кос...
Всё самое хорошее, всё лучшее!
На малой родине не прячу слёз.*

А свою приверженность веку, кровную с ним отметину он выразил такими строками:

*На великой Руси, где живут на земле
Рядом с русским калмык и татарин,
Где подковы в траве, а курганы – в золе,
И с улыбкой с портретов – Гагарин!*

Но поэт потому и провидец, что вбирает в себя отголоски прошлых времён, «стон русской земли от полчищ поганых», «будённовских тачанок с кар-ртавинкою речь», «свист ошалевших пуль» и стук костылей ветеранов Великой Отечественной... Душа поэта страдает в лихие 90-е:

*Кто мы – варвары или манкурты,
Потерявшие память и род?
Расхристосили Храм златокудрий...
До Кремля не дойдёт ли черёд?*

А. Лайков. Фото В. Ламзина

И обобщая судьбу России, он восклицает: «Сколько нас полегло от Непрядвы до Моря, с допетровских времён до парламентских сеч!» И везде, во всех стихах – русский человек, страдающий, воюющий, защищающий, создающий. Русским человеком, этой «золотой опорой державы», поэт гордится.

Слитность с родной природой и историей, пожалуй, основная, характерная черта личности и творчества Александра Лайкова. В своих стихах он стремится создать мозаичное полотно времени, в котором жила и живёт – в борении, в страстях, победах – его Россия. Его стихия – Родина от Ярославны и русских князей до космоса и мирного атома.

Но главный двигатель жизни у него всё-таки любовь... Да, этот неуклюжий, застенчивый, добрый человек писал стихи, как Сирано де Бержерак, и любил так же – истово, безоглядно, честно.

*Давай в глаза друг другу поглядим,
Затеплим свечи в праздник новогодний.
Люблю тебя до горестных седин,
Всё пламенней, нежней и старомодней!*

Судьба поэта никогда не может быть «пропета вся». Её продолжение – в нашей памяти. Он возвращается к нам в январскую стужу и в летние ночи, в весеннюю капель и в листопад. Он своим оптимизмом и дружелюбием зовёт нас вновь в круг поэтов. И мы знаем, что в нашей жизни «всё было и будет прекрасно и мудро» и будет «длиться любовь до скончания века».

Илья ТАРАНОВ, член Союза писателей России.

ИСТОК МОЙ – УСТЬЕ ВОЛГИ

Александру Дмитриевичу Лайкову посвящаю.

Солнце застыло в июньском зените, когда моя машина остановилась на въезде в небольшое селение Суходол, раскинувшееся на двух малых озёрах в полстах километрах от Ульяновска.

В эти края, расположенные на древних волжских террасах, я попал впервые, и надо сказать, что равнинный лесостепной ландшафт вдоль дороги меня не утомил. Мобильная связь от Поповки была недоступна, и я не мог дозвониться до поэта Александра Лайкова, которого решил навестить, а точный адрес не запомнил. Проехав знак населённого пункта, я встал в тени деревьев и снова набрал номер Саши; вызов пошёл, но Лайков не отвечал, и я медленно поехал наугад, останавливаясь возле живописных домов и колодцев. Кому-то российская глубинка покажется невзрачным и отжившим явлением цивилизации, но только не творческому человеку, черпающему вдохновение в простой содержательности русского быта, в облике старых фасадов с резными карнизами и наличниками на окнах, в патриархальном укладе жизни народа, испокон веков населяющего приволжские земли.

– Кто ж его помнит? – отвечала мне старая женщина на вопрос об истории старинного, как мне показалось, заброшенного дома из красно-бурого кирпича с замшелой крышей, архитектура которого указывала на его дореволюционную постройку. – Может, крестьянина Жилина, а может, и Савельевых. Все знающие давно померли.

Проехав пол-улицы, миновав школу и памятник воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, я остановился на широком пустыре возле бело-розовой кирпичной церкви с позолоченным куполом и цветущим палисадником.

Мимо неспешно прошла белая лошадь, тащившая телегу со свежескошенной травой и двумя мужиками, от которых веяло такой сельской безмя-

тежностью, что захотелось оказаться на их месте с Сашей Лайковым, откинуться спиной на мягкую душистую кошенину, окунуться взглядом в лучезарный небесный колодец и слушать живительную поэзию моего друга:

Хватало и песни, и хлеба,
И веры хватало вполне,
И в самое синее небо
Я мчался на добром коне!
Там жёлтые стебли полыни,
И солнце нещадно палит,
И женщины сладкое имя
Мне было превыше молитв!..

Наконец мой телефон ожил, и я услышал добродушный голос:

– Ну ты где, мой друг? Я малость заждался!.. Езжай прямо и слева огибай озеро до самого крайнего дома.

Редкие облака отражались в синем зеркале тихого озера и сопровождали меня до ветхого сарая с шиферной крышей, притороченного к берегу среди крапивы, дербенника, лопуха, а выше меня встречал есенинский разнотравный лужок со старыми берёзами.

Грунтовая дорога оборвалась перед старым деревянным домом с худым некрашеным забором, новыми воротами и скрипучей шаткой калиткой, из которой вразвалочку вышел широко улыбающийся Александр Лайков в синих выцветших шортах и сланцах. Обычно он чисто выбрит, но тут я увидел заросшего двухнедельной щетиной нечёсаного поэта, похожего на одичалого человека, давно не видевшего живых людей.

– Привет, привет, мой друг! Ну ты что так долго?

– Здорово, суходольский помещик! – так в шутку я его называл, а Александр не возражал, мне даже

казалось, что ему это по душе, да и своим обликом дородного русского мужика с прищуром Александр Лайков походил на небогатого симбирского барина времён Ивана Гончарова.

– Веди в дом, чертяка загорелый, я с гостинцами! – мы обнялись и вошли во внутренний двор, поэтический беспорядок которого вызвал во мне неопишуемый пафос.

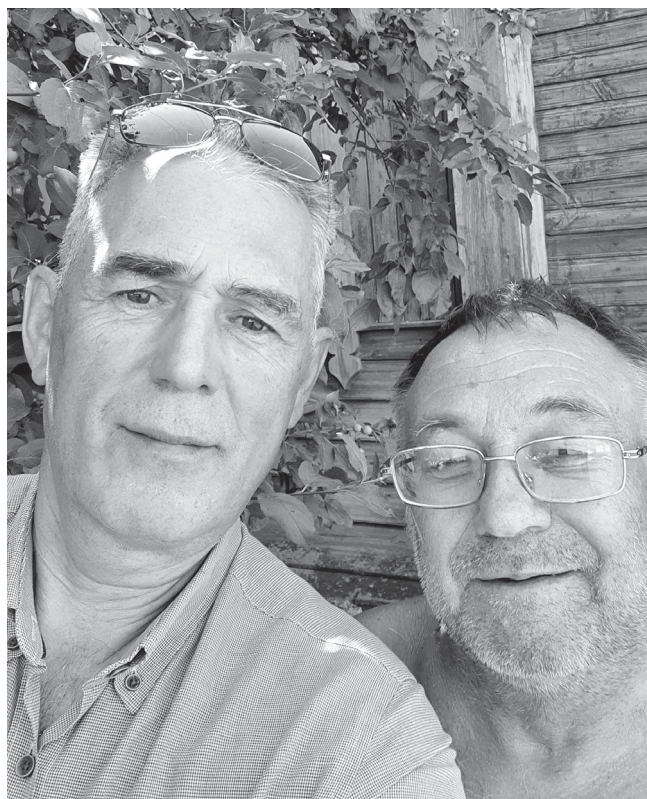
– Да у тебя, Саня, тут настоящий Эдем! Вот где ты прячешься от городской суматохи, вот где душа поэта находит покой!

А он поправил свои дешёвые очки, огляделся, будто сам здесь впервые, тяжело вздохнул, нервно почёсывая всей ладонью подёрнутый сединой затылок:

– Тут своей кутерьмы хватает... Почти пятьдесят соток земли на задах. Я сегодня упарился, окучивать картошку, а вечером буду поливать этот Эдем... Потом посмотрим, когда малость жара спадёт... Хочешь, прочитаю из старого?..

«Куда бежать от суеты сует, / от горьких мыслей и бессонниц? / Поэт в России больше, чем поэт! / Ему судья – лишь Бог да совесть. / Глаголы все оплачены судьбой. / Мой дар – трагедия и милость. / Покоя нет! Лишь долг и вечный бой, / пока звезда не закатилась».

Некий момент мысленного соучастия с судьбой другого человека наступает в тот час, когда он невольно открывает тебе душу, распаивает своё сердце, доверяя твоим словам, твоему взгляду, чувствуя не столько духовное родство, сколько созвучие душевное, не поддающееся описанию, возникающее вне человеческой воли и, возможно, по божьей милости. Я и раньше замечал скрываемые Александром за жизнерадостной улыбкой мазки печали и тревоги, но всегда отзывался на них коротко: «Не

Илья Таранов и Александр Лайков. Суходол

грусти, друг! Всё будет как в кино – хеппи-энд и всё такое!», считая эти темы не для мужского характера, отодвигая их и для себя, и для Александра на уровень творческого осмысления в ритмике написанных строчек. Александр прекрасно чувствовал эту грань, довольствовался моей иронией, а мне хватало его стихов: *«Покрывает могилу трава: где моя – никому не известно. На земле – ах как мама права! – хватит всем заповедного места».* Выразительными невычурными строчками Александр погружался в такие глубины философского осмысления бытия, что, казалось, его стихи когда-то были высечены на священных камнях древних славян и дошли до нас благодаря археологам и паломникам.

Небольшой двор, огороженный совсем не барским домом, старой бревенчатой баней, наполовину сгнившими сарайчиками и завалившимся забором из почерневшего от времени штакетника, условно разделялся тропинкой на две живописные части. Со стороны бани двор зарос чертополохом, молочаем, травой-муравой, и среди этого густотравья допотопное выцветшее кресло с драными углами и разбитой спинкой, застиранные коврики, тазы, грабли и всякая рухлядь, скромная натуральность которой вызвала бы восторг живописца. А со стороны дома солнечные лучи купались в ярком многообразии садовых цветов. Шапки розовых пионов спорили с многоцветьем стрел дельфиниума, белые и синие колокольчики, розовая аквилегия соперничали с голубыми ирисами, виноград оплетал решётчатую шпалеру, яблони и вишни притеняли часть сада и дома, придавая поэтический колорит этому райскому уголку. Лайков театрально сел в кресло и продекламировал свои строки: *«Что мне надо? Работы да хлеба, да глоток родниковой воды, да на вечно мерцающем небе постоянство полярной звезды!»*

Мы зашли в дом – обыкновенная русская изба-пятистенка с двускатной крышей. В горнице было душно и жарко, почти как на улице, окна зашторены, в стекло билась муха, где-то нудно жужжала оса.

– Работаю по ночам, кое-что пишу, а в такое пекло спастись от жажды можно только добрым пивом, – он с жадностью отхлебнул из привезённой банки. – Вот смотри, Илья, как я тут живу. Сруб крепкий, родня купила под дачу. Места достаточно. Оставайся на ночёвку, в баньке посидим, почирикаем малость. Ты же знаешь, я сейчас из-за пандемии работаю на удалёнке, собираю материал к нашему сборнику «Слово о Победе». В начале книги будут стихи Петра Бейсова, Юрия Куликова, Евгения Ларина и других наших ветеранов. На днях прозу прислали Алексей Жданов, Ольга Шейпак, мой старый друг Олег Храмов. Его надо бы принять в Союз... Жду материал от тебя и Саши Дашко, потом отправлю Нине Барсуковой. Во Дворец книги езжу раз в месяц. Директор Светлана Валентиновна дала ещё задание – готовить литературный сборник к восьмидесятилетию области. Кину клич – буду всем рассылать на почту приглашение. Ноутбук взял – да тут интернет совсем дохлый.

По дороге в Суходол я написал в наш писательский чат в «Ватсапе» для Александра незатейливый стих:

*Еду, еду в Суходол
К знаменитому Лайкову.
Будет хлебосольным стол...
Прикоснусь к живому слову!*

К живому слову я прикоснулся сполна, а вот про хлебосольный стол написал в шутку, зная с его

слов про спартанский образ жизни в этом утишье. На столе, покрытом клеёнчатой скатертью с огромными божьими коровками, кроме моего термоса с чаем, бутербродов и пива, лежал сборник стихов и статей «Молодая проза – 89», которым Александр стал размахивать перед моим носом.

– Будет время, почитай! Хорошие поэты. Я кое-чему у них научился. Мой тёзка Александр Левин написал в своё время умопомрачительную научную работу «Лингвинопластика...» Начинать изучать, но специфическая подача материала. Суть, в общем, в том, что слово имеет физические свойства расчленяемости, способности к слипанию с другими словами, растягиваемости и сжимаемости. Запомнил из статьи как пример ненормативной пластики эту шуточные строчки: «Вот так порой с приятелями пьёшь, а нужен миллиард, так хрен у них займёшь!»

– Пей только с теми, у кого есть миллион, – ответил я Лайкову, мы посмотрели друг на друга, как пластилиновые мультяшные герои, и я принялся осматривать комнату, думая о том, что одна из драгоценных способностей Лайкова – свободно сжимать в ямбы и хорей жизненную правду, непреложные человеческие истины и логику мировых законов в гармоничное звучание русского языка, в чёткий эмоциональный ритм с неожиданными рифмами. И это не только божий дар, а литературные и лингвистические знания вкупе с житейским опытом.

– Один литературовед прислал такой хороший отзыв на мои стихи, я даже обалдел, – сказал Александр, будто услышал мои мысли. – А недавно выступал в местной школе. Ты понимаешь, они меня с таким почётом встречали! Был глава поселения.

После паузы я ответил:

– На мой взгляд, ты один из лучших, кого я знаю. Мастер поэтического слова. Не зазнавайся, как некоторые. Ты сам знаешь, чего стоишь. Тщеславие вылезет, как щетина, а сбить не получится... Важно не то, что пишет о себе человек, а что он говорит о других.

Александр потёр небритые скулы, а я тем временем внимательно осмотрел комнату, отмечая творческий бардак, бесчисленное количество кроватей и забавных диванчиков с кучами одеял, подушек и простыней.

– Ты, дружище, спишь поочередно на этих лежанках?

– Да нет! Когда толпа родственников приезжает, всё тут бывает занято. А наводить гостиничный порядок нет времени. Я и сторож, и садовник, и землекоп, и повар.

– А я думал, что только поэт!

– Поэт в России – больше, чем поэт! – парировал с улыбкой Александр и разлёгся с книжкой на самом забавном лежаке – чём-то среднем между кроватью и топчаном. Я назвал это лавкой Обломова, а он меня в отместку назвал вредным Штольцем.

Самым интересным предметом интерьера была выкрашенная в чёрный цвет голландка – цилиндрическая кирпичная печь, обшитая металлом. Печь, со слов хозяина, была в рабочем состоянии, и он следом прочитал мне своё известное многим стихотворение, посвящённое поэту Анатолию Чеснокову, которое я слышал много раз, но в этих стенах оно зазвучало с новыми оттенками.

*Я в прошлом столетии печь затопил –
Завыла чугунная вьюшка!
Дымком потянуло до самых стропил,
И брагой наполнилась кружка.
А угли с шипеньем стреляли к ногам,
Как брызги ядрёной вишнёвки!
И, босый, молился с похмелья снегам
Кудрявый поэт из Теньковки...*

Жара в комнате, в которой Александр чувствовал себя совершенно прекрасно, казалась вызванной не летним солнцем, а этой чёрной голландкой, затопленной поэтом по случаю приезда долгожданного гостя. Он размышлял о поэзии, о наших собратях по перу, заговорил о своей родине, о селе Икряном, расположенном ниже Астрахани в дельте Волги, совсем загрустил и клятвенно пообещал, что в конце августа уедет погостить в свой отчий дом. Тут только я обратил внимание на корабельный штурвал, висящий на стене над головой Александра. Он задрал голову: «Исток мой – устье Волги, созвездие проток, моряна – ветер волглый да горький полынок. Курганы рыжей масти, глухие камыши... От Дмитрия да Насти добро и свет души!..»

Вот что нас притягивает друг к другу кроме поэзии – любовь к Волге-матушке, к её раздолью, к её вольным берегам, заливам, затокам и речным чайкам, снующим над волнами. Вся его творческая натура в эти минуты была устремлена к своим истокам, эмоциональное напряжение возрастало, казалось, безотчётная сила сейчас оторвёт его от мягкой лежанки и погонит вдоль Волги до самой Астрахани, в Икряное, где существовал тот мир, который делал Александра Лайкова счастливым. Ностальгия в его глазах вспыхивала ярче солнечных лучей, а он читал и читал наизусть стихи, которые удивительным образом сохранялись в его памяти.

*Когда, томя, нахлынут горлом
Глухие приступы тоски,
Я разменяю Новый город
На астраханские пески!
Уйду в речное захоlustье,
В страну лиманов и проток,
Где тонет в камышовой грусти
Одноэтажный городок.*

*Где дом окошками на Волгу
Всегда приветит беглеца,
А мама выдохнет невольно:
«Ну непоседа... Весь в отца!..»*

Александр выпил всё пиво, я выпил весь чай, мы сжевали все бутерброды; задушевный разговор прервал звонок моего телефона, и я стал прощаться с Суходольским острожником, как теперь дружески стал его называть.

– Жаль, что уезжаешь. Хотел обсудить ещё несколько тем. Думаю, что здорово сказала Светлана Матлина: «Я – переполненное эхо...» Почитай, я умею ценить хорошие вещи своих собратьев по перу... Утром звонил брат Евгений из Икряного, говорит, жара под сорок. Главное – карантин сняли. Мы все напуганы ковидом, но всё равно поеду в начале сентября, на работе это не скажется – я ещё в форме!

Мы вышли за ворота: вдали за берёзами тянулись поля, засеянные пшеницей и гречихой, пастбища и луга, туда же устремлялось порывевшее солнце, а где-то там – дальше всех горизонтов – утекала Волга к Каспийскому морю, «где в бездну вод уходит невод, маяк с луною говорит и буревестник режет небо в багряных всполохах зари! Где я отведаю ушицы из царской рыбы-осетра и чай из мяты и душицы на вольной воле, у костра! И растворится понемногу моя вселенская печаль... К порогу, к отчему порогу – к началу всех моих начал!»

14.02.2022

Фото И. Таранова

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Анастасия КАРПОВА – родилась в Москве в 2001 году. Студентка Литературного института им. А.М. Горького, семинар очерка и публицистики Ф.С. Нагимова. Лауреат литературно-критической премии «Эхо», финалист литературного семинара молодых авторов в рамках Всероссийских Беловских чтений, участник Итоговой всероссийской мастерской АСПИ. Публиковалась в журналах «Литература», «Пашня», «Знамя», «Костер», «Окно», «Лучик», в сборниках молодых авторов «Альманах», «Яблочный Спас» и др. Живет в Вологде.

ОДНАЖДЫ В ДЕКАБРЕ

Рассказ

Пасмурный и не по-зимнему теплый день, а на Митиных щеках совсем не детские слезы. Он плачет и тянет руки к разбитой стеклянной ёлочной игрушке, пытаясь собрать все, что от нее осталось. На ней еще вчера был изображён маленький оленёнок с красным бантиком на шее. Теперь это просто осколки. Сестра Варя когда-то рассказывала ему, что это семейная традиция, которую начала их бабушка, и именно с этого шара семья решила собирать коллекцию стеклянных елочных игрушек. Ценная вещь в доме. Стало быть, игрушка увидела три поколения.

– Целых три! – воскликнул Митя, захлебываясь в слезах.

Ему показалось, что еще немного, и его детство закончится. Будто его возьмут и отберут, если не через минуту, то завтра точно. Вот придет злой дяденька и скажет, что Митя плохой, Митя все делает не так, как должен делать хороший мальчик. А раз не так, значит, непременно поругает и поставит в угол. А угол темный и оттого кажется страшным. По ночам через угол в комнату проникают невидимые миру существа, которые садятся на кровать и касаются Митиных

волос. И тогда Митя начинает громко плакать, так громко, что прекращает слышать самого себя.

Это произошло утром, когда он проснулся и в сладком любопытстве потянулся за шаром. Взгрозившись на табурет, он ловко вытянул правую руку в сторону бежевой игрушки. Но что-то пошло не так, Митя зацепился рукавом ночной рубахи за тонкую золотистую гирлянду и выронил своего любимого медведя вместе с шаром. Митя знал, что этот звук задержится в его памяти на много лет. Он почему-то верил в это, ведь именно так звонко бьют часы на центральной площади, именно так дед однажды захлопнул дверь и не вернулся. Точно так стучит и он сам. Что-то внутри постоянно напоминает ему об этом: «Митя, я здесь, а ты?» «И я здесь», – отвечает он шепотом, укрывшись одеялом.

Варя старше Мити на четыре года. Ей приходится помогать брату: натягивать чулки, умывать и бранить за различные проделки. Глаза ее, как сказал бы Митя, повернуты в разные стороны. Варя всегда улыбается, и это нравится ему. Проходя мимо торговых лавок вместе с сестрой, Митя не раз слышал, как отзывались о Варе: «Какая же убогая...» Он вслушивался в эти слова и пытался понять. «У Бога», – повторял Митя, – «у Бога я». Он жалел Варю, когда той говорили сестра за обеденным столом не у окна, а на проходе. И было ему так печально смотреть на нее, такую добрую и радостную. Разве мог маленький мальчик знать, что Варя – недолгожданный ребенок? Но, как оказалось, время вершит свои законы, и в какой-то момент это «не ожидание» по воле Божьей все-таки преобразилось в девочку, которая сейчас стоит посреди комнаты и успокаивает брата, проводя легкой рукой по его светлой кудрявой макушке. Из семьи только Митя со всей любовью, какую только возможно уместить в четырехлетнем мальчике, всегда бежит к ней за успокоением. И сейчас, когда он сидит и плачет, Варя рядом и разделяет с ним трудные минуты его совсем маленькой, но уже такой сложной жизни. Посадив Митю на кровать, она принялась собирать осколки елочной игрушки.

– Ничего, Митюшенька, другая игрушка нас порадует. Скоро Рождество, подарки... – сказала Варя, ползая на коленях и пробегаясь глазами по старым паркетным дощечкам, чтобы найти более мелкие кусочки стекла. – Ты пока полюбуйся на ёлочку. Какая она у нас большая, красивая, посмотри.

– Кр-р-расивая, – повторил Митя, качая левой ногой и обнимая мишку.

Елка мерцала в глазах Мити, и игрушки на ней переливались всеми цветами, которые только есть на свете. По крайней мере, ему так казалось. И было бы здорово, если бы и он мог окунуться в этот сказочный мир, наполненный ожиданием чуда. Но Митя сидел, а чудо все не происходило. Он думал, что так можно просидеть всю жизнь и совсем ничего не заметить.

– Это нам папа ёлочку на прошлой неделе привез, – продолжила Варя, завершив уборку, а затем села рядом с Митей. – Говорит, долго искал самую чудесную из всех, для нас старался. Видишь, вот мы и убрались с тобой. Ну что ты, не хныкай.

В этот день отмечали праздник святого Николая Чудотворца. Произнести утреннюю молитву вовремя у них не получилось, но Варя уже попросила прощения у Него, взглянув на образок. Икона стоит на единственной полке, до которой может дотянуться дневной свет, в ряду со всеми остальными, которые достались ей от покойной бабушки. Здесь и Матерь Божия, и Господь, и святой Серафим Саровский. Они смотрят на стоящих подле них Вареньку и Митю. Перед каждым из них эти два земных создания интереснее любого произведения искусства, потому что имя их – жизнь человеческая. Митя вслушивается в молитву Вари, обращая свои большие детские глаза на икону святого Николая Чудотворца. В его руках маленькая свечка. Руки покачиваются в нелепом танце так, что воск капает на кулачки, сжимающие хрупкий стан свечи, но Митя терпит и только изредка надкусывает свою пухленькую нижнюю губу. Свеча согревает его подбородок, отражаясь яркими оранжевыми фонариками в глазах.

На все слова Вареньки он робко и неумело отвечает, покачивая головой: «Да... да». Никто из земных не услышит, что на самом деле говорит Митя: «Дорогой Николаюшка, спаси игрушечку. Ей, наверное, очень грустно... без елки... без меня. Бабушка, родименькая, если ты меня всё-таки слышишь, прости своего Митеньку, он больше так не будет».

– Аминь, – произнесла Варя, сплетая невидимыми нитями голову и плечи.

– Ами-и-инь, – повторил Митя, уверенно и звонко.

Затем он дотронулся до хрупкой Вариной руки и побежал в прихожую к своим крохотным валенкам – искать подарок от святого Николая. За окном крупными перьями падал снег.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Антонина ЛОБКАРЁВА, старший научный сотрудник Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова.

«У НАС ЕСТЬ СВОЙ РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР. ОН ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ ДОЛЖЕН НАЗЫВАТЬСЯ «ТЕАТР ОСТРОВСКОГО»

А.Н. Островский 1880-е гг.

Девятнадцатый век справедливо называют золотым веком русской истории. В это время Россия решительно вошла в мировой процесс, внося свой мощный вклад в развитие литературы, музыки, живописи, науки, театра. Век явил ряд великих имён, двухсотлетние юбилеи которых приходятся на 10-е, 20-е годы XXI века. Весной этого года исполняется 200 лет со дня рождения Александра Николаевича Островского. Юбилей великого драматурга отмечается на государственном уровне: издан указ президента, принят план юбилейных мероприятий.

Практически во всех юбилейных публикациях об Островском приводятся слова И.А. Гончарова, в которых он точно определил место и роль драматурга и в литературе, и в истории театра. «Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский, национальный театр». Он по справедливости должен называться «Театр Островского», – писал Гончаров в приветственном письме по случаю тридцатипятилетия литературной деятельности А.Н. Островского.

А.Н. Островский. 1856

И.А. Гончаров. 1856

Даже в кратком изложении жизнь Островского поражает и восхищает. Судьбой ему было отпущено 63 года. Более тридцати лет, начиная с 1853 года, новые пьесы Островского почти каждый сезон появлялись в московском Малом и Петербургском Александринском театрах. Драматургом было написано 47 пьес, ещё 7 пьес он написал в соавторстве. Стараниями отца Александр Николаевич получил прекрасное образование, он владел греческим, французским, немецким, английским, итальянским, испанским языками. Это позволило Островскому для расширения репертуара русских театров переводить пьесы великих европейских драматургов. Он и умер 2 июня 1886 года в своём имении Щельково, сидя за письменным столом, во время работы над переводом пьесы Шекспира «Антоний и Клеопатра». Уже в 1859 году было напечатано первое собрание сочинений Островского в двух томах. В скобках заметим, что цензором этого издания был И.А. Гончаров.

Островского чтят не только как драматурга, но и как просветителя и преобразователя русского театра. В 1866 году (по другим сведениям — в 1865-м) Островский основал Артистический кружок, давший впоследствии московской сцене многих талантливых деятелей. По сути дела, он создал театральную школу и целостную концепцию театральной постановки. В 1874 году по инициативе Островского было образовано Общество русских драматических писателей и оперных композиторов, бессменным председателем которого он оставался до самой смерти. Работая в комиссии «для пересмотра законоположений по всем частям театрального управления», учреждённой в 1881 году при дирекции Императорских театров, писатель добился многих преобразований, значительно улучшивших положение

артистов. В 1885 году Островский был назначен заведующим репертуарной частью московских театров и начальником театрального училища.

Островский принимал участие в работе II Славянского конгресса, который проходил в России в 1867 году. Биографы драматурга признают, что стремление Островского соединить деятельность писателя с общественными интересами является его большой исторической заслугой.

Об Островском сложилось представление как о человеке размеренной жизни, посвящённой только творчеству и делам театра. Но факты жизни драматурга опровергают это мнение. В 1856 году Островский в составе «литературной экспедиции» был командирован Морским министерством в Верхнее Поволжье — изучать быт и промыслы населения. Позже он выезжал в Крым, на Украину, в Закавказье, путешествовал по Волге, бывал в Германии, Австрии, Италии, посещал Париж и Лондон. Отметим, что Александр Николаевич бывал и в Симбирске.

Как человека и как писателя Островского отличала страстная увлечённость и отзывчивость на те или иные явления действительности. Так для России 1860-х годов, после отмены крепостного права, характерен повышенный интерес к прошлому страны. Островский в этот период увлёкся историей Смутного времени, вступил в переписку с историком Н.И. Костомаровым. Результатом этого увлечения стали пять «исторических хроник в стихах»: «Кузьма Захарьич Минин-Сухорук», «Василиса Мелентьева», «Дмитрий-Самозванец и Василий Шуйский», «Воевода», «Тушино».

Интересна в этом смысле также и история создания пьесы в стихах «Снегурочка». В 1873 году Малый театр был закрыт на капитальный ремонт, и его труппа переехала в здание Большого театра.

Комиссия управления императорскими московскими театрами решила поставить спектакль-феерию, в которой участвовали бы все три труппы: драматическая, оперная и балетная. С предложением написать такую пьесу в очень короткий срок обратились к А.Н. Островскому, который охотно на это согласился, решив использовать сюжет из народной сказки «Девочка-Снегурочка», а также песенный и песенно-обрядовый материал русской поэзии. Музыка к пьесе по просьбе Островского была заказана молодому П.И. Чайковскому. И драматург, и композитор работали над пьесой с огромным увлечением, очень быстро, в тесном творческом контакте. Во время работы над «Снегурочкой» Островский тщательно искал размеры стиха, консультировался с историками, археологами, знатоками старинного быта, обращался к большому количеству исторического и фольклорного материала, в том числе к «Слову о полку Игореве». Сам он высоко ценил эту свою пьесу и писал Н.А. Некрасову: «Я <...> в этом произведении выхожу на новую дорогу»; о музыке Чайковского он отзывался с восторгом в письме к артисту Ф.А. Бурдину: «Музыка Чайковского к «Снегурочке» очаровательна». Премьера спектакля состоялась 11 мая 1873 года на сцене Большого театра. Немного позже Римский-Корсаков написал блистательную оперу на сюжет «Снегурочки» Островского.

А.Н. Островский с особым чувством относился к мнению о своём творчестве двух собратьев по перу: Н.В. Гоголя и И.А. Гончарова.

Можно сказать, что Островского в начале его творческого пути благословил Н.В. Гоголь. В воспоминаниях современников сохранилось важное для Островского событие. Так, 3 декабря 1849 года он у Погодина читал многочисленным гостям пьесу «Свои люди – сочтёмся», которую долгое время не разрешали печатать. На чтение ждали Гоголя, но он не приехал. Островскому помогал его молодой друг, актёр Малого театра Пров Садовский. Читали на голоса: Островский – женские роли, а Садовский – мужские. Все со вниманием слушали франтоватого, одетого по моде в светлый фрак и пёстрые брюки молодого автора. Слушали хорошо, от души смеялись. Неожиданно во время чтения раздался скрип ступеней, шаги по лестнице, пришедший оперся о притолоку двери, да так и простоял неподвижно до конца чтения. Потом так же незаметно исчез. Это был Гоголь. Позднее он написал записку, которую Островский берёт всю жизнь как святыню. В ней были высказаны несколько замечаний и такие важные для молодого писателя слова: «Самое главное, что есть талант, а он всегда слышен».

В воспоминаниях современников сохранилось и особо почтительное отношение драматурга к И.А. Гончарову. Журналист, историк и общественный деятель М.И. Семевский писал, что однажды Островский с горечью сетовал: «Но довольно вам сказать, что в нынешний приезд я даже не был у Ивана Александровича Гончарова, а между тем к нему каждый приезд свой в Петербург считал долгом являться». По словам Семевского, драматург считал, что не посетить Гончарова в Петербурге все равно, что не поклониться иконе Иверской божией матери при приезде в Москву. Во взаимоотношении Гончарова и Островского присутствуют

А.Н. Островский 1860-е гг.

И.А. Гончаров. 1886

внешняя, фактическая сторона и внутренняя глубинная связь. Известны положительные отзывы автора «Обломова» и обо всём творчестве Островского, и об отдельных его произведениях. Гончаров был и, пожалуй, до сих пор остаётся, одним из самых глубоких и тонких ценителей творчества драматурга. В 1860 году Гончаров дал хвалебный отзыв о «Грозе» для комитета по Уваровской премии, во многом благодаря ему премия и была присуждена Островскому. Грибоедовскую премию за 1883 год Островский получил тоже не без участия Гончарова. Мнения членов жюри в оценке пьес Островского разошлись. Правда, по болезни Гончаров не участвовал в судействе, свое мнение он высказал в письме к комитету. И его мнение сыграло решающую роль. В результате премия была присуждена Островскому за пьесу «Красавец-мужчина». Гончаров даже собирал материал для большой статьи об Островском. Статья не была завершена. Черновой вариант статьи был впервые опубликован в 1923 году в сборнике «Памяти А.Н. Островского» под названием «Материалы, заготавливаемые для критической статьи об Островском». В №9 журнала «Симбирскъ» эта рукопись Гончарова тоже была представлена. Современные исследователи обращают внимание на родство мировоззренческой, жизненной и писательской

позиции обоих писателей. В подтверждение этого тезиса остановимся только на одном примере. Говоря об Островском, Гончаров постоянно подчеркивал глубоко национальный облик его творчества. Драматурга и романиста объединяла любовь к своим героям. В статье «Лучше поздно, чем никогда», в своей незаконченной работе о драматурге Гончаров говорит о том, что только благодаря глубокой любви Островского «к каждому камню Москвы, к каждому горбатому переулку, к каждому москвичу, шевелящемуся в своей куче сора и хлама», «в его бесконечных галереях и является вся великая Россия “воочию”... она писалась фантазией, юмором и любовью...» А о своём творчестве Гончаров написал однажды переводчику его романов, датчанину П.Б. Ганзену: «...в старухе – Бабушке («Обрыв»), в Обломове, в Райском и двух девушках, Вере и Марфеньке, с любовью выражается всё то, что есть хорошего в русском человеке». Продолжением этих слов Гончарова можно считать слова Островского из письма к М.П. Погодину: «Пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует. Исправители найдутся и без нас. Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее».

Валентина НИКОНОВА

ТРИ РЕКИ НИКОЛАЯ НЕКРАСОВА СЛИЛИСЬ У БЕРЕГОВ УЛЬЯНОВСКА

В Историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова в феврале – марте 2023 года экспонировалась выставка «Некрасов. Три реки». Выставочный проект появился благодаря соглашению о сотрудничестве между Ульяновским областным краеведческим музеем имени И.А. Гончарова и музеем-заповедником Н.А. Некрасова «Карабиха».

Открытие выставки

В церемонии открытия выставки приняла участие старший научный сотрудник музея-заповедника Н.А. Некрасова «Карабиха» Алёна Молчанова.

«Наша выставка называется «Некрасов. Три реки». Это первая попытка объединения трёх некрасовских музеев, которые расположены в Санкт-Петербурге, у нас в Карабихе и в Чудовской Луке Новгородской области. Что касается экспозиции в Ульяновске, она строится по принципу трёх рек. Три реки – это и есть три музея. В каждой реке есть свой исток – то есть начало, откуда она течёт», – подчеркнула Алёна Молчанова.

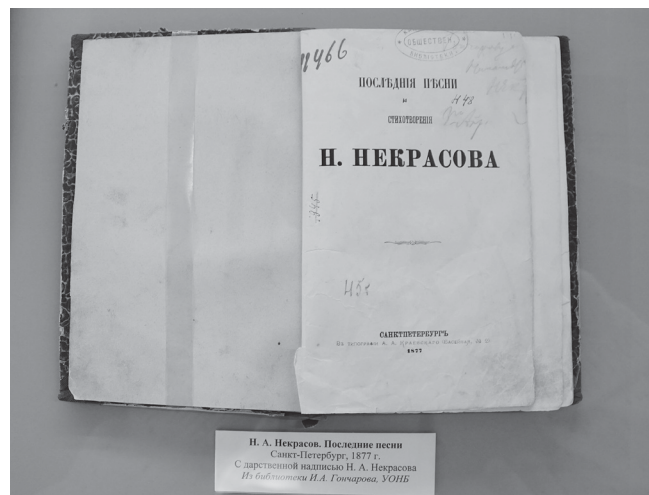
Ольга Даранова

Ученый секретарь Дворца книги, руководитель ульяновской писательской организации Ольга Даранова приветствовала участников открытия выставки.

Из фонда областной научной библиотеки были для экспозиции предоставлены книги с автографами Николая Некрасова и Ивана Гончарова.

В витринах были представлены редкие книги

Книга с автографом Николая Некрасова из фондов Ульяновского Дворца книги

В числе приглашённых гостей выставки была поэтесса Елена Кувшинникова, которая подчеркнула, что название «Три реки» – это простор для размышления. В отношении творчества Николая Некрасова это может быть и река любви, и река воспоминаний, и река жизни. По словам Елены Кувшинниковой, из прошлого в сегодня волны этих рек принесли на Симбирскую землю выставку и рассказ о жизни и творчестве Некрасова:

«И сегодня продолжают сиять имена Ивана Гончарова, Николая Некрасова. Действительно, название выставки очень символично. Так наша многоводная река Волга объединяла великих писателей в прошлом, а сегодня объединяет сотрудников музея Карабихи и музея Ивана Гончарова».

Также поэтесса прочла свои стихи: «И боль, и благо. Благо боли. Весна опять к нам благоволит. Верней, сказать благоволит. Вновь из окна открылся вид на Волгу после пробуждения – зелёных веточек сплетенье освобождает от обид. А если сверху, с высоты взглянуть на Волгу и мосты, и муравьишек человечьих, почуять мелкость всех невзгод. Понять всем сердцем – всё пройдёт. Лишь то, что свято будет вечным...»

Всё своё детство Некрасов провёл в деревне неподалёку от Ярославской области. Когда поэт покинул отчий дом, он устремился в столицу за славой, и там его захлестнул водоворот событий, лиц и судеб. Но при этом родные берега реки Которосль оставались для него близкими. Местом силы Некрасова всегда была усадьба Карабиха, в которой он провёл десять летних сезонов. Здесь он написал 11 бессмертных произведений. Все они вошли в золотой фонд русской классической литературы. В их числе знаменитая поэма «Мороз красный нос», поэма «Русские женщины», главы из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», «Арина – мать солдатская» и многие другие сочинения.

В завершающем разделе выставки представлены некрасовские строки: «*И не боюсь я суда того строгого, / чист пред тобою я, мать. / В том лишь виновен, что многого, многого / здесь мне не дали сказать...*»

Некрасовская экспозиция в Гончаровском музее была построена по интерактивному принципу. Каждому посетителю было предложено стать участником увлекательного квеста-викторины по мотивам жизни и творчества Некрасова. Чтобы ответить на вопросы викторины, нужно было внимательно изучить экспонаты и проявить наблюдательность. Организаторы считают, что такой современный способ создания выставки позволяет быстрее и активнее погрузиться в творчество поэта. Особенно полезно и интересно было побывать на выставке школьникам, студентам-гуманитариям и всем, кто заинтересован в глубоком изучении творчества Николая Некрасова. Среди посетителей выставки много молодежи.

Молодые слушатели

«Среди всех литературных выставок мы с наибольшим интересом принимаем выставки писателей – современников Гончарова. Для нас особенно ценно узнавать, с кем он общался, с кем встречался, какие между ними были отношения. Экспозиция

«Три реки» дала нам возможность благодаря нашим партнёрам показать гостям уникальные издания», – подчеркнула на открытии экспозиции Елена Клевогина, заведующий сектором научно-экспозиционной работы историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова.

Выступает Елена Клевогина

Фигура Николая Алексеевича Некрасова является знаковой для русской литературы. Жизнь и творчество великого поэта, издателя, журналиста по сей день остаются предметом пристального внимания и горячих дискуссий. Выставочный проект предоставил возможность широкой аудитории почувствовать ритм жизни поэта и увидеть пример служения своему делу.

Директор краеведческого музея Юлия Володина вручает подарок Алене Молчановой, сотруднику музея «Карабиха»

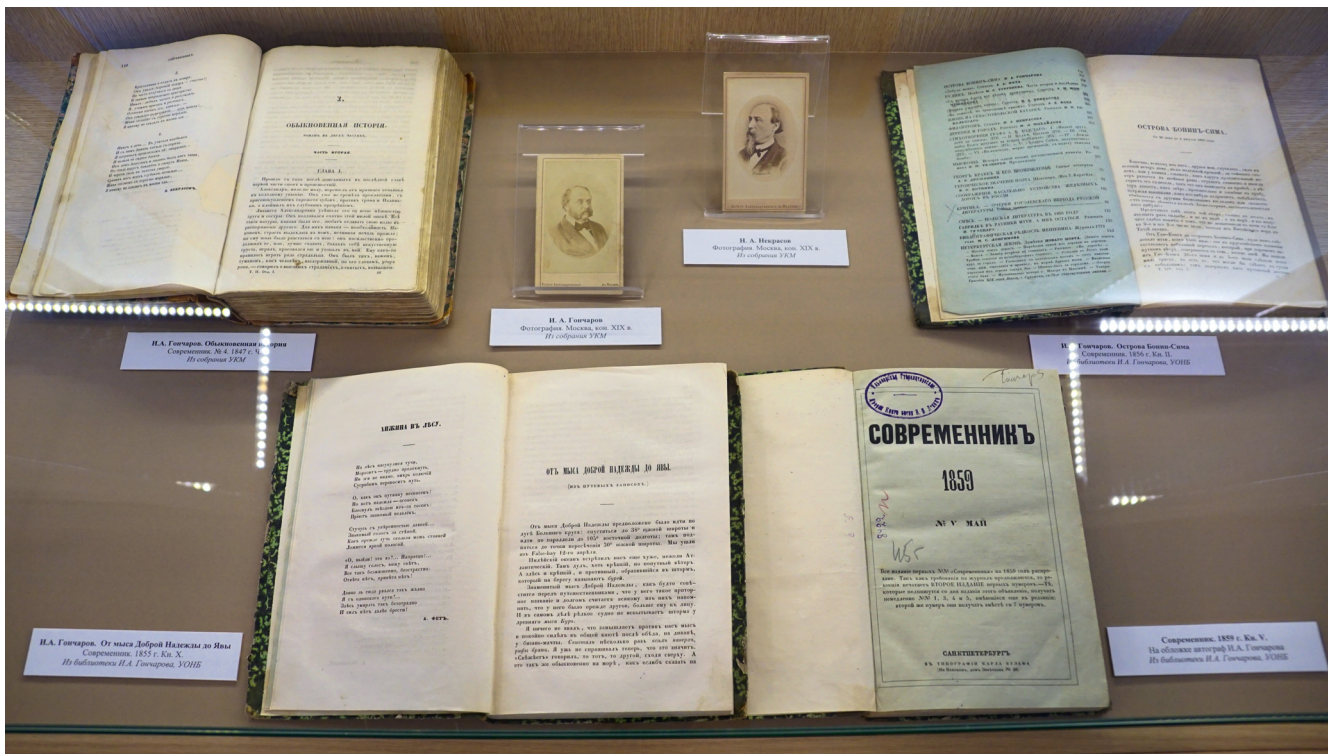
Сотрудники Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова и музея-заповедника Н.А. Некрасова «Карабиха» в день открытия выставки тепло приветствовали друг друга, обменялись подарками и договорились о дальнейшем сотрудничестве. В ближайших планах – участие нескольких экспонатов из музеев Ульяновской области в выставках музея Карабиха.

Фото Валентины Никоновой и пресс-службы УОКМ

НЕКРАСОВ – В ДОМЕ ГОНЧАРОВА

Фоторепортаж с выставки «Некрасов. Три реки»

И.А. Гоголь. Обыкновенная история
Санкт-Петербург, 1851 г. Кн. I
Из собрания УЗМ

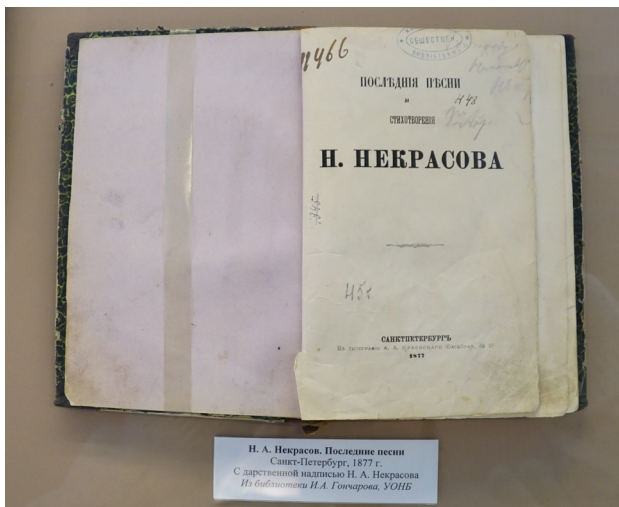
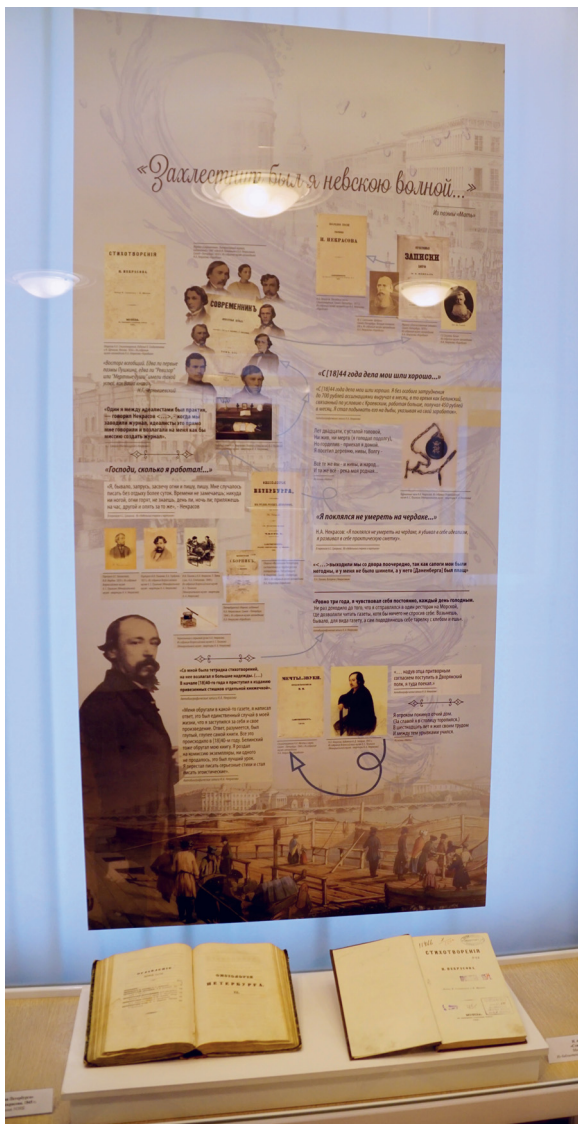
И.А. Гоголь
Фотография. Москва, кон. XIX в.
Из собрания УЗМ

Н.А. Некрасов
Фотография. Москва, кон. XIX в.
Из собрания УЗМ

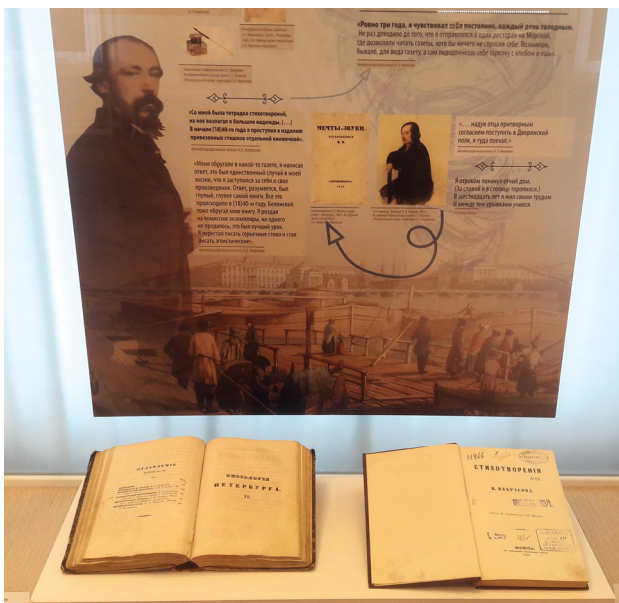
И.А. Гоголь. Остров Буянъ-Сана
Санкт-Петербург, 1856 г. Кн. II
Из собрания И.А. Гоголь, УЗМ

И.А. Гоголь. От мыса Доброй Надежды до Ямы
Санкт-Петербург, 1851 г. Кн. I
Из собрания И.А. Гоголь, УЗМ

Современник, 1859 г. Кн. V
На обложке автограф И.А. Гоголь
Из собрания И.А. Гоголь, УЗМ

Н.А. Некрасов. Последние пьесы
Санкт-Петербург, 1877 г.
С дарственной надписью Н.А. Некрасова
Из собрания И.А. Гоголь, УЗМ

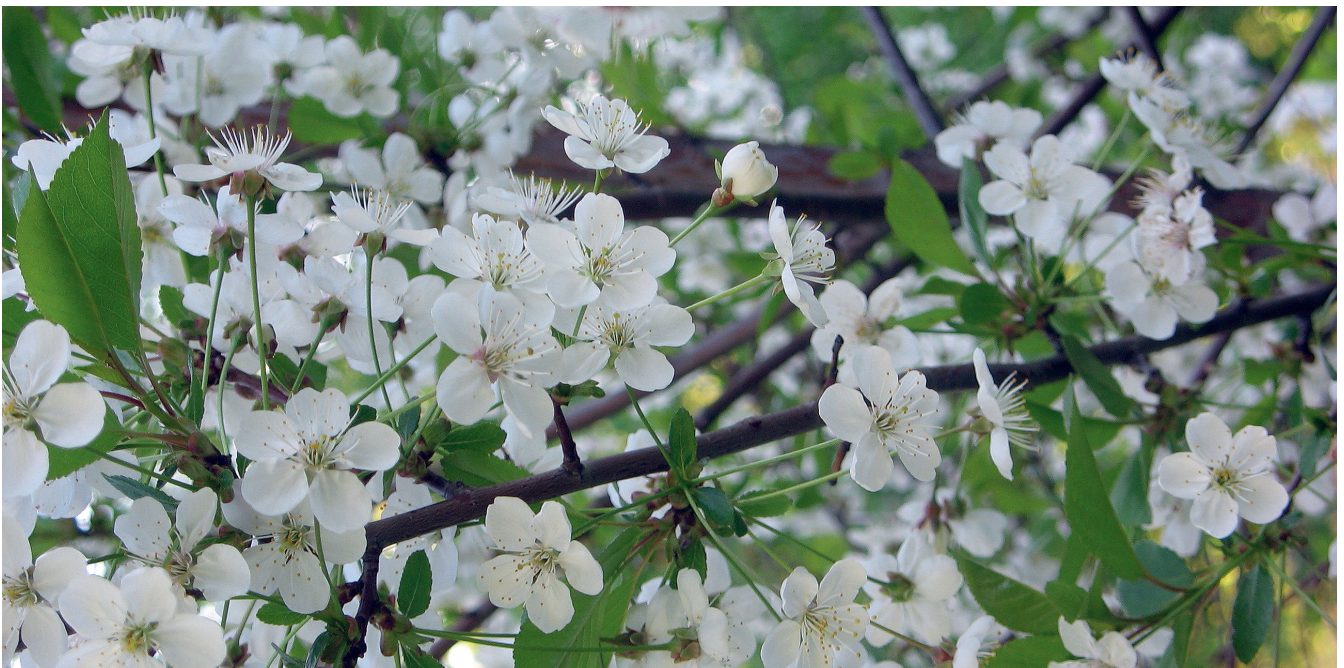
Фотографии предоставлены историко-мемориальным центром-музеем И.А. Гончарова

ВСЁ-ТО ЯБЛОНИ НАШИ ЦВЕТУТ

Облетает весенняя ночь
 Белой вьюгой в ничейных садах.
 Этой памяти не превозмочь –
 Только слёзы застынут в глазах.
 Как текущая в вечность река,
 Как колодец она глубока.
 Опустит-ка поглубже ведро –
 Что на дне там? Лишь счастье одно!
 Словно с неба Господь насадил
 Этот сад – то ли явь, то ли сон.
 Счастлив тот, кто его сохранил, –
 Может, этим и будет спасен.
 Непорухенной жизни плоток –
 Сто путей впереди, сто дорог.
 Это в детство распахнута дверь:
 Духи злобы – бессильны теперь.
 И течёт по окраине мёд –
 Разогретый, цветочный, густой.
 Это сон, это скоро пройдёт.
 Это вечно пребудет с тобой.
 Лопушиный, сиреневый край.
 Беззаборный, незапертый рай.
 Не нашлось поселений земных
 Для изгнанников сирых твоих.
 Одуванчика солнечный мех –
 Лисьей шубой, пылью золотой –
 Над зияньем смоковых прорех,
 «кожных риз» твоих нищей тщетой.
 Все пустоты восполнит душа,
 Все прорехи зашьет не спеша:
 Если в сердце тот сад уцелел,
 То и мир твой по-прежнему цел.
 ...Поглядишь, замерев на бегу:
 В небе белые ветки дрожат.
 Всё-то яблони наши цветут.
 Всё-то нас берегут, сторожат.

Светлана ГАЛАГАНОВА

НАШ ЯЗЫКОВ

16 марта исполнилось 220 лет со дня рождения выдающегося уроженца Симбирской губернии, русского поэта первой половины XIX века Николая Михайловича Языкова (1803–1846). На Симбирской земле прошли торжественные мероприятия, посвящённые 220-й годовщине со дня рождения поэта.

16 марта 2023 года в Литературном музее «Дом Языковых» (Ульяновск) прошёл цикл праздничных мероприятий, приуроченных к юбилею Н.М. Языкова. Состоялось заседание литературно-музыкальной гостиной «У Языкова». В лучших традициях литературно-музыкальных вечеров XIX столетия в исполнении учащихся детской школы искусств №7 прозвучали инструментальные произведения русских композиторов. Учащиеся театрального отделения ДШИ (руководитель – М.В. Мазилкина) прочли стихи Н.М. Языкова и А.С. Пушки-

на. Русские народные песни исполнили участники детского фольклорного ансамбля «Жихарка».

В музее «Дом Языковых» в этот день состоялось и открытие выставки «Красовались лубочные картинки...» Графика Игоря Шаймарданова» (из собрания Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское», Псковская область). На ней представлены 32 сюжета из нескольких новых пушкинских циклов художника.

КОНКУРС ЧТЕЦОВ «ЯЗЫКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2023»

16 марта 2023 года в Языковской средней школе им. Н.М. Языкова Карсунского района Ульяновской области состоялся XV межмуниципальный конкурс чтецов «Языковские чтения – 2023».

Организаторы конкурса: музей «Усадьба Языковых» в партнерстве с управлением образования администрации МО «Карсунский район». В исполнении учащихся школы прозвучала литературная композиция на стихи Н.М. Языкова. Выступили талантливые музыкальные коллективы: детский духовой оркестр «Лира» Языковской детской школы искусств, народный коллектив ансамбля русской песни «Подруженьки» Карсунской ДШИ им. А. Платова.

Конкурс чтецов был представлен тремя номинациями:

– чтение наизусть стихотворений поэтов Симбирского-Ульяновского края;

– чтение наизусть прозы писателей Симбирского-Ульяновского края;

– чтение наизусть стихотворений собственного сочинения.

Среди членов жюри были карсунские педагоги, краеведы, ульяновские писатели, сотрудники Ульяновской областной библиотеки для детей и юношества им. С.Т. Аксакова.

Всем участникам конкурса были вручены сертификаты, финалисты получили заслуженные грамоты и подарки. Писатель Илья Таранов передал в дар школьной и модельной библиотекам и музею «Усадьба Языковых» свои книги.

«И НЕДАРОМ ПРИШЛОСЬ ЕМУ ИМЯ – ЯЗЫКОВ!»

Литературная ассамблея в Карсуне

16 марта 2023 года в Карсунской районной библиотеке, носящей имя поэта, состоялась юбилейная ассамблея, посвящённая жизни и творчеству Николая Михайловича Языкова. Организаторы – директор МКУК «Карсунская межпоселенческая центральная библиотека имени Н.М. Языкова» Н.Х. Арискина и заведующая организационно-методическим отделом библиотеки Т.А. Седова.

В работе ассамблеи приняли участие ульяновские литераторы, члены Союза писателей России и участники местного литературного объединения «Родники».

Литературно-музыкальную композицию по стихам Языкова представили студенты Карсунского медицинского техникума имени В.В. Тихомирова. В своем выступлении они постарались воспроизвести колорит ушедшей эпохи, дух времени, поэтическое дружество двух великих поэтов – Пушкина и Языкова.

Собравшихся поздравил и пожелал успехов и плодотворной работы начальник отдела культуры и организации досуга населения Карсунского района Ульяновской области Владимир Александрович Хорев.

Слово о Языкове произнесла Ольга Николаевна Даранова, председатель ульяновского регионального отделения Союза писателей России. Она раскрыла основные жизненные и литературные вехи творческого пути поэта.

Заведующая отделом краеведческой литературы и библиографии Гузалия Айзятова познакомила слушателей с электронным ресурсом «Литературная карта Ульяновской области».

Директор Карсунского художественно-краеведческого музея Людмила Николаевна Салахетдинова проникновенно рассказала о семье Языковых, её устоях и традициях. «Имя как символ и бренд библиотеки» – так называлось выступление ведущего библиотекаря Карсунской библиотеки Л.Е. Козловой.

Виктор Малахов и Ольга Даранова

Главный редактор журнала «Симбирскъ» Елена Кувшинникова представила обзор журнальных публикаций, посвященных Н. Языкову. Е.В. Кувшинникова и библиотекари Дворца книги передали экземпляры журнала «Симбирскъ» районной и сельским библиотекам Карсунского района.

Эмоционально и трепетно рассказала о своих земляках Любовь Николаевна Солдаткина. Она зачитала приветствие от М.Н. Ганичевой, секретаря Союза писателей России, главного редактора журналов «О, Русская земля» и «Роман-журнал XXI век», в котором говорится: «Союз писателей благодарит

Выступают студенты – участники встречи

вас, карсунцы, за заботу и любовь к великому нашему поэту, певцу России Николаю Языкову. Его память никогда не оставит нас, и Россию, и его малую Родину, где он был счастлив. Языков не только поэт, но ещё и автор великого завещания нам, которое, как никогда, актуально сегодня – стихотворение «К ненашим». Это стихотворение – программное обращение к потомкам, ставшее на века символом патриотизма и величия нашей Родины».

О предстоящих проектах по благоустройству Языковского парка рассказала первый заместитель

главы администрации Карсунского района Елена Сергеевна Абрамова.

Член карсунского литературного объединения «Родники» Людмила Георгиевна Абрамушкина прочла свои стихи. Со своими стихами также выступил ульяновский поэт, член Союза писателей России Виктор Малахов.

Впереди – традиционный летний Пушкинский праздник поэзии в Языково и третий региональный литературно-музыкальный фестиваль памяти поэтессы Татьяны Эйхман. Будут новые литературные встречи на карсунской земле.

Пройдя по QR-коду,
можно увидеть
выступление студентов,
участников Ассамблеи.

Публикация «Наши Языков»
подготовлена по материалам
Д. Козловской, Р. Лобиной, О. Дарановой.

Ольга КЛОПКОВА, главный библиотекарь по краеведческой работе Ульяновской областной библиотеки для детей и юношества имени С.Т. Аксакова.

«РОДНЯ ПО ВДОХНОВЕНЬЮ»: К 220-ЛЕТИЮ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА ЯЗЫКОВА

Литературная встреча в Аксаковке

27 марта 2023 года в литературно-музыкальной гостиной, посвящённой 220-летию Н.М. Языкова и 190-летию посещения Симбирска А.С. Пушкиным, собрались активные и творческие читатели Ульяновской областной библиотеки для детей и юношества имени С.Т. Аксакова, начинающие и состоявшиеся поэты, музыканты, любители поэзии.

Рассказ о жизни и творчестве талантливого поэта, знаменитого земляка иллюстрировался декламацией стихотворений Николая Михайловича Языкова и Александра Сергеевича Пушкина.

Ведущая – Клопкова Ольга Васильевна.
Стихи читает Ахметзянов Марсель Назымович

*Это ты, страна родная,
Где весенние цветы
Мне дарила жизнь младая!
Край прелестный – это ты,
Где видением игривым
Каждый день мой пролетал,
Каждый день меня счастливым
Находил и оставлял!*

Н.М. Языков, «Чужбина». 1823

В исполнении студентов музыкального училища им. Г.И. Шадринной Ульяновского государственного университета Ходжаевой Дарьи, Поповой Арины, Комлева Владислава, Пыхтеевой Натальи звучали романсы на музыку А.С. Даргомыжского, А.А. Алябьева, слова А.С. Пушкина, Н.М. Языкова, М.Ю. Лермонтова. Помогали им концертмейстеры Шитова Людмила Владимировна, Фёдор Георгиевич Киахиди.

*Влюблён я, дева-красота,
В твой разговор живой и страстный,
В твой голос ангельски-прекрасный,
В твои румяные уста!*

*Дай мне тобой налюбоваться,
Твоих послушаться речей,
Упится песнею твоей,
Твоим дыханьем надыхаться!*

Н.М. Языков. 1825

Елена Викторовна Кувшинникова рассказывает о журнале «Симбирскъ»

Почётный гость, главный редактор литературно-художественного и культурно-просветительского журнала «Симбирскъ» Елена Викторовна Кувшинникова рассказала о новом номере журнала, в котором можно найти тематические публикации ульяновских поэтов и прозаиков, а также прочитала стихи Н.М. Языкова.

*Великолепный день! На мягкой мураве
Лежу: ни облачка в небесной синеве!
Цветёт зелёный луг; чистейший воздух горной
Прохладой сладостной и негой животворной
Струится в грудь мою, и полон я весной!
И вот певец её летает надо мной,
И звуки надо мной весёлые летают!
И чувство дивное те звуки напевают
Мне на душу. Даюсь невольно забывать
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мне, так легко, как будто я летаю,
Летаю и пою, летаю и пою!*

Н.М. Языков, «Весна». 1843

Программу продолжила видеозарисовка о поездке специалистов Аксаковки на родину поэта в село Языково Карсунского района Ульяновской области 16 марта 2023 года. В этот юбилейный день в средней школе имени Н.М. Языкова Карсунского района Ульяновской области прошёл XV межмуниципальный конкурс чтецов «Языковские чтения».

*Выступает актёр театра и кино
Константин Суханов*

Замечательные литературные традиции нашего края продолжают. В литературно-музыкальной гостиной Аксаковской библиотеки читали стихи известных авторов и собственные произведения взрослые и дети: член Союза писателей России Любовь Викторовна Папета, актёр театра и кино Константин Суханов, молодые поэтессы Майя Шакирова, Ирина Сильнова, Марианесса Рождественская.

Отдельно хочется отметить выступление педагога-библиотекаря Марины Андреевны Алексеевой и воспитанниц школы-интерната №91 города Ульяновска Дарины Минкиной, Анны Журавлёвой, Ойши Каримовой. Они читали авторские поэтические посвящения маме.

В завершение встречи прозвучали стихи о России в исполнении учащихся ульяновской средней школы № 66 Артёма Юртаева, Павла Покрышкина.

*Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,*

Выступает поэтесса Ирина Сильнова

*И Волги пышные берега,
И Волги радостные воды –
Всё мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибрежной дубравы
И разыгравшихся валов.*

Н.М. Языков, «Родина». 1825

Слова благодарности и хорошие отзывы о мероприятии вдохновляют на дальнейшие литературно-музыкальные встречи в Аксаковке.

Любовь Викторовна Папета: *«В литературно-музыкальной гостиной было очень уютно и душевно. Юные поэты восхитили глубиной мыслей и отточенностью рифм. Спасибо организаторам и Аксаковке!»*

Желаем всем читать и знать произведения наших классиков, а также открывать для себя новые имена среди современных поэтов, живущих на Ульяновской земле!

Фото на память в литературно-музыкальной гостиной

Сергей ИЗУГРАФОВ (Зазимко), писатель. Автор 20 книг, в том числе детективной серии «Смерть на Кикладах». Живет в Санкт-Петербурге.

ПОРОК СЕРДЦА

Фантастическая новелла

Все началось в то злосчастное осеннее утро, когда Петр Петрович, испуганно вздрогнув, проснулся от страшного шума: кто-то ломился в дверь его квартиры. Болезненно сморщившись, он со стоном перевернулся на спину и замер, уставившись невидящим взглядом в темный потолок. За окном было темно, тускло светили фонари. И кого принесло в такую рань?..

Во рту у Петра Петровича было не просто сухо, а омерзительно, словно в заброшенном затхлом чулане, где все заросло грязью и паутиной. В правом боку, под ребрами, вздулась печень, сердце глухо стучало где-то в распухшей глотке, с трудом толкая кровь по венам. Вчера он опять перебрал со «Столичной», что стало в последнее время входить в привычку. Сама мысль о том, чтобы медленно встать, причиняла физическую боль. Петр Петрович попытался было приподняться и произнести: «Кто?..», но вместо звуков из горла вырвался беспомощный сип. Отчаявшись, он бессильно откинулся на кровати.

В дверь, похоже, уже долбили ногами, перемежая удары отборным матом.

Петр Петрович снова страдальчески поморщился: он терпеть не мог конфликтов.

– Вот ведь он паскуда! Ломай замок! – визжал за дверью женский голос. – Сколько ж можно терпеть эту сволочь?! Семен, звони в полицию, пусть уже выселяют этого алкаша, чтоб он сдох! Это ж надо: третий раз за месяц! А еще профессор! Ну а ты чего смотришь? Вот чего ты стоишь, в затылке чешешь? Ломай говорю, ты мужик или нет?!

– Да погоди ты орать-то! Чисто сирена! Тоже мне... оглушила! Ломать – не строить! – хриплым басом отругивался от бушевавшей жены невыспавшийся Семен и, продолжая стучать ногой в дверь, в свою очередь настойчиво зывал к соседу: – Петрович, проснись ты, черт пьяный, заливаешь ведь опять! Вся кухня в воде! Просыпайся, говорю! Слышь, нет? Петрович? Топишь ведь!

Петр Петрович уже понял, в чем дело. Закончив пить под утро, он попросту свалил грязную посуду в раковину и открыл кран, чтобы залить ее водой. Вроде закрывал, но, видимо, не до конца. Встреча с соседями была неизбежна.

Неимоверным усилием воли Петр Петрович заставил себя перевалиться на бок, затем спустил худые ноги на холодный пол – ощущение неожиданно оказалось приятным – и попытался встать с кровати. Ему это удалось лишь с третьей попытки. Шаткой походкой, держась за стену и постанывая от головной боли, он отправился на кухню. Так и есть: кран закрыт неплотно, вода из него сочится бодрой струйкой, раковина переполнена, на полу лужи. Вода, выливаясь из мойки, по стене уходила вниз, к соседям. Что за невезение! И точно, третий раз за месяц...

Тяжело вздохнув, он наклонился и, гулко глотая, напился прямо из-под крана. Потом перекрыл воду, с минуту постоял, морщась от непрекращающихся криков и ударов в дверь, и, собравшись с духом, пошел открывать... Куда деваться, не то точно вышибут, а на новую дверь у Петра Петровича, бывшего профессора консерватории, денег уже давно не было.

– Ах ты ж старый алкаш! – взвилась толстая, похожая на кадушку, бабенка в ярком цветастом халате, едва он открыл дверь и без сил опустился на деревянный табурет в прихожей. – Я добьюсь, чтобы тебя выселили, ты понял? Пьянь, скотина!

– Я виноват, – свистящим шепотом безропотно признал Петр Петрович, морщась от исторгаемых Маринкой воплей и покаянно кивая. – Я вам снова все компенсирую. Прошу прощения...

– Ну ты даешь, Петрович... Еле добудились! Воду-то хоть перекрыл? – проходя в прихожую, деловито поинтересовался Семен, флегматичный и незлобивый мужик лет пятидесяти, всю жизнь работающий слесарем–инструментальщиком на Кировском. – Я гляну?

Петр Петрович обреченно махнул рукой в сторону кухни и привалился гудящим затылком к стене. Сосед поспешил в указанном направлении. Маринка же, стоя на пороге и решительно уперев руки в бугристые бедра, не замолкала, продолжая поносить Петра Петровича на чем свет стоит.

– Это же надо быть такой сволочью! – самозабвенно вопила она на всю парадную, явно наслаждаясь возможностью высказаться. – Люди добрые! Шести утра нет, а мы уж все на ногах! Нет, ну а че

залеживаться-то? С таким-то соседом! А мы-то, а мы-то! Называется, купили квартиру на Садовой, думали, заживем!.. Че ты расселся, алкаш! Вот че ты расселся, спрашиваю? Бери тряпки, иди вытирай! Сидит он! Последние мозги пропил, тварюга!

– Марина, – мучительно выдавил из себя Петр Петрович, пытаясь утихомирить разбушевавшуюся соседку. – Ради бога!.. Я перекрыл воду. Сейчас все вытру. Зачем же так, простите, орать? В самом деле: ведь шестой час только! Люди спят!

Но он сделал только хуже.

– Ах, «лю-юди»? – побагровев, задохнулась соседка. – А мы, значит, и не «люди» вовсе?! Конечно, консерваториев ваших сраных не кончали! Бахов-моцартов не слушаем! Куда уж нам: с нашим свиным рылом!

– Зачем же вы так? – отшатнувшись, страдальчески поморщился Петр Петрович. – И при чем тут...

Но Марина его не слушала. Подступив ближе, она с наслаждением орала ему прямо в ухо:

– Куда нам до вас! В шикарных трехкомнатных апартаментах в одиночку не проживаем! Всемером в двух комнатах ютимся, еле на ипотеку наскребаем, и еще двадцать лет платить! Мы ж рабочий класс! Уже час как воду вытираем! Нам же спать не надо! На завод ехать не надо! К нам же можно как к быдлу: топить раз в неделю! Мы не «люди», значит?! Давай вставай, ханыга! – и она довольно чувствительно пихнула его кулаком в плечо.

Не желая скандалить со вздорной бабой, несчастный Петр Петрович поднялся с табурета, пытаясь принять вертикальное положение, но в последний момент ноги внезапно его подвели. Голова вдруг пошла кругом, стены завертелись, он потерял ориентацию в пространстве, всплеснул руками и тыльной стороной ладони нечаянно вlepил звонкую пощечину торчащей на пороге соседке.

– Что-о? А-а-а! Так ты руки распускать, гад! – выпучив глаза и схватившись рукой за щеку, еще громче завопила она. – Ну сам напросился! Получай!

С размаху она ткнула ему в грудь темным предметом, на конце которого трещали синие огоньки. Не успев понять, что происходит, Петр Петрович получил мощный разряд тока, отшвырнувший его к противоположной стене. В голове у бедняги белым огнем полыхнула яркая вспышка, и в этом бушующем вихре света он на долю секунды вдруг осознал нечто, прежде невообразимое, ощутив себя совершенно иным, но через мгновение вспышка погасла, и он потерял сознание.

Очнулся Петр Петрович на собственной кровати с влажным полотенцем на лбу. Во рту был странный металлический привкус.

– Сосед, ты как? – склонилась над ним бормочущая темная фигура, в которой, сделав над собой усилие, он признал Семена. – Очнулся? Слышь, нет?

Общий фон фигуры был темным, но почему-то Петр Петрович видел, как отдельные ее фрагменты светились разными цветами, переливаясь и пульсируя. Внутренним зрением он вдруг сумел разобрать даже отдельные органы: вон ритмично работающее сердце, вот печень с желчным пузырем, горящим зелеными огоньками, вон

раздувающиеся и опадающие легкие... «Вот шарахнуло так шарахнуло!» – изумленно подумал он. Что это? Галлюцинация?!

Петр Петрович не имел медицинского образования, но строение человеческого организма знал неплохо: дед и отец были известными ленинградскими врачами, и дома была собрана отличная библиотека цветных медицинских атласов, еще тех, рисованных, с самыми подробными анатомическими деталями. Но одно дело рассматривать картинки, а тут – вживую! Как такое может быть?!

Петр Петрович крепко зажмурился и потряс головой, а когда вновь открыл глаза, фигура Семена уже приняла привычные очертания.

– Ох, напугал! Ну слава богу!.. Думал тебе скоро вызывать, так их сейчас не дожدهшься... Ты это... Ты, Петрович, того... – сбивчиво произнес Семен, по-прежнему стоя над ним и тревожно всматриваясь в бледное лицо соседа. – Ты уж на Маринку зла не держи! Что взять с нее, дура баба! Показалось ей, что ты ее ударил!

– Я... – закрыв глаза, бессильно просипел Петр Петрович, – я случайно... Сеня, ты же меня знаешь!.. Ударить женщину! Я не мог!

– Вот! – отчего-то обрадовавшись, сразу зачастил сосед. – И я ей то же самое! Хотя сам порой так хочу врезать, аж скулы сводит... Ходит, дура, с этим шокером: все боится, что нападут на нее в парадной! Я ей: да кто нападет, кому ты нужна? Все от одного твоего взгляда и так по стеночке... Но теперь я отобрал, ты не волнуйся. А насчет того, что залил, – так ерунда, я уже все вытер, ничего страшного, у нас претензий нет... Ты, главное, Петрович, выздоравливай, в себя приходи! И прости ты мою дуру, это она со страху!

– Как... как ты с ней живешь?! – искренне удивился Петр Петрович, не открывая глаз и прислушиваясь к внутреннему мелодичному звону в тональности соль минор. Мелодия не прекращалась, она звучала фоном, отчего на душе становилось даже спокойнее.

Прямо целое Адажио Альбиниони, мелькнуло в голове у Петра Петровича. А всего-то – шокером! И эта вспышка...

– А куда деваться? Пятеро по лавкам, – тосливо ответил сосед, присаживаясь на стул. – Раньше-то она еще ничего была, поспокойнее. Да и правду сказать, жили в Пушкине, в своем доме. Свежий воздух, свой сад, огородик... Черт дернул меня ее послушать: отцовский дом продал, еще ипотеку взяли и переехали в центр. Сейчас бы рад обратно – то, да где ж денег взять: там теперь земля «золотая». А мы, сам знаешь, – от зарплаты до зарплаты. А после того как у младшего, у Сашки, нашли порок сердца, так у Маринки и вовсе сорвало крышу: по любому поводу истерит. Полгода как на очереди стоим, ждем квоту на операцию. Приступы иногда случаются. Чем ближе дата – тем она больше дергается...

– У Саши? Порок сердца? – удивился Петр Петрович, приподнимая голову с подушки и с сочувствием глядя на соседа. – Приступы? Бедный ребенок! Когда операция?

Он тотчас же вспомнил этого худого, большого мальчишку лет восьми, любителя возиться с местными дворовыми щенками, которых тот

собирал по всем окрестным подворотням и волок в дом к неудовольствию своей матери, а потом вместе с братьями пристраивал по знакомым. Профессор изредка встречал его на своей лестничной клетке, у батареи, где тот отогревал очередную беспризорную дворнягу. В ответ на робкое тоненькое «Здравствуйте!» Петр Петрович добродушно и учтиво кивал мальчугану, вежливо пожимал вечно мокрую худую ладонку и всегда поражался синеватой бледности его лица, о чем, впрочем, сразу же забывал, так как своих проблем у Петра Петровича было по горло.

– Теперь уже через месяц, – встав, ответил Семен. – Надеюсь, дотянем... Ты вот что, Петрович, ты лежи. Очнулся – и слава богу. А то уж думал, что участкового звать придется. Забрали бы мою дуру в «обезьянник» до выяснения, кто бы с ребенком сидел? После смены зайду тебя проведать. Не вставай, я захопну дверь!

Английский замок звонко щелкнул, и Петр Петрович снова остался один. Тишина в квартире навалилась на него тяжелым ватным одеялом. Шум в голове постепенно стихал. Беспросветная и безысходная тоска вдруг снова овладела им, сдавливая горло и не давая как следует вздохнуть. Спать не хотелось, на душе было мерзко и тошно.

Жизнь бывшего профессора уже давно и настойчиво катилась под откос.

После развода с женой он какое-то время еще преподавал и даже давал концерты. Но в последние годы пристрастие к выпивке поставило крест на его выступлениях: руки дрожали уже так сильно, что играть стало попросту невозможно. Если раньше Петр Петрович выпивал по выходным, то теперь он пил почти каждый день. В консерватории едва смогли дождаться, когда ему исполнилось шестьдесят пять, чтобы отправить старшего преподавателя на пенсию.

Последние два года Петр Петрович жил тем, что распродал за бесценок собранные им за долгие годы музыкальные инструменты – гитары, которые в свое время выигрывал в качестве призов на международных конкурсах. Коллекция из семи классических гитар работы известных мастеров мирового уровня долгие годы была его гордостью. Теперь же из всей коллекции сохранилась всего одна гитара. И пятьдесят тысяч рублей – все деньги, вырученные от продажи очередного инструмента. Вернее, то, что осталось после уплаты всех долгов, накопившейся коммуналки и выплат соседям. Как жить дальше, Петр Петрович представлял себе очень смутно. Вернее, не представлял вовсе.

Поежившись, он закутался с головой в давно не стиранный пододеяльник, безучастно повернулся лицом к стенке, закрыл глаза и вскоре забылся тяжелым и беспокойным сном. Бывшему профессору снилось, что попал он в чужую квартиру, похожую на запутанный лабиринт, снова не закрыл кран и заливает соседей – и вот он в ужасе мечется, но никак не может найти в этом проклятом лабиринте кухню и перекрыть воду...

На следующий день, проснувшись затемно, Петр Петрович встал и, привычно постанывая от головной боли, отправился в ванную. Гладко

выбравшись – впервые за неделю, – он принял душ, почистил кое-как зубы куцей щеткой (зубная паста закончилась еще три дня назад, и он все забывал ее купить), расчесал косматые седые волосы, давно требовавшие услуг парикмахера.

«Ничего, – думал он, стоя у зеркала и сжимая в дрожащей руке расческу с поредевшими зубьями, – надо просто аккуратно причесать. Сойдет и так...»

Из зеркала на Петра Петровича глядел уставший сутулый старик с опухшим одутловатым лицом, тяжелыми набрякшими веками и потерянными взглядом. Скрипнув зубами, он отвернулся и вышел из ванной.

В комнате он распахнул дверцу шкафа, за которой висел его единственный выходной костюм. Одевался, уже не глядя в зеркало. Носки, сорочка, брюки, галстук, пиджак... Тщательно почистил щеткой старые немецкие полуботинки, еще сохранившие форму, – напоминание о лучших временах, сунул руки в рукава старого плаща, обмотал худую шею шерстяным шарфом и вышел на Малую Садовую.

Следуя сложившемуся ритуалу, он нырнул в переулок, толкнул стеклянную дверь с полустертой надписью «Цветы» и скромно замер у прилавка. Молодая продавщица, почему-то в медицинской маске по самые глаза, узнала его и, поздоровавшись, дружелюбно уточнила:

– Вам как всегда, Петр Петрович?

– Да, Сонечка, – пробормотал он в шарф, неловко выкладывая дрожащей рукой на прилавок мягкие купюры из кармана. – Спасибо вам...

Продавщица кивнула и придирчиво отобрала из вазы шесть темно-красных гвоздик, аккуратно упаковала в коричневую бумагу и протянула сверток покупателю.

– Вы бы побереглись, Петр Петрович, – со вздохом сказала она, расправляя купюры и убирая их в кассу. – Возьмите вот маску. Берите, берите. Вам бесплатно... Вы что, телевизор не смотрите?

Петр Петрович, держа в одной руке сверток с цветами, другой взял маску, покрутил и недоуменно посмотрел на продавщицу.

– Пандемия, – пояснила она. – Надо маски носить, не дай бог заразиться! Каждый день по телевизору говорят! Столько уже народу заболело и умерло, жуть! Неужели новости не смотрите?

– У меня, – покраснел покупатель, неловко пряча маску в карман и боком направляясь к выходу, – у меня нет телевизора...

Петр Петрович вышел на Малую Садовую и побрел в сторону метро, закутавшись в шарф по самые глаза. Он всегда ходил так, не желая видеть окружающую его действительность, которая давно уже не приносила ему никакой радости. По той же самой причине он не смотрел телевизор: всеильная и воинствующая пошлость, захватившая телеэфир, настолько ему претила, что еще года три назад Петр Петрович выставил свой старенький «Самсунг» на подоконник лестничной клетки и с облегчением отметил его исчезновение к утру следующего дня.

Напротив входа в здание питерского комздрава велись ремонтные работы. Петр Петрович, заметив необычное движение людей у сетчатого строительного забора, сбился с шага и присмотрелся. На

заборе висели чьи-то фотографии. Их было много, несколько десятков. Под ними в пластмассовых горшках стояли цветы. Какая-то девушка доливала воду из зеленой пластиковой лейки в горшки. Худое лицо ее было скорбным, глаза покраснели.

Прохожие останавливались, вглядывались в фотоснимки, качали головами и шли дальше.

Петр Петрович подошел ближе. На одной из секций висел рисунок: врач в образе ангела со стетоскопом и в маске. К слову, масок отчего-то было много: их привязывали прямо на забор, рядом с фотографиями.

Петр Петрович, решившись, шагнул прямо к снимкам и обратился к девушке:

– Простите... Я... Что это?

– Это? Это стена памяти медицинских работников, – ответила она, оглянувшись. – Вы не местный? Местные все знают. Мы тут с весны. Это все коронавирус, будь он проклят...

– Они что, – сглотнув комок, застрявший в горле, спросил Петр Петрович, указывая неловким жестом на забор, протянувшийся на несколько пролетов, – все погибли?

– Да, – просто ответила девушка. – Здесь те, кто погиб. Уже больше ста, и фото еще продолжают присылать каждую неделю. Мы вешаем снимки, люди приносят цветы, пишут записки. Вот сегодня повесила фото Ромашинной Марины – медсестры, всего двадцать семь лет... Мы с ней вместе учились. Вы меня простите, – вдруг резко отвернувшись, извинилась она. – Мне лейку надо вернуть...

Петр Петрович кивнул и ошеломленно двинулся вдоль забора. Со снимков на него смотрели лица людей в белых халатах. Они все были разными: мужчины и женщины, молодые и уже зрелые, серьезные и веселые... Объединяло их одно: год в дате смерти – две тысячи двадцатый. Пройдя весь забор, Петр Петрович оглянулся: к стене шли люди и несли цветы. Он еще сильнее ссутулился и побрел дальше.

То, что жизнь несправедлива, он усвоил давно. И поделаться с этим ничего нельзя. Надо или принять свою судьбу и жить с ней, пока это возможно, или покончить со всем, когда станет совсем невмоготу от собственного бессилия что-то изменить. Но для этого надо иметь смелость. Петр Петрович же был человеком слабым. Он смирился и плыл по течению, принимая свою судьбу и не ропща. Наивные юношеские размышления о смысле жизни он давно выбросил из головы. Здоровье его становилось все хуже с каждым годом, и скоро все и так закончится само собой...

В метро все были в масках. Петр Петрович, ступив на эскалатор, неуклюже и криво надел свою. В вагоне он привычно пробрался в дальний угол и ухватился за блестящий поручень. Сквозь стекло он видел застывшие лица людей в масках в соседнем вагоне. Обезличенные фигуры, словно манекены, в едином ритме раскачивались на ходу. Петр Петрович ощутил холодок между лопаток и поежился. Ощущение абсурдности происходящего не покидало его всю дорогу.

Могила дочери на Северном кладбище Петр Петрович нашел без труда. С памятника на него смотрело родное лицо, совсем юное, улыбающееся мягкой улыбкой.

«Вся в мать, – в очередной раз тепло подумал он, бережно укладывая гвоздики рядом с памятником, – те же ямочки!» И глаза так же сияют, как у Татьяны, когда они только познакомились... Наведя порядок и прибрав могилку, он присел на скамейку и погрузился в воспоминания.

Как же он, Петр Петрович Вознесенский, шестидесяти семи лет, лауреат международных конкурсов, профессор консерватории по классу гитары, питерский интеллигент в пятом поколении, дошел до жизни такой?..

Сперва было все хорошо. Детство талантливого музыканта, любящие родители. На четвертом курсе московской Гнесинки он встретил свою Татьяну. В Петербург вернулись уже вдвоем с женой. Счастливая семья, красавица жена, любимая дочка Маруся и много музыки. Признание, если и не слава, то известность, концерты, концерты, концерты... Потом ученики.

А потом пришла беда. У пятнадцатилетней Маруси нашли онкологию. Назначили сложную операцию. Петр Петрович запомнил тот день на всю жизнь: ноябрь выдался по-питерски ветреным и промозглым. Весь во власти дурного предчувствия, он не мог заставить себя зайти в больничный коридор, даже в вестибюль онкоцентра в Песочном. Все время, пока шла операция, Петр Петрович, как неприкаянный, бродил вокруг операционного корпуса, глядя в залитые косым дождем окна. Жена ждала в больничном коридоре. Поэтому-то она и узнала новости первой.

Он помнит до сих пор белое, словно окаменевшее, лицо жены, когда он, мокрый и насквозь продрогший, вошел в вестибюль. Вода стекала с него ручьем, и пока он потерянно топтался у гардероба, Татьяна прошла мимо него, не заметив и не сказав ни слова.

Потом выяснилось, что приглашенный анестезиолог допустил фатальную ошибку. Неверно была подобрана доза обезболивающего лекарства, и Маруся умерла на операционном столе, так и не придя в сознание: отказало сердце. Смерть дочери разрушила всю их жизнь: жена от него отдалилась, а он начал выпивать. Через два года они развелись, и жена уехала к дальним родственникам в Белоруссию. Это было пятнадцать лет назад...

Бутылка из-под водки звучно ударилась в соседний памятник в трех шагах от Петра Петровича и рассыпалась в осколки. Он вздрогнул и поднял глаза: по дорожке между могил шла нетрезвая компания: трое крепких молодых людей в сильном подпитии. Идущий впереди держал в руках позвякивающую сумку и, куражась, выбрасывал пустые бутылки прямо на могилы. Каждый хлопок его друзья приветствовали одобрителем гоголом.

– Вы что творите, сволочи? – неожиданно для самого себя крикнул Петр Петрович звенящим от ненависти голосом, приподнявшись со скамейки. – Вы что делаете, мерзавцы? Как вы смеете?! Немедленно вернитесь и подберите все, твари!

Он отчаянно шагнул вперед и перекрыл компании дорогу к Марусиной могилке.

– Ты базар фильтруй, дед! – угрожающе качнулся в его сторону один из парней. – Ты че, попутал, мухомор старый? Че сказал, а ну повтори!

– Сволочи. Мерзавцы. Твари! – бросал им в лица бывший профессор, уже понимая, что сейчас за этим последует, но с дорожки не ушел. Ему вдруг стало все равно. Он даже не поднял руки, чтобы защититься.

Криво ухмыльнувшись, тот, с сумкой, с размаху ударил Петра Петровича в лицо с такой силой, что он упал навзничь. Компания гоготала. Бросив сумку, парень подошел к лежащему на земле бывшему профессору консерватории, дважды пнул ногой по ребрам, а затем ухватил его левой рукой за грудь и приподнял, занеся правую для нового удара.

– Гаси его, Макс! – азартно крикнул кто-то из его приятелей, воровато оглядываясь по сторонам. – Тут же этого старого козла и похоронят!

В голове Петра Петровича снова мелодично звенело, в висках с грохотом пульсировала кровь, от жгучей боли в боку он задышался. Похоже, ребра сломаны. Разбитых в кровь губ он почти не чувствовал. Во рту вдруг опять появился тот самый странный металлический привкус. Профессор открыл глаза и внезапно снова увидел вместо тела нападавшего какой-то темно-лиловый контур, в котором мигали и переливались светящиеся органы: легкие, печень, желчный пузырь, большое, здоровое, пульсирующее сердце... Не понимая, что он делает и зачем, Петр Петрович мысленно вскинул руку и со всей силы сжал это сердце. Парень глухо охнул, тотчас же выпустил его и упал ничком рядом. Петр Петрович обессиленно откинулся на спину и закрыл глаза.

– Макс? – удивился один из парней, подойдя ближе и нагнувшись. – Ты че, Макс?

Он перевернул приятеля на спину и, увидев его бледное лицо, посиневшие губы и застывший взгляд с расширенными зрачками, в испуге отпрянул.

– Пацаны, да он мертв, походу! – ошарашенно произнес другой, мгновенно протрезвев. – Валим отсюда, пока нас не замели из-за этого козла!

По топоту ног стало ясно, что нападавшие скрылись. Петр Петрович медленно встал на четвереньки, потом кое-как поднялся на ноги. Тело парня, лежавшее на земле, вдруг дернулось и задышало, с тяжелыми хрипами втягивая воздух.

«Жив! – с облегчением понял профессор. – Надо уходить!»

Как он дошел до автобусной остановки, Петр Петрович помнил с трудом. Он сильно хромал, боль в боку была невыносимой, во рту стоял солоноватый привкус крови. Хорошо, что разбитое лицо скрывала маска. В вагоне метро молоденькая студентка, увидев его полные боли глаза, уступила ему место и еще долго потом бросала на него сострадабельные взгляды.

Петр Петрович отлеживался дома несколько дней, не выходя даже в магазин за продуктами, перебиваясь чаем с сухарями и пытаясь понять, что все-таки произошло на кладбище. Он лежал в кровати, привычно упершись взглядом в потолок, и размышлял.

Первый раз *это* случилось с ним в тот день, когда соседка ударила его электрошокером. Именно в тот день он впервые и увидел Семена словно на

рентгене. Хотя нет, на рентгене все черно-белое, поправил он себя, а здесь – словно в кино: все живое, все сверкает, переливается, струится кровь, пульсируют органы, – и выходит, что это никакая не галлюцинация! Была бы галлюцинация, он был бы сейчас уже мертв. Лежал бы там, на кладбище, рядом с могилкой Маруси, пока бы его не нашел проходящий мимо кладбищенский сторож.

«Что же получается? – думал он. – Я – человек-томограф? Живой МРТ? Или как это правильно называется по-научному? Вижу человеческое тело насквозь? И более того, могу вмешиваться в человеческий организм? С ума можно сойти! И что теперь мне со всем этим делать?!»

Петр Петрович так привык за свою жизнь к собственной беспомощности, к тому, что он абсолютно ни на что никогда не мог повлиять, что растерялся совершенно.

А ведь Татьяна ушла от него именно по этой причине, вдруг неожиданно осознал он, продолжая разглядывать знакомые ему трещины на потолочной лепнине, забытые бурой пылью.

Нет, она ничего ему не сказала, ничего не стала объяснять, никаких претензий или обвинений... Видимо, понимала, что это бессмысленно. Нельзя жить с пустым местом, с человеком, от которого ничего не зависит. Столько лет он потом мучился, переживал, искал ответ на вопрос. А ведь все очевидно: причиной была его полная беспомощность. Никогда он не мог ни постоять за себя, ни настоять на своем. Даже врачу, который убил его дочь, если называть вещи своими именами, то да, именно убил, Петр Петрович не смог тогда ничего сказать. Ни сказать, ни наказать, ни отомстить. Он просто стал пить, трусливо спрятавшись за бутылкой от горя и жены. Заливал горе водкой, как последнее ничтожество... Видимо, это и стало последней каплей для Татьяны. Такой вот грустный каламбур...

Но теперь все изменилось! Получается, что он теперь всесилен?! И наказать может любого? Так чего же он ждет?! Справедливость должна восторжествовать!

«Тварь ли я дрожащая или право имею?» – горько усмехнувшись, вспомнил Петр Петрович, лихорадочно перерывая свой архив, сваленный пачками на столе. Нужно найти фамилию врача, прошло больше пятнадцати лет... Где-то должна быть справка... Да, вот! Ромашин Виктор Михайлович, детский врач-анестезиолог, Покровская больница на Васильевском острове. Надо ехать! Давно забытая фамилия вдруг показалась ему странно знакомой, будто совсем недавно он ее слышал, но когда и где – он так и не смог вспомнить.

Как уже много раз бывало и раньше в его жизни, все пошло совсем не так, как он планировал. Добравшись до больницы, Петр Петрович вдруг осознал, что приехать сюда было полной глупостью: доктор, лечивший его дочь, мог уже уволиться, ведь за пятнадцать лет могло случиться что угодно, и что, наверное, стоило сперва позвонить и уточнить, прежде чем тащиться на Васильевский. Но пока Петра Петровича терзали сомнения, ноги сами привели его к центральному входу, где путь неожиданно преградила дежурная в белом халате, маске и прозрачном пластиковом щитке, похожем на рыцарское забрало.

– Так, стоп! Стоп, говорю! Куда это вы собрались, мужчина? – удивленно поинтересовалась она. Голос из-под маски звучал устало и глухо. – Вы с ума сошли? Немедленно наденьте маску! И хода нет! Я сейчас охрану вызову! Вас задержат и оштрафуют!

– Не надо охрану! – испугался Петр Петрович. – Зачем охрану? Я... Мне... Я к врачу, – пролепетал он, будто вспомнив о цели своего визита, достал из кармана смятую маску и, едва не выронив, кое-как натянул ее на лицо. – Мне срочно!

– Вы что, больны? – допытывалась дежурная. – Вам тогда в приемный покой! Выходите на улицу и идите по указателям. А лучше идите в поликлинику по месту жительства!

– Я?! Я здоров! – удивился Петр Петрович и, подумав, добавил: – Относительно, конечно...

– Весь стационар работает в режиме красной зоны, мужчина! – не дослушав его, непонятно сказала дежурная. – Вход воспрещен, у нас карантин, коронавирус, слышали? Все отделения закрыты на карантин! – Она повнимательней присмотрелась к Петру Петровичу, растерянно топтавшемуся на пороге и, немного смягчившись, поинтересовалась: – Что значит «срочно»? Кто вам нужен?

– Ромашин Виктор Михайлович, – произнес по бумажке Петр Петрович, с надеждой подавшись вперед. – Анестезиолог-реаниматолог, детский врач... Он... Он лечил мою дочь, – глухо добавил посетитель, нервно комкая и пряча мятый листок в карман. – Мне очень нужно с ним поговорить! Сегодня! Сейчас!

Дежурная устало покачала головой.

– Никаких шансов! Ромашин уже пятый год как заведующий реанимационным отделением. Там сейчас самое пекло: врачи сутками в красной зоне. А тяжелых все везут и везут! По шестьсот человек в день! Вы разве не видели очередь скорых на улице? Машины часами стоят, чтобы больных сдать!

– Простите, я не обратил внимания, – промямлил Петр Петрович, чувствуя, как дураком он выглядит, и отчаянно краснея под маской. Он втянул голову в плечи, ссутулился и сделал трусливый шаг назад, к двери. – Я не знал...

– Чего вы не знали? Что люди умирают каждый день? Медперсонал от усталости на ногах еле стоит, не выходит, семей не видит! Карантин, понимаете?! А вы – «поговорить»? Да что такое с вами?! – дежурная сквозь пластиковое забрало снова пригляделась к нему повнимательней, словно решая про себя, не позвать ли и в самом деле охрану. Или санитаров. – Идите уже домой, мужчина, – наконец безнадежно махнула она рукой, отчаявшись что-то объяснить странному посетителю. – Идите, идите! Нечего вам здесь делать. Не мешайте работать. Приходите, когда все это закончится...

На ватных ногах Петр Петрович нетвердо спустился по ступеням, стянул с лица проклятую маску и, жадно глотая ртом, вдохнул прохладный воздух. На территорию больницы, отчаянно вращая мигалками, продолжали въезжать одна за другой машины скорой помощи и выстраиваться в бесконечную очередь. Только теперь он ее заметил. Это же надо быть таким идиотом!..

* * *

Следующие две недели пролетели незаметно. Все было по-прежнему, за исключением одного: Петр Петрович вдруг перестал пить. Как это случилось – он и сам не понимал. Купленную по дороге из Покровки бутылку водки, чтобы утолить душевное расстройство, он вылил в раковину: первый же глоток обжег горло такой сивушной горечью, что Петр Петрович изумленно закашлялся. Потом, когда первое изумление прошло, попробовал еще раз – та же горечь, резкая и невыносимая. Его едва не стошнило. Может быть, «паленка»? Где-то у него оставалось полбутылки настоящего французского коньяка – неприкосновенный запас на черный день. Настоящий нектар! Но первый же глоток – мучительный спазм, приступ нестерпимого кашля – и коньяк постигла та же участь. Как он пил эту дрянь столько лет?

Петр Петрович одновременно недоумевал и радовался. А самое главное – не хотелось. Не подсасывало под ложечкой, не пересыхало в горле – словом, к спиртному не тянуло совершенно. В организме возникла совершенная, почти невесомая, легкость и чистота, которой Петр Петрович не ощущал уже лет двадцать. «Чудеса да и только!» – потрясенно думал он, заваривая себе крепкий черный чай с травами, сохранившийся из старых запасов, сделанных еще бывшей женой.

Вопрос, что делать с появившимся у него даром, Петр Петрович решил отложить до лучших времен. В конце концов, никто его никуда не гонит, торопиться ему некуда. Может, это свойство как пришло к нему неожиданно, так же неожиданно и пройдет само. Кто знает?

Одно было ясно: здоровье Петра Петровича каким-то необъяснимым образом основательно поправилось. Он стал лучше высыпаться, по утрам чувствовал себя бодрее, словно организм и впрямь омолодился.

В один из воскресных дней, возвращаясь с кладбища, Петр Петрович умышленно сделал небольшой крюк, чтобы снова пройти вдоль стены, где висели фотографии врачей. Еще издали он заметил какое-то оживление: хмурые рабочие под руководством прораба демонтировали и складывали аккуратной стопкой на асфальт пролеты металлического забора. Знакомая Петру Петровичу девушка аккуратно собирала фото в стоящую на заиндевелем асфальте клетчатую сумку.

– Обещают памятник поставить! – донеслось из небольшой толпы, собравшейся неподалеку. – И то верно: чего им здесь-то висеть – на заборе? Не по-людски!

– Да вам вечно что-то обещают, а вы все верите! А этим, – мужчина раздраженно махнул рукой в сторону комздрава, – лишь бы им глаза не мозолили!

– А вот вам лишь бы все нагнетать! – укоризненно заметили ему. – Дайте людям работать спокойно! Можно подумать, у вас бы лучше вышло! Кто ж знал, что так все будет? Легко советы давать, иди-ка сам поработай!

– Добрый день! Что тут происходит? – растерянно спросил Петр Петрович, опасливо миновав волнующуюся толпу по касательной и подойдя к девушке. – Почему вы снимаете фотографии? Я хотел

прийти раньше, но все как-то не получалось, – виновился он, неловко протягивая сверток, – я вот принес цветы, а тут...

– А, это вы! – девушка обернулась и узнала его. Глаза ее были мокрыми от слез, но улыбка – теплой и искренней. – Здравствуйте! Я вас помню. Спасибо за цветы... – Она подышала на озябшие пальцы. – Да вот строительная реконструкция закончилась, – и забор надо разобрать. А я снимаю фотографии, чтобы ничего не пропало.

– И что же теперь? – совершенно растерялся Петр Петрович, оглядываясь на рабочих, деловито и молча демонтировавших стену. – Куда теперь? Нельзя же вот так... просто... Разве можно?.. Как же быть?

Он говорил сбивчиво, но девушка его поняла.

– Говорят, что будет памятник. Да они много чего говорят, – вздохнув, грустно прибавила она, снимая фотографии со стены. – Поживем – увидим. Вы поставьте пока цветы в воду здесь, я потом все соберу.

Петр Петрович развернул гвоздики и подошел к вазе. Над ней рядом висели два фотографии, почему-то обведенные одной траурной рамкой. В горле у него вдруг сразу пересохло, он шагнул ближе и впился глазами в фотоснимки. Ромашина Марина, медсестра. Ее он уже видел в прошлый раз. Теперь рядом добавился новый: Ромашин Виктор Михайлович, заведующий реанимационным отделением. На Петра Петровича с фотографии смотрел уставший, не улыбающийся мужчина средних лет с седыми висками и впалыми щеками. Это был он. Тот самый доктор. Прошло пятнадцать лет, он сильно изменился, но Петр Петрович сразу узнал невольного виновника смерти своей дочери.

В душе у бывшего профессора творилось что-то странное: боль, обида и жалость – все смешалось в один клубок, и он медленно опустил гвоздики в вазу под фотографиями.

– Когда? – глухо спросил он, указывая на снимок Ромашина.

– Вчера утром, – проследив за его рукой, ответила девушка. – К обеду из Покровки уже фото передали. После недели в реанимации. Не спасли. Говорят, он после смерти жены работал как одержимый, сутками напролет, и так несколько месяцев. Совсем о себе не думал. Столько людей спас! А сам сгорел. Им всем надо памятники поставить! – звенящим от слез голосом добавила она, обращаясь к примолкшей толпе. – Понимаете? Всем! Каждому!

– Вранье это все! – безапелляционно прозвучало из толпы. – Знаем мы все эти приемчики! Устроили тут балаган с портретами! На жалость давите!

– Как вам не стыдно, это же врачи! – ответила девушка, растерянно замерев с фотографиями в руках. – Вы хотя бы память их не марайте!

– Ой, да ладно! Знаем мы тех врачей! А если кто из них и помер – так знали, на что шли! Не за бесплатное же!

В секунду задохнувшись от ненависти, Петр Петрович развернулся и резко двинулся на сытый, наглый и уверенный в себе голос: сейчас он был для профессора всем злом этого мира.

Во рту снова появился тот странный металлический привкус, чему Петр Петрович был очень рад.

Профессор шел, не открывая глаз, прекрасно осознавая, что сделает в следующее мгновение, но тут же чья-то рука уперлась ему в грудь.

– Не надо, отец, – сказал молодой широкоплечий парень в синей спецовке прораба, оглядываясь на толпу и качая головой. – Не пачкайся. Оно того не стоит. На каждую гниду так реагировать – здоровья не хватит. Побереги, еще пригодится.

– И что же... что теперь? – почему-то спросил профессор, оглядываясь на девушку, которая утирая слезы, продолжала складывать фотографии в сумку. – Что же делать?

– Ты иди домой, отец, – мягко сказал прораб. – Тут, – указал он на забор, – уже ничего не поделаешь. А памятник будет обязательно, вот увидишь!

Петр Петрович потерянно кивнул и, не оглядываясь, побрел в сторону дома. Он медленно шел, не замечая ярких витрин и сияющих вывесок, спешащих навстречу прохожих и пролетающих по магистралям авто, автоматически сворачивая в переулки и проходя по пешеходным переходам. Большой город жил своей жизнью, но Петр Петрович ничего не замечал. Перед глазами у него стояли те самые фотографии в траурной рамке. Судьба снова совершила неожиданный кульбит, и снова без его участия, оставив ему всего лишь малозначительную роль зрителя. Круг замкнулся.

Уже подходя к своей арке, он заметил в глубине плохо освещенного двора какую-то возню: группа подростков лет двенадцати бурно выясняла отношения. Время от времени во дворе такое случалось. Соседи регулярно жаловались на шум, даже дважды обращались к участковому, но тот только руками разводил: мол, привлечь их особо не за что, а разъяснительную работу с подростками проводить – так это ответственность родителей и воспитателей в школе, у него на участке проблем и без них хватает. Вот если разобьют, подожгут чего или кого ограбят – тогда обращайтесь!

На воспитательные беседы у Петра Петровича сейчас не было настроения совершенно, и он собирался уже было пройти мимо, как вдруг резко остановился: жалобный скулеж и повизгивание загнанного животного больно резанули ему слух, а еще показалось, что в общем шуме потасовки он вдруг узнал знакомый голос.

– Не отдам! – голос был слаб и тонок, но полон решимости. – Бейте! Все равно не отдам!..

– Что здесь происходит? – крикнул Петр Петрович, чуя неладное и ускоряя шаг. – Немедленно прекратите, слышите! Или я вызову полицию!

Крысиной стаей подростки бросились врассыпную. На холодной земле остался сидеть только один, самый младший. Он был бледен и задыхался, но крепко прижимал к себе лохматого щенка. Профессионально натренированный слух не обманул бывшего преподавателя консерватории. Петр Петрович присел перед мальчишкой на корточки и участливо положил руку на худое плечо.

– Саша, что ты делаешь здесь? – мягко спросил он. – Где твои родители? Почему ты домой не идешь?

– Они хотели его камнями, на спор, – будто не слыша, о чем его спрашивают, ответил мальчишка, едва шевеля посиневшими губами. – На спор! Не

отдам! – Маленькая шуплая фигурка вдруг вздрогнула и, так и не выпустив щенка из рук, начала медленно заваливаться набок прямо на глазах у опешившего Петра Петровича.

«Бывают приступы...» – тут же мелькнуло у него в голове. Что там говорил Семен в то утро? «Порок сердца, операция. Надеюсь, дотянем!» А что, если нет?.. Что ты медлишь, старый дурак?! Сделай же что-нибудь! Хотя раз в жизни!

Подхватив мальчишку в охапку, Петр Петрович со всех ног ринулся в парадную. Так, куда теперь?.. Их дверь сразу направо. Здесь! Он звонил и стучал, долбил ногами, неумело матерясь от бессилия и страха. Все напрасно! Где носит эту соседку?! Черт с ней! Скорая! Нужна скорая! Свой мобильный телефон он оставил дома на зарядке. Петр Петрович, задышав от волнения, бросился на второй этаж, открыл дверь, ворвался в квартиру, бережно уложил мальчишку на кровать, сорвал с зарядки телефон и трясущимися пальцами набрал 103.

– Вызов приняла. Все понимаю, но придется подождать! – сообщил усталый женский голос. – Пандемия в городе. Все машины на линии...

– Что? Что значит подождать? – растерялся Петр Петрович. А он-то уже обрадовался, что может снять с себя эту ношу и расслабиться. – У ребенка сердечный приступ, он не может подождать! Сколько придется ждать? Надеюсь, не дольше, чем... Сколько?!

Диспетчер уже отключилась, а бывший профессор все еще оупело смотрел на погасший экран старенькой кнопочной «Нокии». Два часа? Она сказала «два часа, и это еще в лучшем случае»? Ему не посылалось? Но за два часа мальчик умрет!

Неуклюже топчась дрожащими лапами по подушке, щенок жалобно скулил и вылизывал неподвижное лицо с заострившимися чертами, которое уже начала покрывать тонким налетом восковая бледность. Петр Петрович подошел к кровати. То, что счет идет на минуты и скорая уже просто не успеет, даже если приедет немедленно, он понял как-то сразу, только взглянув на ребенка. Оставался единственный способ.

Решившись, он бережно подхватил скулящего щенка и, пересаживая того в кресло, отстраненно произнес:

– Подожди, дружок, подожди. Потом, потом... Похоже, у нас просто нет другого выхода...

– Ждать полгода очереди по квоте – и отказаться за три дня?! Что у этих людей в головах? – изумился ведущий кардиохирург, уставший мужчина лет шестидесяти, сидя за столом и сердито вертя в руках бумажку с письменным отказом от операции. – С чего вдруг? Они что, нашли другой стационар? Кто подсказал им написать эту чушь? Они о ребенке подумали? Это же безответственно! А что это вы улыбаетесь, Аркадий Павлович? Что, простите, смешного?

Его молодой коллега-кардиолог загадочно усмехнулся.

– Я подсказал, Константин Петрович. Мы положили пациента Архипова в стационар неделю назад

и провели весь необходимый объем диагностики перед плановой операцией.

– И?

– Последние тесты показали, что ребенок совершенно здоров!

– Как это здоров? – рассердился кардиохирург, раздраженно листая толстую историю болезни. – У него же не ветрянки была? Полгода назад, Аркадий Павлович, именно вы диагностировали у Архипова Александра Семеновича, две тысячи тринадцатого года рождения, комплекс Эйзенменгера – сложную врожденную аномалию сердца. Я прекрасно помню этот случай! Вы забыли заключение консилиума? Пациенту необходима операция: с такой патологией живут максимум до двадцати лет, и это еще если очень повезет! Вам ли не знать!

– Все верно, Константин Петрович, – с готовностью согласился молодой врач, выслушав собеседника. – Я не отрицаю, все именно так! И в своем диагнозе я был тогда уверен. Но тем не менее я утверждаю, что теперь пациент Архипов совершенно здоров: вот свежие результаты тестов, – кардиолог вручил старшему коллеге ворох медицинских распечаток. – Я все проверил трижды, прежде чем принять решение об отмене операции. Константин Петрович, вы же меня знаете!

– Ничего не понимаю, – растерянно разведя руками, произнес кардиохирург, внимательно изучив все документы. – Если это все так, то вы, конечно, правы... Он здоров. Впервые в моей практике за сорок лет! Чтобы такая врожденная аномалия – и сама исчезла за полгода? Не-воз-мож-но! М-да...

Он встал и, заложив руки за спину, повернулся к окну, где какое-то время стоял в глубокой задумчивости. Молодой коллега присоединился к нему. Вместе они смотрели на длинную очередь из автомобилей, скопившуюся у железнодорожного переезда на Удельной. Пытаясь пробиться к кардиоцентру, в пробке отчаянно маневрировали две кареты скорой помощи с завывающей сиреной и включенными мигалками... Какое-то время оба молчали.

– А что говорят родители? – поинтересовался наконец кардиохирург.

– Там какая-то темная история. Мать от счастья в состоянии полной невменяемости: то смеется, то рыдает. Ничего вразумительного от нее добиться мне не удалось. А отец почему-то считает, что у сына был приступ и его вылечил сосед.

– Сосед?! – Константин Петрович бросил на коллегу недоверчивый взгляд и покачал головой. – Господи, какая чушь! У него сосед кардиохирург мирового класса, оперирующий на дому?

– Нет, конечно. Старший Архипов считает, что сосед вылечил сына, – молодой коллега смущенно покашлял в кулак, – как бы точнее выразиться...

– Да говорите уже, Аркадий Павлович, – устало

махнул рукой кардиохирург. – Сегодня вы меня уже ничем не удивите. Говорите как есть!

– ...возложением рук! – смущенно закончил фразу кардиолог, ожидая нового всплеска негодования от старшего коллеги.

Но тот, казалось, не услышал, продолжал смотреть в окно на застрявшие скорые и никак не отреагировал, словно думал о чем-то своем, более важном.

Молодой коллега собрался уходить и уже взялся за ручку двери, как вдруг услышал от окна негромкое:

– «И возложив руки, исцелил его!»... Вот и нам бы так, а, Аркадий Павлович? Сколько людей можно было бы спасти. А я все по старинке, скальпелем... А все же любопытно знать: что именно там произошло на самом деле?..

Кардиохирург произнес это, не обернувшись. Не найдя, что ответить, молодой врач смущенно вышел из кабинета и плотно притворил дверь за собой.

Петр Петрович болел вторую неделю. Давило сердце, снова заныли сломанные ребра, причинявшие боль при каждом вздохе. Навалившаяся слабость не давала подняться, силы таяли на глазах. Семен навещал его ежедневно: приносил куриный бульон, заботливо сваренный женой, и уговаривал поесть. Сама соседка появлялась в квартире Петра Петровича стеснялась. Часто у кровати бывшего профессора дежурил соседский мальчишка. Он сидел молча, стараясь ничем не потревожить больного.

В один из дней Петру Петровичу стало хуже: он вдруг громко застонал и затих. Мальчик бросился за отцом, Семен вызвал скорую. Приехавший врач зафиксировал смерть профессора от сердечного приступа. Когда уже поздним вечером тело Петра Петровича увозили в морг, щенок, тоскливо скуля, вырвался у стоявшего на первом этаже мальчишки и едва не попал под ноги шедшему впереди небритому детине.

– Ах, твою ж мать! Пшел! – дыша перегаром, санитар попытался зло отпихнуть щенка ногой. – Зашибу! Заберите эту тварь!

Мальчишка успел нырнуть к полу, подхватить щенка и в страхе отскочить к стенке. Дверь парадной громко хлопнула. Было слышно, как во дворе взревел двигатель уазика, через пару минут все стихло.

Дрожа всем телом и крепко прижимая к себе щенка, мальчишка еще какое-то время стоял на лестничной клетке.

Во рту у него вдруг появился странный металлический привкус...

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Магомед АХМЕДОВ (13 ноября 1955, Гонада, Дагестанская АССР – 21 февраля 2023), русский советский и дагестанский писатель, прозаик, поэт, переводчик, критик и публицист. Член Союза писателей СССР с 1984 года, секретарь Союза писателей России с 2018 года, председатель Союза писателей Республики Дагестан (2004–2023). Народный поэт Дагестана (2005). Лауреат Большой литературной премии России (2006) и Литературной премии имени Дельвига (2012), а также других литературных премий.

МОТИВ ПРОЩАЛЬНЫЙ И ЩЕМЯЩИЙ

В переводах Нины Орловой-Маркграф

Читал я громадную книгу земли,
на глине, папирусных свитках,
на желтой бумаге в архивной пыли,
в брошюрах, на скрепках и нитках.

Я жизнь перелистывал.
Долго мой слух
безверья ласкала блудница,
и лживое слово ломало мой дух –
я страшные видел страницы!

Пробитые пулями были одни,
другие – в кровавых отточьях,
А третьи разодраны – соедини
Державы мельчайшие клочья!
Там совесть затерта,
зачищена честь,
подослан к Отчизне убийца!
Но дальше не смог я
сложить и прочесть
обрывки кровавой страницы...

* * *

Воздух пахнет снегом или кровью?
Я не то что жить – дышать устал.
Вырастают новые надгробья,
не снимает траур Дагестан.

Время – сапогами по обломкам,
по спине солдатским вещмешком.
Что ему до предков? До потомков?
Время не заплачет ни о ком.

Мне дитя дает еще надежду, –
будущее мира среди бед –
улыбается в пеленках безмятежно,
излучая чистой жизни свет.

КЛИН ВОРОВ

Вот клин воров летит в страну чужую,
о нищей родине нисколько не горюя.
Не проклинай бандитов именитых –
их уши льстивым золотом залиты.

Тебя поносит и высмеивает, лая,
как псов, сорвавшихся с цепи,
вся в пене стая,
в твоих горах, долинах и степи...
Страна, ты выкормила их –
теперь терпи.

РАЗГОВОР С ВЕТРОМ

Ты душу вынимаешь, ветер,
и возвращаешь лишь клочки!
Дрожат дорог узлы и сети,
крылатый гул летит в ночи.

О чем ты? Что сказать мне хочешь?
О жизни, прожитой не так?
Ты вечно свеж и полон мощи,
раскачиваешь мир, как рошу,
а я устал, устал, устал.

Взгляни на угол мой угрюмый.
Как духи тьмы, томятся думы,
ворвись в окно, шуми, кружись,
гляди, могучий, вольный, мчащий
на обесчещенное счастье,
на обезжизненную жизнь.

На это тело на диване.
В нем сердце было местом брани,
я вел войну, кидался в бой,
но выбит, вытоптан, изранен –
И враг мне ночь.
И врач мне боль.

Ты что-то отвечаешь, ветер?
Сорвал, согнув, железа лист,
гремишь торжественною жестью –
Опять ужасные известья!
Хорошие – перевелись.

Куда все катится? Не знаю.
Иль надломилась ось земная?

Из года в год, из года в год
событий безысходней ход,
Земля – и та пощады просит.
Куда она меня уносит
вращением наоборот?

БРОШЕННЫЕ

Свершен кукушки роковой полет –
и ветер свищет в гнездах опустелых...
Что происходит граждане, народ,
на этом свете, что зовётся белым?
вновь детские дома полны сирот,
мест не хватает в доме престарелых.

Не Смута нынче, не голодный год
и не война-разлучница виною –
обузу видя в детях, лишний рот,
бросает женщина дитя своё родное!

Младенца бросить у чужих дверей!
И Страшного суда тебе не страшно?
С кем я таких сравнил бы матерей?
Со зверем? Оскорбил бы я зверей.
Волчица так не поступила б даже.

Обида детская у стариков в глазах,
и взглядом старика глядит ребёнок.
Похожи их беспомощность и страх,
и слезы одинаково солёны.

Как терпит небо этих палачей,
Как на спине своей земля их носит?
Неужто же блаженствуют на ней,
кто бросил мать
и кто ребёнка бросил?

Живет легко и просто эта мразь.
И заповеди, и закон природы
без колебаний втаптывая в грязь,
забыто все –
с Творцом святая связь,
и чувство родины,
и чувство рода.

* * *

Я думал, стоя на вершине горной,
что дышит здесь
бессмертья чистый дух,
мне наполняет звездный воздух горло,
и эхо строк, преображая звук,
летит все выше,
через свет и темень
в иные дали, и в иное время.

Я думал, глядя вниз,
что как вершина
выдерживает снег средь ломких скал,
так жизнь я выдержал,
когда ползла лавина
и века нового грозил обвал.

АВАРСКИЙ ЯЗЫК

Я думал: нерушим язык мой древний
и смерти он сильней,
но вымирают и могучие деревья,
лишенные корней.

Язык аварский –
мятный и молочный,
мед таящий в устах,
и золото в нем
мудрости восточной,
и горных рек хрусталь.

Как мать свою
вы бросить не смогли бы,
О не бросайте, люди, свой язык!
Пой на аварском, девочка Гуниба,
тост по-аварски говори, старик!

Легенды, сказки, озорные шутки
впитал я с материнским молоком.
И полнятся стихи мои, как кубки,
аварским языком.

ЗОЛОТОЙ СНЕГ

Когда редеют кроны чащи
и листья ветви покидают –
мотив прощальный и щемящий
молитвы силу обретает
в предчувствии, что скоро-скоро
со всем живым душа простится.
Как ласков воздух в эту пору!
Как, замирая, лист ложится!

Деревья дышат тихо, ровно,
и сыплет листопад густой,
и рассыпается по склонам
снег золотой,
снег золотой.

Я нынче шел, а листьев стая
плела загадочный узор,
И вглядываясь, и читая,
я разглядел аул среди гор.

Мне виделся погост, могила
отца. И рядышком – моя.
Под звук чудесного мотива,
который ясно слышу я,
легко слетает листьев стая,
чуть освещая куст пустой,
и серый камень замечает
снег золотой,
снег золотой.

Нина ОРЛОВА-МАРКГРАФ

НА НЕБЕСНУЮ РОДИНУ

*Что лиц милей, ушедших без возврата?
Мы были вместе. Память их жива.
Я помню каждый взгляд и все слова.*

Константин Бальмонт

Памяти Магомед Ахмедова

Умер Магомед Ахмедов. Это скорбное сообщение получила в самолете. Я летела на родину, а он в это время летел на свою небесную родину. Я разговаривала с тобой, а ты молчал. Наш многолетний диалог осиротел. А мой монолог был горьким, слабым и растерянным. Прощай, Магомед, мой брат.

Первая горячая мысль, отчаянный вопрос к тебе был: Магомед, зачем ты ушел? Друг юности, я помню тебя восемнадцатилетним. Вместе учились в любимом Литературном институте, жили в одном студенческом общежитии, занимались в одном поэтическом семинаре. Юные, непримиримые. Какие страстные споры, какой шум сопровождал обсуждение стихов кого-либо из семинаристов! Ты всегда садился впереди, весь уходил в происходящее. Мне с галерки ты виделся седоком, приподнявшимся в седле, устремленным, взвол-

нованным, мчавшимся. А когда ты вставал во весь рост, чтобы высказать свое мнение, говорил энергично, напористо; в этом слышался орлиный клекот и клекотание потоков, несущихся с гор твоего родного Дагестана. И я ощущала ауру аварских гор, наверное, тысячу раз за жизнь воспетых тобой в стихах на аварском языке. А язык аварский – он сам весь из звуков – щелканья, щета, клекота, всхлипа горных вод, криков птиц. Юность, счастье наше, сколько веселых проделок, шуток, всяческого безмятежного баловства! Я помню твой смех, твой

хотот, молодой и беспечный. Нас с тобой постепенно и дальше - больше, я думаю, сблизил страстная любовь к литературе и особенно к поэзии, чтение захлеб, синхронное погружение в книги. Здесь, в Москве, нам вдруг открылись новые океаны литературы, поэзии. Мне русский язык был родным, а ты, аварец, с энергией и скоростью, тебе присущей, постигал его глубину на ходу. Твоя любовь к русской литературе, истории, была с тобой до конца. Я позвонила тебе в больницу и первое, что спросила, какие книги ты взял собой в палату. «Исповедь» Толстого и любимого Блока», – ответил ты. Это было за месяц до твоего ухода в вечность.

Много раз я бывала в твоём родном Дагестане. Первый раз еще в студенческие годы. Об этом однажды написались строчки, сами собой:

Я помню Дагестан годов семидесятых.

Моложе Каспий был. Он льнул к моим ногам.

А брат мой Магомед глядел ревнивым братом.

Да, кажется, тогда я обрела в нем брата - на этих берегах.

В течение жизни я еще много раз приезжала в Дагестан, узнавала эту землю, ее поэтов, виделась с тобой, с Мариной, с Шейит-Ханум, со своими давними друзьями. Этот край мне стал родным, любимым. Нигде нет таких гор, как в Дагестане. Они красивы особой, духовной красотой, в них есть какая-то молчаливая смиренность перед Небом, которое выше всего сущего. Дух этих гор – во всем твоём творчестве. Всю жизнь, приезжала ли я в Дагестан или ты в Москву, если выпадала встреча, мы читали стихи, ведь главной нашей любовью оставалась до конца поэзия. Я могла произнести любую строку одного из многочисленных любимых поэтов, ты подхватывал, и мы читали дальше вместе. Наш диалог осиротел.

Знаю, твой процесс самообразования продолжался всю жизнь, это отточило твой талант поэта и блестящего оратора, (уж совсем нынче редкий дар). Ты не был пай-мальчиком, по жизни всякое бывало, но пройдя через искушения, ты возвратился к истоку. Ты должен был выйти к свету и вышел. Обрел веру, которая помогла жить дальше и многое сделать во имя родного, непрестанно воспеваемого тобой, Дагестана. Сколько лет ты нес на плечах этот забирающий все силы груз общественной работы. Когда-то я была свидетелем того, как Расул Гамзатов, великий поэт, руководитель Союза писателей Дагестана, увидел в тебе, юном Магомед Ахмедове, своего восприемника. Думаю, это был пророческий взгляд.

Знаю, дорогой, ты любил эти стихи, давно посвященные тебе.

МОЛИСЬ, ГОРА!

*На руках возмут ты,
не когда преткнешь о камень ногу твою:
на аспиде и василиска наступиши...*

Из Псалма Давидова

Магомеду Ахмедову

Молись, гора, и на ночь, и с утра
о мальчике аварского аула,
он держит не скрижали, но тетрадь,
уж запеклись и вымерзли чернила,
шершавый ветер ходит, как наждак,
а дуги строк над скалами повисли –
их отразит хрустальная вода,
и на вершине вечный мрамор льда
преобразит и приумножит смыслы.

Молись, гора, на пламенный Восток,
о юноше наивном из Гуниба,
где б он сегодня ни бродил,
где б ни был,
храни его, Великое Плато.
Там ярусами горные луга,
как на Руси, нарезаны долины,
медвежьим лакомством полны кусты малины,
и можжевельника – душистые стога!
В низине – груша, в марево одета,
ее воздушная и дикая душа
вся в грушевидных дольках света!
Кизил и барбарис еще чуть розов,
и диво дивное – здесь даже есть березы!
Они шумят, как сестры из Мещеры,
и звери белым днем выходят из пещерок:
лиса с серебряным подпушьем, рядом заяц,
и смотрит волк, не злясь и не кусаясь,
совенок спит на лапах ели
в своей еловой колыбели.
Бубнит тетерев, перепел поет –
какие льются трели!
На «есть хотите?» гогочут гуси: да-да-да-да
и шелкает летящая в ущелье вода,
звучаньем царским она похожа
на язык аварский.

По мегаполисам шагая, древним стогнам,
быть может, он не вспомнит о тебе,
но ты прости свой каменный хребет,
склони главу у самого Престола!
Где васильки небес, где слышен горный гимн,
молись, гора, ты так от Бога близко,
чтоб не преткнул о камень он ноги,
не наступил на жало василиска.

Илья ТАРАНОВ, член Союза писателей России.

АРОМАТ ДАГЕСТАНСКОГО ПЕРСИКА

В июле две тысячи девятнадцатого года в наш город приехал народный поэт Дагестана, председатель Союза писателей республики Магомед Ахмедов. Поэт остановился в небольшом отеле «Гончаровъ» на улице Федерации. Около десяти часов утра я подъехал на своей машине к трёхэтажному уютному зданию и позвонил Магомеду. Накануне мы с ним договорились о встрече. Я пообещал показать памятные места Ульяновска и, зная о гостеприимстве дагестанского народа, решил устроить тёплую дружескую встречу, показать и наше волжское радушие, коим, будем откровенны, славится русский народ. С Магомедом мы встретились в фойе и побратски обнялись, хотя видели друг друга впервые. Я расспросил о цели его внезапного приезда и посоветовал на то, что заранее не предупредил, а я бы с удовольствием организовал ему яркую встречу. Вспоминая сейчас проведённые с ним часы, понимаю, какие ценности были в почёте у этого простого талантливого человека, и уж точно не шумные парадные церемонии. Магомед был в неяркой клетчатой рубашке и летних тёмных брюках, смотрел на меня пронизательным, мудрым взглядом горца, умеющего разговаривать с бурными речками и высоко парящими в солнечном небе орлами. Это первое впечатление не изменилось за время нашей встречи. Магомед познакомил меня со своей немногословной улыбчивой супругой, я по нашему писательскому обычаю вручил им свою книгу, а они меня угостили дагестанскими персиками и баночкой варенья. Целью их поездки в Ульяновск была встреча с сыном, который служил в ульяновской дивизии, поэтому творческие мероприятия не планировались. Он даже не захватил свои книги, о чём очень сожалел.

Мы отправились на Венец в нашу писательскую штаб-квартиру во Дворце книги, где с нетерпением ждал гостей наш известный поэт Александр Лайков. Вот не умел Александр сдерживать эмоции. Своей широкой радостной улыбкой он сразу покорила именитого поэта, выдал такую приветственную речь, которую наверняка оценила муза Клио, которую мы позже навестили. На тот момент я был председателем Ульяновского отделения Союза писателей России, и нам с Магомедом было о чём поговорить. Дружной компанией прогулялись по Венецу, посмотрели с крутого берега на раздольную Волгу, полюбовались изящным зданием краеведческого музея, постояли у памятника Ивану Гончарову и прошли в уютный Карамзинский скверик. Там-то нас и приветствовала муза Клио, украшающая своими античными формами памятник Н.М. Карамзину. Александр Лайков читал свои стихи, я рассказывал об истории строительства памятника, упомянув Александра Сергеевича Пушкина, который был в числе жертвователей на строительство этого монумента, великий дух историографа государства Российского окутывал нас из глубины каменной ниши невидимым дымом вековой истории,

*Илья Таранов, Магомед Ахмедов, Александр Лайков.
Ульяновск. Июль 2019 года*

а Магомед наслаждался июльским тёплым солнцем. После обеда, к нашему сожалению, дагестанские гости уже улетали домой, и мы провожали их. Поехали в гостиницу за вещами, а потом в аэропорт имени Карамзина.

Конечно же, я не мог отпустить поэта, не услышав его стихи на родном аварском языке, о чём и попросил Магомеда, он без лишних слов низким бархатным голосом прочитал одно из своих стихотворений, а я записал видео на смартфон и отправил в нашу группу в «Ватсап» ульяновским писателям...

Мы возвращались с Александром Лайковым в город и восторженно обсуждали знаменательную встречу с дагестанским поэтом. Уже подъезжая ко Дворцу книги, Александр сказал, что в воздухе витает не только высокая поэзия, но и аромат дагестанских персиков.

Прошли годы, а этот аромат, душистое варенье из алычи и тепло нашей встречи вспоминаю по сей день.

P. S.

В сентябре 2021 года ушел из жизни поэт Александр Лайков. В феврале 2023 года из Дагестана пришла горестная весть о Магомед Ахмедове.

Светлая память братьям по перу!

14 марта 2023 г.

Гала УЗРЮТОВА – прозаик, поэт, драматург. Родилась в 1983 году, в Ульяновске. Окончила Ульяновский госуниверситет, факультет культуры и искусства. Автор книг: «Страна Саша», «Я с вами не разговариваю, или Страна Женя», *All the names are occupied, but one is vacant*; «Снег, который я пропустил»; «Обернулся, а там – лес».

Лауреат Всероссийского конкурса рассказа Литературного института им. Горького «Погода на завтра 2022»; лауреат Российско-Итальянской литературной премии «Радуга» (2019); стипендиат Программы Гёте-Института «Культура в движении» (2019); лауреат драма-конкурса Европейской сети Eurodram (2018); победитель конкурса Музея «Гараж» с эссе о самоизоляции (2020); победитель (2 место) Всероссийского конкурса короткого рассказа им. К.Г. Паустовского 2022; дипломант премии Дмитрия Горчева (2017); лауреат международного драма-конкурса *Vadenweiler* 2016; лауреат премии им. Н.Н. Благова (2016); лауреат спецпремии ИД «Русский Гулливер». Тексты переводились на немецкий, английский, словенский, латышский, литовский, итальянский, китайский, украинский, корейский. Член Союза писателей Москвы.

ОТРЫВКИ ИЗ НОВОГО РОМАНА «КОТОРЫЕ»

Река Волга

Автобусы отменили – значит, идти по замерзшей Волге пешком. До деревни, в которую тебя распределили учителем. До деревни, где все спрятались и не ждут. Здесь свои правила, а у тебя только правила русского языка. Правила тут такие. Линии снежной пыли еще с ночи вымораживают берег, делая его недоступным для долгих веселых голосов. Даже если возьмешься за длинную фразу, ветер прервет ее ледяным комом в горле. Молчание

остается способом выжить и передается как семейная реликвия из поколения в поколение. Влетел ветер – ты глотнул. Глотнул – и сбергся.

Все, ходящие по замерзшим рекам, каковы ваши имена? Когда снег за ворот, имя забываешь, помнишь только тело. Остается спрятаться в дневном холодном свете, который не выдаст. Главное – увидеть второй берег. Успеть перейти реку и дойти до деревни дотемна. Ночь здесь густеет быстро, и в три часа становится совсем твердой. Если выдержишь до утра, свет будет обезболивающим от

темноты, а до той поры – не суйся. Иди прямо и ни о чем не думай, от этого появляется смелость. Не сворачивай, даже если справа всё кажется верным. Не останавливайся, даже если устала. Вот твои новые правила – не сворачивай и не останавливайся.

Снег на все четыре стороны. Если он упал под ноги, перешагни – и иди дальше. К теплой печи чужого дома. Куда впустят, если услышат твой стук. В печи уже ладятся горшки, уже горячают. Твой первый чужой дом, до этого были только свои. Сначала свой дом с водой из колодца, потом – своя квартира в пятиэтажке, построенной пленными немцами. Окна на первом этаже выходят во двор. Широкие подоконники – пункт наблюдения за одноклассниками. Банки с солеными огурцами. Бесконечные банки с хрустящими солеными огурцами. За занавеской тебя не видно, зато ты видишь всех. Здесь тебя тоже не видно с берега за занавеской снега, но и ты никого не видишь у яра. То ли из-за белого ветра, то ли там никого нет, то ли до деревни еще далеко.

Всё, что попадает под ноги, должно быть пройдено, даже если это буран или замерзшая Волга шириной семь километров. Уроки должны начаться вовремя, русский язык в понедельник. Волга здесь – главный учебник. И по русскому, и по математике, и по географии. Потрепанный учебник, под страницами которого утопили деревни и острова, устраивая водохранилище. Теперь они мерзнут подо льдом. Если ветер сильный, а лед прозрачный, можно разглядеть, как там живут, как бродят по ягды на острове, как копают огороды и идут в церкву. Они движутся медленно, торопиться подо льдом незачем. Торопятся только надо льдом. Единственное, чему можно научить волжских детей, – не торопиться, когда идешь по льду. Это им точно пригодится. Как и умение переносить дома с яра на зады, чтобы избы не ушли под воду вместе с затапливаемыми крайними рядами. Несём наши дома на зады. Несём ближе к лесу, подальше от воды. Несём их в руках как нежданную добычу.

В такую погоду даже рыбаки на лед не вышли. Ни слова, ни крика – всё сотрет ветер. Чем быстрее идешь, тем скорее устаешь от снега в лицо. В снеге никогда не сомневаешься, даже когда он уже вычернел от весны. Разлетаясь, снег собирается в новый орнамент, переходящий во второй, в третий. Снег восстанавливает себя из ветра, создает из временного постоянное, незаметно проживая сотни жизней за одну.

Руки не согреть, в карманах место занято. То, что положили в детстве в карманы, остается в них навсегда. Доставай – и показывай. Только сначала выгребь оттуда снег. А дальше – ключи, грязные монеты, серый волк, соленые помидоры, сандалии с прилипшим горячим асфальтом, плацкартные вагоны с запахом черного чая, многобудешьзнатьскоросостаришься, чемоданы дынь, растаявшие бабушкины конфеты, тихий час, лагерь на Черном море, творожная запеканка, зеленка, октябрятская звездочка, звуки свай, елочная игрушка в виде кукурузы, валенки, вермишель с молоком. Выворачиваешь –

снег сыплется и сыплется. А там и зимняя свадьба. Такая же белая. И тоже – здесь, куда ты еще не пришла.

Справа сквозь буран уже показалась пристань – берег близко. Это летом железный динозавр ходун ходит от толпы, выныривающей из метеора. Теперь же пристань вмерзла в Волгу и не шелокнется. Следит за тем, как клокочешь руками, хватая ворот полушубка, бегущий от ветра. Пристань бы и рада предложить свою спину пешеходу, но метеоры зимой не ходят. Все, кому надо, уже приехали сюда давно. А чужим – заходить в деревню с замерзшей воды. Пройдешь – найдется тебе место в теплом доме. Сядь у печки и не задавай хозяйке вопросов. Хлебай уху и грейся. Вечер сбрил с берега свет – замкнутый, холодный, неподвижный. Волга уже не вода, а земля. Так тверд лед, так тверды ноги, так тверд снег. От холода не чувствуешь, идешь ли по глыбе замерзшей воды, по берегу ли. Нас учили ходить только по берегу – как ходить по воде, мы не знаем. Как учить этому детей, не знаешь.

Когда ветер уносит снег из-под ног, видишь, что идешь по замерзшей воде. Волга легла на зимний бок, по которому можно двигаться спокойно, не боясь ее разбудить. То ли вдаль уже видны избы на яру, то ли это ветер куёт из снега деревянные узоры. Повернуть назад? Но впереди уже меньше, чем за спиной. Теперь двигаться дальше. На чужое тепло. Слушать, как подо льдом звонят колокола, зазывая на вечернюю службу.

Озеро Бохинь

Вода везде напоминает воду в других местах. Эта вода озера Бохинь в правом ухе Словении – та же, что и в Волге, у которой я росла. Но я не умею ходить вокруг озера – только вдоль реки. Разгибаю озеро в линию, чтобы сделать реку. Все идущие вокруг озера движутся так, будто всегда только и делали, что ходили по окружности. Поддаваясь животному инстинкту, они следуют туда, куда ведет линия берега, и не пытаются ее изменить. Человек жаждет симметрии, которая означает: ты владеешь пространством, ты его контролируешь.

Словения – комната в огромном доме, от которой давно потеряли ключи. Прохожий дергает дверь, а когда та не поддается, не настаивает и идет дальше в надежде, что комната попадет на пути снова. Он слышал, что в этой комнате хозяин хранит самые ценные вещи и никому их не показывает. Поговаривают, хозяин выбросил ключи от двери в реку, но местные водолазы три раза обследовали дно и ничего не нашли.

Я родилась и выросла на равнине: Словения, где горы и нагорья занимают почти восемьдесят процентов территории, а две трети людей живут в гористой местности, – подходящее место, чтобы переждать саму себя. За горами ничего не видно, никакого другого мира. В двадцати километрах отсюда – самая высокая гора страны – Триглав. Ее три головы на тебя не только смотрят, но и видят – их взглядам

¹ Впервые вершина Триглава была покорена 26 августа 1778 года. На гору поднялись прибывшие из бохинских мест фермер и горняк Лука Корощец, охотник Штефан Рожич, горняк Матевж Кос и хирург Ловренц Вилломитцер. Это произошло за 8 лет до покорения Монблана и за 87 лет – до Маттерхорна. Триглав изображен на флаге и гербе Словении.

препятствий нет. Словенцы говорят: если подняться на высоту тысячи метров над уровнем моря, прощаются все грехи. Если же смог подняться на Триглав высотой 2864 метра, ты настоящий словенец. В 18-м веке четверо из бохинских мест взойшли на Триглав задолго до того, как человек покорил Монблан и Маттерхорн¹. Наверху по горным тропам карабкаются, не спеша. «Чтобы понять словенца, не надо учить язык, нужно учиться хайкингу», – сказал мне в автобусе по дороге на озеро житель Любляны. По-словенски спина звучит как hrbet, а холм как hrīb. Холм – часть тела словенца. Из этого хребта он состоит, им и держится. Местные размахивают палками для ходьбы, как оружием; ни одна вершина не устоит. В горах есть препятствие для каждого: выбираешь преграду по себе и преодолеваешь. Затем выбираешь препятствие сложнее, преодолеваешь и его, даже не издав победного крика, а просто выпив банку радлера на вершине и спустившись, молча, никому не говоря о завоевании новой земли. Тихие рыцари с салуки на поводке. Зачем словенцам фуникулеры? Видимо, для туристов, которые привыкли ходить по равнинам.

Шаг в горах сдержан, как песни Владо Креслина². Забравшись на холм, словенцы хотят одного – чтобы их не трогали. Граница между голосом и тишиной исчезает. В горах голос не нужен, чтобы говорить. В горах голос нужен, чтобы не потеряться. Впрочем, всегда найдется кто-то идущий по соседней тропе, поэтому громко кричать не придется.

Гораздо нужнее в вертикальном образе жизни крепкий вестибулярный аппарат, который у равнинного жителя подчас слабее. К тому же в горах особо не расшатаешься – все выходы перекрыты холмами. Это равнинцам надо держаться, чтобы ветром не унесло то вправо, то влево, и фокусировать взгляд перед собой, дабы ненароком не свернуть. От простора на равнине начинаются шатания, свойственные горизонтальному образу жизни. Цели не видно далеко вперед – остановиться негде – идешь, не зная куда, особенно если хочешь найти то, не знаешь что.

(...)

К прозрачности озера Бохинь невозможно привыкнуть, но к тишине адаптируешься сразу. Означая отсутствие людей, тишина пугает, но здесь, на озере, – поглощает. Не то чтобы шум – это отвлекающий маневр, а то, что тишина – это источник шума. Так же тихо было на прошлой неделе, когда я приехала в отель в Римске-Топлице, куда меня отправили на рабочую конференцию. Если мы не можем вернуться в прежнее состояние, наше спасение – изобрести новое колесо, чтобы крутить его – и жить так, как мы не жили раньше, говорил выступавший там словенский философ. Но когда-то и оно не будет прежним и мы не вернемся к тому, что было, добавил он. Так он говорил. Неудивительно, что именно в Словении обнаружили самое старое деревянное колесо из тех, что были открыты в мире. Его нашли в болотистой местности примерно в двадцати километрах от Любляны. В городском музее оно, наверняка, до сих пор крутится по ночам, приводя столицу

в движение, чтобы тренировать вестибулярный аппарат люблянцев, пока они спят.

Озеро Бохинь – то же колесо, и я сама верчу его, когда иду вокруг. Стремление к воде – желание вернуться в то время, когда человек жил у реки, зная, что и как устроено. Теперь каждый изобретает новое колесо, которое крутит, не задумываясь. Выйди он из этого круга, увидел бы, что колесо продолжит крутиться без него. Что колесу неважно, кто его крутит. Люди приезжают не в отель на холме в Римске-Топлице, люди приезжают к воде – к древним термам, в которых можно сидеть на свежем воздухе. Вода – награда. Весь год работаешь – награждаешь себя отпуском у воды. В теплых термах плаваются уставшие словенцы, дожидаясь, пока всё прожитое стечет с холма. Вода делает своё дело и тяжелеет, срываясь вниз. Среди вершин я смотрю так же, как редкие в Римске-Топлице деревья – секвойи, посаженные принцессой Викторией, калифорнийские кедровые и туюльпановые деревья.

Чистые и отдохнувшие, постояльцы отеля приходят завтракать. Белые скатерти – на столах, бордовые салфетки – на коленях. Через большие окна смотрю на горы и вижу холм с церковью Лурдской Богородицы 19-го века. В ее алтарь встроены камни, привезенные из пещеры Лурдес во Франции. Дорога к холму поднимается через деревню. Изредка появляется прохожий, и мы здороваемся.

– Dober dan!³

– Hello! Dober dan!

Карабкаюсь на вершину, становлюсь всё меньше, а Словения – всё больше: она никогда не кончится. Торопиться незачем – горы никуда не денутся. То, что наверху, всегда кажется ближе, чем есть. Оглядываюсь на деревню и отель вдалеке. Взгляд, привыкший к простору, вытаптывает из горной местности равнину, на которой всё просматривалось бы далеко вперед. Но за горами ничего не видно. Взгляд останавливается на каждой вершине, пока та не пропадает за облаками. Церковь Лурдской Богородицы стоит на холме как его продолжение – дальше идти некуда. Обошла кругом, но дверь закрыта. Всё ниже по узким дорогам деревни, усыпанными сентябрьскими яблоками, которые скопились у бордюров. Перезревшие мячи катились с холма и поворачивали налево, я – шла прямо.

В лесу у отеля пожилые пары шаркали среди старых деревьев, молчали на скамейках, разглядывая три огромные ели на поляне. Эти гиганты не могут стоять слишком близко друг к другу, им нужен воздух. Завсегдатаи отеля знают: вернись они сюда лет через десять, три ели будут так же стоять на поляне, как стояли десятки лет до этого. По ночам бар отеля – пещера, где каждый звук самостоятелен. Слышу, как бармен протирает посуду, как он прибавляет громкость, если песня ему нравится, как едет лифт, как могла бы гореть свеча на столе, если бы была настоящая, а не электрическая. Как хлопнула папка меню. Как громки могут быть шаги официантки, если их ждешь. Как кто-то за соседним столом рассказывает про украденные в школе деньги,

² Владо Креслин (словен. Vlado Kreslin) – легенда словенской музыки (этническая музыка, рок).

³ Dober dan! (словен.) – Добрый день!

на которые хотел купить личный мост. Как стряхивает свет торшер. Как рывкнул стул. Как ударяют днища стаканов о столы, как грохочет лед. Все эти звуки не могут, как днем, слиться, а торчат порознь звонящими сталактитами.

Звук умеет уводить от воды. Цепляясь за шум, учишься жить на берегу, подальше от реки. В тишине озера Бохинь отвлекся звуком не выйдет, такое получалось только в Любляне. Воспитатель ведет сквозь Любляну группу звенящих детей в зеленых светоотражающих жилетах и подгоняет отстающих. Верные времени церковные колокола не могут перекричать их. Официантка в фартуке шествует по столице с тележкой, останавливается у подземного контейнера для сбора стекла и рьяно кидает в жерло бутылки из-под вина и воды. Они с грохотом ударяются друг о друга под землей. В ее движениях много ярости, достаточной для того, чтобы прохожие оборачивались. В стране с подземной системой сбора отходов и десятью тысячами пещер ничего не должно портить внешний вид, вонять, вырываться наружу или растекаться. Никаких мусорных баков, грязи и текущей жижи, собирающей насекомых.

Громче всех в Любляне – площадь Прешерна⁴, куда непременно возвращаешься, блуждая по городу. Уличный гитарист объявляет последнюю песню. Imagine, – начинает он, и толпа затихает. Как и каждый раз, когда эта песня звучит на любой площади мира. Люди встречаются у памятника поэту Прешерну. Трехметровый Франце смотрит на лицо Юлии Примич⁵ на барельефе здания напротив и от безответности бронзовеет еще сильнее. За городским шумом и аккордеоном у Тройного моста не слышно, о чем они говорят. Внизу у реки Любляницы подростки читают рэп на словенском и записывают себя на телефон. В сливовом свете плывущие по Люблянице сапсерферы бесшумно отталкиваются от воды. Фонарщики, готовые погасить огни вдоль реки. Их прикосновения не оставляют на воде глубоких морщин. Любляница всегда молода. Грохот города возводит отсутствие ответа в ответ, неважно, чей ответ хочешь получить или ответ кому не хочешь давать.

(...)

Надо быть очень смелым, чтобы жить в такой тишине, как здесь, у озера. Такая же тишина была в деревне Штаньел с замком на холме Турн, куда я ездила неделю назад. Восемьдесят шесть километров от Любляны, две пересадки с одного поезда на другой – и ты на месте. Я была единственной, кто вышел на станции из пустого вагона в необитаемую жару. Смотрительница – единственной, кто меня там встретил. Женщина в форме, накрашившая только губы, дала мне ключи от туалета в соседней постройке, и рассказала, как дойти до Штаньела, бывшего когда-то древнеримской крепостью. Каменные улицы многого насмотрелись и теперь молчат. Как и сад Феррари цветами и средиземноморскими деревьями, устроенный на террасах Штаньела.

С Випавской долины тишина поднимается к замку. Она усиливает все звуки, все голоса – в разы. Не успеешь шагнуть по улице с ароматом переспевшего винограда – тебя уже узнают по шарканью старых ботинок. Еще ребенок не родился, а все уже говорят: «Какой громкий! Весь в отца пошел!» Еще петух не пел, а ты уже проснулся. Стоишь на холме и слышишь погремущку. Дребезжит, потряхивая воздух. Кто-нибудь еще это слышит? Или у каждого звука есть адрес? Может, он доставлен мне по ошибке? У подножья холма я заметила девочку, ведущую самокат – грохочущего коня. Она запрыгнула на него, и погремущка полетела галопом. Если скажешь хоть слово, тебя обнаружат. Потому что твой голос не такой хрипящий, как у Томажа. Не такой шершавый, как у Марко. А ранее здесь не слышанный. Ты самого его узнаешь?

Средневековая тишина Штаньела похожа на тишину озера Бохинь, но не на молчок моего спального района. Накоплена веками, а не послеобеденным маревом. В Штаньеле тишина звучит на одной громкости. Подчиняешься ее беззвучному приказу, сдерживая ход и не шаркая обувью. Когда уже не можешь выдержать это отсутствие звука, наступаешь сильнее в надежде услышать хотя бы свой шаг. От солнца виноград лопался, и сок тек по нагретым улицам. Каменные кости деревьев торчали из холма, не поддаваясь солнцу. Растянувшись от жары, черный кот с белыми лапами ждал, когда кто-то пройдет мимо и его охладит ветер чужих шагов. Но прохлады не было, и спускаться к железнодорожной станции пришлось по такому же солнцу. Хотя дорога к станции шла быстрее, чем от станции, я опаздывала на поезд. «Следующего поезда до Любляны ждать еще два часа», – сказала смотрительница и уселась на крутящийся стул. В этой пропаренной тишине, спустившейся с замкового холма, мы сидели молча, смотрели на пустые рельсы и слушали, как дикая виноградная лоза елозила по плитке.

Изредка смотрительница вставала, встречала проходящие поезда, курила, исчезала в каморке и возвращалась в кресло. Жара не располагает к лишним движениям. Может, следующий поезд выберет другой маршрут, чтобы смотрительнице снова не пришлось вставать с этого прохладного кресла, устроенного на сквозняке? На станцию пришел пожилой мужчина и бухнулся в соседнее кресло. Они со смотрительницей обсуждали работу в соседнем городе. На минуту замолкнув, посмотрели меня и, решив, что я не понимаю по-словенски, продолжили разговор. Два часа длились как целый день. Наконец, поезд на Любляну появился, и я вошла в пустой вагон. За весь путь в поезд сели только подростки со смартфонами, из которых доносился рэп то на словенском, то на русском языке. Юность болталась по вагону, ударяясь о воздух, залетавший в открытые грязные окна. Поезда – всегда голодные гусеницы, питающиеся расстояниями.

⁴ Франце Прешерн (словен. France Prešeren, 1800–1849) – словенский поэт, классик словенской литературы, автор слов гимна Словении. День смерти Прешерна – 8 февраля – в Словении провозглашен Днем словенской культуры (Днем Прешерна). Главная площадь Любляны названа в честь поэта. На площади Прешерна установлен памятник поэту, на здании напротив – барельеф Юлии Примич, возлюбленной Франце.

⁵ Юлия Примич (словен. Julija Primic, 1816–1864) – дочь богатого люблянского купца, возлюбленная словенского поэта Франце Прешерна, чувства которого остались безответны. Поэт посвятил Юлии множество стихотворений.

(...)

Бохинь никогда не спит. Озеро всегда занято делом: меняет цвет воды, отражает горы, выдыхает то ли облака, то ли туман. Шум Любляны, которая и привела меня к озеру, здесь уже не слышен. Лайбах не просто незаметно вел меня на небоскреб, а обвел вокруг пальца. Дела никуда не денутся, пока сидишь за столом у Любляницы и пьешь «Цвичек»⁶. Даже если попробуешь жить быстрее города, он найдет способ тебя замедлить. Словенцы рано встают, у них есть правильное время и место для всего. Не стоит даже пытаться писать им после четырех часов, когда у многих заканчивается рабочий день. В стране, шестьдесят процентов которой занимают леса, научились выстраивать защитную полосу. Единственное, ради чего можно растянуть время, – кофе или обед: в гостишчах и окрестечевальницах⁷ Любляны принято сидеть подолгу. Лучшего момента для гедонизма не найти. В каварнах люблянцы cedят аромат с такими же счастливыми лицами, как «Любительница кофе» на картине словенской художницы Иваны Кобильцы⁸ – она написала ее в двадцать шесть лет и не соглашалась продавать всю жизнь. Из темноты светится то ли фарфоровая кофейная чашка, то ли лицо улыбающейся дамы. Блаженство не делится на минуты и часы – оно длится, пока чашка не опустела.

Tržnica – центральный рынок в Любляне – чувствуется издалека по ароматам зелени, деликатесов, квашеной капусты, сыров и хлеба. На задних рядах можно купить дешевле, там и попробовать дадут. По атмосфере с центральным рынком может сравниться только воскресный блошинный рынок, который выстраивается вдоль набережной Любляницы между Тройным мостом и каменным Мостом сапожников с белыми колоннами. Кухонная утварь, мебель, монеты, картины, бижутерия, вывески, чайные сервизы, курительные трубки, вещи из бывшей Югославии и игрушки. Утюги остывают рядом с деревянной головой Иисуса Христа и фонарями. Предметы, которые вряд ли бы соседствовали в

обычной жизни, переговариваются на столах, но за предобеденным шумом их не слышно. Когда-то на этом месте был деревянный Мост мясников, но зловоние от мяса стало настолько сильным, что торговлю переместили дальше – в сторону нынешнего Драконова моста. Позже тот мост в Любляне отдали сапожникам. В средние века рядом работала пекарня, и если пекарь повторно обманывал с весом хлеба, его окунали в реку с моста.

Тросы 33-метрового Моста мясников увешаны замками влюбленных. Мост мясников стал мостом любви. Человек так же сжирает сердце того, кого любит, как впивается в волокна стейка. Столько же ужаса в глазах влюбленного, как в глазах растерзанных животных. И если раньше в этих местах стояли лавки мясников, то теперь – пары, держащиеся за руки. В Любляницу бросали потроха, в ней находили и двухтысячелетнюю римскую лодку. Теперь на дне лежат бесконечные ключи от замков, которые влюбленные бросают с моста в воду. Эти сердца до сих пор колотятся под водой, хотя их обладатели уже забыли имена, которые писали на замках. По ночам сердца расплываются по Люблянице, набухая красными огнями. Их песня в темноте будит постояльцев окрестных отелей, которые принимают грохот сердец за пьяные вопли засидевшихся гостей ресторанов. К утру красный цвет реки сменяется зеленым, и сердца засыпают на дне до следующей ночи. В дневном свете обо всем этом напоминают только скульптуры Якова Брдаря⁹, захватившие мост. В бегущем Прометее, усталых Адаме и Еве, переживающих изгнание из Рая, замерла разодранная бронзовая красота. Если Плечник вязал Любляну лицевыми, то Брдар вяжет изнаночными. Эти же тени Брдаря появляются на узкой Ключавницарской (Слесарной) улице, где скульптор создал семь сотен маленьких бронзовых лиц – счастливых, плачущих, тоскующих. Теперь они молчат, но ночью можно услышать, как они шепчут строки из Рильке¹⁰.

⁶ Sviček (словен.) – знаменитое словенское сухое вино рубинового цвета из региона Доленьска (8,5–10%). Изготавливается из четырех сортов винограда: красных (две трети) и белого (одна треть).

⁷ Okrščevalnica (словен.) – закусовая

⁸ Ивана Кобильца (словен. Ivana Kobilca; 1861–1926) – словенская художница-реалистка и импрессионистка. Писала портреты, пасторали, городскую жизнь, а также натюрморты.

⁹ Яков Брдар (Jakov Brdar, род. в 1949 г.) – словенский скульптор боснийского происхождения. В Любляне можно увидеть много его работ.

¹⁰ «Obrazi» (словен.) – «Лица», скульптура Якова Брдаря, на которую автора вдохновили строки Рильке о лицах из «Записок Мальте Лауридса Бригге».

ПОД СЕНЬЮ
ДРУЖНЫХ МУЗ

Виктория ШЕЙКО

МУЗЫКОТЕРАПИЯ МАРАТА ХАЕРДИНОВА

В креативном пространстве «Квартал» прошёл творческий вечер поэта, члена клуба авторской песни, врача по профессии Марата Хаердинова.

На встречу собрались старые знакомые автора, а также те, кто в первый раз слушал его песни. В зале царил дружеская атмосфера. Гитара дарила гостям мажорное настроение через светлые, добрые ноты. Творческий вечер носил название «Ключ», и это не случайно, ведь очень часто творчество автора-исполнителя связано с поиском музыкального ключа к пониманию жизни и её сущности.

Каждой композиции предшествовала предыстория: автор рассказывал о своих друзьях и знакомых, о музыкальных фестивалях и конкурсах, о тонкостях творческого процесса.

Под гитару прозвучали знакомые мелодии, в том числе старинная русская народная песня «Ой ты, степь широкая...» Вместе с друзьями Марат Хаердинов исполнил «Дубинушку», «Понедельник» и многие другие композиции. Звучали песни на стихотворения ульяновских авторов, например на стихи Сергея Юрьева «Я сочиняю женщину из складок...»:

*Я сочиняю женщину из складок
Воздушных, лёгких, трепетных шелков
И взглядов, и невысказанных слов,
И снов, и неразгаданных загадок.*

Вторая часть творческого вечера была семейным выступлением. Супруга поэта-барда и его дети под гитарный аккомпанемент исполнили песни новогодней и рождественской тематики, ведь это самые близкие, тёплые, семейные праздники. Зал активно поддерживал выступающих. Вместе с гостями была исполнена и «Финальная песня». Марат Сафович шутливо подбадривал зал: «Петь могут все, только не каждый в ноты попадает».

*Когда уже затихнет звук финала,
Погаснет в зале свет, и все уйдут,
И песню ту, что отзвучала,
Забудут или запоют,
Я вновь прижму свою гитару к сердцу
И струн её коснусь едва-едва.
К гармонии давно известных терций
Добавлю новые слова.*

Марат Хаердинов - участник и член жюри Грушинского фестиваля, почетный член Ульяновского клуба самодеятельной песни. В прошлом не раз был гостем городского клуба поэтов.

И стихи, и музыку Марат Сафович начал писать рано:

*«Первую устную песенку я придумал лет в шесть.
Всё время что-то писал. Основной поток, наверное,
был с предармейского момента, лет с 17, и потом в армии.
У меня получилось, что я в армии попал в оркестр.
Потом и в институте – в студенческом театре эстрадных миниатюр я был сценаристом, постановщиком.
Это был Самарский государственный медицинский университет.
У меня даже от одного профессора книжка его есть, монография: «Марату Сафовичу с пожеланиями и в дальнейшем совмещать творческую работу врача и увлечение музыкой».*

Марат Хаердинов – по профессии врач (физическая реабилитация, ЛФК, спортмедицина), но считает, что сила заключается не только в физиологии, но и в природе, в музыке, в человеческом настрое:

«Природа лечит». Есть такое высказывание Гипократа. Медик сопровождает, а природа лечит. И здесь вопрос как раз природности. <...> Есть другие совершенно свойства и те же самые частоты: музыка и настрой. Поэтому самое главное у человека должно быть в эмоциональном настрое здоровья».

Автор поделился, что ни одна песня не привязана к конкретному случаю из жизни:

«Приходит мысль, свербит, свербит, её хочется изложить. <...> На творческом вечере были точечные песни. Они были подстроены под желание, что я хочу получить в конце. Это как раз импульс на настроение. Музыкотерапия, условно. <...> В целом у меня – философия жизни. Величие жизни. Я считаю, что самое великое, что есть, – это жизнь. И ей надо дорожить».

Итог, музыкальный ключ данного творческого вечера можно выразить в пожеланиях людям:

«Чтобы в людях просыпалась вера в человеческие силы. В этом мире всё зыбко. И мы должны внутри себя обязательно держать стержень. <...> Каждый человек должен способствовать поднятию духа, уровня культуры, нравственных приоритетов».

Гостям Марат Сафович пожелал хорошей доброй музыки и здоровья.

Фото Надежды ШЕЙКО

Нина НИКИФОРАКИ

КРАСКИ ЖИЗНИ ЧЕРЕЗ ТВОРЧЕСТВО

Заметки с выставки

В Картинной галерее Ульяновского регионального отделения Союза художников России (ул. Гончарова, 16) открыта новая выставка. Первый месяц весны здесь традиционно отводится бурному параду декоративно-прикладного искусства.

Автор Нина Никифороки и художник Людмила Обвинцева на выставке

В этом году вернисаж как никогда поразил ослепительной красотой и захватывающими побудительными эмоциями. Секрет столь эффектного зрелищного явления заключается в оригинальности и разнообразии экспонатов, а также в индивидуальном мастерстве участников. Все это многообразие сами художники обозначили в названии выставки «Краски жизни через творчество».

Техника исполнения вызывает восхищение безграничным полетом авторской фантазии. Непостижимые батйки Людмилы Обвинцевой способны «удержать» не только стены, но и залы галереи: «Песни ветровые» (по стихам Светланы Матлиной), «Памяти Савиновой Галины Михайловны», «Пионы», «Полнолуние. Амарант цветет». Текстильные композиции Валентины и Анастасии Сотниковых расскажут зрителям о далекой Греции, предстанут «Письмами из Италии», сериями «Турецких ковров» и бабушкиных – тоже.

Как всегда, изысканны, по-детски трогательны, эмоционально причастны коллажи Татьяны Горшуновой («Девушка с кошкой», «Дама в зеркале», «Берегиня») заставят вас остановиться и перевести дух радости и восхищения. А уверенные и основательные гобелены Анны Вилковой (триптихи «Весенняя песня» и «Тишина», тканая картина «Среди снегов белых») поведают о нашем с вами мирском счастье жизни, охватят просторами и глубинной правдой земли-матушки...

С нескрываемым восторгом восприняли зрители работы Ирины Мерзликиной, среди которых картины («Реставраторы», «Дионисий»), живописные произведения по ткани: «Парад планет», «Салют», «Восход», «Закат» – и уникальный фьюзинг (техника «спекания» стекла). У «Водоёма» с див-

ными прозрачными рыбками (золотыми!) постоял каждый посетитель выставки, а также полюбовался «Ирисами», «Зимой» и «Дорогой к храму».

«Спекаются» мозаичные цветные стеклышки в специальной печи при 850 градусах тепла. Такое оборудование имеется только в Москве, у младшей сестры Ирины – Юлии Мерзликиной. Не будет лишним напомнить, что Юлия – не только Заслуженный художник РФ, но и академик Российской академии художеств. На выставку в Ульяновск она привезла уникальную композицию из стекла «Русь Великая». В цельности и сохранности доставлены из столицы хрупкие лады Золотого Поморья.

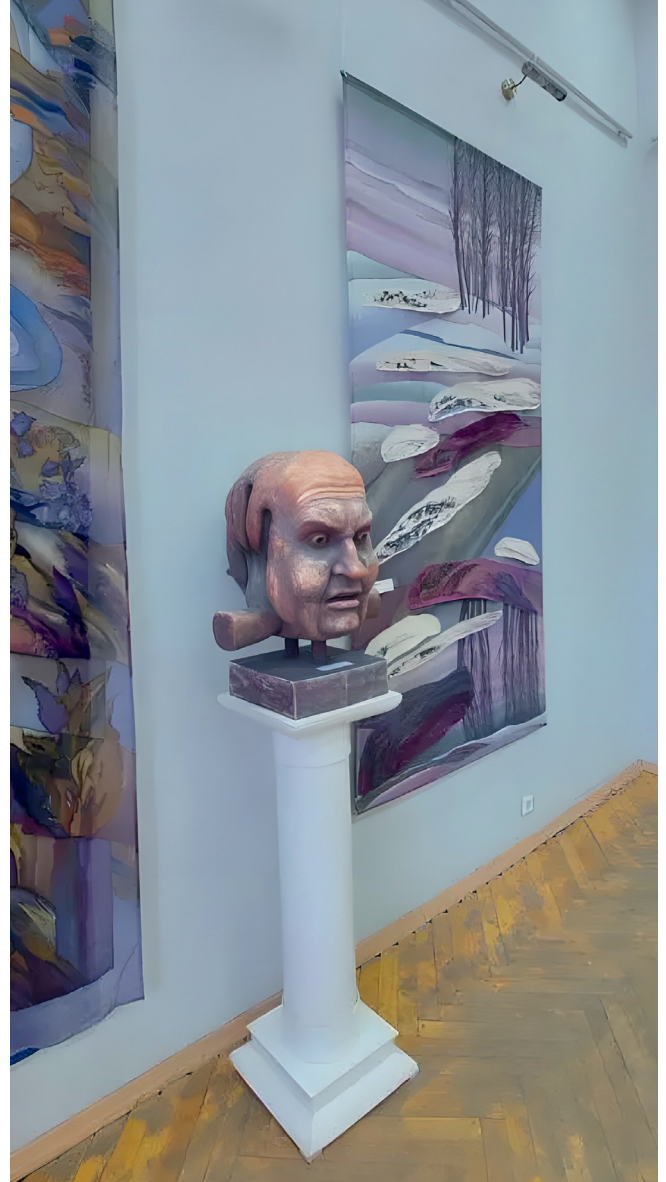
Приятно отметить, что сестры-художницы не только показали свои работы, но и предоставили нам возможность полюбоваться произведениями своей матери – Али Яковлевны Мерзликиной. Батйки и предметы керамики – приятное напоминание о хорошо известном в прошлом мастере-прикладнике.

Более двадцати художников Ульяновской организации СХР, а также авторы-любители приняли участие в весеннем вернисаже. Среди них – скульпторы Евгений Усерднов и Дмитрий Потапов, главный художник Ульяновского театра кукол им. В. Леонтьевой Дмитрий Бобрович...

А рекордсменом по количеству произведений и масштабу тематических идей можно смело назвать Николая Маврина. В конце прошлого года Николай Константинович был избран новым председателем Ульяновского отделения Союза художников России. Делаем вывод...

Фото Дмитрия ПОТАПОВА

Фоторепортаж Дмитрия Потапова и Елены Гиматовой
с выставки декоративно-прикладного искусства

В фоторепортаже представлены работы Ю. Мерзликиной, Д. Потапова, Д. Бобровича, И. Мерзликиной, А. Мерзликиной, В. Сотниковой, Т. Горшуновой, О. Трушниковой, Н. Маврина

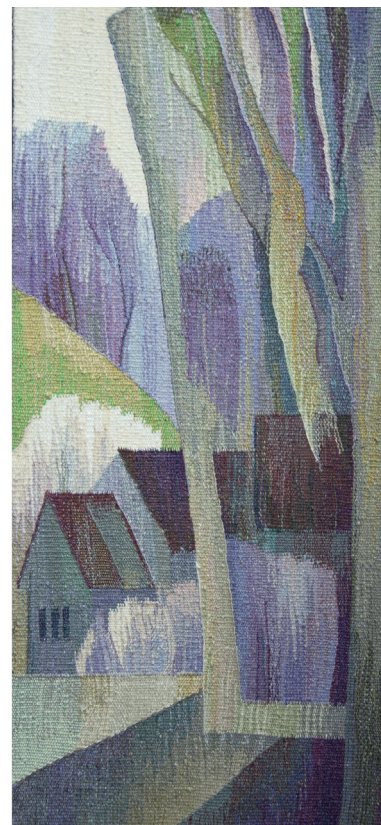
ВРЕМЕНА ГОДА АННЫ ВИЛКОВОЙ

Анна Вилкова

А.А. Вилкова. Проталины.
Шелк, роспись смеш. техника.
250x100, 2017

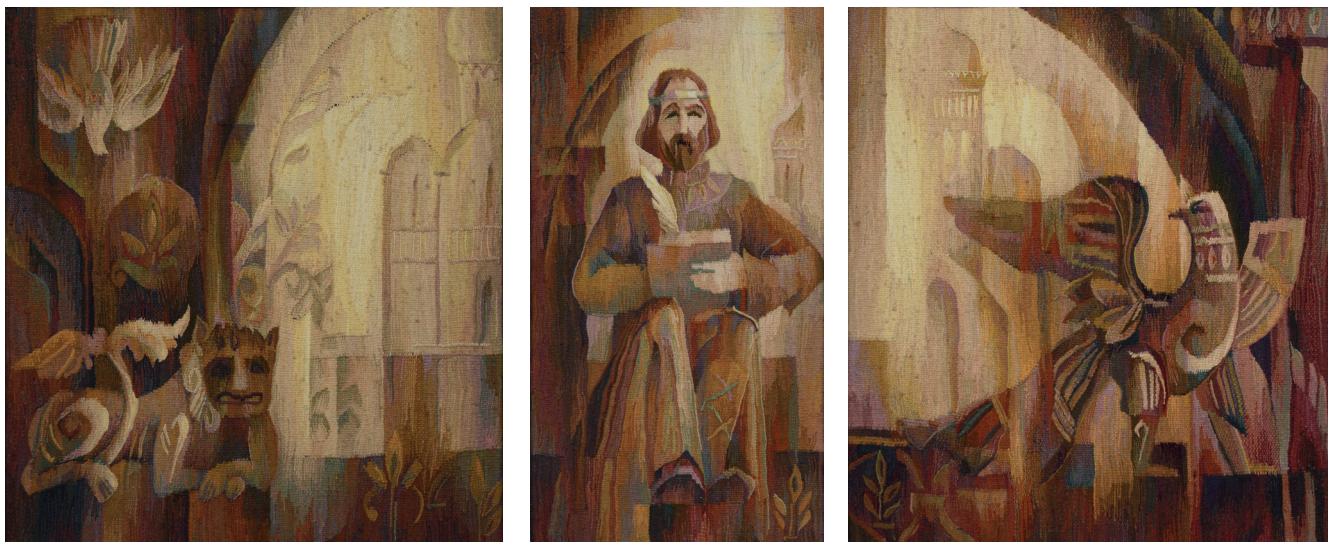
А.А. Вилкова. Весенняя песня. Триптих. Шерсть, ручное ткачество, 110x50 110x70 110x50, 2018

А.А. Вилкова. Среди снегов белых... Шерсть, ручное ткачество, авторская техника, 70x110. 2018

А.А. Вилкова. Времена года

А.А. Вилкова. Славянские вязы. Триптих

А.А. Вилкова. Ранний снег. Триптих

А.А. Вилкова. Тишина. Триптих. 2018

ЮБИЛЕИ

Нина НИКИФОРАКИ, член Союза журналистов России.

ОТРАЖЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО: МИР ЛЮБВИ И ДОБРА

Вместо предисловия

Из всего многообразия определений техники гобелена меня больше всего поразила современная трактовка: это новая живопись – свежий взгляд на традиционное искусство ткачества.

Гобелен, или шпалера, – безворсовый ковер или тканая картина, выполненные вручную. Шедевры создаются перекрестным переплетением нитей, благодаря чему одновременно получается изображение и ткань с уникальными цветовыми нюансами.

Братья Жан и Филибер Гобелены, открывая в XVII веке в Париже мануфактуру по производству шпалер, не подозревали даже, что войдут в историю декоративно-прикладного искусства и станут повсеместно известны в XXI веке. Красноречивый декор сегодня активно используется в современных интерьерах, преобразуя пространство, как говорится, по последнему слову моды.

История тканых картин уникальна! Она проходит через Египет, Древнюю Грецию, доколумбову Америку, Дальний Восток. Шпалеры можно увидеть на фреске Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», они висят за спинами Христа и его учеников...

Королевский вид искусства

В нашем городе «королевский вид искусства» всегда был заметен и представлен яркими и талантливыми людьми. Имя Анны Вилковой, члена Союза художников России, уже более тридцати лет значит среди участников всевозможных выставок: от областных и зональных до российских и международных, от арт-проектов до тематических авторских экспозиций.

Солідные каталоги с ее работами, побывавшими на престижных столичных вернисажах, занимают немало места на полках в мастерских ее родителей.

Семья Обвинцевых – уникальный союз людей творческих и незаурядных, имеющих собственную позицию в мире прекрасного. Мама Анны, Людмила Викторовна, – непревзойденный мастер декоративно-прикладного искусства. Про ее картины-батники уже слагаются местные легенды и мифы. Глава семьи, Анатолий Александрович, – живописец, график, первый официальный дизайнер в нашем городе. А недавно он получил звание почетного члена Российской академии художеств. Родители Анны познакомились в Пензе, где училась Людмила и уже преподавал выпускник престижных «Строганов» Анатолий Александрович.

Дочка Анна – Анюта – Аннушка – родилась у них в Ульяновске 9 мая 1973 года. Да-да! Этой красивой (см. фото!), удивительно мягкой, приветливой, с лучезарной улыбкой женщине скоро исполняется...

Воспитывать дочь занятым карьерой и творчеством родителям помогала бабушка, Анна Петровна Лакаева. Наверное, от нее и достались внучке природная устойчивость, мудрая основательность, самобытная размеренность, завидная «неторопливость» (в смысле полного отсутствия суетливости и позерства).

Анне Вилковой, в девичестве Обвинцевой, по праву принадлежит титул «главной ткачихи» нашего края. А ее гобелены становятся украшением не только домашних интерьеров, выставочных пространств, но и достоянием музейных коллекций.

Удачно для художницы сложился прошедший 2022 год. Гобелен «Утро» (200x110 см) был отобран для участия в IV Триеннале текстильного искусства и современного гобелена. Это грандиозный форум, который более десяти лет проводится в Государственном музее-заповеднике «Царицыно» в Москве. На Триеннале свои произведения демонстрировали около 300 художников из 12 стран мира. Показы шли одновременно в помещениях музейного комплекса и на территории парка. Конкурс «В поисках пространства» был посвящен идее переосмысления места традиционного гобелена в современном искусстве. «Утро» Анны Вилковой отлично вписалось в экспозицию раздела традиционного ткачества.

А летом прошлого года состоялась III Уральская триеннале декоративного искусства в Екатеринбурге. В тематических «Диалогах» принимали участие

Вилкова А.А. Утро

более 400 художников, а экспозицию составили более 1000 работ. Анна Вилкова не первый раз принимала участие в уральских показах. В 2016 году ее работа была отмечена там высокой наградой – дипломом I степени.

Ульяновская художница с удовольствием откликается на приглашения из Санкт-Петербурга. Международная платформа «Притяжение» всегда открыта для талантливых и творческих людей.

«Учиться – всегда пригодится!»

Свои чудо-гобелены в уникальной авторской технике Анна производит в домашних условиях. Попросту говоря, занимается ткачеством в квартире, преимущественно поздними вечерами. Перед глазами – рама, в руках – клубки ниток, а в это время мысли петляют фантазийными образами и причудливыми смыслами...

Анна Анатольевна – далеко не свободный художник. Более двадцати лет она преподает на кафедре дизайна и искусства УлГУ, доцент, кандидат педагогических наук.

Учеба для самой Анны – важная составляющая жизни. Среднюю школу она окончила с золотой медалью. Красный диплом получила в училище культуры. Самарский государственный педагогический университет и аспирантуру УлГУ – тоже блестяще и без проволочек. Не помешали ни замужество, ни рождение сына Саши.

В 2001 году Анна становится стипендиатом Министерства культуры Российской Федерации и... мамой крошечной дочки Катеньки.

Время летит, и многое меняется в жизни. Дети выросли, получили образование и остались работать в Москве. Приезжают в гости, ходят к бабушке

Людмиле на пироги. Любящий, но совсем не публичный муж Сергей оказался надежной опорой и поддержкой. Брат Виктор и его супруга Марина – архитекторы, творческие единомышленники.

Зная пристрастие семьи Обвинцевых к работе на земле, не забываю спросить Анну про садово-огородные устремления. И попадаю в точку. Да, есть небольшая теплица в укромном загородном местечке. Хозяйка с удовольствием отдыхает там душой и все делает сама, от рассады до конечной упаковки продукции в банки. Направление – практическое: посадить, вырастить, собрать, сохранить и... употребить.

Казалось бы, можно успокоиться, перевести дух, ткать не по ночам дома, а в мастерской, при свете дня. Путешествовать. Встречаться с друзьями на профессиональных вернисажах...

Но случилось невероятное – три года и три месяца назад она согласилась стать директором муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования «Детская художественная школа».

Художник-чиновник – сочетание практически антагонистическое. После легендарного педагога-подвижника Юрия Васильевича Павлова, который основал школу и руководил ею более 50 лет, найти замену было трудно. Чиновницы от культуры или от образования на этой должности долго не задерживались – не справлялись.

Анна Анатольевна, неожиданно для многих, включая членов семьи, не побоялась взяться за эту работу. Полтысячи юных дарований и сплоченный коллектив преподавателей «в перманентном творческом рвении», наконец, обрели понимающего руководителя-профессионала.

Впервые детскую художественную школу возглавила ее выпускница. У Анны Анатольевны – трогательно-уважительное отношение к своему коллективу, ведь каждый в нем – не только ее подчиненный, но и творческая личность, человек искусства.

Общие успехи объединяют и радуют. Каждый год кто-нибудь из выпускников ДХШ обязательно поступает в столичные вузы и колледжи. В приемных комиссиях учебных заведений узнают и приветствуют классические навыки рисования юных художников из Ульяновска. Да и педагоги стараются показывать свое мастерство: на персональных выставках, на крупных вернисажах Союза художников.

Конечно, школе давно пора расширяться. Классов не хватает. Историческое здание на центральной улице города ветшает. Косметические ремонты помогают мало. Есть потребность в открытии мультистудии, кабинетов дизайна. К тому же школа умеет зарабатывать сама: выигрывает конкурсные гранты, лидирует в творческих проектах, «встраивается» в культурные инициативы города и страны.

Однако, наблюдая нынешнюю беду в сфере культурно-реставрационного строительства, мало на что можно надеяться, увы, даже самым талантливым. Еще не подготовленный к эксплуатации уникальный корпус (а то и целый комплекс!) бывшего танкового, а потом кадетского училища, уже «рвут на части», делят между собой музеи, культурные центры, молодежные объединения... Не до художественной школы!

Красноречивые гобелены

Авторская техника, в которой работает Анна Вилкова, – это почти научная работа на практике. Совмещать несовместимое, постигать непостижимое, воплощать большой мир скупыми штрихами привычных форм. Вот тогда и может получиться красноречивый гобелен.

На весенней ульяновской выставке «Краски жизни через творчество», которая проходит в картинной галерее Ульяновского регионального отделения Союза художников России, Анна Вилкова показывает несколько работ. Это триптихи «Весенняя песня» и «Тишина», тканая картина «Среди снегов белых» и батик «Проталины».

«Весенняя песня» выдержана в трех цветах: оливковом, белом и сиреневом. Правая и левая части триптиха – это открытые окна, за которыми видны небольшие деревенские домики, окруженные цветущим кустарником. А в центре композиции – птица, возносящая к небу торжествующий гимн весны. Пробуждайся, природа! Пробуждайся, земля! Радуйтесь, люди!

Анна Анатольевна снова готовит гобелены для путешествий. У художников впереди две главные выставки этого года: «Большая Волга» (Поволжье) и «Россия» (Москва).

Помимо безусловной внешней привлекательной стороны, у произведений этого жанра есть еще один важный аспект. Специалисты придумали ему название – тактильность. Это понятие означает «ощущение прикосновения, механического воздействия на кожный покров». Вот почему гобелены так хочется потрогать руками, хотя бы прикоснуться к ним кончиками пальцев. Эффект соединения внешнего и ощущаемого – потрясающее явление для человека. Конечно, на выставках трогать экспонаты категорически воспрещается. Но даже самые строгие смотрительницы иногда снисходительно «не замечают» прямых контактов между людьми и ткаными картинами.

Каждая весна по-своему удивительна. Весна – пробуждение и надежда. Анна Анатольевна в особом статусе «главной ткачихи» и директора школы умеет преображать действительность так, что рядом с ней все оживает.

Особенность? Дар? Или просто мягкая сила прекрасного?!

Вместо послесловия

«Гобелен среди всех видов прикладного искусства занимает особое место, являясь мощной составляющей монументального искусства. Это авторский ковер с огромным разнообразием сюжетных решений и фактурных разработок. Создание гобелена – это сложный в техническом отношении процесс, поглощающий массу времени: его ткут и месяц, и полгода, и годы. Он требует от художника мастерского владения композицией и рисунком, точности колорита и безупречного вкуса. В готовом произведении уже ничего нельзя изменить, и это очень важная особенность гобелена.

...Это удивительный дар – творчески преобразовать действительность, превращая неодушевленный материал в подлинное произведение искусства».

Г.М. Савинова, искусствовед (1938–2015 гг.)

Фото Дмитрия ПОТАПОВА.

Николай ПОЛОТНЯНКО, член Союза писателей России, лауреат премии им. И.А. Гончарова, лауреат премии им. Н.Н. Благова. Награжден медалью Н.М. Карамзина, литературным орденом Ф.М. Достоевского.

БУМАЖНЫЕ КОРАБЛИКИ

Повесть

Из самых ранних воспоминаний

Жизнь всякого человека, если упростить её до предела, есть не что иное, как временной поток, имеющий своё начало, который мы называем детством. От него в памяти старого человека остаются немногие отрывочные воспоминания, которые можно без ущерба для повествования опустить. Но, чтобы не начинать повесть с загадочного умолчания о самых первых годах моей жизни, скажу, что зачат я был, скорее всего, в гостевой палатке батальона Трудовой армии, куда мама с котомкой еды приехала к голодавшему мужу на свидание.

По моим предположениям, это был сентябрь 1942 года, немцы рвались к Волге, Сталинград был в огне. Отец ждал отправки на фронт, куда его, близорукого «белобилетника», взяли из Трудовой армии во вторую очередь. Мама только что похоронила

годовалого Виктора, моего братика, который умер от простуды. Она, как мне кажется, и поехала к отцу, чтобы родился я – и боль её, и радость. Казалось бы, война, бескормица, зачем маме, почти наверняка будущей вдове, заводить ребёнка, но тогда, как я понимаю, женщины рожали, инстинктивно чувствуя необходимость продолжения рода. И все равно мало моих годков, рождённых в 1943 и 1944 годах.

Мама, Анастасия Иосифовна, познакомилась с моим отцом Алексеем Карповичем в Усть-Шише Омской области, куда он был направлен на лесозаготовки. Там они и поженились, и вскоре отец увёз маму к себе на Алтай. Отца взяли на фронт, он был два раза ранен, награждён орденами. После демобилизации семейная жизнь у него не задалась. Отец был, судя по всему, ещё тот котятра, а безмужних баб, красноармеек, имелось в те годы хоть пруд пруди. В какой-то момент мама забрала

Внучке Агате

меня и уехала в Прокопьевск, устроилась на шахту кассиром. Отец уехал в Новосибирск, где сошёлся с какой-то женщиной. Вот такая получилась обыкновенная семейная история, в результате которой я при живом отце стал безотцовщиной, поэтому говорить об этом больше не буду.

Шахта «Восточная», где работала мама, в конце сороковых годов находилась на окраине Прокопьевска. Она работает до сих пор, и там живёт тётя Валя со своим Володей. Тогда, я это хорошо помню, там был террикон, а ещё заводоуправление, столовая, школа, а выше по склону горы были рассыпаны избушки шахтёров и бараки. В шахте добывали коксующийся уголь, были даже мокрые забои, то есть такие, где забойщики работали в воде. Помнится, угля для топки печей не выписывали даже для шахтёров, и мы, ребятня, мал мала меньше, собирали его на отвалах породы.

*Шесть лет мне.
Рабочий посёлок.
Дымит террикона гора.
Мир болью ещё не расколот
На стороны зла и добра.*

*Шатаются стены барака
От вьюжного всплеска зимы.
По склону крутого оврага
На санках катаемся мы.*

*А мимо от мрачных сараев
Шагает угрюмый конвой.
На шахту ведут полицейав,
С собаками, в мокрый забой.*

*Стучат по камням подмётки.
И каждый от инея сед.
Солдатские вдовы, молодки,
Глядят непрощающе вслед.*

*Колонна проходит ограды.
Клеть падает в мокрую тьму.
А мы, безотцовщина, рады
И сами не знаем чему.*

На шахте, шестилетним, меня мама отправила в школу. Но учиться мне пришлось месяца два, не больше: меня украл отец и увёз в Новосибирск, где я прожил месяца два, пока мама меня не нашла. На шахту к тому времени приехали жить тёти – Шура и Валя. Тогда ещё не было закона о запрещении женщинам работать на подземных работах, и они каждый день спускались в шахты.

В день полочки мама брала меня с собой на работу, потому что выдача денег заканчивалась глубокой ночью. В 1956 году Хрущёв срезал шахтёрам зарплату, а до этого проходчики и забойщики получали до десяти тысяч рублей (тысячу рублей до 1992 года). И мне с детства врезался в память кисло-терпкий запах новых банкнот. Мама выдавала деньги, а я складывал из пачек пирамиды и домики. Бывало, и засыпал на мешках с деньгами. Что ж, у каждого в детстве были свои игрушки. Всё это припомнилось мне в 1978 году, когда я узнал, что назначен в случае войны в боевое сопровождение по эвакуации денег из ульяновского Госбанка в Казань.

Мне это показалось забавным: нищему поэту доверяли громадные ценности, но, возможно, подумал я, кому-то стало известно, что к большим деньгам я равнодушен, ибо повидал их в детстве.

До сих пор помню, как я впервые увидел маму в кошёвке между двух розовощеких парней с автоматами, а главное, жеребца Зайчика, который, чуть отвернув набок голову и приплясывая, шел мимо поселковых развалюх.

– Одевайся! – сказала мама. – Поедем со мной в город, надо сапоги тебе к весне купить.

Я обрадовался до немоты. Не далее как вчера я просился у нее прокатиться, а тут счастье такое свалилось нежданно-негаданно. Я быстро оделся и выбежал на улицу.

Конюх Артем сидел на облучке в шубе-борчатке и курил козью ножку. Солдаты, закинув за спины автоматы, разговаривали, загородив тропинку, с вербованными девочками.

Я подошел к Зайчику и почувствовал, как от того остро пахнет потом и свежим сеном. Жеребец нервно переминался с ноги на ногу, косил злым лиловым глазом, из ноздрей струились белесые завитки пара.

Сбруя на Зайчике была добротной работы, надраенные медные кругляшки сияли от утреннего зимнего солнца и, казалось, жеребец был не в сбруе, а в панцире. От нервных движений Зайчика кожаные ремни скрипели, а под дугой, расписанной синими птицами, позванивал колокольчик-шаркунец.

Народу на улице было мало, и я жалел, что меня, гордо восседавшего на облучке рядом с Артёмом, почти никто не видит. Зайчик осторожно шел под гору, всхрапывая и оседая на круп. Остро светило солнце, и пахло угольным дымом из протопленных утром печей.

Поселок был невелик. За вентиляторной подстанцией, которая гудела всей утробой, засасывая в шахту свежий воздух, мы свернули в чахлый березнячок.

– А что, не боишься, как ведмедь вдруг выскочит из-под пня? – толкнул меня в бок Артём и ощерился черным цинготным ртом.

– У нас же ружья, – ответил я и покосился через плечо назад.

Мама сидела посреди солдат, закрыв ноги тяжелой цвета бычьей крови попоной.

Она слышала, что сказал Артём, начала рассказывать:

– Перед войной, летом тридцать девятого, поехала, как сейчас, за деньгами для леспромхоза. Еду по стлани, бревнышки подо мной постукивают. Задремала чуток, жарко было. Вдруг чую – встала моя Карюха. Гляжу, сбоку медведь к нам топает. Карюха повела ушами, как дёрнет – я кувырком на дорогу, а лошадь и деньги, тысяч тридцать было, убежали от меня. Протерла глаза, а он метрах в тридцати от меня сидит на пеньке, как человек. Я от него – он за мной. Я останавлиюсь – он остановится. Так и играли, может, полдня. Потом он поднялся и пошел в лес. А через минут десять машина подошла наша, леспромхозовская. А Карюха отбежала с километр и на полянке пасется, и деньги целехоньки...

– Это он тебя, Евдокия, в жены хотел взять! – заржал Артем. – Медведи, они сладники, мед, малина, ну и это самое...

Низкий березнячок был мне знаком. Прошлым летом меня сюда заманили подростки и отняли новую тубетейку. И хитро так заманили. Я скучал о бабушке – мне сказали, что она живет за лесом. Так и попался. До сих пор было жалко тубетейку. Так первый раз в жизни меня обманули.

Город оказался тесным скопищем грязных домов, над которыми кружились, словно копать, стаи крикливых ворон.

Сначала пошли насыпухи, кривобокие с равными толевыми крышами, бараки, окруженные колючкой и вышками и без этого окружения, дырявые, с надолбами желтого льда сортиры, чахлые деревья на обочинах, потом впереди замигал светофор, стало гуще машин и людей. Зайчик нервно всхрапывал и скользил подковами по льду. Артем, сдерживая жеребца, крепче накрутил вожжи на руки.

За светофором улица расширилась, из-за угла, позванивая, вынырнул трамвай. Вагоны были битком набиты людьми, они висели в дверях и даже сзади последнего вагона.

– Самый центр! – Артём махнул кнутовищем в сторону громадного белого здания, перед которым стоял высоченный чугунный человек в шинели до пят. Я посмотрел и увидел на торце белого дома портрет этого же человека, только нарисован он был не в шинели, а в кителе. Голова его занимала верхние два этажа, потом шло туловище, штаны с кроваво-красными лампасами и блестящие сапоги. Лицо у человека было спокойное и доброе. С отеческим вниманием он смотрел на центральную площадь, внимая каждому взгляду.

У здания Госбанка было тесно от множества саней и автомашин. Кассиры со всей округи съехались за деньгами для шахтеров, рабочих и охранников. Автоматчики сразу углядели среди других солдат своих земляков. Артём разговорился с конюхом из соседней шахты, а мама заняла очередь в кассу и повела меня на вещевой рынок.

...Безногий инвалид на деревянной коляске пел возле входа, подыгрывая на балалайке:

*В ноги бросилась старуха,
Я ее прикладом в ухо.
Старика прикончил сапогом,
Да! Да!..*

Несмотря на мороз, калека был в одном пиджаке, из-под которого выглядывала тельняшка и синие наколки. Рядом с ним лежала шапка, в которой поблескивала мелочь. Ему подавали, но мало и редко.

Вокруг торговали и покупали, перед моими глазами мелькали пальто, шапки, шарфы, рукавицы, телогрейки, отрезки материала, кружева, ковры, различные вышивки. В углу барахолки мычала и бляела выставленная на продажу скотина. Возле пивнушки толкались и матерились пьяные мужики, и к ним неторопливо двигался милиционер.

– Атас! Красноперый!

Мужики враз угомонились. Милиционер внимательно осмотрел очередь и выдернул из нее толстого мужика с зеленым лицом. Шапка свалилась с

головы мужика и упала в снег. Пробегавший мимо пацан с размаха пнул ее в толпу. Мужик кинулся за ней, милиционер следом, а вокруг, радуясь бесплатной потехе, хохотал народ.

Обувной ряд был жидковат, всего два десятка продавцов. Торговали валенками, чинеными ботинками, латаными сапогами. Мама приценилась к одним сапогам, но продавец заломил несусветную цену. Поторговалась и отступилась. Ладно, сказала она мне, закажу тебе резиновые на шахте. Я обрадовался. Мне нравились сапоги-самоклейки, которые были в моде у шахтеров. Их делали из резиновых автокамер.

В продуктовом ряду она купила миску горячей картошки и соленый огурец. Поели с куском своего черного хлеба, притулясь к ларьку, и запили обед общественным кипятком из бака.

У покосившихся ворот безногий инвалид продолжал петь, потряхивая белой от инея головой.

У банка народу и саней стало поменьше. Артём лежал в кошёвке на соломе, укрывшись попоной, и дремал. Солдаты курили и хмуро смотрели по сторонам. Старший из них глухо сказал:

– Надо до темноты вернуться на шахту. У нас инструкция...

– Сейчас, сейчас! – заторопилась мама. – Очередь, наверно, подошла.

Она ушла в банк. Через полчаса позвала солдат, и они вынесли из банка деньги. Три мешка, да еще продуктовую сумку.

Артём протер покрасневшие от дремоты глаза, попрыгал, постукивая себя в обхват руками, чтобы согреться, и сел на облучок.

Из города выехали, когда уже свет начал меркнуть. Солнце проваливалось в огромную багряно-синюю тучу, затянувшую горизонт, снег и иней на деревьях стали голубыми. Отфыркиваясь, Зайчик ходко нес кошевку по жесткой дороге, полозья по-свистывали, морозный воздух щипал ноздри, и я с интересом посматривал по сторонам, пытаюсь угадать, кто оставил следы на обочинах дороги.

– Иди сюда, – сказала мама, – а то замерзнешь...

Я перелез через облучок, закутался в попону с головой и лег на солому между жестких с острыми углами мешков с деньгами.

Суматошный день утомил меня. Мягкая езда убаюкивала, события дня проходили, как в кино, ярко и живо, это была сладкая дорожная дремота, которую познает только усталый, измотанный человек.

Возле конторы было много людей. Шахтеры ждали получку и не расходились. Деньги перенесли из саней в кассу, и мать начала выдавать зарплату, а я уснул на шубе в углу, рядом с батареей отопления.

Вскоре новое горе заслонило старое. Рухнули в шахте два горизонта. Целый месяц трупы из шахты доставали. На розвальнях, завернутых в мешковину, мертвых везли в поселок.

Я бегал смотреть к шахте, но близко к огромному сараю, где громыхла клеть главного ствола, не пускали. Вокруг стояло оцепление. Солдаты оттачивали зареванных баб, огромные овчарки рычали на толпу и рвались с поводков.

Оцепление размыкалось, когда нужно было кое-нибудь опознать или забрать домой мертвого «вольняшку», а эков сразу везли на кладбище, где их кое-как закапывали мерзлой землей.

Пришла весна, тусклая в кузбасских краях, сиротская, и на поселок с кладбища потянуло сладковатым запахом. Вода размывала зимние могилы и обнажила человеческие останки. Кто постарше и посмелее, ходили на них смотреть, но я не отходил от барака, слышал только, как с террикона, грохоча, проковылял мимо барака трактор с широким лобовым ножом, сгреб трупы в овраг и заровнял их тяжелой мокрой глиной.

С весенним теплом население барка ожило, люди стали чаще выходить на улицу, рассаживались на завалинках и скамейках. Бабы искались: вычёсывали друг у друга вшей, мужики играли в домино, а я в сапогах-самоклейках бродил по лужам, в которых плавало расплавленное солнце.

Весна и лето прошли безмятежно, и ни один из этих дней не оставил в памяти язвущей занозы. Но, как говорится, у Бога всего много...

О своих первых годах мне кое-что известно со слов матери, очень немногое, что поразило её. Так, однажды она пришла с работы и обнаружила, что я, как заправский мужик, развёл мыло в мыльнице, намылил лицо и примеривался возле зеркала к бритью с распахнутой опасной бритвой в руке.

С благодарностью она вспоминала отцовскую сестру, которая работала кондуктором на ташкентском поезде и привозила для моего кормления канадский яичный порошок. Рассказывала о моём появлении на свет. Мама меня переносила, я родился практически мёртвым, и меня откачали профессора, которые работали в военном госпитале на глухоманной железнодорожной станции Тальменка. Так у меня в метриках и записано место рождения – «ст. Тальменка». Впоследствии работники паспортного стола вписывали мне «село», «станция», но никак не станция.

В детстве, с тех пор как я себя помню, я был очень мечтательным и простодушным. Мою душу населяли самые диковинные образы и тени. Последние, как мне иногда кажется, можно воспринимать как отпечатки моей предыдущей жизни. Даже сейчас, когда мне уже за семьдесят, во мне вдруг откуда-то нечаянно возникает воспоминание. Я начинаю рыться в памяти и не нахожу этого, не было со мной такого случая, однако пришедшее воспоминание так живо и ясно, что не поверить ему я не могу. Может быть, это происходит потому, что у меня две верхушки, значит, я состою из двух человек. Можно было развивать эту тему, но только вот куда она заведёт?.. Однако отметить это надо, так, на всякий случай.

В первом классе я получил первую двойку где-то близко к Новому году. Огорчился до глубины души, рыдал взахлёб в подол платья тёти Натальи, которую я всю жизнь называл «мамка старая». Она была совершенно неграмотной, работала всегда с лесом: и на лесоповале, и на погрузке, и на разделке.

– Не плачь, Коленька, мы её сейчас сотрём, мамка и не увидит!

Сказано – сделано: мамка старая оторвала кусочек газеты, потёрла им об стенку нашей землянки, побеленной известью. Затем начала счищать двойку с тетрадного листа. В результате получилась на месте отметки довольно крупная дырка с грязными краями. Разочарование наше было беспредельным.

Вскоре с работы пришла мама и первым делом стала просматривать тетрадку. Дырку она обнаружила сразу и, не зная, кто её сделал, кинулась с ремешком на меня. Мамка старая прикрыла меня своим грузным телом и получила несколько хлестких ударов.

– Всё, пойду, замёрзну!.. – в сердцах выкрикнула мамка старая, надела овчинную шубу – борчатку, суконную шаль до пола и выбежала на улицу. Замерзнуть в шубе было мудрено, и, соскучившись среди сугробов, она вернулась в тёплую землянку. Чем эта история кончилась для меня в школе, я не помню...

Жизнь таежная. Лето 1951 года

Поначалу не пожилось маме в Копае (Любинский молочно-консервный завод, Омская область). Она загоношилась, засобиралась, и мы после того, как я окончил первый класс, уехали в деревню Усть-Шиш, Знаменского района, где жила бабушка Екатерина Фёдоровна с сыном Иваном. Конечно, мама поторопилась переезжать, и вскоре это поняла, но её тянуло домой, где она не была более десяти лет, надежда на лучшую жизнь, которой в этом захолустном таёжном углу быть не могло. Ехали мы от Омска пароходом на север трое с лишним суток. Долго стояли на остановках, и я видел, как матросы грузили на пароход с берега уголь, используя наспинные приспособления, которые, по-моему, назывались «кобылами». Пароход весело шлёпал плицами, мы ехали без места, так называемым четвёртым классом, и спали рядом с машинным отделением, где было шумно, крутился какой-то громадный маховик, выкрашенный чёрной и красной краской. Через нас ступали проходящие на палубу люди, но мне эта поездка показалась незабываемо интересной.

В начале пятидесятых годов по радио часто выступал американский певец – негр Поль Робсон. Он был коммунистом, и его пропагандировали по всем городам и весям СССР. И вот на пароходе бог весть откуда пассажиром оказался негр. Одет он был в белый костюм, и его чёрная физиономия поразила меня и моих попутчиков до изумления.

– Поль Робсон! Поль Робсон! – загомонили вокруг наши сибиряки.

Пофланировав на палубе для пассажиров первого класса, негр скрылся в каюте, и больше я его не видел. Но мне и сейчас любопытно знать, что привело этого негра в нашу глухомань? Ведь ехал он на север, в сторону тундры.

Иртыш был не тот, что сейчас! Широкий, быстрый, поднимающий глинисто-песчаную муть со дна, берега обрывистые, крутые, сначала пустынные степные, но вскоре уже покрытые лесом, всё это ещё отдавало первобытным простором. Кричали чайки, бугрились водовороты, вода шла быстрой и плотной массой, ослепляя меня и кружа голову. За Тарой небо стало ниже, облака провисали почти до земли – начиналась уже настоящая тайга.

На берег мы спустились по шатким сходям, брошенным на песок. Нас, конечно, никто не встречал, тогда как-то не принято было предупреждать о приезде телеграммой. В бабушкином доме все спали, наконец, открыли ворота, начались слёзы встречи, а меня, уже совсем квелоного от усталости, затолкнули спать на полати.

Утром я познакомился со своей родней. Бабушка Екатерина Фёдоровна Рязанова была очень спокойной, ни разу я не видел её в гневе. Всю свою жизнь она знала только одну работу по дому, уход за скотиной и обстирывание ребятни. Дед Осип Фёдорович умер ещё в 1936 году, и ей пришлось тянуть на себе всё хозяйство, правда, к этому времени дети уже подросли, и маленькой была только Валентина.

Рязановы – вятские выходцы, но откуда точно – памяти об этом не сохранилось. В Сибири они, судя по всему, обосновались в начале девятнадцатого века. Старики рассказывали, что группа переселенцев двигалась вверх по Иртышу из Тобольска в поисках подходящей для жительства земли. Дошли до устья Шиша, огляделись и решили остаться здесь. Место было рыбное, богатое кедровыми орехами, пушным зверем и никем не тронутое. Сначала делали для жилья времянки. Расчистили от тайги место под пашню, посеяли репу, лён, пробовали сеять рожь, но она не всегда успевала созреть, завели скотину и огородили большой участок ляги (сырое травяное место) поскотиной (жердевой изгородью) и зажили в тишине и покое. В те времена дичь водилась на Шише в изобилии: лоси, медведи, боровая птица, но особую ценность представляли колонок и, горностаи, чьи белоснежные с чёрными кончиками на хвостах шкурки всегда высоко ценились. В стародавние времена из них делали царские мантии.

Рыбалка была здесь – лучше не бывает. Даже в 1951 году, когда я приехал на Шиш, там изобильно водились стерлядь, щука, язь, окунь, линь, налим и другая рыба. Дядя Ваня с соседом забросили на Иртыше невод, я стоял на «пятак», то есть держал конец верёвки на берегу, и выволокли за один раз столько рыбы, что она не вся поместилась в лодку. Себе рыбаки взяли по ведёрку рыбы, остальное раздали соседям, в большинстве вдовам. Такой был испокон заведён порядок.

Ягод и грибов в урожайные годы было столько, что хоть возами вози. И это не преувеличение. Той же осенью мы пошли в Наташкин бор за брусничкой, набрали, сколько можно было унести. На обратном пути бабы забрели в березнячок возле деревни и за каких-то полчаса наломали целую гору груздей. Я сбегал к дяде Ване, он на лесозаводе взял бричку, мы нагрузили её с верхом и поехали домой. Грузди солились в бочонках, как огурцы и капуста. Брусника и клюква хранились в амбарах, где ягодами набивали огромные лари. Летом брали землянику, малину, чернику, ежевику. Особенно памятна мне голубика. Растёт она в рямю, невысоком кустарнике на сограх, длинных возвышенностях. Брали её в разгар лета, и бабы иногда встречались там с медведями, тоже большими любителями черники и голубики. Не знаю, как медведю, но мне голубика

с молоком сразу набила жуткую оскомину, и я стал есть её осторожнее. Сахара не было, поэтому варенья не варили.

В деревне держали коров, бычков, нетелей, овец, свиней, много птицы. За исключением коров, которые приходили сами домой на дойку, вся остальная живность метилась и выгонялась на покотину, где и питалась тем, что находила под ногами. Метка у Рязановых была «пень и рубишь». Скотине обрезали кончик уха, а чуть ниже делали надрез. И ничего не терялось. По первому морозу скотину сгоняли во двор и решали, кого оставить на зиму, а кого пустить под нож. Налоги брали натурой, бабушка сдавала масло, опаливать свиней не разрешалось, за это полагалась чуть ли ни тюрьма. Но всё равно мяса было вдоволь. Часть его хранили замороженным, а часть вялили, вывешивая на чердаке. Хлеб, то есть муку, завозили один раз в год, в навигацию. Я занимал очередь в магазине часа в два ночи и получал на семь человек буханку мокрой чернухи. Из-за нехватки муки знаменитых сибирских пельменей я не едал. В Копае было туго с мясом, а на Шише – с мукой. А вот молока, сметаны, творога было вдоволь, только сепаратор был ручной и крутить его муторно. Была и маслобойка из бересты.

Сразу по приезде я обнаружил на чердаке уйму бумажных денег: царских, керенок, дензнаков омского правительства Колчака. В том, что было много денег периода революции и Гражданской войны, нет ничего удивительного: их печатали столько, сколько было гербовой бумаги. А вот царские деньги – рубль к рублю, десятка к десятке – складывались десятилетиями моим прадедом от продажи скота, пушнины, погрузки барж и другой работы. И всё это копилось на чёрный день, а когда он наступил в 1917 году, ассигнации превратились в цветной бумажный мусор, золотые пятёрки и десятки съели в голодном 1931 году. Прадед имел тысячи, а снохе Екатерине пожадничал купить зингеровскую швейную машинку, и она обшивала семью ручную. Он имел в семье абсолютную власть. Было у него ещё два брата, имён не помню, знаю только, что один из них упал с кедра и сильно повредил руку. Другого забрили в солдаты, он отмыкал на царевой службе лет десять или пятнадцать. Тогда призывников метали по жребью. На какую семью он выпадал, та семья и выставляла рекрута. Оставшиеся блюли его пай в хозяйстве и по возвращении солдата отдавали ему целиком.

Мой дед Осип Фёдорович был призван в конце девятнадцатого века на Дальний Восток. Шёл он до Порт-Артура пешком. Определили его в матросы. После семи лет службы вернулся уже по чугунке. Было это ещё до Русско-японской войны. Когда он уходил служить, то заплёл десятилетней девочке Кате Быковой в косу ленту. Это означало, что он выбрал её в невесты. Так и случилось, поженились они на рубеже двадцатого века.

Как сказано, Рязановы были по происхождению вятские. На это указывает и то, что бытовавшие ещё при мне в семье прибаутки, рассказы имели своим героем обычно придурковатого вятского мужика. Рассказывали, например:

«Подошёл Вантё к реке, стал думать, как перебраться. Наконец, надумал. Оседлал бревно, а ноги, чтобы не свалиться, завязал верёвкой. Отплыл и перевернулся головой в воду. А мужики на берегу говорят: «Смотри, Вантё какой – только отплыл, а уже лапти сушит!»

Была ещё побасёнка: сидят старик со старухой и плачут. Прохожий их и спрашивает, что ревёте, старые? «Так как же не плакать, вот видишь, кирпич упал с крыши, а если бы внучек в тот час бежал, его бы зашибло». Рассказывали и про корову, которую тащили на сарай с земляной крышей, где выросла трава, чтобы бурёнка её съела. Много чего рассказывали.

Бабушка знала много сказок. Научилась она им у проезжих мужиков, которые постоянно заезжали ночевать по дороге на ярмарку зимой. Помнила об этом и мамка старая: «Зимой проезжие мужики заезжали часто. Попьют чаю и давай сказки рассказывать, Я слушаю, слушаю, пока мать не прогонит на полати...»

Рязановскому дому, когда я жил на Шише, было уже более ста лет. Состоял он из двух половин: чистой, то есть горницы с крашеными полами, и чёрной – кухни, где половину площади занимала русская печь, у стен были лавки, прикреплённые намертво к срубам. Под потолком были навешаны полати. Говорили: «Баба малого дитя кормит на печи. Отымет от сиськи и толкнёт под зад на полати. Крайний с другого конца слазит и переходит спать на лавку». Так и росли – весь день во дворе, ночью на полатах до десятка ребятни – места хватало всем...

Дом стоял на столбах, без фундамента, ни погреба, ни подвала не имели, всё хранилось в амбарах, которые тоже возводились из круглого леса на столбах. До постройки плотин в верховьях Иртыш бурно разливался, затопляя округу. Скотину упряжи в согра, где повыше, а дома по месяцу и более стояли на столбах в воде. К заплотам (бревновой ограде) были прикреплены цепями боны, которые с подъёмом воды всплывали. По ним ходили к соседям, в сельмаг, на работу. А надо куда подалее – садились в лодку и гребли по улицам.

Вот такая была таёжная Венеция.

К середине июня вода уходила, боны опускались на землю и спасали людей от непролазной грязи, в которой запросто тонули тёлки и свиньи. Место было болотистым, сырым и комариным. Но особенно одолевала мошка. Как-то раз она, видимо, совсем допекла дядю Ваню и его жену Надю. Открыли они настезь окна, принесли в чугунном тазу сухого навозу и подожгли. Плотный дым повис в метре от пола и сочился через окна, а они устроились спать на полу. Я вдохнул разок дымка, раскашлялся, расчихался... Чего, думаю, они прячутся? Нас, ребятню, комары и мошка будто и не трогали, во всяком случае, я от них не страдал.

Дом был покрашен краской (полы, двери, окна), судя по надписи, сделанной в кладовке в 1851 году. Но бабушка говорила, что он до этого стоял некрашеным лет двадцать. Значит, он был построен где-то к 1830 году. Когда я приехал, он был сильно осевшим на одну сторону, где стояла печь. При мне дядя

Ваня созвал помочь. Принесли домкрат, подкатали брёвна и за день подрубили новых три венца. Так, по-моему, он и стоит до сих пор. Последний раз я был там в 1971 году. Боже, каким он маленьким мне показался! Что греха таить, дядя Ваня и тетя Надя были с лендой. Жили среди леса, среди лесосплава и не могли срубить себе избу. Побывал я тогда в гостях у своего дальнего родственника. Этот был мастер. Избу себе срубил окон в восемь, двор застлан половинками брёвен, покрыт тёсом. Амбары, помещения для скота и птицы – всё из добротного леса. А сколько сосен, пихты, лиственницы, берёзы, осины было сплавлено по Шишу, сколько ушло вниз и вверх по Иртышу плотами и на баржах! Вот он не поленился, построил дом и зажил в своё удовольствие.

Когда-то, до коллективизации, амбары и скотные дворы занимали всё пространство, где на момент моего приезда находился огород. Земля была навозной, и всё росло как на опаре: и картошка, и другие овощи. Надворных строений было не меньше десятка. До 1933 года мой дед с семьёй (работников в такой глухомани сроду ни у кого и не было) держал до десяти дойных коров, столько же лошадей, штук тридцать – сорок овец, десяток свиней, немерянное число гусей, уток и курей. Конечно, в условиях того времени скот ведь фактически летом не кормили, только зимой тем, что оставляли на племя. Коровы молока давали мало. Бабушка всё вспоминала, что в приданое от родителей получила корову «ведёрницу», она давала в день ведро молока и стоила до русско-японской войны десять рублей. Деньги по тем временам немалые. От той коровы и пошло всё стадо.

Лошадьми занимался дед Осип. По рассказам мамы, он был завсегдатаем ярмарок, которые зимой бывали в Знаменском и Таре. Уезжал на лошадах, но, бывало, что возвращался с одной уздечкой. Нет, он не был пьяницей, хмельное употреблял только по великим праздникам, а вот менщиком был азартным. Вот его и надували иногда ярмарочные хлюсты.

Во всем Усть-Шише к началу тридцатых годов было от силы три десятка домов, магазин и пристань. Зимой иногда зимовали пароходы, и население деревни увеличивалось. В 1939 году привезли ссыльных из западных областей – поляков, и поселили их на левом берегу Шиша. С коллективизацией в Усть-Шише власти проморгали, хватились только в 1933 году. К этому времени мужики уже уразумели, что такое коллективное хозяйство, и успели свести скотину под корень, оставив себе коровёнку да пару ярочек и пару поросят.

Однако колхоз организовали, но он просуществовал где-то с полгода. Да и как ему было существовать, когда хлеб не рос. Посеяли лён, и тот не уродился. Решили власти, что пусть шишевские работают на лесозаводе. На том и успокоились.

Позже, когда баба Катя жила в Омске, я пытался расспрашивать её о революции и коллективизации. Революцию баба Катя не заметила. В Гражданскую заскочили в Усть-Шиш белые. Зашли к ней во двор, дали крупы, соли. Сказали, чтобы сварила кашу. Не

успела каша взбунту, как началась стрельба. Потом во двор вошли красные, съели кашу, облили ложки, сели на лошадей и уехали. Бабушкин брат Лука Быков был репрессирован. Жил он в Новоягодном, в девяти километрах от Усть-Шиша, работал в школе учителем труда. Жил справно, выстроил себе сам двухэтажный дом.

В Новоягодном организовали два колхоза. Поделили землю, скотину. Но хозяйство вели в чересполосицу, поэтому часто случались потравы. И вот однажды председатель колхоза вызывает к себе троих охотников и приказывает им отстреливать скотину, которая нарушает колхозную границу. Охотникам и невдомёк, чем это может кончиться. Сели они в засаду и застрелили трёх колхозных боровов из супротивного хозяйства. Привезли на лодке к берегу, а втащить не могут. Тут дядя Лука и подвернулся, удружил охотникам несколько фугованных досок, чтобы втащить туши по гладкому настилу на берег. Налетели милицейские власти – бандитизм! Дядю Луку этапом отправили на Колыму, там он и сгинул.

Народ на Шише жил тёмный, даже Бога толком не знали, так, слышали, что он где-то существует, живёт вроде на небе, куда с земли ведёт лестница, а сама земля стоит на трёх слонах, а те – на черепахе, а черепаха плавает в бескрайнем море-океане.

Эти сведения вполне устраивали и меня, и мою бабушку, которая была неграмотной, и ничуть об этом не горевала. В церкви она была всего один раз в жизни на своём венчании, знала «Отче наш» и «Богородице, дева, радуйся», и этих молитв ей вполне хватало. Вообще на темы божественные и церковные баба Катя не говорила. Она знала, что Бог есть, поэтому и жила просто и честно. Уже повзрослев, я заметил, что больше всего о Боге, спасении тараторят люди в вере нетвёрдые и грешники, которых беспокоит вопрос: есть ли прощение, можно ли спастись покаянием? Так до смерти и маются, страшась загробной кары.

В Усть-Шише церкви не было, поэтому все, кто с усмешкой, а большинство и всерьёз, верили в колдовство, в русалок, леших, домовых, кикимор, лихоманку, то есть в то, что осталось в народном сознании ещё с языческих времён великих славянских богов, – Велеса и Перуна. Конечно, в каждом доме были иконы, но, молясь Христу, люди не забывали и всяких анчутков. По приезду на Шиш мне мои сверстники много чего порассказывали о проделках этой нечисти, чем произвели на меня тягостное впечатление. Но вскоре я свикся с существованием неведомых мне существ и барахтался в речке, не беспокоясь, что меня утянет русалка, ходил в лес, где и правда была уйма жутковатых на вид коряг, замшелых пней и чавкающих болотин.

Лес, вернее, тайга, начинался сразу за лягой. Водились там гадуки, но на глаза они попадались редко, и роились тучи мошки и комаров. Я бывал там каждый вечер, когда загонял домой корову. Овцы и свиньи всё лето были на подножном корму.

Тайга начиналась с буйных зарослей папоротника, и вот с ним мне до сих пор памятна одна история, произошедшая со мной вскоре после приезда,

где-то в конце июня, в день Ивана-Купалы. Взрослые уже не отмечали этот праздник, но ребятня и несемейная молодёжь его праздновали весело. Жгли костры, прыгали через огонь, пели песни. Ближе к полуночи все двинулись, выстроившись цепью, в лес. Я тоже пошёл вместе со всеми, до рези в глазах вглядываясь в темноту, чтобы увидеть цветущий папоротник. Летние ночи на Севере коротки, и мы пробродили по зарослям до рассвета, но так ничего и не нашли. Говорят, что цветок папоротника должен светиться. В ночном лесу было много светляков, но заветного цветка, будто бы открывающего клад, не было. А я его искал очень старательно, как и все. Но в руки он нам не дался. Что это был за клад?.. Сейчас я вспоминаю эту ночь с тёплой грустью о том маленьком человеке, каким я был в свои восемь невозвратимых лет.

Конечно, религиозного воспитания у меня не было никакого. Я не знал священной истории лет до тридцати, а пока не купил по случаю Библию. Изобразительное искусство, литература давали мне представление о самых известных библейских сюжетах, но Слово Божие было мне недоступно. Бог был для людей чем-то запретным. Говорить о нём, проповедовать имя Божье строжайше запрещалось, а вот материться, упоминая имя творца, не возбранялось. Впрочем, о гонении на церковь и Бога уже написано достаточно много, а в те годы я был защищён как от веры, так и от безверия... Многообразие и величие мира постигалось мной самостоятельно, входило в душу само собой, и в этом, как я сейчас понимаю, было многое от язычества, от природной склонности человека одушевлять окружающий его мир. Для меня не существовало неживого мира, всё было живым, дышащим, трепетным. Никто не учил меня тому, что весна – это рождение всего сущего, я это понимал сам, когда смотрел на зелень листвы и травы, на хлопочущих возле гнёзд скворцов, на речку, сбрасывающую ледяной панцирь, на ручьи, устремляющиеся к ней с возвышенностей. Для меня это было великое время накопления чувств, душестроительство, которое совершалось само по себе, без назиданий со стороны взрослых.

Конечно, если бы в детстве мне сунули в руки скрипку, я бы научился на ней играть. Но сколько было пропущено из-за этих занятий чего-то такого, что прозевать человеку нельзя. Я сильно подозреваю, что абсолютное большинство людей не испытывали детской воли где-то между пятью и десятью годами, потому что их начинали чему-то учить, навязывать пристрастия, а ещё хуже – бить ремнём и ставить в угол.

О чём я думал в то время, кроме забав?.. Помню только одно: я выстроил теорию, что сначала появились самые маленькие животные, затем те, что побольше, затем большие и т. д. Это первая ерунда, что пришла мне в голову, а сколько их потом было – смешных ребячьих выдумок, всего и не упомнишь.

Собственно, рек вокруг Усть-Шиша было три: Иртыш, Шиш и Луговая, которая вливалась в Шиш в самом его устье. Шиш был рекой лесосплавной, перегороженный и разделённый повдоль бонами. Ближе к берегу накапливались бракованные брёвна на дрова, дальше сортировался лес по размеру. На следующий день я с изумлением и испугом увидел, как горбатенькая старушонка бодро пересекала

реку, наступая с одного бревна на другое. Я ждал, что она оступится и упадёт, но этого не случилось, бабка добежала до противоположного берега и скрылась в переулке. Так я увидел ходьбу или перебежку «по моли», то есть по брёвнам, – способ переправы, которым все в деревне владели мастерски. Сплавщики могли находиться на вертком бревне сколько угодно, лишь бы оно не тонуло под их тяжестью. Бывалые ухари бегали по брёвнышкам толщиной в руку. Я тоже со временем научился бегать «по моли», правда, удалось это мне не сразу, не один раз срывался в холодную воду, пугался до визга, но со временем освоился.

Работать мама устроилась на сортировку брёвен. Ей, маленькой, слабенькой, за копеечную зарплату приходилось, зацепив багром за бревно, направлять его в нужную сторону. Наверное, она спрашивала себя, зачем приехала сюда, что её приманило. Мыслей её я не знал, но они, наверняка, были горькие.

Я же целые дни проводил на речке, познакомился с одногодками, и мы рыбачили. Правда, не помню, чтобы я поймал хоть раз больше пяти – десяти окуньков ли подъязков, но рыбалка меня увлекала. Ловили на самодельную блесну, фабричных не было. Наши блесны были сделаны из чайных ложек. Один конец привязывался к леске, к другому – крючок-тройчатка. Держишь в руках удилище и ходишь по бонам, поводя леской в разные стороны. Иногда подъязки брали, иногда целый день проходишь и ни одной поклёвки. Я ведь был неук в рыбалке. С дядей Ваней, тётей Надей, соседями ездили неводить на Иртыш, потому что закинуть невод в Шише было нельзя, его дно было усыпано топляками и, что ещё более опасно, полузатонувшими стволами деревьев, которые плыли на глубине. По Луговой и её заводям шарили с бреднем, брали много рыбы. Приезжаем, а наши бабушка, мама, мои младшие двоюродные братья Лёнька и Витька стоят на берегу, ожидают. Бабушка, как увидит полную лодку рыбы, так сразу и вздохнёт: «Опять всю ночь чистить её проклятушую, язвы её!..» Но как я уже говорил, соседи выручали бабушку: разбирали рыбу по домам. Я с ними со всеми перезнакомился. Бабушка Шишкина, махонькая, согнутая под прямым углом в поясице, была той самой, что я увидел на реке на следующее утро после приезда. Я её побаивался, но как-то услышал, что у неё было двенадцать сыновей, и все погибли в Отечественную. Вот сейчас пишу эти строки, а на сердце неизбывная грусть. А каково было бабке Шишкиной получить похоронки? За что и кому она заплатила столь страшной ценой?.. Уж, наверное, не за то, чтобы Россия заканчивалась, как сейчас, за Смоленском!..

У бабушки на войне погиб сын Николай. От него осталась крохотная фотокарточка, с которой впоследствии мама заказала фотопортрет. Написал стихотворение «Портрет» и я. Дядя Николай был, видимо, способным. После семилетки где-то ещё учился. Потом его призвали и направили в зенитное училище. В 1942 году пришло известие, что он пропал без вести. Вот такая формулировка. А матери ждали, ждали пропавших сыновей, ждали до самой смерти. Ждала и бабушка, но не дождалась... После войны к ней приезжал сослуживец дяди Николая и

рассказал, что эшелон, в котором они после училища ехали на фронт, разбомбили немцы, и Николай погиб. Наверное, так и было.

Дядю Ваню призвали перед войной в Дальневосточную особую армию. Там он пробыл всю войну, затем пару раз выстрелил в сторону японцев. Пришёл из армии поперёк себя толще, отъелся на сое, а в войну вспоминал, доходили до голода. Он женился поздно, взял из другой деревни Надежду – мордатенькую сбитую деваху. Сёстры невлюбили её с первого взгляда: грязнуля, лентяйка, дурочка. Особенно негодовала тётя Шура, уже разведёнка, от которой сбежал Иван Малюкин, отец Лёньки. Наверное, огорчившись братовой женитьбой, она умотала в Кузбасс к моей маме. Больше всего мешают жить людям мелкие пакости, которые мы с тайным удовольствием делаем своим ближним.

На Петров день дядя Ваня, большой любитель дурацких шуток, чуть не лишил меня жизни: влил в меня две полулитровые кружки крепчайшей браги, настоящей на хмеле. Я выбежал из дома, упал в буерак и утонул бы в нём, но меня спас какой-то прохожий.

Лето пролетело одним днём. После Ильина дня с севера пошли тяжёлые низкие тучи, Ледовитый океан дохнул предзимней стылостью на наши края, полетела листва и зарядили дожди... Маму на работе сократили, и она подумывала об отъезде, чтобы не застрять на Шише на всю восьмимесячную зиму. И тут вдруг приехала мамка старая, быстро собрала наши вещички и увезла нас собой в Копай. На пароходе мамка старая не отпускала меня ни на шаг, всё не могла наглядеться на своё золотице. Я тоже был рад своей любимой тётушке. Капитан парохода оказался старым знакомым мамки старой – зимовал ещё до войны на Шише, знал там многих. Они подолгу разговаривали, а я бегал по самой верхней палубе, осматривал рулевую рубку, надоедал со всякими вопросами, но мне разрешалось всё. Уважение к мамке старой было столь велико, что пароход сделал незапланированную остановку возле Красного Яра, и мы пешком часа за два добрались до землянки в Копае. Шиш, тайга сразу как-то отодвинулись, но схоронились в ребячьем сердце навсегда.

*Голубое небо. Белый пароход.
Дыма гибкий стебель из трубы встаёт.
Хлюпают колёса. Плещется вода.
У речного взвоза хохочет ребятня.*

*С палубы я слышу звонкий смех и крик.
Но себя не вижу юным среди них.
Чёрными клубами в небо дым встаёт.
И уносит память белый пароход.*

Жизнь копайская

В детстве я любил подолгу смотреть на небо, на воду широкой старицы Иртыша, вслушиваться в стенания вьюги, завывание ветра в печной трубе, скрипы деревьев за окном и шум листьев. Во мне постоянно рождались какие-то музыкальные мотивы и, возможно, я мог бы стать музыкантом, но кроме балалайки и гармошек «двадцать пять на

двадцать пять» в округе не было никаких музыкальных инструментов.

Из всех своих братьев и сестёр, а их выжило из четырнадцати десятеро, только мама закончила семь классов и год проучилась в бухгалтерском техникуме. Остальные были малограмотные, а мамка старая вообще не знала азбуки. Учёба в материнской родне шла туго, даже сейчас я, кажется, единственный, кто имеет высшее образование. Остальные – шахтёры, лесорубы, механизаторы, словом, достойные люди со своим определённым местом в жизни. Они, конечно, книг не читали, а мама была запойной читательницей. В самом начале пятидесятых годов советские писатели создавали нетленки социалистического реализма под Шолохова. Каждый год появлялись объёмистые романы в несколько томов, такие как «Семья Рубанюк», «Даурия», «Белая берёза», «Сибирь» и прочие творения. Всё это мама читала и, что характерно, вслух, потому что наша землянка была своеобразным клубом для «красноармеек» – вдов солдат, погибших на Отечественной войне.

И вот, бывало, соберутся вечером у нас три-четыре вдовы, мама протрёт стеклянный колпак «десятилинейки» – керосиновой лампы, поправит фитиль, и начинается читка. Слушательницы сидят, не шелохнувшись, впитывают незамысловатое повествование, иногда, громко смеются, иногда в особенно чувствительных местах, краешками головных платков утирают набежавшие слёзы. И какая в людях жила тогда непоколебимая вера, что всё написанное – правда! Какой тогда был честный и чистый народ в своей основе! И всё это за последние каких-нибудь двадцать – тридцать лет было в нём изгажено!

Мама читала громко и выразительно. Увлёкшись, представляла действие романа в лицах, а я, свернувшись на деревянном самодельном диванчике калачиком, слушал, нет, жадно впитывал происходившие на страницах романа события. Конечно, сейчас можно сомневаться, то ли я слушал. Может быть полезнее для меня в это время было учиться латыни, древнегреческому, но где всё это было взять в сибирской глухомани? Вот и вырос я одноязычным, о чём можно, конечно, пожалеть, но страдать вряд ли стоит.

Я выучился читать быстро, едва ли не в один присест. Впервые я свою грамотность продемонстрировал мамке старой в Омске. Мы приехали с ней туда в гости к тёте Дусе и моей двоюродной сестре Жене, которые жили на окраине города и работали поварами в охране политического лагеря. Помнится, мы шли с мамкой старой по центральной улице Ленина, и я читал по складам: «Продукты», «Вино», «Овощи» и т. д.

Своих книг по бедности у нас не было. Я брал их в библиотеке. Почему-то сразу мне больше всего понравилась поэзия, может быть потому, что запоминал очень долгое время стихи с первого прочтения. Уже в двадцать один год в армии я выучил наизусть всего «Евгения Онегина» всего за три прочтения. Впоследствии, начав писать стихи серьёзно, я долго подавлял в себе эту способность, которая очень мне мешала работать: написанное вчера стихотворение никак не уходило, торчало в мозгах

занозой. Постепенно я выучился его сразу забывать после того, как поставлена последняя точка. А может быть, это стало получаться потому, что я научился относиться к поэзии трезвее. Владимир Соловьев сказал: «Я думал это охлаждение, а это было мастерство».

Но не будем о мастерстве. Я всегда считал и считаю, что это понятие к поэзии имеет самое незначительное отношение, всё-таки поэзия – это не деланье табуреток и не тачание сапог, иногда поэт выдохнет в один миг такое, что потом всю жизнь он и его критические читатели в недоумении чешут затылок: как это у него получилось. Проза нуждается в мастерстве, живопись, исполнители, актёры, а музыка и поэзия, как не крути, это божий дар и такими пребудут всегда. И действительно, какое мастерство в гётевском «подожди немного, отдохнёшь и ты...»? А вот глубина поэтической мысли такая, что мороз по коже.

Мамка старая была большая любительница стихов и поощряла мою тягу к ним самым прозаическим образом – дешёвыми карамельками, которые называла смутьянками. Я читал наизусть стихотворение, а взамен получал кулёчки конфет. Тогда я был сладкоежкой, не знал ни горького, ни кисло-го... Навсегда запомнилось: мама с мамкой старой окучивают картошку, а я, стоя почти по пояс в высокой ботве, читаю им наизусть первую главу «Кому на Руси жить хорошо».

В таком возрасте очень многие начинают писать стихи... Удивительно, но я не ощущал к писательству никакого стремления. И в детстве, и в юности я не написал ни одной строчки. Худо это или хорошо, судить не могу, но именно так. Это самый серьёзный парадокс моей творческой биографии, который для меня необъясним и даже загадочен. Этот вопрос без ответа, позволяющий делать самые фантастические выводы, однако в чём будет польза для других, если этот случай будет разгадан? Я никогда не относился к стихам как к «деланью» по Маяковскому, и, слава богу. Если что-то у меня и вышло стоящее, то этому я в самой малой степени обязан себе, всё вымолвил Некто, а я просто озвучил. Вот и всё. Такова, по моему убеждению, всякая истинная поэзия. А выстраивание творческого пути, поисков, накопление литературного мастерства – всё это литературоведческий бред, который интересен только авторам различных критик, эссе, творческих биографий.

Мой поэтический опыт говорит о том, что стихи пишутся тогда, «когда поэт слышит музыку времени» (А. Блок), когда он ощущает связь, иногда почти телесную, связь с той неизречённой силой, которая движет его рукой. Но вот наступает момент, и всё это рушится, и поэт умер, хотя физически он жив. Но это уже всего лишь телесная оболочка без духовного содержания. И бессмысленно пытаться как-то воздействовать на эту, без преувеличения, божественную связь. Поэтому в поэзии есть многое от религии, а поэт – смиренный богомолец или еретик в этом сияющем храме. Это придаёт стихам величие, ныне почти утраченное: стихи нашего времени потеряли обаяние молитвы. Да и последний век звучал какофонически. И сейчас можно сказать, что поэзия умерла. И это неудивительно, потому что в

поэзии умер Бог, а всё, что написано по инерции в XX веке, – всего лишь тепло от остывающих углей сгоревшего костра. Сейчас слова холодны как пепел, а вместо мыслей мировых у человека остался только аппетит.

Своим довольно неплохим для нашего времени образованием я обязан не школе, где мне пришлось нормально учиться лишь восемь лет, а только себе, своей неутолимой тяге к чтению. Из школьных предметов мне нравились география и история, русского языка я панически боялся, потому что никак до сих пор не могу совладать с синтаксисом. В прозе, в стихах вроде расставляю знаки препинания без ошибок. А в Литинституте диктанты были для меня очередным стихийным бедствием. По своей тогдашней наивности я считал, что все писатели должны быть безукоризненно грамотными людьми. Оказалось, это далеко не так.

Но беда писателей нашего времени не в слабости грамотности, а в том, что они, в своем подавляющем большинстве, не знают и не любят литературу. Взять хотя бы нашу Ульяновскую писательскую организацию, где сейчас числится около полусотни писателей. Оставим оценку их творчества, но поразительно, что многие не знают русскую литературу, они искренне считают, что достаточно изучили Пушкина, Гоголя, Достоевского, Л. Толстого, Чехова в институте, и не потрудились их перечитать писательским глазом. Впрочем, это их дело.

Постепенно география и история заглохли от меня поэзию. Лет до четырнадцати я буквально бредил великими географическими открытиями, древним Римом и древней Грецией. Начиналось моё отрочество, наиболее воинственная и мечтательная пора в жизни человека, и я грезил героями Гомера, тремястами спартацами во главе с царём Леонидом, Спартаксом, Магелланом, Куком, Дрейком, нашими первооткрывателями дальневосточных российских окраин – Берингом, Дежневым, Невельским. Я мечтал стать кораблестроителем, и это в краях, где до ближайшего моря по меньшей мере четыре тысячи километров, но отрочество тем и прекрасно, что оно удивительно, и человек, пребывая в нём, как правило, не совершает таких поступков, о которых потом сожалеет всю жизнь.

У меня была книга нашего русского мореплавателя – капитана Головнина – о его путешествии вокруг мыса Доброй Надежды к Аляске, снабжённая великолепными рисунками. Увидев изображение парусного судна, я был пленён им и всю зиму делал модель парусника, причём полнопарусного, с фоком, гротом и бизанью – мачтами и набором парусов. Умения и знаний, как делать судомодели, у меня не было, но я что-то сделал, правда, не испытывал его на воде, поставил на окно и к морю охладел. И сейчас оно меня не трогает. Много воды, а человек живёт на земле.

Посёлок, где я прожил почти восемь лет начиная с семилетнего возраста, назывался Копай, потому что в подавляющем большинстве он состоял из землянок. Рубленых домов не было, только у тех немногих мужиков, что вернулись с войны живыми, стояли насыпные избы. Вдовы с ребятей, все до одной, жили в землянках. Я с мамой, мамкой старой и её дочерью Валею жил тоже в землянке. Она

возвышалась над землёй не более, чем на полтора метра, и была сложена из дерновых пластов, щедро обмазанных по бокам глиной, замешанной на воде и конском навозе. Крыша была тоже пластяной и мазаной глиной. Окна находились на уровне земли, а стены от окна вниз были стенами земляной ямы, тоже обмазанные глиной и побеленные извёсткой. Были в землянке печка, сени и дровяной сарай.

Наше жилище было крохотным, но я жил в нём, несколько не ощущая тесноты и низкого потолка. Было радио, сначала картонная тарелка, потом откуда-то появился приёмник в виде ящика. Зимой, когда мама не читала вслух, мы слушали радиоспектакли «Театр у микрофона». Так, я познакомился с драматургической классикой, в первую очередь с Шекспиром, с «Соловьём» Алябьева, услышал сладкоголосых Лемешева, Бунчикова, Нечаева, нашего омского певца Леонида Шороху, который обладал своеобразным и запоминающимся голосом. Радио рассказало мне о смерти Сталина, целине. Оно было единственной отдушиной в большом и неведомом мире, который поджидал подростка из Копая.

До 1954 года я раза три болел воспалением лёгких. Это были очень тяжёлые затяжные болезни. Кажется, в 1953 году я заболел весной, когда ещё снег не сошёл, и лето провёл в полнейшем беспомоществе. Очнулся, когда уже полетели первые снежные мухи. Часто меня мучила ангина, от которой я избавился в 1966 году, вырезав гланды.

В первом классе, ещё зимой, когда едва упали две-три капли, мы с мамкой старой стали мечтать о том, как сделаем скворечник.

– Я принесу заготовки из цеха, – говорила мамка старая. – У нас как раз сейчас идёт фугованная доска, как шёлк, гладкая. А дома сколотим.

Фугованная доска – это доска с идеально гладкой поверхностью, обработанная фуганком.

В начале марта эти доски появились в нашей землянке, и мамка старая тут же сколотила скворечник гвоздями. Припасла она и берёзовую жердь, на которой скворечник был поднят над крышей.

Весна пришла в один день. На улице воды – вброд, сугробы осели. На тополе и берёзе возле дома напыжились почки, и мы решили, что пора скворечник поднимать, ибо шла последняя неделя марта.

Мы возились со скворечником, и тут подошёл к нам сосед. Посмотрел и говорит:

– Не будут у вас жить скворцы...

– Это ж почему? – вскинулась мамка старая.

– А потому: доски у вас гладкие. Скворец залезет внутрь, а обратно будет скользить коготками, а ему цепляться нужно. Потом, скворечник проконопатить надо, чтобы в нём темно было...

– Да... – растерялась мамка старая. – А я думала, как красивше...

– Не расстраивайся. Я сейчас свой принесу – у меня их штук пять понаделано. Поставим твой и мой. Посмотрим, где заживут скворцы.

Поставили два скворечника. Фугованный подняли над крышей, а соседский воткнули в угол огорода. Только закончили работу, как налетели всем кагалом воробьи (откуда только взялись!) и давай драться за комфортабельной жильё.

– Пускай воюют, – усмехнулся сосед. – Скворец, если выберет себе скворечник, живо их оттуда повышвыривает.

Прилёт скворцов я проглядел. Иду из школы и вижу, что вокруг соседского скворечника бушует птичья драка. Летит мусор из домика, летят в разные стороны взъерошенные от полученной взбучки воробьи. Скворец выпрыгнул из лаза на приступку, выбросил из клюва последний кусочек ваты, принесённый воробьями, огляделся, поднял голову и запел. Он выщелкивал один звук за другим, выводил трели и рулады и, наверное, изнемог бы в своём усердии, но прилетела его верная подруга, скворчиха.

Они разом взметнулись в воздух, исчезли, но уже через минуту явились назад с какими-то веточками в клюве. Скворцы приняли скворечник и начали вить гнездо.

А наш поблескивающий гладкими боками скворечник, который мы сделали с мамкой старой, надолго остался стоять пустым. Даже воробьи в нём не поселились, хотя он был красив, как настоящий птичий дворец.

Однажды мамка старая принесла что-то в вязаном платке и, улыбаясь, спросила:

– Вот, всё у нас в доме есть: и кровать с панцирной сеткой, и стол, и табуретки, а чего нет?..

Мы стали гадать, чего не хватает в землянке для полной мебелировки. Гадали, пока мамка старая не развернула платок и не поставила на пол крохотного котёнка. Он был ещё так мал, что покачивался на своих кривоватых лапках, а его глаза ещё не приобрели определённого цвета.

– Рыжик!.. – восторженно завопил я.

Рыжик прижился в землянке, освоил все тёплые и светлые места, в первую очередь печку, учил со мной уроки, спал у меня под боком.

Минула зима. Летом Рыжик освоил окрестности вокруг землянки, даже гонялся за соседскими цыплятами, а к следующей зиме заматерел, превратившись обличьем и повадками в настоящего хищника.

Начались позёмки, дверь в сенях стали прикрывать, и Рыжик заимел привычку стучать лапой в окно, благо, что оно находилось на уровне земли. Глубокая ночь, все спят, и тут в окно стук: «Откройте, хозяин пришёл!» С руганью его запускали в землянку, он начинал в потёмках проверять чугушки и кастрюли.

– Ах, язвы твою душу! – ругалась мамка старая и, схватив полотенце, загоняла кота под кровать.

Разозлились на Рыжика, перестали его пускать ночью в дом, пускай, дескать, замерзнёт. Ушёл Рыжик, бродил где-то неделю, явился с отмороженными ушами и хвостом. На следующую зиму походы Рыжика по ночной военной тропе возобновились. Правда, стучать в окно он перестал, но являлся какой-то засаленный, ну, настоящий бомж. Где он по ночам отирался, мы не знали, да и мест для выживания в Копеа не было – ни котельной, ни теплосетей.

Выяснилось всё как-то утром. Мама стала открывать печную трубу, а она у нас закрывалась вьюшкой. Словом, открыла конфорку, а оттуда, из

печной трубы, чудо-юдо перемазанное – Рыжик. В трубе он и спал, на горячей вьюшке.

Отмыли его, уложили на печку. Мама и мамка старая сели на диванчик возле печки и вяжут. Вдруг на них сверху полилось.

– Рыжик! Что ты делаешь, гад!..

А он от крика еле проснулся, умаялся бедняга, открыл один глаз.

Жил у нас Рыжик лет пять, потом исчез...

Жил я не скучно. Никаких особых внутренних переживаний, о которых так любят распространяться мастера так называемой психологической прозы, я не испытывал. Я был обыкновенной чистой доской, на которой можно было написать, что угодно, но Бог хранил меня от всего скверного, да его и не было в моём окружении. Наши пацаньи игры были бесхитростны: лапта, «чижик», «бить бежать», «зоска», позднее – футбол, волейбол, бег на лыжах, санки. Дни за днями проносились стремительной чередой, и сейчас я вряд ли припомню что-нибудь значительное то, что определённо повлияло на мою будущность. Я просто рос, как растёт дерево. Жизнь моя не знала никаких сложностей, меня не ругали, не били, не унижали, более того, меня все любили.

Меня просто и чисто одевали, поили от пуза молоком, кормили здоровой пищей. И я, помнится, на тринадцатом году сразу вытянулся сантиметров на двадцать пять, стал большеголовым худым подростком, почти юношей.

Конечно, меня можно было принять за маменькина сына, но что такое маменькин сынок в тех условиях, где я жил? Начиная лет с восьми я копал огород под картошку, пилил с матерью дрова, колот их один и сносил в сарай. В девять лет наш сосед выпросил меня у матери, чтобы я помог ему заготовить берёзовые жерди для строительства хаты. Это был скупой и негожий мужичонка – обещал мне подарить рубаху, но так и не подарил. Мы с ним двое суток провели в лесу, заготавливая берёзовые сляги, ночевали в промокших от дождя копнах, но я даже не заработал насморк. После шестого класса я месяц работал на кирпичном заводе, а эта работа не для маменькиных сынков.

Десятилетнего меня мой деверь Гошка Кирдяшкин вовлёл в самовольную порубку и кражу леса. Он жил у нас и задумал строить свою землянку. Для этого нужны были жерди. И вот поздней осенью я с тремя мужиками ночью оказался в березняке, конечно, не понимая опасности предприятия. Гошка и его приятели понимали, поэтому торопились скорее нагрузить машину спиленными и очищенными от сучков берёзами и поскорее уехать. Мужики пилили, а я обрубал сучки. Было холодно, и на обратном пути все, кто сидел в кузове, замёрзли до озноба. Ворованный лес спрятали под соломой, и зашли к нам в землянку. Мужики стали пить водку, быстро опьянели. Заставили и меня выпить целый стакан ледяной водки. Я обеспамятел и наутро проснулся с жестокой ангиной.

Старое русло Иртыша простиралось дугой километров на двадцать. На его левом высоком берегу вольготно расселились деревня Красный Яр, молочно-консервный завод, барачный посёлок завода,

Копай, затем деревни Москали и Малороссы, которые шли друг за другом почти без всякого перерыва. Весной старица наполнялась водой, разливалась широко и неоглядно, затопляла противоположный пологий низкий берег, где было множество низин. Вода простиралась за горизонт, и какое-то время другого берега не было видно. Затем она спадала, а в июле, когда начинали таять снега на Алтае, вновь поднималась, но уже не так сильно, как при весеннем разливе. На старице как раз против Копая был очень большой остров, владение бесчисленных стай домашних гусей, которых хозяева выпускали весной и загоняли домой только поздней осенью. После гусей весь остров казался белым от выпавших перьев и пуха. Мы с мамой ходили собирать их и набирали очень много для подушек и перины.

От землянки до старицы не было и пяти минут ходу. Едва сходил лёд, мы, копайская ребятня, уже все были возле воды. Купались, и простуда не брала, а в июне, июле почти не вылазили из воды. Была и рыбалка, довольно хорошая. В старице обильно водились окуни, щука, ёрш и другая рыба, которую скопом называли чебаками. Впрочем, рыбаком я был никудышным из-за своей непоседливости. А вот неводить, пройтись с бреднем мне нравилось: улов был виден сразу. Это, наверное, потому, что в тайге, на Шише, почти не рыбачили удочкой, и ловили рыбу сетями в огромных количествах. Я это видел в восемь лет, поэтому рыбалка в Копае меня не удивляла.

Сейчас вот нет проходу от детского сквернословия. Поглядишь на матерящегося малютку, и кажется, что не непотребные слова вылетают из детских губ, а выпрыгивают противные ядовитые жабы. Мы, к счастью, этого не знали. Не знали и мелкого воровства, потому что в Копае никогда этого не водилось. У нас, по-моему, даже не было замка на входной двери. И ничего никогда не пропало. Конечно, несчастья или даже трагедии случались. Как-то почти у нашей землянки грузовик сбил насмерть какого-то прохожего мужика. Я впервые увидел мёртвого человека, и до сих пор он у меня перед глазами: лежит в глубокой жёсткой колее, грязь, кровь, противный рвотный запах – в момент гибели этот человек обмарался.

В начале пятидесятых годов в нашей округе была уйма волков, которые порой нападали и на людей. Отчётливо помню, что несколько человек стали их жертвами.

– Волк!.. Волк!.. Волка везут...

Эти крики заставили меня отбросить в сторону учебник, надеть стёганку и выскочить за ворота. По узкой, подпёртой со всех сторон сугробами, дороге ехали розвальни, на которых стояла баба с вилами, а следом спешили соседи. Сани проехали мимо меня, но волка я не увидел, он был завален соломой. Заводская лошадейка скользила на некованных копытах и храпела. Но возница, школьная уборщица Марья, крепко держала в руках вожжи. На безмужичьи, за войну она научилась справляться и с норовистым конём, и с племенным быком. И вообще была бой-баба!

Розвальни остановились возле её насыпухи. Окоченевшего на морозе волка протащили в избу, а

мне опять не удалось его увидеть: оттолкнули в снег, и пока я пурхался в сугробе, зверя на улице уже не было. Я протолкнулся в сени, но они были набиты людьми, и мне осталось ждать своей очереди.

Первыми вышли мужики Иван Полев и Виктор Петров. Они остановились на крыльце, скрутили по «козьей ножке» и закурили.

– Повезло Марье! Бирюк-то здоровенный! Он, наверное, спал в копне, а она его всполошила...

– Точно, испугался! Как прыгнул, а Марья, не будь дура, вилы подставила...

– Так и сел на них всем брюхом... Теперь ей за волка премия выходит – полтыщщи!..

Наконец, в избе народу стало поменьше, и я протиснулся к широкой скамье, на которой лежал волк. Меня сразу поразило, что он вовсе не был серым, каким его описывают в сказках, а скорее рыжеватым, широкогрудым с толстыми лапами и прямым хвостом. Смерть застала его в момент свирепого оскала, и хорошо были видны клыки, слегка желтоватые и мощные, способные разгрызть берцовую кость быка. Сейчас он был не опасен, но всё равно на меня повеяло такой жутью, что моё ребячье сердечко сжалось, а потом испуганно затрепыхалось, как синичий хвост. Запомнил я и глаза волка, льдистого цвета, в которых «зайчиками» отражался свет отвисевшей под потолком керосиновой лампы.

Зимой была главная забота – делать лыжи. Покупных у меня никогда не было. Мамка старая приносила с работы несколько ровных досочек. В печке мы докрасна раскаливали кочергу, затем проводили, выжигая, на скользкой поверхности полосу, иногда довольно ровную. Затем наступал самый ответственный момент – загиб концов лыж. Для этого один край досок долго распаривали в кипящей воде, затем изгибали и закрепляли изгиб в нужном положении между двух деревяшек. Брезентовое или кожаное крепление прибавляли гвоздиками. За зиму я ломал не меньше пяти пар лыж. Конечно, столько лыж купить в магазине, если бы они только тогда были в продаже, у мамы возможности не было.

Катались с высокого берега старицы, прыгали с трамплина. Иногда я ходил на своих самоделках в ближайший берёзовый колок, ставил там петли на зайцев, но, конечно же, ни один косой не попался, и слава Богу. Сосед дядя Вася неплохой охотник – как-то раз мне рассказал, что заяц от боли плачет, как малое дитя, и я ставить петли перестал.

Коньки у меня появились лет в восемь, обыкновенные «снегурочки». Привязывать их была морока. Тянешь, тянешь ремешки, прикручиваешь палочкой, а только выйдешь на улицу, и враз разъезжаются. Иногда помогал мне привязывать коньки мой родной дядя Пётр Иосифович, фронтовик и танкист, уцелевший на войне. А он её прошел от Сталинграда до Праги, а закончил в Китае. Демобилизовали его только в 1952 году, он прослужил 10 лет срочной службы, принёс с войны пригоршню солдатских медалей и гриву рыжеватых волос до плеч, что было привилегией ветеранов.

С дядей Петей в 1954 году произошла история, о которой следует упомянуть. Он работал на консервзаводе, в цехе варки сгущёнки, так бы и проработал

на своей «сладкой» должности всю жизнь, но его жена Варвара отправила его в Омск за покупками. Непьющий и некурящий дядя Петя уехал и пропал. И, что примечательно, никто, ни жена, ни родные сёстры, этим не обеспокоились. Прошло два месяца – от дяди Пети ни слуху, ни духу. Наконец пришло от него письмо, которое всё объяснило. В омском трамвае дядя встретил своего бывшего командира – полковника, танкового комбрига. Того назначили директором целнинского совхоза, и он увлёк дядю Петю, бывшего механика-водителя, на юг омской области, в деревню Патровку на Иртыше. Дело было весной, дядя Петя сразу сел за рычаги трактора, и уже после сева, получив квартиру и подъёмные, вызвал к себе жену. Так он там и остался на всю жизнь. Варвара погибла в 80-х годах, попав рукой в какую-то машину на птичнике. Мои двоюродные сёстры Таня и Галя выросли и живы. Вот и вся, в нескольких словах, судьба моего кровного родственника, которого я очень любил не только за доброту, но и из-за того, что в нашем бабьем царстве он был единственным мужиком и, наверное, чем-то на меня повлиял.

Другого своего дядю, Леонида Осиповича, тихоокеанского моряка, затем кузбасского забойщика, шахтёра, я знал мало. Он приезжал к нам со своей женой Ульяной и двумя дочками в отпуск вместе с мужем моей младшей тётки Вали – Владимиром, и они с ним очень резво отдыхали – за день выпивали две бутылки водки и ведро пива. Дядя Лёня умер относительно молодым, лет пятидесяти, а Володя, сухой, долгий и жилистый мужик, жив, по моему, до сих пор, и ничего его не берёт: ни водка, ни одеколон, ни стеклоочиститель. Был у меня ещё один дядя – Иван Осипович, живший в Усть-Шише. Ещё один мой дядя – Николай – погиб на фронте и в честь него и тоже погибшего моего дяди Николая с отцовской стороны меня называли именем святого чудотворца.

Тётя Валя была очень симпатичной в молодости, но в семейной жизни ей не везло. У неё было два или три мужа, с ними она быстро расходилась, пока к ней не прибилась пьющий, но хозяйственный Владимир, который, по её словам, тащил в дом всё, что плохо лежит. Тётя Дуся была старшей из маминных сестёр. Это была высокая статная женщина с какой-то своей тёмной историей замужества. Дочь её Женя была большая рукодельница и астматик. Она умерла, не дожив и до пятидесяти лет. Детей у неё не было. Особо следует сказать о тёте Шуре, величественной своей статью женщине, большой гордичке и всезнайке. На кирпичном заводе, где она работала обжигальщицей, её наградили орденом «Знак Почёта», и это её окончательно возгордило. Муж от неё, по-моему, сбежал, оставив ей сына Леонида, моложе меня на четыре года. Тётя Шура, как мне кажется, заласкала его в детстве: Лёнька вырос совершенным рохлей, имея способности, не учился, хотя мог бы стать неплохим художником. Тётя Шура не подпускала сына к девочкам. Только он начнёт с какой-нибудь дружить, она всё делает, чтобы Лёнька её бросил. Вот и добросался – остался холостяком. Потом, спохватившись, тётя Шура предлагала ему невест и с квартирой, и с машиной, и с готовыми детьми, а Лёнька лениво говорил, что ему и так хорошо.

Все тётки и дядья были людьми рослыми, блондинами в рыжину, и только мама и мамка старая не удались ростом. И ещё тётя Валя и тётя Наташа были чернявыми, говорят, что в свою бабушку, а остальные – в рыжего попа, как шутили они сами.

Так вот, у бабы Кати, как я уже говорил, было четырнадцать детей, а у её дочерей и сыновей один, от силы двое. Посчитать, так она одна больше нарожала, чем все её выжившие дети. Они произвели на свет всего 12 ребятишек. Вот так после Отечественной войны началось резкое сокращение рождаемости. И всё потому, что народ оторвался от земли, стало кружить и носить его по стране как перекасти-поле.

Мамка старая сразу влюбилась в меня беспмятно, потому что она по своей натуре всегда была ребёнком – открытым, добрым и очень честным человеком, а взрослость всегда предполагает в нас известную долю хитрецы, того, что называется «себе на уме», изворотливости и себялюбия.

Незадолго до нашего приезда в Копай у мамки старой случилось ужасное – страшной и нелепой смертью погиб её муж Павел. Он был ранен на финской войне снайпером-«кукушкой» в пятку. То ли финн такой добрый оказался, то ли шутник или изверг, но дядя Павел получил очень серьёзное ранение в пяточную кость, которое излечивается очень трудно, годами. На Отечественную его не взяли. Когда в Усть-Шише забрали всех мужчин призывного возраста и на паузке (барже) сплавили их в Омск, он остался в деревушке едва не единственным мужиком. Баб погнали на лесозаготовки, и они скоро начали голодать: хлеб на Шише привозной, свой не растёт, скотину власть оприходовала вплоть до курей. Валят бабы лес, а лоси рядом ходят. Но как зверя добыть?

Прослышал дядя Павел про эти невзгоды, сказал жене, чтобы запрягла коня в кошёвку и отвезла его на лесозаготовки. Так и сделали. Выбрал дядя Павел укромное место и схоронился, лёжа в кошёвке. Ходить он не мог, но сумел-таки застрелить одного любопытного сохатого. Мясо пошло в общий котёл.

С дядей Павлом мамка старая жила как у Христа за пазухой. Он работал механиком, хорошо зарабатывал, рыбачил, охотился, во дворе дома мычала и бляла живность. И вот в 1948 году случилась беда. Уже подмораживало, но утки шли на перелёт дурью, было их видимо-невидимо. Дядя Павел выпросил на работе отгул, завёл мотоцикл и умчался километров за пятьдесят на озеро. Там накачал лодку, сделанную из старых автомобильных камер, бросил в неё ружьё, припасы и поплыл сквозь камыши. Озеро было мелким, но обширным, километров десять в ширину, а глубина не превышала и двух метров. От берега дядя Павел отплыл километра на три, высматривая уток, но вдруг лодка прохудилась, и пошла на дно. Он взял ружьё и побрёл к берегу. Вода доходила ему до подмышек. Не дошёл он до берега совсем немного – остановилось сердце. Когда его нашли, он так и стоял вмёрзшим в молодой лёд.

После его смерти мамка старая стала попивать брагу, хороводиться с солдатками. Говорю об этом с её слов, как она мне рассказывала. Я, говорит, Коленька, если бы не ты, точно от пьянки бы подохла.

А ты меня остановил. Пришёл ты как-то из школы, а я пьяная с флягой браги в обнимку лежу, не могу подняться. Ты начал меня ругать за пьянство, а потом заплакал. С тех пор я в рот хмельного не взяла.

Прожила мамка старая почти девяносто лет, в ясной памяти и в здравом уме. Валя была старше меня на двенадцать лет. Смотрю сейчас на её фотографию, вспоминаю, как она невестилась с подругами. Валя, как и мама её, была простодушна до простодыроты, готова была последнюю рубашку с себя отдать. Муж её, Гошка Кирдяшкин, тоже, скорее, у соседа будет работать, чем у себя. После его смерти Валя сошлась с его родным братом, который вернулся из тюрьмы после большущей отсидки за убийство.

Вот такие иногда жизнь выламывает коленца.

Со стороны отца я свою родню почти не знаю. Запомнилось, как лет шести, когда меня украл отец, я какое-то время жил у деда и бабки в деревне Луговой Тальменского района. Дед Карп был высокий и тощий, бабка – поперёк себя толще. Спал я на печи, вот, собственно, и всё.

Жизнь копайская. Кончина Сталина...

Вернувшись из Усть-Шиша мама устроилась работать на водонасосную станцию консервзавода, мамка старая работала в бондарно-ящичном цехе. Мама зарабатывала 360 рублей и ещё подрабатывала шитьём платьев, юбок и блузок для копайских баб. Появилась мода на кружева и вышивки. Вязали скатерти, занавески, подзоры, накидушки на кровати. У меня до сих пор хранится кое-что из этого рукоделья. Вязать я не учился, а вот вышивать – вышивал: и гладью, и простым крестом, и болгарским, может быть похуже, чем вице-губернатор из «Мёртвых душ», но довольно сносно. Однако кропотливая мешкотная работа мне не нравилась, и я забросил рукодельные занятия, благо, что меня к ним никто не понуждал.

Мы с Генкой Полевым, моим соседом и одноклассником, вдруг стали отчаянными вояками: принялись делать сабли, копья, щиты, луки со стрелами. Подобралось ещё с десяток соседских мальчишек, и мы в свободное от школы время сражались друг с другом, строили снежные крепости, заливали их водой и брали атакой эти ледяные укрепления. Шишек и ссадин было много, были и слёзы обиженных, но проходило какое-то время, и мы опять принимались за своё. Взрослые в наши «войны» не вмешивались. У них своих забот был полный рот, а тут ещё назревали невиданные события: судьба беспощадно настигала того, кто был живым богом, Иосифа Виссарионовича Сталина.

Одно чувство владело после смерти вождя всеми людьми от мала до велика, один ножевой вопрос: как дальше будем жить? Смерть Сталина воспринималась народом как вселенская катастрофа, и плач великий стоял на одной шестой части земного шара. Но длилось это недолго, жизнь продолжалась и новые заботы заслонили и эту беду, тем более, что ничего не рухнуло: заводы работали, магазины работали, хлеб и водка были в свободной продаже, а тут ещё послабление вышло с налогами, словом, всё перемололось, и течение русской жизни вошло в своё русло.

О смерти Сталина я услышал на построении всех учеников школы. Наш директор Кузнецов с хрипотцой и слезами в голосе сказал, что умер великий и гениальный вождь трудящихся всего мира. Завыла сторожиха, мы захлопали носами, стали тереть глаза, а директор нравоучительно произнёс:

– Я хочу подчеркнуть, что если б товарищ Сталин не курил трубку, то он бы ещё прожил лет десять, подумайте, ребята, о своём здоровье, а то в школьный туалет нельзя зайти, от дыма махорки хоть топор вешай...

И так далее в том же духе.

Мама, мамка старая тоже плакали и горевали. Но через какое-то время всё стерлось, всё ушло. А в 1961 году бывшего вождя выкинули из Мавзолея. Так закончилась эпоха Сталина, и началась эпоха распада и гниения великой страны. Время, в котором мне предстояло провести всю свою жизнь, чтобы на её закате увидеть, что стало с Россией.

*Ещё зима грозила стужей.
Поземка снег свивала в жгут,
Когда в честь Сталина из ружей
Был погребальный дан салют.*

*И заревел гудок завода
В посёлке, родине моей.
И тяжкий гроб вождя народа
Был установлен в Мавзолей.*

*И подобрав шубейки полы,
Я шёл по снегу в третий класс.
И посреди саманной школы
Поспешно выстроили нас.*

*Внесли портрет, оббитый крепом,
И водрузили у перил.
И наш директор, глядя слепо,
Про смерть вождя заговорил.*

*И мы со слов его узнали,
Что, если б трубку не курил,
То друг детей – товарищ Сталин
Ещё б десяток лет прожил.*

*Сказал директор и заплакал.
Он старый, добрый был чудак.
И полетели с шумом на пол
Окурки, спички и табак.*

*Не повторял директор дважды.
Мы сразу бросили курить.
Мы все усвоили, что даже
Вождей куренье не щадит.*

Арестовали Лаврентия Берия, почему-то простой народ приписывал этот подвиг Г. Маленкову. Может быть потому, что он снизил налоги колхозникам и был председателем Совета министров, как и Сталин. Во всяком случае, мне запомнилась такая частушка:

*Берия, Берия
Вышел из доверия.
А товарищ Маленков
Надавал ему пинков!*

Берия был объявлен английским шпионом и расстрелян. И вот что интересно: сейчас на него свалили всю вину за репрессии конца 1930-х годов и почти ничего не говорят про таких выродков, как Г. Ягода и Н. Ежов. Но Берия возглавлял наш атомный проект. Впрочем, что ему сейчас до мнения живущих. Если существует преисподняя, то он, несомненно, там, «но никаких вестей оттуда не поступает к нам сюда». Однако существует писаная история, и Берия в ней – ужасное пугало. Компания по разоблачению Лаврентия Павловича продолжалась недолго, но я, помнится, в ней поучаствовал: булавкой выкалывал глаза на портретах Берии в учебниках и старых газетах.

Наступили времена крутых перемен: прошёл XX съезд КПСС, в заводском клубе прочитали мужикам и бабам письмо ЦК КПСС, у нас в землянке недолгое время, дожидаясь оформления документов, с неделю жил какой-то, выпущенный по чистой, политический экз. Помню, я с ним о чём-то спорил, что-то доказывал, а он курил папиросу за папиросой и говорил: «Ну, ты, Николай, голова!». У меня от этих похвал чуть ли не павлиний хвост вырастал.

Вскоре деревенским стали выдавать паспорта (нас это не касалось – мама работала на заводе), и началось великое переселение в города. Люди стали раскрепощеннее излагать свои мысли, или то, что они за них принимали, словом, все болтали, и много. Появилось увлечение политикой, знания о которой черпались из газет и слухов, но это была особая хмелящая новизна свободы, которая, конечно, была лишь видимостью. Важно другое – осудив культ личности, все безоговорочно верили в то, что Ленин, компартия и цели коммунизма, – вещи святые, и никто не думал, даже в мыслях, на них покушаться.

Но пока мне было всего десять лет, я смотрел на мир доверчивыми и широко распахнутыми глазами, вбирая в себя всё, что было вокруг, как вбирает влагу семя, случайно брошенное в землю. «Дар напрасный, дар случайный», – пушкинская мысль так и не разрешена. Если жизнь – дар случая, отсюда может быть сделан только один вывод – все позволено, и Достоевский на это указал. Если существует предопределение, то человеку на Земле уже не одиноко. Но эти «проклятые вопросы» ещё ожидали меня где-то впереди.

В Копая я был не единственным, кто мечтал о далёких морях и жарких странах в холодные зимние дни. Генка Полев и его двоюродный брат Володька Пономарёв не только мечтали и фантазировали, но и летом 1953 года два раза убежали из дома «в дальние страны». Меня они с собой не позвали ни разу, за что я на них сильно обижался. Готовились они основательно: в крутом склоне старицы вырыли пещеру и стали заготавливать в ней припасы: спички, соль, сухари, сгущёнку. Когда поднакопили, ушли в побег. Мимо Копая по Большереченскому тракту часто ездили грузовики в сторону Тары, на Север. Времена были добродушные, на перекрёстке Генка с Вовкой вместе с другими забрались в остановавшийся пустой грузовик и пустились в путь. Отыскали их на второй или третий день

в ста верстах от Копая. Отцы устроили им выволочку, но дней через десять они вновь убежали, на этот раз на лодке. Догребли до Иртыша, но в него войти не смогли, вода в старице стояла низко, и перед Иртышем появилась широкая песчаная перемычка. На этот раз домой они вернулись сами.

Трудно сказать, что движет подростками, когда они убегают из дома, а это было всегда, наверное. Не всё хорошо в доме, только этим можно объяснить такую охоту к перемене мест.

Летом 1953 года я открыл для себя водонасосную станцию, где работала мама. Водонасосная стояла наобочь от завода, на берегу старицы. Внизу на самом краю берега размещался первый подъём – глубокий и широкий колодец, где стояли насосы, наверху был второй подъём: насосная станция, большие резервуары для очистки и хлорирования воды, насосы и дежурный дизельный двигатель, который обслуживали бывшие шофера, списанные по нездоровью с автомашин. Здесь они коротали время, ожидая пенсию. Рядом с насосной находилось два резервуара для воды, тоже на случай аварии, и водонапорная башня, куда закачивалась вода. В свою смену всем этим хозяйством распоряжалась мама. Посторонним на водонасосную вход был воспрещён, она была окружена до самой воды колючей проволокой и охранялась солдатами караульной роты, которые охраняли и другую водонасосную, снабжавшую водой паровозы на линии Омск – Называевка. Но в 1953 году охрану сняли, и водонасосная стала для меня доступна.

Когда мама работала во вторую смену, а мамка старая тоже была на работе, то вечера я проводил в водонасосной. Быстро сделав уроки, я осваивал новую территорию и находил много интересного. Ровно жужжали электромоторы, подмигивали на пульте электролампочки, всё это было как будто живым и загадочным. По крутой лестнице я спускался с мамой на первый подъём, пугаясь каждого шороха в кустах и криков ночных птиц, которые далеко разносились по воде. Боязнь первого подъёма я так и не сумел преодолеть, как и страха высоты, который угнездился во мне во время первого опрометчивого подъёма на водонапорную башню. Обычно вход в неё был закрыт, но однажды я увидел, что дверь в неё открыта, и начал подниматься по лестнице наверх. Помещение башни было пыльным, на лестничных ступенях валялись дохлые голуби, шумела, заполняя резервуары, вода. В небольшое оконце я глянул наружу и увидел как на ладони консервный завод, его цеха, машины, людей, огромный ледник, который заливали всю зиму и укрывали от солнца опилками. Рядом с заводом находилась пожарная команда с конюшней для лошадей, на которых выезжали по тревоге пожарные расчёты, чуть дальше стояли школа, баня и несколько барачков. Что-то меня толкнуло подняться ещё выше, я вылез через люк на металлическую крышу, ухватился за громоотвод и обездвижил, окостенел от пронзившего меня насквозь страха. Я не мог даже вскрикнуть. Сколько я так простоял не помню, может быть, даже на какой-то миг и потерял сознание, и опомнился только на земле, куда меня снёс на руках Казанцев, бригадир насосной.

Это был добрый дядька, но жизнь его покрутила. В 1952 году его арестовали и два месяца продержали в тюрьме. Пришёл он оттуда едва живой. Года через два, уже после расстрела Берии, на дне рождения мамы, выпив браги, рассказал, что с ним было в тюрьме. Его забрали ошибочно, приняв за какого-то преступника, совершившего что-то ужасное где-то на Дальнем Востоке. Следователи не удосужились даже проверить его биографические данные. Сходились фамилия, имя, отчество, а остальное... Остальное из него выбивали смертным боем. Он уже готов был подписаться под всеми бумагами, но что-то помешало его мучителям, и дядю Казанцева выпустили. Беда не приходит одна. Вскоре у него начался рак верхней губы, ему его вырезали, но обезобразили.

В начале пятидесятых годов Омск был окружён множеством лагерей, населённых десятками тысяч заключённых. В одном таком лагере, строившем кирпичный завод №1, работали тётя Дуся и двоюродная сестра Женя. Я несколько раз был у них в гостях. Особенно запечатлелась поездка осенью 1952 года. Я поехал с Валей Машкиной (мамки старой дочкой), они с Женей были почти ровня и дружили. Было это на октябрьские праздники. Тётя Дуся и Женя жили в бараке для вольнонаёмных в большой комнате с печкой. Рядом была столовая для солдат охраны, где они работали. Была казарма, несколько домов для начальства, а вокруг степь, поросшая колючим бурьяном и полынью. Сейчас Омск разросся, выбрал кирпичный завод №1 в себя, а тогда было именно так: лагерь, обнесённый забором и колючкой, стройка и постоянно дующий ветер.

Случилось это на седьмое ноября. В гости к моим родственникам пришли трое солдат. Сели все за стол, поднесли по стакану бражки и только выпили, как понеслось – стрельба, лай собак, крики. Солдаты убежали, я сунулся в окошко, но ничего не увидел, только забор лагеря и вышку, на которой двое солдат устанавливали пулемёт, а третий, вскинув автомат к плечу, короткими очередями стрелял вовнутрь лагеря. Я выбежал из барака и увидел большую группу военных у ворот. Они были возбуждены и громко разговаривали. Почти все были вооружены автоматами. Со стороны стройки к лагерю приближались несколько грузовиков.

– Баграми их, баграми! – заорал багроволицый майор и начал крыть всех матом. Судя по всему, это был начальник лагеря.

Грузовики подошли, в них запрыгнули по десятку автоматчиков с собаками, заскрипели ворота, и колонна заехала в лагерь.

Смотреть было больше нечего, и я вернулся в барак. Ближе к ночи вернулись наши утренние гости, солдаты, они были разгорячены и громко разговаривали.

А в лагере произошло следующее. Основной состав заключённых были политические – бандеровцы, лесные братья из Прибалтики, бывшие полицейские, старосты, власовцы, болтуны и прочая публика, отмеченная грозной 58-й статьёй. Весной 1952 года к ним добавили уголовников. Те стали устанавливать свои порядки, но натолкнулись на сопротивление. Наиболее стойкими были власовцы, которые

сдались англичанам, пробыли какое-то время на рудниках в Африке, а потом были выданы Советскому Союзу. Их почему-то не раскассировали, не раскидали по всем лагерям, а всем батальоном с полтысячи человек направили в Омск. Между этими людьми существовала спайка, и они, что называется, понесли уголовников по кочкам. Их поддерживали многие политические из бандеровцев и прибалтов. Началась резня, прямо на плацу, где столкнулись до тысячи с лишком человек. Кое-как удалось автоматными и пулемётными очередями уложить всех на плац. Тот, кто поднимался, немедленно получал пулю.

В лагерь вошли грузовики с солдатами. Они и эвакуировали блатных из лагеря. Делалось это просто: заключённого блатаря цепляли багром и волокли к грузовику, брали за руки, за ноги и бросали в кузов. Так и действовали целый день, пока не подобрали всех. Политических оставили. Они и построили завод, в посёлке которого мне предстояло прожить много лет.

Думаю, нужно сказать, как мы жили в начале 1950-х годов в материальном отношении. Мама зарабатывала 360 рублей, мамка старая – 800 рублей, Валя – 600 рублей, на меня приходили алименты, где-то 300 рублей. Всего выходило где-то 2000 рублей в месяц. У нас была своя картошка, капуста, лук, чеснок. На зиму покупали двух баранов по 180-200 рублей тушка. Хотя мы жили на молочно-консервном заводе, сгущёнки на столе не было, сахар брали в магазине, молоко – у соседа деда Корпача. Помнится, было много красной рыбы – горбуши в основном. Стоила 90 копеек за килограмм. Дешёвыми были рыбные консервы, хлеб, масло, молоко – 1 руб. 80 копеек за литр. Все мы по тому времени добротню одевались, что видно по фотографиям. Но нужно учесть, что мы не покупали ни мебели, ни электробытовых приборов, ни телевизоров. У нас в землянке не было электричества, поэтому всё это нам было ни к чему. В 1955 году мне мама купила велосипед, очень нужную для меня вещь, ведь без своего велосипеда моё детство было бы обиженным, и мама это поняла.

Как мы питались. Много ели щей, борщей, супов, картошки во всех видах, грибов, ягод, молока, каш, капусты, огурцов. А вот салатов и винегретов не делали. Или не умели, или не было в заводе у всей родни. Я до сих пор не ем винегретов и салатов, чем попадаю всегда в неловкое положение в гостях. А вот печёное, мучное, блины, пончики до сих пор люблю, поскольку от них пахнет моим детством.

С завода тащили, несмотря на то что тогда за баночку сгущёнки можно было схлопотать пять лет срока. Я всегда с любопытством смотрел на грузчиков, которые носили широченные штаны. Поговаривали, что в этих штанах они выносят с завода сахар и сгущёнку. Как-то мне повезло. Я шёл по дороге и наткнулся на большой, килограммов на десять, кругляк мороженых сливок. Он, видимо, выпал из проезжавшей машины. Маме тоже как-то раз повезло. Пошла она ночью на работе проверять запоры на водяных бассейнах. Смотрит, а рядом с крышкой лежит полмешка сахара. Но это были единственные случаи, поэтому и запомнились.

А мамка старая видела настоящий голод. В 1944 году командировали её с вагоном сгущёнки в Ленинград. Это была её первая и единственная поездка в Россию. За Москвой она видела разбомбленные и сожжённые города и сёла. В Ленинграде ей за банку сгущёнки предлагали очень дорогие вещи, но ничего с собой она не привезла, кроме памяти о невыносимом людском горе.

У меня долгое время о войне представления были киношными. В начале пятидесятых в Копай раз в неделю приезжала кинопередвижка. Крутили «Сталинградскую битву», «Падение Берлина», «Кавалер «Золотой Звезды», «Кубанские казаки» и другие красочные фильмы. В них война и послевоенная жизнь страны были столь тщательно отлакированы, что ослепляли зрителей и им верили безоговорочно.

В Копае жили люди разных национальностей: русские, украинцы, немцы. Каждого привела сюда своя нелёгкая судьба. У нас в классе училось много немцев. Регинка Зигерс жила через землянку от нас. Мы с ней дружили, она свободно говорила по-немецки, её родители получали посылки из Голландии. Только закончилась война, казалось бы, отношение к немцам со стороны пострадавших русских должно быть очень плохим, но мы жили удивительно мирно, не думали, что этот русский, а этот немец. Сейчас вот подросшие русские немцы говорят о лишениях, которые они якобы перетерпели во время войны. Да, их выселили из Поволжья, но там была прифронтовая зона. Но немцев не призывали в армию, не посылали на фронт, хотя вполне могли бы всех загнать в штрафные батальоны. Их направляли в трудовые армии. Но у меня отец как близорукий был сначала в трудармии, а потом попал на Курскую дугу, был ранен, вполне мог быть убит, а немцы выжили.

Дядя Петя о войне ничего не рассказывал, кроме некоторых, на его взгляд, смешных случаев. Один из них произошёл с ним в Германии. Они захватили какой-то хутор и, воспользовавшись передышкой, сели за обед. Хозяйка-немка прислушивалась к их болтовне и всё поглядывала на дядю Петю. Наконец спросила его о чём-то. Кто-то умел говорить по-немецки и перевёл вопрос. Хозяйка спрашивала дядю Петю о его национальности. Тот ответил, что он сибиряк. Хозяйка онемела от ужаса, который тотчас отобразился на её лице, и куда-то убежала. Скоро она вернулась с геббельсовской листовкой. На ней был изображён здоровенный рогатый русский солдат с подписью «сибиряк». А дядя Петя был медноволосым со светлыми глазами блондином, с чекаными чертами лица и вполне отвечал представлениям о чистокровном арийце. Это и поразило немку больше всего: сибиряк и совсем не рогат.

Со мной в 70-х годах работал один тракторист, испытатель сельхозтехники. Под Сталинградом он был пулемётчиком и попал в плен. Его сразу же хотели расстрелять, но выручил один немецкий офицер, пораженный его нордической статью: рост под два метра, рыжина в волосах, белая атласная кожа. Попал он в Норвегию, добывал руду, затем – на наш советский лесоповал, где отмантулил до 1954 года.

Жизнь копайская, продолжение

Копай – небольшой посёлок. Зимой завьюжит его поверх крыш, ветра стащат на него весь снег с округи, чтобы упаковать понадежнее землянки от холода. Поле просвечивает чёрной голизной земли, а посёлок завален плотно утрамбованным снегом, подыхивает печными трубами, живёт своей зимней скудной жизнью.

Весной, летом, даже осенью всё по-другому, всё в Копае выдвинуто наружу, напоказ. Когда на улице тепло и сухо, еду варят на печурках – самодельках, сложенных из десятка кирпичей во дворах. Весь народ предпочитает держаться снаружи, выходит, выползает из опостылевших за зиму землянок, копошится в огородах, заготавливает на зиму дрова, месит глину, обмазывает свои утлые жилища, чинит заборчики или просто бездельничает, радуясь солнцу и тому, что перезимовал, слава богу, и жить можно.

Впрочем, просто сидеть без дела наши копайские бабы не умели. Если не было срочного дела, они «искались». Сейчас, наверное, мало кто слышал об этом необходимом для чистоты и здоровья занятии. Сейчас у наших женщин в распоряжении имеется любое мыло, шампуни, уйма других профилактических, ароматизирующих, смягчающих мазей, кремов, которыми они умащивают не только лицо, шею, руки, но и свои «приманки» и «ловушки», настороженные на мужчин. Тогда всего этого не было, в качестве очищающих средств при мытье использовали хозяйственное мыло и «щелок» – раствор древесной золы в мягкой снеговой или дождевой воде. И всё равно головных вшей была пропасть! Поэтому любую свободную минуту женщины использовали для «искания». Делалось это так. Волосы тщательно вычёсывали мелким костяным гребнем, потом одна из женщин прядь за прядью переворачивала на голове товарки волосы и кончиком ножа давила трескучих гнид – яйца вшей. Летом это обычно делалось на улице и не вызывало ни у кого удивления.

Мужикам бороться с этим бедствием было проще: всегда можно побриться наголо, под «Котовского». К слову вспомнить, я шестилетним с изумлением наблюдал, как мой дед Карп Полотнянко парится в русской печи. Делалось это следующим образом: русскую печь протапливали, затем выгребали золу, выметали пыль, застилали соломой, и банный поллок был готов. После «бани» окунались и мылись в бочке. А вот как мыли меня, не помню, но в печь, наверное, мальцов не сажали.

В Копае слышно всё насквозь. Наши соседи Кузнецовы утро почти всегда начинали с ругани. Тема всегда была одной и той же – кто ночью стащил из чугушка мясо и съел его тайком. Ругаются все, кроме глухонемого молодого мужика Сашки. Это был здоровый амбал, который с утра всегда бросал вверх на вытянутую руку двухпудовую гирию, затем брился, умывался и шёл на работу. Сашка был копайским франтом. Собирался на гулянку он тщательно. Долго и старательно гладил костюм, даже носки. Потом одевался и начинал чистить хромовые сапоги. Да как чистил! Щётка так и мелькала, а Сашка входил

в азарт и уже чистил не только хромачи, но уже и брюки сапожной щёткой. Поэтому обувь, штаны и пиджачные рукава всегда у него блестели.

Старая Кузнечиха была склочной бабой, с ней опасались связываться, но она получала отместку другим путём: то к ней под окно дохлую кошку бросят, то дымовую трубу забьют, то телегу на крышу землянки заволокут и подожгут. Она горела так сильно, что пожарные с завода примчались, весь Копай переполошили.

С другой стороны от нас жила Варвара Степановна с дочерью и зятем, тем самым, что возил меня в лес на заготовку, сгоряча пообещал подарить мне за это шёлковую рубашку, но так и не подарил, пожалел, а когда бывал пьяненьким, сам заводил об этом разговор, порывался идти за рубашкой домой, наконец уходил, но не возвращался. Варвара Степановна болела желудком и, когда я только приехал, ходила за мной с кружкой, чтобы я в неё поси-кал. Мочу она пила, не знаю, помогало ли это ей, во всяком случае в момент нашего отъезда из Копая в 1958 году она была жива.

Интересная семейка жила у нас на задах: полуслепая мать со слепой дочерью. Они промышляли изготовлением браги. Проезжающие по тракту шофера знали об этом, и возле их землянки всегда стояли машины, а пьяные шофера валялись, как разбросанные по лужайке снопы. Этот пир горой закончился в один день: слепые подложили под дно бочонка самосад или сыпанули его в бражку, но очередная ватага шоферов упилась до полусмерти. Они обрыгали все свои машины, всю траву и кусты, все заборы. Очухавшись, но терзаемые головной болью и злобой, они обмотали землянку тросом, подцепили его к машине и снесли напрочь, предварительно выбросив из неё слепых брагоделов. Копайские бабы были очень довольны этой расправой.

Землянки нужно строить на сухом или достаточно высоком месте, которое не подтапливается весной или во время дождей. Об этом, видимо, не подумали соседи напротив, и весной 1954 года их землянку вешней водой смыло – как корова языком слизала. Осталась яма да куча кирпичей от печки.

Дед Корпачёв, или по-уличному Корпач, это учёл и построил свой насыпной домишко на высоком фундаменте. Весной его двор тонул в воде, а дед делал переходы из навоза через громадную лужу, которая не высыхала всё лето. Сама Корпачиха болела ревматизмом, и корову доил дед Корпач. Прогонят стадо, я беру банку и иду к нему во двор. Дед обмоет коровье вымя, и в подойник зашвыркают тугие струйки молока. Я стою, жду, во дворе пахнет свежим навозом, воздух звенит от мух. Наконец, молоко у меня. Пока дойду до дома, ополовиню литровую банку. Когда ягодное время, любимой едой было молоко с земляничкой и чёрным хлебом. Вкуснота!

Сейчас в садах около Омска появились зимостойкие яблони, а тогда к нам завозили алма-атинский апорт, большущие, с детскую голову, вкуснейшие яблоки. Сейчас их нет в продаже, недавно прочитал в газете, что вывелись они в Казахстане по причине разгильдяйства. А ведь, судя по рассказам старожилов, до колхозов были у нас яблоневые сады в Малороссах и Москалях. Это были очень

зажиточные деревни. Знаменитое сибирское масло, от продажи которого в Европу выручались громадные деньги, появилось в этих деревнях, где было перед революцией развитое молочное хозяйство, маслодельни, множество кооперативов. Но всё это рухнуло ещё в начале 30-х годов, но не совсем. Кое-что оставалось, поэтому и построили молочно-консервный завод. Только омичи свою сгущёнку в магазинах не видели. Всё уходило на Север и в столичные города.

Весной 1954 года со мной произошёл дикий случай. Мы с Генкой Полевым попали на сабантуй – колхозный праздник после проведения посевной. Это было в начале июня. Уже с утра в ближайšie колки через Копай потянулись празднично одетые люди, пешком, на грузовиках и телегах. Мы с Генкой побежали за ними следом и как раз успели к началу гульбища. Поначалу было всё чинно, пристойно – награждали победителей колхозной пашни, выступала самодеятельность, а потом началось застолье. Народ гулял широко и шумно. В многочисленных палатках и ларьках торговали пивом, водкой, конфетами и разной закуской. То там, то тут уже пробовали голоса подвыпившие мужики и бабы. Где-то к обеду все изрядно выпили. Мы с Генкой слонялись по лесу между палаток. И тут на нас обратил внимание продавец, подвыпивший мужик. «Бери, ребята, угощайся!» И в пьяном кураже начал бросать в толпу связки баранок, конфеты, пряники. Затем стал расшвыривать бутылки водки. Одна из бутылок подкатилась к нам под ноги. Мы её подхватили и рванули в сторону. Последнее, что я помню, – Генка расковыривает куском ветки сургучную пробку. Очнулся я через сутки, когда пришёл участковый. Купеческая щедрость загульного продавца обернулась тем, что перепилась вся копайская пацанва. Кто-то из устроителей сабантуя смекнул, что дело пахнет керосином, и ребятишек стали собирать по лесу, грузить в кузов огромного ЗИЛа. Затем он медленно ехал по Копая, останавливаясь у каждой землянки, и матери в куче набросанных кое-как тел отыскивали своих чад. Беспмятного, меня мама окунала в бочку с водой. Против продавца милиция возбудила дело, но чем оно для него кончилось, я не знаю. Но гульнул он с размахом, по-сибирски.

Возле консервзавода стояли добротные коттеджи для руководства и специалистов завода. В одном из них жили родители Валерки Блюма, а рядом – бездетная чета Киселёвых. И муж, и жена работали на заводе дегустаторами, пробовали на вкус каждую варку сгущёнки и были необъятно толсты, объёмны и неповоротливы. Можно сказать, что их полнота была профессиональным заболеванием. Избавлялись они от своего недуга тем, что по утрам пилили толстое сосновое бревно. Метровой толщины лесина лежала на земле, а они, пыхтя и потая, стоя на коленях, тянули из стороны в сторону двуручную пилу. Киселёвы были своеобразной достопримечательностью консервзавода из-за своей полноты. В то время толстяков было мало, жизнь заставляла людей подтягивать животы.

На краю Копая находился небольшой кирпичный завод, работавший только в летний сезон.

Работали в нём приезжие парни и девчата, жившие в общежитии. Возле него по вечерам начинала играть гармошка и начинались танцы. Тогда это самодеятельное развлекательное мероприятие называлось «вечёрками». Конечно, вся ребятня Копая была там. Танцевали на поляне забытые нынче ту степ, польку, падеспань. По тогдашней моде парни были в костюмах и хромовых в гармошку сапогах, на голове – кепка-восьмиклинка или тубетейка-аракчинка. Девушки наряжались в креп-жоржетовые и крепдешинные платья-шестиклинки, шёлковый платок на плечах. Заливисто наяривала гармошка, над танцующими, освещёнными качающимися светом электролампы, водоворотами вились комары, а с недалёкой болотины к веселью подключался оглушительный хор лягушек. Копайская ребятня озоровала: нарвут крапивы и норвят обжечь девчатам ноги. Кое-кому кавалеры надирали за это уши, но мы не унимались.

От околицы Копая до консервного завода метров сто открытого пространства. Сейчас оно застроено, а тогда здесь были заросли боярышника, к старике простирался пустырь, а на берегу стояла водонасосная станция железнодорожного ведомства. Станцию охраняли солдаты, и пустырь использовался ими как стрельбище. Между тем люди ходили по импровизированному стрельбищу, и только во время огневой подготовки солдат выставлялось оцепление. Однажды осенью, когда поспела любимая мной восковая боярка, я отправился в колок, залез на дерево и стал собирать ягоды. И вдруг началась стрельба. Я вышел из чащи и был обнаружен оцеплением. «Ложись! Ложись!..» – заорали служивые, но я испугался и убежал от них в заросли.

Эти заросли боярышника казались мне лесом, полным всяких опасностей, когда я поздним вечером возвращался из школы после третьей смены. Однажды зимой я шёл по затвердевшим от мороза сугробам домой, всю округу наполнял тревожный и колеблющийся свет полной луны, звуки музыки и речи. Мощный радиолокол на заводууправлении транслировал шекспировскую «Леди Макбет». В этом театре я был единственным зрителем и слушателем. Вошёл в околок, кусты боярышника отбрасывали на снег фантастические тени, похожие на чудищ, а от заводууправления разносились завывания и хохот шекспировских ведьм. От ужаса, охватившего меня, я присел на корточки и зажмурился. Вывел меня из оцепенения голос мамки старой, которая пошла меня встречать.

Ещё в 1953 году отходить далеко от дома было опасно: в войну расплодилось уйма волков, бывали случаи, когда они нападали на одиноких путников. Помню, рассказывали о женщине, которая ночью шла домой, и волки её сожрали, осталась только часть ног в валенках. Кроме волков, даже опаснее их, было много одичавших собак. Во всяком случае, охотники говорили, что на людей чаще нападают одичавшие собаки, у них нет страха перед человеком. Во всяком случае, я неоднократно видел возле своей землянки и на занесённой снегом крыше крупные следы, но волчьи или собачьи, сказать не могу.

На задах у нас была большая лужа, даже скорее нечто вроде пруда. Неподалеку стоял, как мне тогда

казалось, большой насыпной дом. Жил в нём старик, сухопарый и всегда молчаливый. И вот однажды мамка старая привезла откуда-то дрова, здоровенные лесины, сгрузила возле землянки и пошла обедать. Возле навала брёвен появился дед, ходил, постукивал по ним палочкой-батошкой, покуривал самосад. Когда мамка старая вышла из землянки, он попросил её обменять толстенное сосновое бревно на колотые дрова. Ударил по рукам. Вскоре дед с внучатами перетаскали к нам в сарайку берёзовые поленья, а бревно дед каким-то образом доставил к своему дому. Там его и установил на слегах перед палисадником. Вскоре он начал над ним трудиться. Сначала ошкурил, потом начал сверху долбить. Меня очень заинтересовало, что там дедуля делает. Но кого спросить? Так и не узнал до случая. На следующий год из бревна стало вырисовываться что-то похожее на лодку. А вода-то рядом. И вот как-то мы, ребятня, стащили эту лодку в пруд. Но поплавать нам не удалось. Из дома с ружьём выскочил дед, пальнул в воздух и стал так страшно орать, что мы попрыгали в воду и кинулись к берегу, благо что воды было по пояс да грязи на дне по щиколотку. Там задами, задами, прячась в картофельной ботве, и прыснули по своим землянкам. А старшие только посмеивались и качали головами: «Ну орда! Спёрли у деда домовину, ну орда!..». Где-то зимой дед лёг в свою домовину навсегда.

За тем же прудом был небольшой околок боярышника. Туда мы совершали набеги за бояркой, крупными, в основном красными, иногда жёлтыми ягодами, имевшими сладковато-терпкий вкус. А только наступала зима, в околок прилетали снегири, которых мы называли «мясниками». Державин в своих стихах определил звуки, издаваемые снегирями, как «песнь военную», ну что ж, может быть, и верно, снегири издают поскрипывающие звуки, но слышать их мне доводилось только весной, когда они откочевывают на север.

Снегири – большие любители мяса. На этом и строилась охота. Брался ящик с прибитыми к крышке и стенке ящика с одной стороны ремешками, чтобы крышка свободно открывалась и закрывалась. Далее выстрагивалась палочка и ложечка. Крышку приоткрывали, на край клали конец ложечки, на ложечку вертикально устанавливали палочку, а на неё осторожно опускали крышку. На другой, более широкий конец ложечки помещали небольшой кусочек мяса. Ловушка настроена. По прилёту снегири очень активны, так и шныряют в зарослях боярки. И вот один из любопытных клюёт на приманку, ящик хлопает крышкой. Всё закончено.

Других птиц я не ловил. Снегирей ловил, когда мне и десяти лет не было, но никакой охотничьей страсти не почувствовал. Поймаю и выпущу. В клетке их содержать – пустое дело. Снегирь очень красив, наряден, представительен только на воле, на пушистой от снега ветке дерева.

Сейчас, к счастью, вывелось распространённое в моём детстве озорство – зорить птичьи гнёзда. А я был участником таких диких набегов на сорочьи и вороньи гнёзда, приносил домой яички, швырял их в стены и заборы.

У нас как-то не принято говорить на тему детской жестокости, но она существует в каждом

ребёнке до определённого возраста. Что тому причина? Скорее всего, ещё не подавленные до конца воспитанием первобытные инстинкты. Вернее и скорее всего с этим справлялись религия и довольно высокое нравственное чувство, которые составляли сердцевину русской крестьянской общины с ее отношением к природе, к среде обитания как к чему-то живому и даже одушевлённому. Сейчас этих средств воспитания практически нет. Стоит ли удивляться, что подростки, а иногда и просто дети забивают насмерть случайного прохожего, вооружившись обрезками железа, камнями и палками.

Среди нас ведь тоже случались ссоры, драки, но никогда вдвоем на одного не нападали, лежащего не пинали, да и вообще всё это «махание» длилось до первой крови. Уж на что не любили слабаков, или «хлызд», но их не били! Если играли в лапту, то просто опрокидывали «хлызду» на битую спиной и катали на ней, а тот ревел от страха и унижения благим матом. А ведь его провинность заключалась в одном: он отказывался продолжать игру, а игры бывали подчас длительными и трудными. Сейчас вот редко кто вспомнит такую игру: «попа нагона». Она проста: две команды гонят «попа», что-то вроде городка, вдоль по дороге, по лугу, по лесу и т. д. Это продолжалось часами, кто отказывался, тот «хлызда». Такие были порядки.

Часто первые зимние морозы ударяли в ту пору, когда было мало снега, и тогда все мы бежали на старицу, которая в одну ночь покрывалась сияющим ровным льдом. Тогда я надевал самую большую телогрейку, становился на коньки, и ветер нёс меня по льду, а душа сладко млела от переполнявшего душу восторга. Издали мы в распахнутых телогрейках ходили, наверное, на движущиеся чучела, но нам было необычайно хорошо в это время, которое остаётся только с тёплой завистью вспоминать. Другой моей страстью было смотреть, лёжа на льду, в речную глубину, видеть водоросли и стаи рыб, движущихся в зеленоватом свете.

*Ледок в два пальца толщиной
Скрипит и гнётся под ногой,
И трещины бегут кругами
Над жёлтыми степными берегами.
Сияет день морозный. И когда
Под светлым льдом зелёная вода,
Замерзший воздух в хрупкой корке льда
Переливаются, играют быстрым светом,
То радужно тепло, как будто летом,
Река насквозь просвечена до дна.
На дне коряга чёрная видна.
И лёгкая подлёдная волна
Чуть-чуть вокруг неё траву колышет,
И рядом щука замерла, не дышит...
Но вдруг подует ветерок колючий,
И набегут взлохмаченные тучи.
И с берега, откуда ни возмись,
Промчит позёмка стаей белых лис.
Приятно душу освежить ознобом,
И под метелью белой, пуховой
Идти домой по молодым сугробам
С весёлой просветлённой головой.*

Прекрасная неповторимая пора! Старица была для меня гораздо больше, чем просто река. Часами я сидел на её высоком берегу в зарослях полыни, смотрел на необъятные дали, и никогда мне не было скучно. В этих далях в ровном и неспешном движении облаков мне чудилось нечто зовущее, загадочное и тревожное. Точно так же я любил смотреть на звёзды и до сих пор смотрю на них, но уже реже, клонит голову книзу тяга земная, житейская.

Старица научила меня относиться к воде осторожно, не баловать с ней, сознавать опасность. Как-то осенью на моих глазах погиб соседский пацан Сало, это по-уличному, а так Соломон, из немцев. Он мчался по ветру, растопырив стёганку, как парус, на коньках. Вдруг лёд под ним обломился, и он рухнул в воду, не успев даже вскрикнуть. Другой случай произошёл весной. Мы играли на протаявшем взгорке в «бить-бежать», потом кто-то предложил покататься на лодке в огромной полынье, что была возле водонасосной железной дороги. Лодка была алюминиевой, утлой. Мы в неё попрыгали, оттолкнулись от берега, и лодка перевернулась. Помню, кто-то истошно завопил: «Мама!..» А может быть, я закричал сам, не помню, но нам повезло, что края полыньи были крепкими и все сумели выкарабкаться на лёд. В машинном отделении водонасосной мотористы нас раздели и разложили одежду для сушки на горячие трубы, а самих укутали в свою верхнюю одежду. И никто из нас не простудился.

Плавать я научился лет семи. Пришло время, и я стал переплывать старицу в самом широком месте туда и обратно, но всегда вздрагивал, когда попадал в водоросли – было и страшновато, и противно от прикосновения листьев к телу.

Школа стала что-то для меня значить после четвёртого класса. До этого я мало, что помню о ней. Конечно, помню первую учительницу, тех, с кем учился, но не было чего-нибудь такого, что бы запечатлелось в памяти. Судя по классным фотографиям, я был дисциплинированным и старательным учеником, хорошо учился, иначе бы не сидел на этих фотографиях рядом с учительницей, а это была по тем временам честь. Да и был я, видимо, одет лучше некоторых, на фотографиях я присутствую в белом подворотничке, чистой одежде, сытенький, толстоморденький с пухлыми полуоткрытыми губками и наивно распахнутыми глазами. Этаким грибок – боровичок!

Школа находилась от нашей землянки довольно далеко, за заводом. Это было одноэтажное длинное здание, сделанное из саманного кирпича, с печным отоплением, удобствами во дворе, примитивными спортивными сооружениями и приусадебным участком. Был 1956 год, год решительного наступления «царицы полей» кукурузы на Россию. Кукурузу вводили, как это у нас принято, принудительно. Всё это сопровождалось трескотнёй по радио и в газетах. Наша ботаничка, «тонкая как спичка, на высоких каблуках и с ботаникой в руках», то есть учительница ботаники, назначила меня главным кукурузоводом, выделила обширную грядку на приусадебном участке и семена. Не помню, что я сеял и как, но кукуруза вымахала в сажень высотой, да ещё с початками восковой зрелости.

Удивительного в этом ничего не было: 1956 год был урожайным, на целине собрали столько хлеба, что не могли его подработать – толком очистить и подсушить. Так и столкнули в Иртыш тысячи тонн «загоревшегося» хлеба бульдозерами. Потом на целине начались «чёрные бури», и большого хлеба на этих пастбищных землях больше не собирали. Вбухали уйму денег в целину, а центральная Россия ещё лежала в развалинах после войны, особенно деревни.

Моя кукуруза сделала меня на один день знаменитостью районного масштаба. Где-то в начале сентября я со своей кукурузой участвовал в районном смотре достижений школьных селекционеров и получил первый приз – книжку, на первой странице которой был изображён кукурузный початок, где каждое зерно было стилизованной поросычье мордой. Поднимаясь за подарком и почётной грамотой, я запнулся и грохнулся посреди сцены районного Дома культуры. Конечно, зрителей это позабавило.

Кстати сказать, все мои появления на сцене всегда заканчивались конфузом. Где-то в четвёртом классе меня заставили танцевать какой-то танец. На репетициях вроде всё получалось, а на сцене я растерялся, топал не в лад, шёл не в ту сторону, словом, всё перепутал и перепортил. Другой раз я что-то запевал, а на сцене пустил такого «петуха», что это поняли самые тугоухие. Но вершиной моего позора была пьеса «Мишкина каша», кажется, по Носову, где я играл главную роль. От волнения и страха перед публикой я забыл все слова роли и убежал из заводского клуба, где собрались на премьеру с полтысячи зрителей. Все эти страдания выкристаллизовались во мне в непоколебимое убеждение, что сцена и актёрство – это не для меня. И слава Богу, что это так! В дальнейшем мне приходилось общаться с артистами, даже немало полёта, зачастую это были люди с заемным умом, как правило, большие циники и лгуны. Но ведь недаром говорят, что бог шельму метит. А иначе как шельмой артисту быть нельзя, а то сомнет, затопчет своя же братия.

В пятом классе нам начали преподавать историю Древнего мира. Учителем истории у нас была весьма занимательная и темпераментная личность по фамилии Падалица. Ему удалось меня сразу заразить древностью, Грецией, Римом. На его уроках я сидел не шелохнувшись, вбирал и впитывал в себя каждое слово. Тогда-то мне, наверное, удалось прочитать книжку «На краю Ойкумены», которая открыла мне таинственный мир людей прошлого. Я стал понимать, что время – это не просто счёт минут, часов и суток, а бесконечное протяжённое пространство, что мир не оканчивается за околицей Копая, а простирается в бескрайнюю даль. Я стал читать все доступные мне книги по истории, географии, читал их с жадностью, перечитывал наиболее интересные по несколько раз. Наша заводская библиотека была довольно большой, и я в ней стал, пожалуй, самым старательным читателем.

Чтение пробуждало фантазию. Я представлял себя участником почерпнутых мной из книг событий: я был спартанцем под Фермопилами, рабом из войска Спартака, матросом в эскадре Колумба, разведчиком в отряде Пржевальского, – кем только не был. Правда, у меня тогда появилось и другое, не менее сильное увлечение – спорт. Занимался всем, что мне было доступно. Мама выписала мне журнал

«Спортивные игры», и я узнал о ведущих футбольных командах, с замиранием сердца слушал репортажи с футбольных матчей, которые проходили в Москве. Стрельцов, Симонян, Яшин – имена, знакомые мне с детства.

Спортивные секции в школе работали, но вели их люди необразованные, в чём их упрекнуть вряд ли можно, ведь шёл всего 1956 год. Все тренировки заключались только в повторении одного и того же. Прыгуны прыгали, бегуны бегали, футболисты до изнеможения пинали мяч на кочковатом поле. О силовой, скоростной, тактической подготовке не могло быть и речи. Но энтузиазм, с которым мы занимались, был на высоте.

В седьмом классе учитель физкультуры и военного дела, бывший офицер-фронтовик, выдал мне малокалиберную винтовку «тозовку» и десять пачек патронов. По мысли наставника я должен был тренироваться дома, а затем выступать на соревнованиях. Конечно, сейчас подобное немыслимо. А тогда это ни у кого не вызвало протеста. Я принёс оружие и патроны домой. В погожий день вышел в огород, отмерил от стены пластяного сарая двадцать пять метров, оборудовал позицию и начал стрелять по круглой бумажной мишени. Через месяц на школьных соревнованиях по стрельбе я был четвёртым. «Тозовка» гостила у меня больше года, и стрелять я научился довольно метко.

Сейчас мало кто знает, что до войны у нас в стране не было физкультуры и спорта в современном понимании, и не потому, что мы безнадежно отстали от других стран. Начиная с 1930 года в стране усиленно развивались военно-прикладные виды спорта: стрельба, прыжки с парашютом, метание гранат, радиододел. Значок Ворошиловского стрелка был заветной мечтой каждого молодого человека. До войны в СССР миллионы людей были обучены стрелять, сотни тысяч совершили свой первый прыжок с парашютом, то есть прошли первоначальное обучение военному делу. Всё это пригодилось на войне. Сейчас военная подготовка в школах не проводится.

Любинский район относился к числу «безводных», то есть команду по плаванию на областную спартакиаду школьников мог не выставлять, но всё-таки за счёт нашей школы набирал какое-то количество пловцов. У нас была старица, из которой мы не вылазили всё лето. Купаться мы начинали ранней весной в ледяной воде, из которой выскакивали, как ошпаренные, и долго стучали зубами, подставляя то одну сторону тела, то другую к загодя разведённому костру. И ни одна лихоманка нас не брала!

Не знаю, был ли в Омске в 1956 году закрытый плавательный бассейн, но мы соревновались на открытой воде в бетонном водоёме. Я плыл на спине пятьдесят метров, получил диплом за третье место. Некоторые из наших стали чемпионами, а в целом команда «безводного» района стала победителем соревнований. В 1961 году, учась в техническом училище, я участвовал во Всероссийской зимней олимпиаде школьников во восьмилетнюю в Ленинграде, даже был зачислен кандидатом в сборную России, но в основной состав не попал. Омск тогда был спортивной провинцией, спортзалов было

очень мало, это в дальнейшем в этом городе появились борцы, велосипедисты мирового уровня.

Директор молочно-консервного завода сделал и ребятам, и взрослым умный подарок: на старике организовали лодочную станцию. Лодки можно было брать напрокат, час стоил тогдашними сталинскими деньгами один рубль, а хрущёвскими – десять копеек. Я часто брал один, а чаще с друзьями, лодку часа на четыре, которые мы проводили в купании и гребле наперегонки. Я последний раз был на консервзаводе в 1991 году, как раз в дни пресловутого путча. Лодочная станция была открыта, но желающих покататься не было. Видимо, все жители присосались к телевизору, и большинство из них радовалось тому, что скоро они будут свободными и богатыми.

Где-то, кажется, в 1956 году на консервзавод после окончания института приехал инженер-технолог, борец-классик, по-моему, даже чемпион России. Он так и остался на консервзаводе. Когда я там был в начале 80-х годов, он работал главным инженером. Сразу по приезде ему удалось организовать борцовскую секцию. Матов, помещения, естественно, не было, занимались борцы на улице в яме с опилками. Мы, отыграв в футбол, смотрели на их тренировки. Запомнилось, как приезжий борец поставил своих учеников возле перекладины и заставил подтягиваться. У нас в десятом классе учился Козлов, здоровенная орясина, которого мы считали самым сильным в школе. Так вот, он не подтянулся ни разу. Это было низвержение кумира. В коридоре школы у нас стояли брусья, и я уже кое-что, например подъём разгибом, мог делать. А тут парень под центнер весом висит варёной колбасой.

У меня так всегда складывалось в жизни, что все мои приятели были старше меня лет на пять. Началось это в школе. В седьмом классе я подружился с десятиклассниками Толей Луниным и Сашей Сутыриным. Саша был немцем, жил тоже в Копее, а Толя – в бараке возле завода. Это были очень хорошие и умные ребята. Много читали, к чему-то стремились. Толя Лунин стал офицером – ракетчиком. Сашу Сутырина я встретил в Берегово, Закарпатье, где он служил в разведбате. Эти ребята уже тогда думали о своей стране. Конечно, наши суждения были наивны, но главное заключалось в том, что мы думали и говорили о том, о чём старшие не привыкли думать и говорить.

Наступало другое время, которое назовут оттепелью те, кому Россия была всегда не по их чёрной и продажной душе.

Между тем, в седьмом классе я учился кое-как, через пень-колоду, на уроках томился, тупо выполнял заданное на дом и пялился на Томку Казанцеву, которая вдруг показалась мне невиданной красавицей. Да, это был уже седьмой класс, и большинство из нас вдруг обнаружили, что мы уже не дети и принадлежим к различным полюсам, между которыми порой вспыхивают искры, обжигающие сердце. Вот и я почему-то влюбился в Томку, которая, через три года встреченная мной в Омске в трамвае, показалась мне ужасно некрасивой. На моё счастье она меня возненавидела. А за что?.. Наверное, за то, что я на уроках «гипнотизировал» её взглядом, а подойти не посмел. Свои чувства она выразила на

собрании, когда меня принимали в комсомол. Встала и заявила, что я «не достоин носить высокое звание» и т.д. Что конкретно она говорила, не помню, но меня не приняли, и я так и не побывал в славных рядах молодых строителей коммунизма, хотя строил его не щадя сил.

Вряд ли стоит описывать, что я испытывал в сексуальном плане в период своего возмужания. На эту тему написано более чем достаточно любителями поковыряться в подсознании. Вот на днях прочитал автобиографию лорда Рассела, тот, несмотря на свой аристократизм, тоже не удержался и развил какую-то сырьость вокруг секса. Конечно, эти вопросы когда-то и для меня были значительными, но стоит ли о них говорить?.. Другое дело, если бы я тогда вёл что-то вроде дневника, записывал, а сейчас всё ушло, стёрлось, отгорело. Могу сказать только одно, что в отношениях с женщиной секс для меня никогда не играл ведущей роли, духовная взаимосвязь для меня всегда была важнее, а секс всего лишь скреплял или завершал возникшее чувство. Может быть, я говорю об этом путано, однако так оно и было.

А вот перед одной девочкой – Галей Казанцевой, поразительно красивой девочкой с лицом ангельской чистоты – мне стыдно до сих пор. Она была хромоножкой, а тут ещё заболела тифом, а когда появилась после болезни в классе, то голова у неё была повязан белым платком. По какой-то глупости я сдёрнул платок, и все увидели её стриженную наголо голову. Галя тихо и страдальчески заплакала. Прошло более полувека, а я всё не могу простить себе свою шалость, тем более что Галя умерла молодой.

В семидесятых годах я приехал на консервзавод, и моя двоюродная сестра Валя сказала, что умерла Нина Кулишкина, моя одноклассница. Перед смертью они с Валекой встретились, конечно случайно, и Нина спрашивала обо мне. Я приехал в Ульяновск, и на глаза мне попался старый стеклянный графинчик, который Нина подарила мне в седьмом классе, и я понял, что она меня любила. А графинчик через какое-то время разбился...

На кирпичиках. Политические

Между тем в моей жизни назревали важные перемены, которые оказали большое влияние на мою судьбу. В 1956 году мы с мамой остались в землянке одни. Мамка старая, Валя с Гошей переехали в Омск на кирпичный завод к тётке Дусе, куда уже перебрались из Прокопьевска тётка Шура с Лёней и Валя Рязанова, моя младшая тётка. Все они получили комнаты в бараках, работали на 1-м кирпичном заводе обжигальщицами кирпича, хорошо зарабатывали и звали к себе маму и меня.

Летом 1958 года я закончил восемь классов, часто ездил на соревнования по волейболу, где выступал за районную команду. Мне, конечно, тоже хотелось в Омск, но вряд ли мы поступили правильно, переехав туда. Мне нужно было сначала окончить среднюю школу, определиться, в какой поступать институт, но этого не случилось, поэтому жалеть об этом бесполезно. И вообще, я считаю, что судьба всё-таки существует и человеку заранее указана

дорога, которой он следует всю свою жизнь. Только вот кем указана?..

В 1956 году лагерь политзаключенных на 1-м кирпичном заводе был закрыт. Всех эков выпустили на волю, только кое-кому, например бывшим эсэсовцам из прибалтов, был выезд на родину запрещён. Бывшие охранники, бывшие эки стали работать на заводе, жить по соседству в тех же эковских бараках, которые были разгорожены на комнаты, где установили печки, а рядом с бараками построили сараи для хранения дров и угля. Эта перестройка разворачивалась на моих глазах летом 1956 года, когда я часто бывал в Омске. Когда в лагере жили эки, он был чистым, ухоженным, с клумбами цветов, гипсовыми скульптурами, но «вольняшки», вломившись в него, всю эту лагерную благодать моментально затоптали и изгадили. Возле бараков выросли горы мусора, обильно заливаемые помоями, которые никто не убирал, скульптуры разбились, всякие там прикамбасы, вроде фонтанчиков, исковеркали.

Сейчас, когда по телевизору показывают престарелых, но ещё крепких на вид бандеровцев из Западной Украины, эсэсовцев из Латвии и Эстонии, я пристально вглядываюсь в экран: а вдруг мелькнёт знакомое лицо, ведь я видел их достаточно, жил с ними, работал, когда в 1956 году эту публику выпустили из лагеря.

В 1959 году мне исполнилось шестнадцать лет, и я устроился в формовочный цех откатчиком. Откатчик откатывает вагонетки с сырым кирпичом на лафет для перевозки их в сушильные камеры. За смену приходилось откатывать в среднем 20-30 тысяч штук кирпича. На другом прессе в мою смену работал откатчиком эстонец Альберт, спокойный мужик, бывший эк. Мы с ним первыми после работы уходили мыться в душе, и где-то через неделю я заметил на теле Альберта странные наколки. «Что это?» – спросил я. – «Это?.. Это я немножко в СС служил».

Я опешил, а Альберт, насвистывая весёлый мотивчик, вышел из душевой в раздевалку.

И надо же такому случиться! Я как раз в эти дни читал только что изданный сборник документов СС в действии», где подробно излагались все злодеяния эсэсовцев. И вот он передо мной, мой соратник по откатке кирпичей, добродушный мужик Альберт, от которого я грубого слова не слыхивал. Позднее я узнал, что эсэсовцы воспитывались в духе презрительного равнодушия ко всем, кто не принадлежал к их кровавому ордену. Это была своеобразная изуверская религия нацизма, считавшая всех людей, кроме арийцев, недочеловеками.

Альберта освободили, но не реабилитировали. Поэтому, наверно, он не спешил уезжать домой.

Вскоре у меня сломались наручные часы, и мне подсказали, что слесарь Саша Воробьёв может помочь моей беде. После работы пошёл к нему в барак. Саша был холостяком, но комнату содержал в чистоте. Он взялся отремонтировать часы, но когда я пришёл за ними через неделю, моих часов у Саши не было.

– Я их сделал, но отдал знакомому, ему в командировку надо было ехать, – виновато сказал он и выставил на стол бутылку водки.

Что делать? Мы выпили, и Саша Воробьёв поведал о своей жизни. Наверное, наученный тем, что каждое слово нужно подтверждать доказательствами, он достал из чемодана документы о своей полной реабилитации.

– Меня призвали в июле 1941 года. Я тогда жил на Украине, окончил одесский кинотехникум. Я и не воевал даже. Прямо на марше, после бомбежки, на толпу необстрелянных солдат навалились танки и пехота немцев. Загнали нас за колючую проволоку посреди степи. Жара. Воды не дают, еды не дают. Держали на таком пайке недели две. Не поверишь, всю траву съели, за место у лужи дрались... Потом приехали какие-то немцы, а с ними русские. Построили тех, кого смогли пинками поднять. Объявили, что желающие послужить фюреру должны выйти из строя. Из первой шеренги вышло несколько человек, остальных пристрелили. Дошла очередь и до нас... Честно говоря, я не помню, как вышел из строя... Может, сам шагнул, может, подтолкнули, но так получилось, что через месяц я оказался в одной деревушке на Гомельщине. На уборке урожая. Стал чем-то вроде надзирателя над колхозниками, которые должны были убрать урожай и сдать немцам. Определили на постой к тётке, а та волком на меня смотрит, боюсь – задушит ночью. А она порядочной оказалась. Раз смотрела, смотрела на меня и спросила: «А ты хочешь, солдатик, на моих воротах в петле болтаться, когда наши придут?..» Я молчу, куда мне бежать, немцы под Москвой.

«И я не хочу, – говорит тётка, – чтобы ты мои ворота поганил». Отвела меня к партизанам. Затем, когда наши подошли, забрали в действующую армию. Два раза ранен. Орден имею, медали. Демобилизовался и героем покатыл домой. Достали меня в 1947 году, взяла ночью и, как всем, четвертак срока плюс пять лет ссылки, пять – поражение в гражданских правах, как тогда говорили: «получил пять – по зубам и пять – по рогам».

Сейчас, когда Саши Воробьёва нет в живых, он всю жизнь проработал слесарем и умер где-то в начале 1980-х годов на всё том же 1-м кирпичном заводе, я могу сказать, что всю его жизнь определил шаг, который он сделал смертельно голодный, находящийся на грани умопомешательства в немецком фильтрационном лагере. Не сделай он его, значился бы в списках пропавших без вести. Он его сделал и мучился всю жизнь, но осуждать его за это я не решусь.

А вот об одном бывшем ээке, слесаре нашего формовочного цеха Аккермане, сказать следует особо. Помнится, мы вышли в первую смену и в цеху царил переполох. Оказывается, ночью органы госбезопасности арестовали слесаря Аккермана. Но об этом наши начальники не знали, думали, что передовика производства, чей портрет красовался на Доске почёта, замела милиция. Это было в 1961 году, когда во всей стране шла компания по взятию преступников на поруки. Спешно провели цеховое собрание, написали нужную бумагу, и парторг и мастер цеха Колычева поехала решать судьбу Аккермана. Вернулась она к концу первой смены, бледная, с вытаращенными глазами. В КГБ ей, видимо, прочистили мозги, и единственное, что она произнесла, было: «Аккерман – военный преступник!..»

В начале 1960-х годов в Краснодаре проходил крупный процесс изменников Родины, повинных в истреблении сотен тысяч советских граждан. Наш тишайший передовик производства слесарь Аккерман оказался штатным переводчиком эсэсовской зондеркоманды. Эти гады в «душегубках» уничтожили тысячи и тысячи детей, которые находились на лечении в санаториях и не были своевременно эвакуированы. Литературно-публицистический отчёт об этом процессе опубликовал Лев Гинзбург («Бездна»).

В политические преступники попадали и малолетки. Мой сосед по бараку Юзек получил срок, когда ему едва минуло пятнадцать лет. Юзек жил в деревне на польской границе, пас скотину, и вот однажды бандиты послали его с запиской в деревню. В доме была чекистская засада. Юзека повязали, допросили, осудили на десять лет и отправили в омский лагерь. В лагере Юзек вымахал в двухметрового детину, научился читать и писать, освоил слесарное ремесло. Его, конечно, полностью реабилитировали, он получил жилплощадь в бараке, купил мотоцикл «Харлей», полностью оделся в кожу: фуражка, гимнастёрка, галифе, сапоги, пальто – стал первым парнем на посёлке, куда из деревень понаехало много девиц.

Мы с Юзеком однажды поехали в центр города, он решил подарить своей зазнобе блестящие резиновые сапоги – последний писк тогдашней моды. До промтоварного магазина мы не дошли. Юзек в первую очередь завёл меня в распивочную, где были установлены автоматы для розлива вина, накупил пригоршню жетонов и закуролесил. Я тогда не пил, а Юзек шарахнул стаканов десять портвейна, налил ещё и провозгласил тост:

– Уря!.. Уря!.. Прекрасный Гитлер!..

В распивочной воцарилось недоброе молчание. Я сгрёб со стола оставшиеся жетоны в карман и из всех сил стал выталкивать Юзека на улицу. На пороге он ещё раз проорал здравницу фюреру. Время от времени Юзек выкрикивал этот антиобщественный лозунг в трамвае и автобусе, пока мы добирались до посёлка.

Утром я пришёл к нему домой. Юзек жадно пил воду. Выслушав моё повествование о вчерашних событиях, он тяжело вздохнул.

– В начале войны в нашу деревню назначили полусумасшедшего коменданта. Немец был большим любителем военных маршей и шнапса. Напьётся и собирает всех жителей перед комендатурой. Сначала речугу толкнёт, а потом заставлял всех хором орать: «Уря!.. Уря!.. Прекрасный Гитлер!..». А мы, пацаны, как засвистим. Немцы, полицаи хватили тех, кто не успел удрать. Я хоть и не свистел, тоже попался. Меня били шомполом, а я через каждые два удара орал: «Уря!.. Уря!.. Прекрасный Гитлер!..» До полусмерти забили. Запомнил я эту науку глубоко. Сейчас у пьяного иногда наружу выскакивает...

Ещё до революции отец Николая Литвинова, слесаря нашей формовки, переехал на жительство в Харбин, тогда совсем русский город, столицу принадлежавшей России, а затем СССР китайской восточной железной дороги. Отец Николая работал кузнецом в железнодорожных мастерских,

завёл семью, имел советское гражданство. В 1935 году КВЖД была уступлена Маньчжоу – Го, а фактически японцам, которые оккупировали город. Николай родился в 1932 году, учился в русской средней школе и одновременно занимался в японском аэроклубе. После разгрома Японии всех русских выселили на родину. Кузнец Литвинов с семьёй поселился в Хабаровске, где Николай возобновил занятия в школе и местном аэроклубе.

В кругу начинающих лётчиков велись жаркие и, как оказалось, смертельно опасные разговоры. И Николая арестовали. По его рассказам, его не пытали, а поместили в одиночку, напоминающую гостиничный номер. В коридоре тюрьмы были даже ковровые дорожки. Тем не менее трибунал приговорил Литвинова к десяти годам лагерей. Обвинение было нелепым, но вполне укладывалось в законные рамки. Оказывается, в своём кругу молодые авиаторы обсуждали достоинства американских самолётов и пришли к выводу, что они лучше наших. Николай в разговор не вступал, но не донёс о «вражеской вылазке» властям. За это и схлопотал «червонец».

Я тогда не знал, что есть люди, искалеченные страхом. И вот мы с приятелем по работе Володей Вольнкиным решили подшутить над Николаем. Завели разговор о кружке единомышленников непонятно чего, намекали на сохранение тайны – словом, несли ахинею. Но как побледнел Николай, как он бросился от нас бежать! Лагерь ему обломал крылья, убил мечту, искалечил душу. Впоследствии я написал об этом большое стихотворение.

Крылья

(1958, полевой аэродром на северной окраине Омска)

– Вставай!

В углу рыдала мать.

Стоял отец, угрюм и бледен.

Начался шмон.

А что искать?..

Я был для родины безвреден.

Я бредил небом в те года.

Меня все прочили в пилоты.

Но в это утро навсегда

Мои закончились полёты.

– Ошибка, может быть? –

Отец

Спросил у них, слова ломая.

Ответ ударил, как свинец:

– У нас ошибок не бывает!

Что был им я, слепой щенок,

Влюблённый в асов и поэтов?

Меня толкнули в «воронок»,

Ткнув под лопатку пистолетом.

Я в сумрак мёртвый и седой

Был запечатан одиночки...

Смотри! Смотри! Опять седьмой

Без подготовки крутит «бочки»!

Я посмотрел:

Над головой

Набито было небо громом,

И «Як» серебряной стрелой,

Крутясь, шёл над аэродромом.

*Мы восседали на бугре.
Дымилась степь пыльной пылью.
И друг завидовал игре
Паривших над землёю крыльев.*

*– В аэроклубе прежних дней
Был у меня приятель Вовик.
И он сказал в кругу друзей,
Что выше всех летает «Боинг».
Так он врагом народа стал.
И мне нашли судьбу под солнцем.
Как малолетку, трибунал
Меня пометил лишь «червонцем».*

*Мы шли по полю.
Жар земли
Смешался с пыльной сушью всходов.
Бурьяна стебли проросли
В ржавь отлетавших самолётов.
Бригада молодых парней
Металлолом грузила краном.
Трава трещала;
От корней
Зияли на суглинке раны.
И запах, стойкий и густой,
Струился богородской травки.*

*– А мне, с изломанной судьбой,
Уж не поможет переплавка.
Я – вторсырьё эпохи зла.
Машиной страха и насилья
По мне история прошла
И отдавила напрочь крылья...*

*День жарко выгорал, отцвёл.
Настал вечерний час покоя.
И золотые капли пчёл
Текли, звеня, сквозь стену зноя.
Земля устала ждать грозу.
Взрывался пухом одуванчик.
Держа за крылья стрекозу,
Навстречу шёл весёлый мальчик.
Он шёл и не глядел на нас,
Ступая по земле горячей.
О, как он рад был в этот час
Своей охотничьей удаче!
В глазах улыбочивая синь.
Струилась чёлка золотая.
И пахла горечью полынь,
До слёз мне горло обжигая.*

Что ни говори, а при Сталине жизнь у людей была как у пассажиров трамвая: половина сидела, а другая половина тряслась. Это не я, а народ так горько шутил.

Видел я и полицаев на шахте в Прокопьевске. Через много лет написал об этом стихотворение.

На кирпичиках, продолжение

В конце июля 1958 года мама продала землянку, и мы переехали на кирпичный завод №1 города Омска. Комнату нам выделили, мама устроилась на работу сушильщицей кирпича, а вот с пропиской

была морока. Прописалась мама только осенью и то после того, как тётки выкопали картошку на фазенде начальника райотдела милиции. Этот блат устроил нам его шофёр, какой-то дальний родственник по Усть-Шишу.

Это сейчас кирпичный завод воткнулся одним боком в северную окраину Омска, а тогда это был совершенно автономный посёлок в пяти километрах от города, который заканчивался на кольце третьего маршрута трамвая, на 11-й Ремесленной. Автобусы практически не ходили, до города добирался кто на чём. Школы не было, учеников моего возраста тоже, и меня одного возили в школу №20 на 3-ю Ремесленную. Проучился я там полгода и перешёл в школу рабочей молодёжи, где директорствовал примечательный человек Тимофей Меркурьевич Панасенков. Это был подвижник и бесребреник, получивший образование в гимназии, затем приобретший профессию педагога. Он был членом КПСС с 1924 года, то есть был коммунистом ленинского призыва. Я впоследствии посвятил ему стихотворение, он уже перед своей смертью прочитал его на партсобрании. Я отдал ему свой долг за его доброту и порядочность цельного человека, каких уже тогда почти не было, а сейчас тем более. Сейчас мы все испортились вдрызг, и неизвестно, соберётся ли человек в цельность, видимо, уже нет.

Тимофей Меркурьевич преподавал историю, и мы с ним сошлись в этом увлечении. Я, конечно, горячился, нёс всякую ерунду, а он мудро давал мне выговориться, по-хорошему завидуя моей молодости и горячности, которую он уже порядком пострадал.

Урок истории

*Тимофей Меркурьич Панасенков
Был директором ШРМ.
Нас учил, кочегаров, откатчиков,
Он – знаток исторических тем.*

*Мы зимою глядим, бывало,
Как упрямо сквозь вьюжный свист
Наш Меркурьич идёт по шпалам
В куртке кожаной, как чекист.*

*Наломавшись за смену, тяжёлые,
Приходили мы вечером в класс.
И директор вечерней школы
Вёл в глубины истории нас.*

*Тимофей Меркурьич!.. Едва ли
Тогда я вникал в вашу речь.
Рано утром меня ожидали
Вагонетка, лопата и печь.*

*Был кирпич, раскалённый и рыжий,
Поважней, чем Тацита труды.
А лафетчица – краше Мнишек.
Сменный мастер – мудрей Калиты.*

*... Не истории пороховые,
А совсем другие, печные,
Раскалённые погребца
Мне тогда открывала судьба.*

«Вытягивай на золотую медаль», – говорил он мне. Но куда там! Я вырослел, я куда-то бежал, торопился, суетился, это мешало мне сосредоточиться, хотя бы на миг, взглянуть на себя со стороны. Меня, как щепку по бурной воде, влекло за собой течение времени. Это от характера, а он, как говорят мудрые люди, судьба человека. Так вышло и со мной.

Вот эти-то лишние силы долго-долго мешали мне понять самого себя.

Лагерь ликвидировали, и на кирпичный завод хлынула молодёжь из села, те, кому стали выдавать паспорта. Они бежали из опостылевших деревень в город и попадали к нам, потому что здесь давали койку в общежитии и городскую прописку.

Наводить порядок на заводе и в жилом посёлке начал директор Штепа. Это был жёсткий и властный руководитель сталинского закупа. Ему как-то удалось сразу завоевать непререкаемый авторитет среди рабочих. Наверное, потому, что всегда держал слово, а это вызывало уважение. Завод резко увеличил производство продукции. В год выпекалось более ста миллионов штук кирпича. Всё это уходило на стройки Омска, а в нашем барачном посёлке первую пятиэтажку построили только в 1969 году.

Тогда, в 1959 году, в Омске родилась пропагандистская ахинея, что наш город занимает первое место в СССР по озеленению. Штепа заставил всех жителей посёлка взяться за лопаты, сажать тополя. Через несколько лет тополя разрослись, кривобокие бараки и сараюшки были надёжно замаскированы.

Шестнадцатый год жизни был для меня мучительным, и тому была своя причина. Я как-то сразу вымахал в здорового парня, торопился примкнуть к кругу взрослых людей, хотел зарабатывать деньги, жить самостоятельно, но мои года меня стреноживали, а я спешил, спешил... Куда?..

В это время (конец 50-х годов) был принят с благими намерениями совершенно дурацкий закон, запрещающий брать на работу тех, кто не достиг восемнадцати лет. Предполагалось, что молодёжь должна учиться, приобретать специальность. Но не все же имели способности и желание учиться. Нет, учись! Учителя натягивали оценки, смотрели сквозь пальцы на шалости и хулиганство учеников, тянули в образование полнейших остолопов, исключения были редкостью. И, как следствие, школа утратила свой престиж, авторитет школы и учителей упал и так и не поднялся. Конечно, намерения у власти были самые благие. Прошло тринадцать лет после войны, после страшной разрухи, и всем стало доступно среднее образование. Вот эта доступность почему-то переросла в приказную норму, а этого делать было не надо. Школу обяжали притворяться, что она выпускает людей со средним образованием. Но сколько из неё вышло полнейших остолопов и остолопш!

Наконец-то кирпичный завод соединили асфальтом с городом. А ведь до 1958 года дорога до 11-й Ремесленной представляла собой разбитую колею, на рытвинах и ухабах которой ломались машины и перевозимый ими кирпич. Потери были ужасные. Но провели асфальт не для кирпичного завода, а для стройки, которая разворачивалась за ним. Это военный объект, который строили солдаты (сейчас

посёлок Степной и бетонный завод). Автобус ходил до кинотеатра «Художественный», город стал мне ближе и доступнее.

В это время пришёл из армии и поселился в комнате напротив нашей Боря Харитонов. Пятилетняя разница в возрасте не стала помехой нашей дружбе. Он работал на заводе слесарем, затем его избрали освобождённым секретарём комсомольской организации завода. Это был житейски умный, весёлый и общительный парень. Через пять лет он уже был мастером на заводе кислородного машиностроения, позже – начальником цеха и начальником производства, хотя закончил всего лишь техникум.

Боря не читал книг, зато мастерски играл на гитаре и имел приличный голос. В конце 50-х до нашего захолустья ещё не дошли кассетные магнитофоны, многие увлекались гитарой и пели. Это было время возрождения Сергея Есенина из небытия. Вышли после тридцатилетнего перерыва его книги, и для русского человека его стихи стали желанным откровением. Все поэты, лелеемые Сталиным, с появлением стихов Есенина стали неинтересны. Это было второе пришествие поэта всей России. В 1920-х годах его знала только городская публика, а теперь – вся страна. Не только знала его стихи, но и пела, утверждая его как народного поэта.

Где-то там, в Москве, начинали создавать свои дутые поэтические биографии Е. Евтушенко и А. Вознесенский, нашёптывал свои песни под гитару Б. Окуджава, а у нас, в глубине Сибири, читали и пели Есенина.

Сейчас я расцениваю это время как рубеж, переступив который, Россия стала нищать духом. С одной стороны, Хрущёв много сделал для реанимирования бреда марксизма-ленинизма с его безбожием, с другой – появились и быстро размножились в творческой и академической среде «люди-трихины» (Ф. Достоевский) типа физика А. Сахарова и писателя А. Кузнецова. Число их множилось, из каждого окна завопил В. Высоцкий. О нём могу сказать одно: люди, которые читают Есенина, – это народ, а Высоцкий – это идол массы, сборища циников и себялюбцев, тех, кто в 1991 году согласился с разрушением России. Нужно, конечно, верить в духовные силы народа, но и закрывать глаза на очевидные факты не стоит.

Как-то умный и образованный (среди современных поэтов это редкость) Борис Примеров мне рассказал, как он встречался с героями Даманского. И автор музыки песни «На безымянной высоте» спросил пограничника, какая мелодия пришла ему на ум, когда он отбивался от наседавших китайских солдат. Композитор явно хотел услышать, что это была его песня, и все это поняли. А солдат сказал правду: «Степь да степь кругом...».

Мама работала на сушке кирпичей, там была большая загазованность и уйма пыли. У неё стала прогрессировать бронхиальная астма, она часто болела, подолгу лежала в больнице, поправлялась кое-как и шла опять в газ и пыль кирпичного завода. А я тем временем вынужден был бить баклуши, слоняться по посёлку днём и вечером, читать книги. Впереди меня ждали два года такого мучения.

Мне повезло, что в посёлке не было хулиганов в современном смысле этого слова. Не было и помину о наркотиках, мордобое и воровстве. Двери комнат в бараках почти не запирались, да и взять в них было нечего. Мебель была, как правило, самодельной, одежда – самой дешёвой, словом, ни ковров, ни хрусталя, ни телерадиоаппаратуры жители не имели, так что и тащить было нечего.

По вечерам ходили в кино, по выходным молодёжь собиралась на танцплощадке. Это было время полузапрещённого «Мишки», под который танцевали фокстрот. После фестиваля молодёжи в Москве в 1957 году появились первые стилиги, так называли власти и обыватели тех, кто стал носить причёски с коком, разноцветные рубашки, узкие брюки, однотонные цветные носки и туфли на толстой подошве. У нас стилиг не было, да и откуда им было взяться: все работали, а кирпичики выматывали жилы даже у самых крепких парней.

Наш барак стоял рядом с общежитиями. Я познакомился с ребятами и стал туда ходить. Летом мы играли в футбол и волейбол, а зимой собирались в примитивном спортзале, где играли в теннис и таскали штангу.

В 1959 году я познакомился с Антоном Селюном, между нами завязалась горячая дружба. Антон ушёл с 1-го курса сельхозинститута, но мечту о высшем образовании не оставил, поступил на заочное обучение в планово-экономический институт. Антон увлекался философией, и с его подачи я стал читать Фейербаха, Гегеля, конечно, ни черта не понимая, но азартно. В это время много говорили о культуре личности, но ещё больше о том, что нас ждёт неизбежное светлое будущее. А как же иначе! Запустили первый спутник, и все, буквально все, высыпали вечерами из бараков, чтобы посмотреть на крохотную звёздочку, которая двигалась по небу. У всех было чувство гордости за наш спутник, за то, что мы впереди, и это так и было, планеты всей.

Первый спутник

*В цеху дышали грузно прессы.
По брусу глины бил смычок.
В том царстве глины и железа
Я был первейший звездочёт.*

*Он вспыхнул в небе – тих и робок,
Пересекая наш завод.
Из душных цеховых коробок
На волю повалил народ.*

*Шумели люди, точно гуси,
И все смотрели вверх, туда,
Где звонко над рабочей Русью
Плыла рабочая звезда!*

Зиму и весну 1959 года я провел в тревожном ожидании, считая дни до своего шестнадцатилетия. Второго июня я получил «серпастый и молоткастый» советский паспорт и на следующий день переступил порог отдела кадров кирпичного завода.

Бывший начальник режима лагеря политзаключённых Просеков прекрасно знал моих родных и поэтому «не заметил» моего малолетства и подписал заявление.

Узнав, что устроился на работу, мама всплакнула. Она поняла, что я стал взрослым и начинаю уходить от неё в свою жизнь. А всё это – новые для неё тревоги и надежды. Сам я ощущал праздничный настрой, всё в жизни меня радовало, я верил, что впереди меня ждёт светлое будущее. Но не я один так думал в то время. Страна была на подъёме, восторженно наивное настроение владело тогда практически всем нашим поколением детей войны.

Стихи про Кирпичики

Счастье

*Печь обжигает кирпича,
Кольцевая печь –
Жар-птица огня в зоне нагрева,
Арочный свод
У вздымленных плеч –
Меня переваривало твоё чрево!*

*К раскалённому кирпичу
Прикипала ладонь,
Шипела зола
На промокших валенках.
Падал на вагонетку сырой поддон,
С плеч Василька –
Моего напарника.*

*Вплотную жара
Подступала к лицу.
И, хлебнув на бегу
Подсолённой водицы,
Мы гнались с Васильком
По печному кольцу,
Как за счастьем,
За огненной птицей.*

*Работа была
Тяжела и проста,
Нас судьба, не спросив,
Привела в это пекло
Выдёргивать кирпичи,
Как перья из хвоста
Жар-птицы
Что от бессонья ослепла.*

Перекур

*Резиной жжёной пахнут рукавицы.
Дымится красный пепел на плечах.
И греются озябнувшие птицы
Под утро на горячих кирпичках.*

*Не дотянуть, как видно, нам до плана.
В печи жара. И сменный мастер хмур.
Из-за поломки башенного крана
Нечаянно нам выпал перекур.*

Безусые, тогда мы не курили.
В печи клубился огненный расплав.
Мы спецжиры положенные пили,
Молочные пакеты надорвав.

И пот стерев с калёного затылка,
Сказал нам сменный мастер с хрипотцой:
– Сгорела, парни, ваша прогрессивка,
Сожрал её внеплановый простой.

И, раскрывая записную книжку,
Хотел сказать ещё он что-то нам,
Но на лету замёрзший воробышка,
В печь запорхнув, упал к его ногам.

Глядим – он ожил, смотрит левым глазом.
Открыл другой. Встряхнулся и вспорхнул.

А мастер вслед: «А ну, вернись, зараза!
Вернись сейчас же, запишу прогул!»

И грянул хохот под кирпичным сводом.
Стало всем нам сразу веселей,
Что спас нам не привычную свободу
Оттаявший смыслённый воробей.

Тебя мы знали по работе
В одном цеху. Иван Кузьмич,
Ты четверть века на заводе
Из печи выгружал кирпич.

Работал честно, без прогулов.
Зарплату отдавал жене.
Во время праздничного гула
Был от начальства в стороне.

В твоих глазах потухло небо...
Мы все толпились на крыльце.
Плыл отсвет кумача и крепа
На неживом твоём лице.

О чём-то давнем ныло сердце.
Вставала в памяти война.
(Звенят, звенят на полотенце
В руках у друга ордена.)

И каждый памятью особой
Равнял свою судьбу с твоей,
Смотрел на возвышенье гроба,
На твой сосновый мавзолей.

Светка

Поначалу бывало несладко,
Поначалу – откатка, откатка!
В десять полок кирпич-сырец.
Не под силу была вагонетка,
Насмехалась лафетчица Светка:
– Ну какой ты откатчик, малец!
Ну какой ты ещё мужчина?..
В руки крепкую вагу брала.
Сильной, словно стальная пружина,
Пересмешница Светка была.

И по рельсам гулко и звонко,
Словно выстрел, летела вагонка.
Светка вслед ей кричала:

– Пошла!

И пила, громко фыркая, воду,
На щеках – снегири, а в глазах – соловьи.
От тяжёлой мужской работы
Задыхаясь, как от любви!

О чём говорят мужики после смены,
Все восемь часов простояв у станка,
Когда покидают фабричные стены
И тянут неспешно пиво у ларька?

Конечно, проблем ещё много на свете,
Не разрешённых мужицким умом.
И те, кого в шумной толпе я заметил,
Калякали тихо и грустно о том,

Что в нынешнем мае дождей не бывало,
А с неба всё льётся и льётся огонь.
Что в поле озимые суше металла,
Рукою задень – и порежешь ладонь.

И речь, и слова-то не городские
Звучат, хоть у всех городская судьба.
Их тянет домой, в полевою Россию,
Туда, где сейчас выгорают хлеба.

К землице, удобренной потом и кровью.
К лугам и озёрам, чем грезят во сне.
К погостам отцов – своему родословью.
К цветам и деревьям – исконной родне.

Полсердца навеки осталось в деревне.
Полсчастья зарыто в суглинках полей.
И каждый из нас о прародине древней,
Хотя бы раз в жизни, – но думал о ней.

Увы! Я прозевал начало лета
В горячечном бессонье третьих смен.
Я позабыл, работая, что где-то
Сердца людей дурманила сирень.

К июню я повёрнут был спиной
Работой. Но я видел, как цвела
Акация горчишной желтизной,
Пыльцою, раскалённой как зола.

Она цвела у обжигальной печи,
Где билось пламя в миллион свечей.
Мир выгорал и рушился на плечи
Стеною раскалённых кирпичей.

Но сквозь огонь я видел цвет акации,
И он с тех пор стоит в моих глазах.
Я всё же научился разбираться
В своих поступках, людях и цветах.

И этот цвет горячечно-горчицкий,
Как лезвие, вонзённый в полутьму,
Я не отдам ни за какие тыщи
И не передоверю – никому.

Все мы – бумажные кораблики

Я прожил жизнь, не слишком часто оглядываясь назад и не слишком пристально вглядываясь вперёд. Я просто жил, не слишком серьёзно и не слишком легкомысленно, переступил через семидесятилетнюю ступеньку и только тогда понял, что следующая годовщина мне будет не в радость.

Но сердцу хочется праздника. Так пусть он будет каждый день! Ах, если бы я раньше подумал об этом: ведь я уже прожил двадцать пять тысяч дней и отпраздновал из них только семьдесят. Ну, не растапа ли я после этого?..

Старость для меня ценна тем, что я научился чувствовать и ценить время, стал ощущать его трепещущую плоть, когда она сосредоточилась на пишущем шарике ручки, помимо моей воли катясь по бумаге, то и дело опережая мысль и запечатлевая её раньше, чем я проговаривал про себя стихотворную строчку. Я прочитывал её вслух и прислушивался к звучанию слов, затем нанизывал на неё новую строку, пока не являлось всё стихотворение. Несколько уточняющих и охорашивающих вычёркиваний – и я отпускал свой стих в свободное плаванье, как ещё один бумажный кораблик, спущенный со стапелей стихотворной верфи. И провожали его не орудейный салют и брызги шампанского, а мой вздох облегчения.

Часто бывало, что, отплыв, мой стихотворный кораблик тонул в шквале критики, разбивался на рифах злобной зависти, так что и у меня есть своё кладбище погибших стихотворных корабликов, которые захламили объёмистое нутро письменного стола. И только часть из них пошла на переделку и использование в строительстве нового кораблика, иногда весьма удачного в смысле выживаемости в толчее сотен тысяч ему подобных, блуждающих в ожидании своего читателя над пучиной забвения в бездонном и безмерном поэтическом океане России.

Время стихостроительства пришло ко мне не сразу, поначалу это были кораблики детского воображения, и то, что это именно кораблики, я понял, когда семилетний, стоял перед окном, а за ним клубилась беззвёздная ночь. Пугающе тревожно шумел ветер листьями моего одногодка клёна, кочковатое от облаков небо быстро меняло смутные очертания. Там, где были межоблачные прорехи, оно окрашивалось молодым месяцем тусклым светом, но ненадолго. Однако народившийся месяц был настойчив в своём неукротимом стремлении увидеть землю, и ветер помог ему исполнить желание. Он разогнал тучки, и в моём окне, казалось, совсем рядом легонько запокачивался кораблик – месяц. Я распахнул оконные створки, и он отплыл от меня к вершине притихшего от безветрия клёна, но был ещё совсем рядом, и подрагивал, как живой, и еле-еле покачивался с носа на корму, с кормы на нос и непременно умчался бы в темноту, но его удерживала вспыхнувшая, как шляпка алмазного гвоздя, блестящая звёздочка.

Зачарованный месяцем, я был не в силах оторвать от него взгляда, но пришла с работы после второй смены мама и, ласково нашёптывая, уложила меня в кровать.

– Новый день начался, Коленька, – убаюкивала меня она. – **Новый кораблик приплывёт к тебе листком календаря. Ты сделаешь из него кораблик – лодочку, чтобы поставить на подоконник. Вот придёт зима, вот уйдёт зима, а весной поплывут твои кораблики по внешней полою воде в Иртыш, а из него в море-океан, по всему белому свету.**

Первые кораблики появились в нашем пластаном земляном доме с возвращением маминого брата, моего родного дяди Петра, фронтовика-танкиста, которого демобилизовали только через пять лет после Победы. Я, безотцовщина, как увидел солдата в фуражке со звездой, в шерстяной гимнастёрке и бриджах, заправленных в хромовые сапоги с голенищами в гармошку, так и влюбился в него без памяти, тянулся к нему, надоедал с расспросами, но он на меня не сердчал и одарял всем, что у него было: расчёской, ножичком, китайским с иероглифами карандашом и записной книжкой, и когда подарки истощились, подошёл к настенному календарю, оторвал листок и подмигнул:

– Хочешь, научу делать кораблики?..

Календарный листок в дядиных руках в мгновение ока превратился в небольшой, размером со спичечный коробок, кораблик. Он тут же налил в алюминиевую миску воды, раскрутил её пальцем и сказал:

– Корабль на воду спустить!

Я осторожно положил кораблик на воду, и он запокачивался и заходил кругами по алюминиевой посудине. Но его хватило не больше чем на полчаса, тонкая бумага намокла, кораблик отяжелел и, когда я его взял в руку, превратился в мокрый комочек. Это меня огорчило, но не отбило охоту научиться делать кораблики, и все листки календаря я стал превращать в кораблики, конечно, даже не предполагая, что вдруг, через десятки лет, вспомню об этом и пойму, что время всегда остаётся с человеком, пока он жив.

Ах, как я сейчас понимаю, что всё моё писательское прошлое – не что иное, как деланье литературных корабликов самой разной формы и величины. Доводилось мне отправлять в плаванье стройные, как парусные корветы, лирические новеллы, тяжёлые, как дредноуты, исторические романы. Провожал я в путь романы – теплоходы о современности, однако милее мне, старому корабелу, строить из миражей воображения, из осеязаемой пустоты предчувствия бумажные кораблики негромкой лирики.

И, прожив жизнь, я понял, что я сам был не человеком, а бумажным корабликом, что все люди суть бумажные кораблики, и каждого в своё время Бог отправил в земное плаванье с какой-то целью. Разгадать её не берусь, могу только предположить, что бумажные кораблики от Господа – единственное спасение тонущему в грехах человечеству.

Елена БЕЛОВА, главный библиотекарь модельной центральной городской специализированной библиотеки им. И.А. Гончарова муниципального бюджетного учреждения культуры «Централизованная библиотечная система» города Ульяновска.

ЛЮБЕЗНОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Елена Анатольевна Белова

В 2023 году одна из самых главных библиотек города – модельная центральная городская библиотека имени Ивана Гончарова отмечает юбилей, ей исполняется 55 лет. На протяжении юбилейного года мы будем знакомить читателей литературного журнала «Симбирск» с книгами, которые советуем прочитать.

Работая в библиотеке, часто слышу вопросы: «Что вы можете предложить почитать? Из произведений современной литературы какую книгу посоветуете? Романы какого автора могут заинтересовать и удивить? Что лично вы сейчас читаете?»

Литературные предпочтения у читателей разные, поэтому советы давать сложно. Для каждой книги должно быть свое время, настроение, «ключ», который откроет дверь художественного мира автора. Порой появляется желание перечитать произведение классической литературы, переосмыслить через годы знакомые романы. Иногда хочется провести вечер за чтением легкого и небольшого произведения, отвлечься после трудного рабочего дня и получить удовольствие. В какой-то момент мы готовы к чему-то новому, неизведанному, к тому, что может нас удивить и заставить задуматься. Как правило, это литература XXI века, и интересна она своим разнообразием, актуальностью, смешением

стилей и жанров, постмодернистским осмыслением реальности, психологизмом, экспериментами с формами и приемами, широким диапазоном тем (психологических, исторических, бытовых, религиозных, философских и этических).

Видимо, у меня настал как раз тот момент, когда рука потянулась к серьезному и неизведанному – к роману современного писателя Евгения Водолазкина «Лавр». Филолог, специалист по древнерусскому языку, ученик Дмитрия Лихачева, научный сотрудник Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге написал произведение, сюжет которого производит сильное впечатление.

Само определение жанра, данное автором, интригует – неисторический роман. И это не случайно! Главное для автора было не описание исторического времени, а история человека – средневекового лекаря, травника. Стремясь искупить грех, он становится странствующим врачом, юродивым и паломником в Иерусалима, монахом и святым. Своеобразное житие и роман-путешествие одновременно, пространство в котором скорее условное, чем реальное. Мир средневековой Руси Водолазкину близок и знаком, так что неисторический сюжет вплетается туда с лёгкостью.

Посыл автора – времени нет! Его не существует! В этом романе совершается попытка не только выйти за пределы конкретной эпохи, но и показать, что люди существуют в вечности, вне всяких границ. Время и пространство упраздняются и стилизованным смешением языка – в диалогах и монологах героев древнерусская речь переплетается с современными словами, поговорками и даже терминами.

И все же, читая страницу за страницей, погружаешься в средневековый мир, в эпоху, когда человек не торопился жить, не создавал культ будущего. Самое значимое на Земле уже свершилось – Воскресение Христа, а время только удаляет от него. Так думал и жил средневековый Лавр, так ощущал себя в мире средневековый человек.

В наше время новых технологий, ускоренного ритма жизни, обилия информации необходимо порой замедлить свой бег и посмотреть вокруг, побыть наедине с собой и услышать голос Неба в глубине своей души. Книга для неторопливого и вдумчивого прочтения.

Еще одна книга для любителей погружения в историческую эпоху, но не такую далекую, как Средневековье, а в первое десятилетие прошлого столетия.

Роман А.Н. Варламова «Мысленный волк» о подлинных историях в переломный период для России – начало XX века, но домысленных автором.

Алексей Николаевич Варламов – филолог, один из значимых писателей современной русской литературы. Автор биографической серии ЖЗЛ, описывающий жизненный и творческий путь писателей,

лауреат ряда крупных литературных премий, в том числе «Антибукера», «Большой книги», профессор МГУ, ректор Литературного института имени А.М. Горького.

Роман «Мысленный волк» был написан в 2014 году не как филологическое исследование, а как художественное произведение, в котором писатель делится с читателем личным восприятием Серебряного века. Что случилось с Россией в переломный период истории? В чем были скрыты корни зарождения смуты? Это главный вопрос, который волнует автора. Вы не встретите в романе строгой документальности, не увидите и неправды, но угадаете многих прототипов того времени.

Название произведения «Мысленный волк» – это метафора, взятая из молитвы Иоанна Златоуста. Прошение к Богу об избавлении от сомнений, от разрушающего скептицизма, от разъедающих душу греховных мыслей, от ловушки безверия и соблазна вседозволенности – «<...> да не зверюловлен буду мысленным волком».

«Мысленный волк» Варламова – это эпидемия, вирус смутных и мятежных настроений, страшный маятник, от раскачивания набирающий силу, который сублимируется и несет разрушение в душах человеческих и в судьбе России. Атмосфера всеобщего ликования, манифестов, погромов в Петербурге и другие достоверные приметы того времени и в тоже время безысходность, потерянности, отчаяние отдельных взятых персонажей обретают в сознании читающего удивительную яркость, убедительность. Таинственность и загадочность сюжетной линии, символизм и неоднозначность образов, совершенный художественный язык придают изображению эпохи дополнительное измерение, подчас – фантастическое, мистическое, провидческое. Роман Варламова метафоричен и образен, в нем есть и увлекательный сюжет, и исторические зарисовки, и философия.

А сборник прозаических рассказов А. Варламова «Все умеют плавать» представляет собой лучший образец русской реалистической художественной прозы – глубокой и очень искренней.

«Писатель с рассказовым дыханием» – так называет себя Алексей Варламов. И действительно, мы чувствуем это дыхание автора в каждом рассказе – в мягкой манере плавного течения повествования, в легком и точном языке, в светлой грусти. Калейдоскоп человеческих маленьких трагедий, очень жизненных, от которых шемит сердце. 21 рассказ, каждый из которых переживается вместе с автором в полную меру. Варламов любит и жалеет своих героев, старается максимально объективно и с желанием понять и оправдать всех, о ком повествует.

Читайте – и вам откроется целый мир!

С автором можно связаться по электронной почте: ulcgb@bk.ru

КАРАМЗИНСКИЙ САД

Марина СУБИНА, поэт. Автор книги «Мой дом». Основатель и руководитель литературного молодёжного салона «СимбирЛит».

ПЕСНЕЙ, СТРОЧКОЙ, ОБЛАКОМ В НЕБЕ...

Стихотворения разных лет

Жизнь превратили в страданье,
страну – в обителище хамово.
Незавершенность истории
столкнули в отстойную яму.

На уста наложили печать;
не петь, не смеяться, не дышать,
любви и радости не ждать,
лютых врагов любить, да прощать...

А надо - с доспехов пыль сдувать,
шлем надевать, да меч доставать!
Плечом к плечу, пясть с пястью
сражаться за жизнь, за разум, за счастье!

21.11.2020

МЫ

В нашу честь не назовут планет,
Ведь у нас при жизни славы нет,
Лишь покивание голов, да смешки,
Досужих сплетен – вымыслов мешки...

Только маленький кораблик крепко шит,
Божьей милостью не тонет, всё стоит,
Хоть потрёпаны бока и выцвел флаг –
Крепко держится покуда наш «Варяг»!

28.09.2018

СЕЗОННАЯ ЛЮБОВЬ

Её любил он, но... сезонно,
А в межсезонье пропадал,
Возможно, в этом был резон?
Но в межсезонье нежность исчезала...

Любовь ведь портящийся фрукт,
Что без внимания увядает.
Коловращенье совершало круг,
Он приходил, когда не принимают...

Гоните прочь сезонную любовь,
Любовь на час, для самоутверждения!
За часом – год, как вязкое варенье,
Он приходил, чтобы исчезнуть вновь...

ХРАМ ОТКРЫТ...

Храм открыт... три вдовы
Принесли милостыню.
Только службы сегодня не будет, увы,
Видно, снова Мамай загулял по России!
Свечи скорбно горят,
Лики кротко взирают с иконы...
Где вы, пастыри?.. Кто призовет
К Священной войне с аналоя?!
Где наш Сергей Святой,
С ним монах Пересвет да Ослабля?
Где наш Дмитрий Донской?
Все, кто честен, все встанем горой,
С нами Бог да казацкая сабля!

26.04.2020

*Сщмч. Артемон Лаодикийский,
Мч. Крискента, из Мир Ликийских;
мч. Фомаиды Александрийской (Египетской)*

Кто тут плох иль хорош? –
Вопрошает Господь. –
В ком греха ни на грош?..
Где наивный Исав?
Безупречный Иов?..

Полземли обошел
И ещё полземли –
Ни души не нашел,
Лишь Содом попалил...

Он в другой раз пошел
Вопрошает он вновь: –
Где наивный Исав?
Безупречный Иов?

Где святой человек?..
Видит – грешников море,
Ной не ладит Ковчег...
Попустил Господь мору!

07.04.2020

С. Н.

Он приснился мне, под дождиком с зонтом,
Друг, нашедший своё счастье в фолиантах.
Пусть прославится не нынче, а потом,
Наградят его медалями и «бантами».
А пока – с утра работает в поту,
Хлеб свой трудный ежедневно добывает.
Верит он «поверх голов в свою мечту»
И мечту свою упрямо воплощает!..

2018

БАСНЯ

Шакалы дичь загнать не могут,
Куда им до таланта Льва-гиганта!
Питаются шакалы с львиного стола
Его объедками, костями, требухой,
Когда Лев от стола отвалится подале...
Насытившись, шакалы зубоскалят:
«Де, плох наш Львёнок, говорит молва!»
И так шипят... до нового стола!

Мораль сей басни громко вопиет:
Шакалу Львом не стать вовеки.
От зависти моральные калеки
Из грязи вымыслы да сплетни лепят!

2018

ПОКАЗНОЕ БЛАГОДЕЯНИЕ

Показное благодеяние –
Что весной снегов таяние.
А все тайные твои мысли –
Непременно Господь слышит!

Что ты отдал правою рукой –
Пусть левая рука хранит покой!
Не на показ твори добро,
В ответ не требуй серебро!

И не труби на целый свет,
Что твоих рук щедрее нет!
Отдал – забудь! А если нет –
Ты – ростовщик,
что брать с процентами привык!

20.11.2022

...ПО ДОРОГЕ В ТАРУСУ

Заповедные тропы по дороге в Тарусу,
Свет манящих лесов, разнотравья ковры.
Под небрежной пятой молочая нежного хруст
Да помятые стебли лесной муравы...
Утешенье пошли обещающий край,
Там, где пижмы под солнцем яичным желтком,
Перелески, поляны с душистым цветком.
Край, надежду подай!

Напои родниковой водой,
Накорми досыта цветаевским хлебом,
О Марине – «болярыне» – весточку дай –
Песней, строчкой, облаком в небе,
весточку дай!..

07-08.08.2022
Таруса

Предзвизмье... сырая мгла.
Бессонница, ночь, тишина.
Судьба уж моя решена,
Что спела, а что не смогла...

Увы, я не всё совершила,
Не фея, не ангел, не Бог...
В душе навсегда сохранила
Ценою здоровья урок,

Ценою разбитых надежд,
Под шепот злорадный невежд,
И песен, что петь не могу,
Лишь в памяти их берегу...

Я помню... дыханье зимы,
Веселье весенней листвы,
И лета хмельного глоток,
И осени полный рожок.

26.11.2012

И. С.

Город, сентябрь, желтеют деревья,
Падают листья, грустные мысли.
Твой день рождения. Где ты, где я?..
Ветер разносит ветром вселенским.

Только стволы столпами чернеют..
Дерево вечности. Мы – листья дерева.
Короток срок, свершим что сумеем,
Мы улетим, мы вернёмся снова...

29.09.2014

Небо набухает мокрая бумага,
Сыростью, грозой, летними громами.
Из капкана беспросветной влаги
Хитрецы выходят. Мы же с вами

За душою не храним обид.
Тёмные вершат в бессильной злобе
Аутодафе. О, наш усталый вид!
Сплетням повод, дням на злобу

Толкает безупречности болезнь
Неотвратимо к казни совершенства.
Печаль, печать, очередная песнь,
Фантомы эфемерного блаженства...

05.09.2011

Старая бабка осталась, да сын, да я
От всего нашего русского рода.
Извели, изничтожили много народа,
На могилах кресты,obeliski стоят.

На краю, на черном сыром погосте
Цветут васильки, ромашки да кашка.
Уходят в землю покорно и просто
Жены в платочках, мужи
в белоснежных рубашках...
В гробы ложатся, скрестив запястья
Мои подруги, не узрев счастья.
Ещё не зная жизни суть,
Уходят дети в последний путь.

Не насыщаясь, жиреет поле,
Из года в год растёт погост.
Неведомо, по чьей злой воле
Запущен этот преступный рост...

24.08.2016

Русин уж снял последнюю рубаху!..
Но разумом убогие, духовные калеки
К рукам страну Россию прибирают,
«Диким помещиком» людишек убивают –
Кто недовесил им, обидел кто навеки?..

Воистину, змею пригрели на груди!
Жалели русы и хранили мир ценою жизни,
Служили всем народам и Отчизне!
И вот, унижены, ограблены, взалкали! –
Почто несправедно вы с нами обошлись?!

Баскаки, дикая дивизия в России,
Все ликом черные, насильники, злодеи,
Людей губители, оплаченные щедро,
Иже с дивизией, иуды из народов,
Что грудью Русская земля вскормила!..

О, плачь, земля!.. В кровь, в слякоть
Чужие сапоги страну прекрасную стубили!
Разбиты алтари и схвачен Гермоген,
Расхищена казна, до крошечек, до донца,
Безумным Иродом истерзаны младенцы!..

А небо шрамами да стрелами изрезано,
Не светит Солнышко, и гады ядовитые
Отраву с неба распыляют, изрыгают
Да чистым воздухом дышать нам запрещают!
На небе сером, задымлённом – черты, резы...

В церквах кровавыми слезами мироточат,
Елеем истекают Пресвятые Лики,
О, плачь, земля!.. Опять хазар презлые крики...
Убить тебя, Святая Русь, враги желают.
Алкают крови, подлые, душою чёрною. Точат
Ножи булатные, кипят котлы кипучие,
Хотят... агнца зарезати!..

07.01.2021

Рождество Христово

Что Вы? Мне нечего собирать, дорогой!
Мне нечем дорожить более.
Разбито сердце по стеклу – ногой.
И свищет ветер ледяной,
Развеивая вещество и поле...
На фоне войн, арен, корридов,
Распятый, тысячи планид –
Учителей святой огонь,
К нему идут на посолонь.
Удел их – в равные ровнять,
Любить, одаривать, терять...
В итоге сердце в дар отдать,
Вселенную собой обнять.

09.02.2011

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Елена ГУСЕЙНОВА, заведующая фольклорным отделением Губернаторской школы искусств, фольклорист-исследователь, член экспертного совета по вопросам нематериального этнокультурного достояния народов Российской Федерации, проживающих на территории Ульяновской области.

ЖАВОРОНКИ, ПРИЛЕТИТЕ, ВЕСНУ-КРАСНУ ПРИНЕСИТЕ!

По следам одной экспедиции

Ярким солнечным утром жаркого августа мы отправились в очередную фольклорно-этнографическую экспедицию в наше любимое село Старое Матюшкино Чердаклинского района Ульяновской области. Участниками экспедиции стали Елена Гусейнова – руководитель народного коллектива фольклорного ансамбля «Авсень», Михаил Жуков – концертмейстер ансамбля и наша самая юная воспитанница – Миленочка Жукова. Основной целью нашей поездки приуроченной к весеннему празднику Закликания птиц («Жаворонки») было изучение местных песенной и кулинарной традиции. В гости нас ждали уже знакомые нам жители села Раиса Ивановна Костина, Юлия Сергеевна Охлопкина и наша путеводительница – Ирина Викторовна Таралина. В дороге мы любовались красотой природы, жёлтыми от подсолнухов полями и большими

просторами нашей области. Всё это вдохновляло и настраивало на предстоящую беседу с настоящими носителями народной традиционной культуры. Интереснее всего было маленькой Миленочке, ведь она отправилась в такое путешествие впервые. Мы подъехали к дому, где нас встречала хозяйка Раиса Ивановна. В этом доме я была не один раз, доброжелательность и гостеприимство этих людей всегда вызывало в моей душе радостное чувство.

Наше общение началось с того, что Раиса Ивановна рассказала, как на селе встречали праздники, какие были обычаи и обряды. Подробнее мы решили остановиться на обрядовом действии с жаворонками (выпечка из пресного теста) на «Сороки». «Сороки» – день сорока Севастийских мучеников, отмечается 22 марта. Именно в этот день пекут «жаворонков» и закликают весну.

Нам хотелось посмотреть на примере Милены, насколько естественно дети способны воспринять местные кулинарные традиции и календарный песенный фольклор. И начали мы с самого интересного – с изготовления птичек. В отличие от народной традиции (в пост обычно пекут постную выпечку) мы делали «жаворонков» из сдобного теста. В его состав входили: мука, масло, сметана, сахарный песок и яйца.

Замешивая тесто, Раиса Ивановна пела заклички с местным традиционным напевом, который легко ложится на слух и хорошо запоминается. Спустя несколько минут Милена стала подпевать одну из них. Хозяйка дома рассказала, что в день весеннего равноденствия шустряя ребятня закликала первых весенних птиц, забираясь на крыши своих домов, подбрасывая испеченных жаворонков вверх со словами:

*Жаворонки-перепёлушки!
Прилетите к нам,
Весну красную
Принесите нам!*

Мы наблюдали за маленькой Миленой, которая с большим удовольствием слушала рассказ и очень увлеченно придавала тесту форму птицы, делала крылушки, вставляла глазки из спелых ягод черемухи, повторяя все действия за бабушкой Раей. Было приятно осознавать: вот она – взаимосвязь поколений, традиция, которая передаётся естественным образом от самих носителей традиционной культуры. Положив готовых жаворонков на ско-

вороду для выпекания, Раиса Ивановна принялась разжигать настоящую деревянную печь. Достала предметы домашнего обихода: ухват, кочергу. Восторга Милены не было границ, она сразу попросила дать ей в руки ухват и сфотографировать её.

Мы выждали определенное время, и наши «жаворонки» полетели выпекаться. Спустя несколько минут в дом зашла Юлия Сергеевна Охлопкина, уроженка села Старое Матюшкино. Она знала о нашем приезде и присоединилась к беседе. Юлия Сергеевна спела нам две весенние заклички: «Жавороночки, прилетите к нам» и «Весна-красна». Мы с нетерпением ждали приготовления сдобных «жаворонков». Обстановка в избе была незабываемой! Пение весенних закличек, стряпанье «жаворонков», завораживающий огонь печи – всё это создавало неповторимую атмосферу старины и домашнего тепла. Нам хотелось остановить время и как можно дольше насладиться этими мгновениями. И вот результат наших трудов готов. Румяных «жаворонков» достали из печи, положили на блюдо и поставили на стол. Мы долго смотрели на всю эту красоту и наконец попробовали вкусную выпечку...

Вечерело, время нашего пребывания в экспедиции приближалось к завершению. Возвращаясь домой, мы остановились в золотистом поле подсолнухов. К нам пришло чувство глубокой гордости за любимый край, за тех людей, которые в нем живут, которые сохраняют и могут передать традиции своей семьи и своего народа.

УЛЬЯНОВСК – ГОРОД ЛИТЕРАТУРЫ

ПОД СВЕТОМ МАЯКА

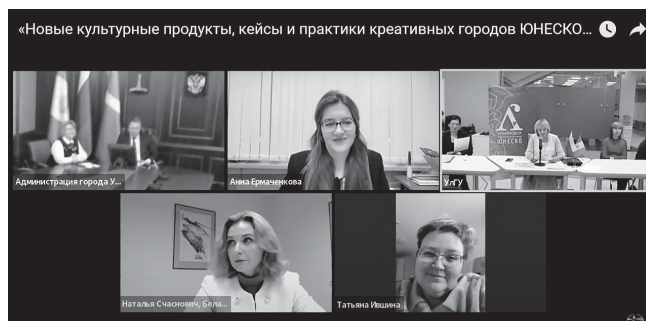
Дирекция программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» стала организатором международной онлайн-встречи «Новые культурные продукты, кейсы и практики креативных городов ЮНЕСКО».

Дискуссия прошла 17 февраля под эгидой VI Всероссийского фестиваля «Книжный маяк Петербурга» «Музыка смыслов». «Книжный маяк Петербурга» – интеллектуальный праздник для читающих россиян и русскоязычных пользователей интернета, который проводился с 17 по 19 февраля 2023 года. Трансляция в Ульяновске велась из коворкинг-пространства УлГУ «Точка кипения».

Участники с большим интересом обсуждали развитие муниципалитетов через инновационный опыт креативных городов ЮНЕСКО. Важность этой работы подчеркнул врио главы города Ульяновска Д. Зверев. Участие приняли креативные города ЮНЕСКО в РФ – Ульяновск, Санкт-Петербург, Каргополь, Казань, а также бразильский креативный город Парати. Присоединились и единомышленники из Казахстана, Беларуси, а также Владивостока и Красноярска, которые стремятся попасть в креативную сеть ЮНЕСКО.

Представитель секретариата Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО А. Ермаченкова отметила, что

Комиссия высоко ценит масштабную работу российских творческих городов, а Ульяновск является одним из самых активных участников сети. А ответственный секретарь Национальной комиссии Беларуси по делам ЮНЕСКО Н. Счаснович выразила готовность к сотрудничеству.

Руководитель дирекции программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» Е. Черкас поделилась планами, среди которых – участие в международных проектах ЮНЕСКО, сотрудничество со странами БРИКС, СНГ, ШОС, просветительские мероприятия, посвященные Году педагога и наставника, утвержденному президентом РФ В. Путиным. Также дирекция уже запустила проекты, связанные с социокультурной адаптацией студентов из Индии. О них мы подробнее рассказываем в этом выпуске.

Планами также поделились заместитель председателя Комитета по развитию туризма Санкт-Петербурга Н. Гвичия, руководитель Фонда креативных индустрий Ульяновской области Т. Ившина и др.

ЗНАКОМИМ МОЛОДЕЖЬ ИЗ ИНДИИ С УЛЬЯНОВСКОМ

Дирекция программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» совместно с городской администрацией ведет активную работу по социальной адаптации иностранных студентов – для них проводятся экскурсии, русские национальные праздники, тематические встречи и соревнования.

Индийские студенты окунулись в симбирский быт, примерили каски пожарных и впервые отпраздновали Масленицу

18 февраля ребята посетили музей-усадьбу городского быта Симбирска и музей пожарной охраны Симбирска-Ульяновска. Сотрудники музеев рассказали об истории Симбирска и о возникновении пожарного дела на Руси. Индусы рассмотрели настоящие исторические экспонаты и примерили каски.

А 19 февраля в музее-усадьбе городского быта Симбирска для ребят провели праздник Масленицы в лучших традициях масленичных развлечений — душевно, с играми, забавами, хороводами в веселой компании. Студенты угощались вкуснейшими блинами и чаем из пузатых самоваров. А затем стали свидетелями сжигания чучела Масленицы.

ТУРНИР «КУБОК ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

23 февраля в спорткомплексе «Новое поколение» состоялся XV ежегодный международный турнир по мини-футболу «Кубок Дружбы народов». Соревнования проводились по инициативе Ульяновской азербайджанской национально-культурной автономии и при поддержке регионального правительства.

Открытие турнира посетил губернатор области Алексей Русских.

В состязаниях приняли участие представители народов Поволжья, а также команды иностранных студентов. Среди них была и команда индийских студентов УлГУ. Участие ребят в спортивных состязаниях стало частью работы программы по социальной адаптации, которую дирекция программы проводит совместно с городской администрацией.

ВЕЧЕР ДРУЖБЫ И ПРАЗДНИК ХОЛИ

8 марта студенты-индусы, получающие образование в УлГУ, отметили любимый индийский праздник – Холи (Бенгальский Новый год). В 2016 году ЮНЕСКО внесла этот праздник в репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества. Холи отмечается в день полнолуния по индуистскому календарю, в этом году он выпал на 8 марта.

Днем ребята устроили разноцветный праздник и обсыпали друг друга цветными порошками. Это символизирует начало

новой жизни и весеннее настроение.

А вечером состоялся вечер дружбы: телемост «Ульяновск – Дели», где представитель Индийского образовательного института New Era. Education доктор Кумар Дхармендра выступил с приветственным словом и поздравил всех с праздниками. Доктор Кумар отметил плодотворность сотрудничества с Ульяновском и дирекцией программы в сфере социальной адаптации студентов.

В финале вечера 250 индийских студентов танцевали под любимую зажигательную индийскую музыку.

УЛЬЯНОВСК КАК ГОРОД ЮНЕСКО — ПАРТНЕР КВИЗ-ШОУ «ЗБС»

Мы запустили в 2023 году совместную серию игр с популярным в Ульяновске квиз-шоу «ЗБС», где дирекция выступает в качестве партнера. В январе уже прошла первая игра, где интеллектуалы города узнали об Ульяновске как о единственном в России литературном городе ЮНЕСКО. И это интересно, ведь именно наш город в 2015 году стал первым в России, вступившим в сеть креативных городов ЮНЕСКО.

В игре участвовали 180 интеллектуалов, которые не только проверили знания по литературе, но и прокачали логику. Самые смекалистые получили приз от дирекции – трэвел-скетчбук «Фрегат «Паллада». Это современная книга по мотивам очерков И.А. Гончарова, написанная на русском и английском языках. В ее создании приняли участие Централизованная библиотечная система,

редактор Т. Алисевиц и иллюстратор Ю. Узрютова.

В планах дирекции — знакомить участников квиза с интересными фактами о креативных городах ЮНЕСКО. Благодарим организаторов и лично Е. Ситникова за сотрудничество.

Подготовила Дарья ФОКИНА

Анна БЕРСЕНЕВА (р. 1963)

1 апреля. 60-летний юбилей отмечает писательница и литературный критик Анна Берсенева, настоящее имя – Татьяна Александровна Сотникова (р. 01.04.1963, г. Грозный). Окончила Белорусский государственный университет, аспирантуру Литературного института имени А.М. Горького. Автор дамских романов «Смятение чувств» (1995), «Единственная женщина» (1996), «Прощальный танец» (1997), «Последняя Ева» (1998), «Стильная жизнь» (2001) и др. Член Союза писателей Москвы (1996). Не раз приезжала в Ульяновск: 26 августа 2015 года провела творческую встречу во Дворце книги; 14 сентября 2017-го выступала в Ленинском мемориале в дни проведения Международного культурного форума. Живёт в Москве.

СЕТИ ВЕРОНИКИ (отрывок из романа)

Платформа была такая, на которую каждый хотя бы раз в жизни приезжал летом вечерней электричкой.

Но очень давно уже Алеся не оказывалась на дачных платформах, которые и названия даже не имеют, просто написано «71-й километр» или что-нибудь такое. Маргарита была её первой настоящей московской подругой, у которой есть настоящая московская дача. Именно дача в старом дачном посёлке, а не дворец за двухметровым забором. Подруг с дворцами у Алеся, правда, тоже не было, но таких ей было и не надо, а Маргаритиной дружбой она дорожила. И на даче у той оказалось хорошо – очень просто, даже бестолково, но бестолковость Алеся любила тоже. Если не по работе, конечно.

Мама у Маргариты была старенькая и прозрачная, как фиалка, вложенная между страницами книги. Рано утром она читала по-итальянски, сидя в плетёном кресле на веранде, а когда проснулись Алеся и Маргарита, сварила им кофе в медном кофейнике. Алеся думала, такие кофейники бывают только в стихотворении Маршака про старушку и пуделя.

На этой даче цвели мальвы, как у бабушки в Багничихах. Открыв утром окно, Алеся вспомнила, что в детстве делала мальвовых принцесс, насаживая на спички цветы вместо платьев и нераспустившиеся бутоны вместо головок в коронах. Очень красивые принцессы получались, розовые и малиновые. Бабушка сердилась, что внучка цветы обрывает, но

сердилась всё-таки не очень, мальвы-то вдоль загороди стояли вереницей.

В общем, два дня, которые Алеся провела в Мамонтовке, были прекрасны. Не только потому, что спала как убитая и отдохнула, как в отпуске, но потому что всё очень просто было в скрипучем старом доме под берёзами и соснами, и от этого нисходил на душу покой. От простоты Алеся в Москве отвыкла.

Маргарита хотела проводить её до электрички, но она отказалась: собирался дождь, и если к платформе ещё можно успеть до него, то вернуться обратно Рита не успеет точно.

Электричка всё не приходила. Открыв в телефоне приложение, Алеся обнаружила, что её отменили, а следующая будет через полчаса.

Она села на лавочку под навесом. И почему было заранее не глянуть? Людей на платформе почти нет – видимо, многие оказались предусмотрительнее.

– Берите ежевику! – услышала она хриплый голос. – Самая полезная ягода, шлаки выводит из организма.

Повернув голову, Алеся увидела, что рядом с навесом топчется алкашка, которую она встретила по дороге к платформе. Пятнадцать минут назад та попросила у неё сигарету и осталась недовольная, что девушка некурящая – какие все зожники стали! А теперь, значит, вывод шлаков пропагандирует.

– Никаких шлаков в организме нет, – ответил мужчина, которому алкашка протягивала банку с ежевикой.

Алеся посмотрела на него с интересом. Человека, знающего это, она последний раз видела в медицинском колледже, он был куратором её группы. То есть и в больницах, где она работала, тоже, конечно, нашлись бы такие люди, но на работе речь о шлаках как-то не заходила.

– Как же нету! – хмыкнула алкашка. – Едим-то мы что? Пальмовое масло. Берите, мужчина, берите ягоду, не пожалеете. В ней вся таблица Менделеева.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся он. – Вдоль шоссе собирали? Ладно, давайте. Только вместе с банкой.

Та с готовностью сунула ему банку, выхватила у него из рук деньги и припустила по лесенке вниз с платформы – к магазину, конечно.

На вид человек интеллигентный. И не похоже, что ему нужны ягоды, собранные у шоссе. Он сел рядом с Алесей на лавочку. Она чуть не спросила,

зачем он купил ежевику, но не спросила, конечно.

– Смешно? – Он покосился на неё. – Ну да, приобретение не из ценных. Но не обязательно же это съедать.

– А зачем тогда купили? – всё-таки поинтересовалась Алеся.

Как это он заметил, что ей смешно? Она и не улыбалась даже.

– Просящему у тебя – дай, – объяснил он. – Я не религиозен, но это одна из тех библейских максим, с которыми готов согласиться.

«Если каждому давать, поломаются кровати», – вспомнила она детсадовскую поговорку.

Но тут же поняла, что у самой так всегда и вышло: если что-нибудь просили прямо у неё, то отказать не получалось. Хотя в любых других случаях она руководствовалась здравым смыслом...

Мариэтта ШАГИНЯН (1888–1982)

2 апреля. 135 лет назад родилась писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян (02.04.1888, г. Москва – 20.03.1982, там же). Жила в Ульяновске в 1936–1939 годах: встречалась с людьми, знавшими семью Ульяновых; работала в Доме-музее В.И. Ленина, областной библиотеке, архиве; печаталась в местной газете «Пролетарский путь»; участвовала в общественной жизни города. Позже приехала в Ульяновск в 1957 и 1963 годах, работала в архиве и во Дворце книги; встречалась с краеведом Ж.А. Трофимовым. Удостоена Ленинской премии за тетралогию «Семья Ульяновых»: «Рождение сына», «Первая Всероссийская», «Билет по истории», «Четыре урока у Ленина» (1972). Герой Социалистического Труда (1976).

БИЛЕТ ПО ИСТОРИИ (отрывок из романа)

В декабре 1885 года Илья Николаевич Ульянов объезжал Сызранский уезд. Но это был уже не прежний словоохотливый Илья Николаевич, и учителя заметили в нём что-то молчаливо подавленное, и сам он был словно нездоров, зяб в своём зимнем кожухе, кутал горло в шарф, говорил с хрипотцой. Дочь Анна, ехавшая на рождественские каникулы домой из Петербурга, встретила его в пути и едва узнала отца, до того он изменился.

Анна Ильинична и сама, как она говорила про себя, «психовала» весь этот год. Ей казалось, что любимый брат Александр обращает на неё в Петербурге меньше внимания, чем раньше, малыши, по которым она всегда тосковала, реже её вспоминают, мать надрывается через силу по хозяйству, и в таком мрачном настроении дочь с отцом ехали под одной полостью почтовой кибитки по заснеженной столбовой дороге, скрипучей от крепкого мороза, в унылые декабрьские сумерки.

Отец необычно для него говорил с ней о своих делах горько, даже, как ей показалось, безнадёжным тоном, ругнул под ямщицкий бубенец бездарную политику правительства, закрывавшего земские школы. Про старшего сына он не спрашивал, а она не догадывалась, что отец знает про Александра больше, чем знала она сама. И ей, и ему казалось, что под полостью они везут только своё, личное настроение, свои неважные домашние дела, свою

частную судьбу семьи Ульяновых, но с ними ехала и завывала в ветре, мелькала в скудных придорожных хатёнках, свистела в ямщицком кнуте, горбилась в согнутой спине ямщика судьба всего русского общества этой поры «безвременья», самой тяжёлой, мрачной и как будто не имевшей просвета реакционной поры восьмидесятых годов.

Всё лучшее в судьбе поколения было как будто уже пережито и лежало позади, а идти, казалось, некуда и лучшего ждать не от чего.

Не было и прежнего чувства уюта по приезде домой. Симбирские знакомые поредели вокруг, давно нет старого друга семьи Арсения Фёдоровича Белокрысенко, крёстного отца Володи. Нет доктора Кадыяна, когда-то сосланного в Симбирск по старому делу демонстрантов на Казанской площади и своими глазами видевшего в доме предварительного заключения сцену расправы над студентом Боголюбовым. Нет других привычных людей вокруг.

Праздники прошли тихо, отец прихворнул. Както с утра он пожаловался матери на озноб. К обеду не вышел, только появился на пороге, оглядел их всех – любимую большую семью в любимой большой комнате, столовой, со швейной машинкой матери в уголку, с географическими картами на стене, с висячими старыми часами, знакомо постукивающими под карнизом, словно и они – живой член семейства, – почти все были тут, в сборе, кроме стар-

шого сына Александра, и она, верная спутница его трудовой жизни, всё ещё стройная, прямая, как девушка. Илья Николаевич обвёл их взглядом, «точно проститься приходил», – и унёс это последнее видение жизни в своих зрачках. Когда мать с одеялом вошла в кабинет прикрыть лежащего Илью Николаевича, он уже был в беспомощности.

Смерть Ульянова произвела страшное впечатление и на семью, и в городе. Прошёл было слух, что в этой смерти что-то «не так», уж не расстался ли Илья Николаевич сам с жизнью, до того внезапно и неожиданно он умер. Спустя год, когда всё стало известно про Александра, стали говорить, что директор народных училищ и сам знал про замысел сына и что это будто бы и свалило его.

Первое большое горе застало Владимира Ильича семиклассником, неполных шестнадцати лет от роду. Он всегда шёл в гимназии блестяще, опережая самых первых учеников. Учителя спрашивали его

только тогда, когда в классе никто не мог ответить, или же для того, чтобы он объяснил классу урок вместо них. Но в седьмом классе первенство Ильича было особенно явно. Во втором полугодии подводились итоги всему пройденному курсу. Гимназисты зубрили старое, давно забытое, а Володя Ульянов помнил весь курс, словно вчера его слушал. Память свою он воспитал не глазами, а на слух – он имел привычку внимательно усваивать весь урок во время объяснений учителя, и что раз услышит, того уже дома учить ему было незачем.

Володя Ульянов никогда не жаловался на гимназию, как это делали и Александр, и Анна, и без натяжки можно сказать, что он любил гимназию. Ему не мешала забавная галерея чудаков-учителей – она, кстати, сохранилась полностью в рассказах и Кузнецова, и доктора Сурова, и других современников гимназиста Ильича...

Марат АББЯСОВ (р. 1953)

2 апреля. 70 лет со дня рождения татарского журналиста, художника, поэта и прозаика Марата Ибрагимовича Аббасова (р. 02.04.1953, р.п. Старая Кулатка Ульяновской обл.). Учился заочно в Казанском государственном университете (отделение татарской журналистики). С 1974 года работал литературным сотрудником, заведующим отделом, главным редактором газеты «Кумяк кюч» Старокулаткинского района. Член Союза журналистов СССР (1976). Член Ульяновской областной организации татарских писателей. Автор сборников повестей, очерков, рассказов, стихов и поэм на татарском языке: «Весенний дождь» (2005), «Когда на землю опускается солнце» (2009) и др. Живёт в Старой Кулатке.

Анатолий УВАРОВ (р. 1928)

3 апреля. 95 лет исполняется поэту Анатолию Васильевичу Уварову (р. 03.04.1928, с. Кезьмино, ныне Сурского р-на Ульяновской обл.). Участник Великой Отечественной войны. В июне 1956 года совершил путешествие по Волге на теплоходе «Маршал Ворошилов», по итогам которого написал очерк «Рождение моря. Куйбышевское водохранилище». Ветеран Вооружённых сил СССР, полковник в отставке. Автор книг стихов и прозы «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы-вехи» (2011), «Село Кезьмино. Книга памяти» (2011), «Шифровальщик» (2014). Член Союза писателей России. Награждён золотой Есенинской медалью, медалями Н. Гумилёва, И. Бунина, А. Чехова. Живёт в Москве.

ХОЛОДНЫЙ ПОТОК

Как холодный поток водопада,
Я в пучину с вершины лечу.
Никого, ничего мне не надо,
Никого, ничего не хочу.

Прежде рьяные, гордые мысли
Жаждут тихий и скромный покой.
Всё осталось в заоблачной выси –
Там, где солнце и цвет голубой.

Исчезает моя сила воли,
Даже с малой я рюмочки пьян.
Не гуляю во чистом я поле,
Всё-то тянет меня на диван.

Отзвучали победные песни
И весенней, и летней поры,
Жизнь пожухлой листвой легковечной
Быстро катится в тартарары.

НЕ ДЛЯ МЕНЯ

Не для меня поёт над речкой
Весенней ранью соловей,
Болит, болит моё сердечко
Воспоминаям прежних дней.

Не для меня, увы, налито
В бокалы крепкое вино,
Любовь и женщины забыты
Давным-давно, давным-давно.

Не для меня пути-дороги
В другие страны пролегли,
Мне не помогут даже боги
И все целители земли.

А для меня остались: старость
Да увядание души,
Да скука, да болезнь, да слабость –
От жизни жалкие гроши.

Не для меня поёт над речкой
Весенней ранью соловей,
Болит, болит моё сердечко
Воспоминаям прежних дней...

Я ЗНАЮ

Я знаю, время вечно,
А мы в нём – только миг.
Всё в мире быстротечно,
И путь наш не велик.

Я знаю, что вступаю
С природой в дерзкий спор,
В котором отвергаю
Смертельный приговор.

Я знаю, дух поэта
Ничем не сокрушить,
Поэт – источник света,
Он вечно будет жить!

Николай ФИРЮБИН (1908–1983)

4 апреля. 115 лет назад родился государственный деятель, литератор Николай Павлович Фирюбин (04.04.1908, г. Симбирск – 12.02.1983, г. Москва). Трудиться начал с 16 лет каменотёсом. С 1924 года был участником литературной группы «Стрежень» в Ульяновске, писал прозу. Опубликовал в 1-м выпуске журнала «Стрежень» рассказ «Скит» (1925). Окончил Московский авиационный институт (1935). С 1938 года был на руководящей партийной и советской работе. Трудился послом СССР в Чехословакии (1954–1955) и Югославии (1955–1957); заместителем министра иностранных дел СССР (1957–1983). Был женат на министре культуры СССР Е.А. Фурцевой. Жил в Праге, Белграде и Москве.

Лилит КОЗЛОВА (1928–2019)

4 апреля. 95 лет со дня рождения поэтессы, педагога Лилит Николаевны Козловой (04.04.1928, г. Казань – 24.06.2019, г. Пушкино Московской обл.). Окончила Московский государственный университет (1951). Доктор биологических наук (1966). Работала в Ульяновском педагогическом университете им. И.Н. Ульянова (1971–2013). С 1986 года занималась исследованием творчества М.И. Цветаевой; издала серию книг о поэтессе и её сестре. Автор поэтических сборников «Грозное серебро» (1994), «Прямо на свет» (2001), «Момент освобождения» (2003), «Белокрылье, белоснежье» (2008), «В неведомое двери» (2014) и др. Возглавляла Ульяновскую организацию Российского Союза профессиональных литераторов.

ВЫХОД

До дна, до глубины,
До светлого Начала,
До самого глубинного Конца...
Откуда утром
Песня прозвучала,
Пришло благословение Отца.
Там бьёт родник,
Там успокоишь муку.
Спустишь туда,
Дослушай, досмотришь.
Прижми к груди
Протянутую Руку.
Просвет в тоннеле.
Видишь? Выход ввысь...

Ты меня целуешь в губы,
Я тебя целую в сердце
Неизменной лёгкой тенью
В затянувшейся ночи.
В жизни сумрачной и грубой
Невозможному – поверьте,
Завтра сбудутся виденья
У рождественской свечи!..

Прокричать, настрадаться, пропеть,
Прорыдать, перелиться в стихи,
Чтоб кимвалом расплакалась медь,
Заметелся голос стихий.

Пролететь поутру вышиной,
Заблудиться в туманном бору,
Биться в берег напевной волной,
И закат расплеснуть ввечеру.

Приласкаться к весенним цветам,
И погладить в траве муравья,
Потеряться – где я, где не я?
И почувствовать: здесь – это Там...

Упованья, раздумья, слова –
Отпусти их, пускай улетят!
И хоть солнцем полна голова,
Если нужно, опустимся в ад.

До конца не понять, не забыть,
Не избыть, состояться собой,
И пускай Ариаднина нить
Шелестит между мной и тобой...

Уж близко
К прорастанию зерно,
И встречный бег души
В судьбу стучится...
Я жду. Чего?
Того, что быть должно,
Того, чего не может
Не случиться...

Глеб ГЛИНКА (1903–1989)

5 апреля. 120 лет назад родился поэт, прозаик и литературовед Глеб Александрович Глинка (05.04.1903, г. Симбирск – 05.07.1989, г. Кэбот, штат Вермонт, США). Сын литературного критика и публициста А.С. Глинки. До 1913 года с перерывами жил в Симбирске; до 1922-го не раз приезжал сюда к бабушке. Окончил Брюсовский институт (1925, Москва). Участник литературной группы «Перевал» (1927–1932). В 1941 году ушёл добровольцем на фронт. Был ранен, попал в плен, содержался в концлагере. Жил во Франции, Бельгии, США. Автор книг «Времена года» (1926), «Израцовая печка» (1929), «Эшелон опаздывает» (1932), «Павлово-на-Оке» (1936), «В тени» (1968), «Было завтра» (1972), «Погаснет жизнь, но я останусь» (2005) и др.

ПОГИБЕЛЬ

Всерьёз повесился поэт,
Никчёмный одиночка,
Не говорит ни да, ни нет,
Прошли его денёчки.

Чтоб добровольно в петлю лезть,
Причин особых нету.
Не слишком, очевидно, здесь
Легко жилось поэту.

Раздумья чёрного туман
Его опутал вроде...
Опять же горе от ума,
Хоть при другой погоде.

Ему такое не с руки,
Крепыш был, не калека.
Ведь не иначе как стишки
Сгубили человека.

ТЕНЬ

Многое было, бывало.
Сердце, должно быть, устало
От безысходности всех
Чаяний, бед и утех.

День – из готовых понятий,
Ночь – без открытых объятий.
Люди – как тени вокруг,
Тень – как единственный друг.

С тенью гуляю по парку.
Тени становится жарко.
В жгучие летние дни
Тень отдыхает в тени.

Но на морозе и стуже
Ей, разумеется, хуже.
Ненависть дышит вокруг.
Тень – как застенчивый друг.

Кто разберёт и узнает,
Тень ли меня отражает
Ночью иль в солнечный день,
Я отражаю ли тень?

С тенью мы слишком похожи.
И, как по тени, прохожий
Может по мне на пути,
Не замечая, пройти...

Я – это тень от былого,
Дикого, нежного, злого.
Тень на стене не моя,
Тень – это подлинный я.

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Когда душа вскипит, как чайник,
Открыто, не исподтишка,
Приладь к идее хвост мочальный
И запускай под облака.

Удача или неудача –
Не важно; истина проста:
В искусстве ничего не значит
Сама идея, без хвоста.

Александр СКИБНЕВСКИЙ (1903–1978)

8 апреля. 120 лет со дня рождения режиссёра, литератора Александра Брониславовича Скибневского (08.04.1903, г. Москва – 20.04.1978, г. Харьков). В 1925 году окончил режиссёрское отделение Государственных экспериментальных театральных мастерских Наркомпроса РСФСР. С 1926 года работал художественным руководителем театров в Чите, Ашхабаде, Киеве, Ижевске, Кирове. В 1947–1949 гг. – главный режиссёр Ульяновского театра драмы; публиковался в альманахе «Литературный Ульяновск». Поставил много спектаклей. Автор нескольких пьес, в т. ч. «Нельзя забыть» (1941), монографии «Народный артист А.К. Ильинский» (1954), очерка «Наум Лойтер» (1969), многих театроведческих статей.

Екатерина РАДЗИВИЛЛ (1858–1941)

11 апреля. 165 лет назад родилась польская писательница и аферистка, княгиня Екатерина Адамовна Радзивилл, урождённая графиня Ржевуская (11.04.1858, г. С.-Петербург – 12.05.1941, г. Нью-Йорк, США). Её тётя была женой Оноре де Бальзака. Автор изданных за рубежом более 30 скандальных романов на английском и французском языках. Владелица имения в селе Пятино с близлежащими селениями Тяпино, Васильевка и Чаглы Карсунского уезда Симбирской губернии (ныне Инзенского района Ульяновской области), где не раз бывала. В 1895 году купила в Симбирске конную вёзку-сортировку для сельхозработ. Писатель В.С. Пикль посвятил Екатерине Радзивилл рассказ «Дама из Готского альманаха».

ПИСЬМО ГРАФУ Н.П. ИГНАТЬЕВУ (6 декабря 1888 года, Симбирская губерния)

Дорогой граф, в настоящий момент я нахожусь в затруднении. Я хотела устроить всё так, чтобы встретиться с Вами в Москве 8 января, как Вы этого хотели, однако... есть очень серьёзная причина, заставляющая меня быть в Петербурге до этого дня. Я бы хотела просить Вашего разрешения сообщить эту причину уже при встрече, так как ныне у меня есть обязательства перед другим лицом, и я не могу пока говорить, но причина эта настолько веская и серьёзная, что поступить иначе я не могу.

Тем временем затруднения заставляют проявлять находчивость, и я хочу предложить Вам другой план действий. Вы мне сказали, что 10-го или 12-го этого месяца Вы отправляетесь в деревню. Если Вы проживёте там три недели, а это, на мой взгляд, срок более чем достаточный, не могли бы Вы вдруг внезапно обнаружить, что Вам абсолютно необходимо присутствовать при «выходе» 1-го января? В этом случае я Вам предлагаю следующее. Я уеду отсюда 26-го, 28-го буду в Рязани, 30-го уеду оттуда в 2 часа дня и, не останавливаясь в Москве, перееду с одного вокзала на другой лишь для того, чтобы сесть на экспресс в Петербург. Мы можем встретиться случайно на вокзале и продолжить наш путь вместе. Вот мой план; есть ли шанс, что Вы на него согласитесь? В этом случае напишите за месяц до того, как отправиться в деревню, и в любом случае помните, что в Петербурге я останусь в гостинице «Европейская», в том же номере, что и в прошлом году.

По многим причинам я хотела бы поговорить с Вами в течение нескольких часов, прежде чем увидит кого-либо. Вы сами знаете, что представляется собой моя жизнь в Петербурге, этот постоянный круговорот вокруг меня, и можно ли в этих условиях

серьёзно поговорить? Между тем есть тысяча предметов, о которых я хотела бы побеседовать с Вами: я возвращаюсь в город при совсем новых обстоятельствах; важно занять правильную позицию сразу же, мне придётся беречь самолюбие многих особ и надо будет немедленно занять какую-то позицию по отношению к посольству Германии. По всем этим вопросам Ваши советы будут для меня драгоценны, а в вагоне мы сможем несколько часов побеседовать спокойно, не опасаясь людей надоедливых и навязчивых. Вы помните милую причину? Мы также сможем обсудить события прошлого лета. Одним словом, я буду очень, очень счастлива, если мы сможем осуществить мой проект. Прошу Вас, порадуйте меня.

Я не знаю, откуда моя добрая тётюшка взяла, что, вступая в брак, я подписала бумагу, которая может навредить моему процессу. Дело в том, что я вышла замуж без брачного контракта, мой отец не дал за мной ничего и он даже не подумал требовать от меня какой-либо подписи. Я не знаю, кто мог рассказать тётюшке эту выдумку, но рассказывать подобные вещи – это на неё очень похоже. У неё добрая душа, я её очень люблю, но она обожает сплетничать и, я уверена, знает всё и обо всех.

Этой зимой я начну выезжать в свет. Тимашев убедил меня, и в самом деле было бы смешно продолжать жить затворницей после девяти с половиной месяцев, особенно когда проводишь мало времени в городе. Я покажусь в белом или в сером, а вечером даже в чёрном, но покажусь. Я считаю, что это будет лучше и что это сможет в какой-то мере развеять дурное впечатление от заграничной поездки моего мужа. Я не могла заставить его отказаться от этой идеи, поскольку его мать регулярно

присылала ему жалобные письма, что она умрёт, так и не увидев его и т.д. Она болеет бронхитом и 1 января ей исполнится 84 года. Если я буду сопротивляться отъезду её сына, скажут, что я удаляю его от его семьи и т.д. Не остаётся делать ничего другого, кроме как с сожалением смириться с прихотью старой женщины. Я заставила мужа твёрдо обещать, что в январе месяце он присоединится ко мне в Петербурге, и надеюсь, что он сдержит своё слово, а в этих условиях я считаю себя почти обязанной показываться в свете. Я прошу Вас никому не говорить обо всём этом.

Я не думаю, что эта поездка доставит моему мужу удовольствие, поскольку им, кажется, очень недовольны. Кстати, молодой император Вильгельм передал мне через общую знакомую, что я не выполнила моих обязанностей и что он категорически осуждает моё поведение. Я себя спрашиваю, чем мне это грозит.

Правда ли, что Вы едете в Англию? Стид, говорят, объявил об этом в своей газете, но я пока не могу поверить в эту новость. Мне любопытна его книга. Его нимфа Эгерия мне писала последнее время, но не сообщила ничего, кроме того, что он возвращается к ней в Россию...

Сергей ЛУКЪЯНЕНКО (р. 1968)

11 апреля. 55-летний юбилей отмечает писатель-фантаст Сергей Васильевич Лукьяненко (р. 11.04.1968, г. Каратау, ныне Жамбылской обл. Казахстана). Окончил Алма-Атинский медицинский институт. С 1996 года живёт в Москве. Автор книг прозы «Атомный сон» (1992), «Лорд с планеты Земля» (1994), «Императоры иллюзий» (1996), «Осенние визиты» (1997), «Звёздная тень» (1998), «Ночной Дозор» (1999), «Дневной Дозор» (2000), «Близится утро» (2000), «Танцы на снегу» (2001), «Новый Дозор» (2012) и др. В 2001–2007 годах не раз приезжал в Ульяновск, где в Новом городе жили его родители. В рамках регионального Года книги провёл 15 октября 2021 года встречу с читателями во Дворце книги в Ульяновске.

АТОМНЫЙ СОН (отрывок из романа)

Я шёл по его следам второй час. Это было совсем несложно – слон, пробирающийся через посудную лавку, и тот оставил бы меньше следов. Возле большой сосны валялись обрывки бумаги и полиэтилена. Я поднял их, повертел в руках. Остатки армейского пищевого концентрата. Чёрт возьми, редкая вещь!

Переходя через ручеёк, тот, что огибает Семь Холмов и впадает в Биг Ривер, я заметил вмятины в глине. Человек садился здесь... нет, опускался на колени. И пил... Пил, повернувшись спиной к зарослям чёрной колючки!

Он был либо сумасшедшим, либо отчаянным храбрецом. Впрочем, кто ещё мог забраться на мою землю? Я забеспокоился, не то, чтобы сильно, но всё-таки... Со мной не было Принца, и рисковать не хотелось. Но через минуту я понял, что мои страхи напрасны.

Посреди поля дикой пшеницы, в луже голубоватой крови, лежал здоровенный, двухметровой длины паук. Ещё одно свидетельство, что тут кто-то прошёл. К тому же этот кто-то или зелёный новичок в лесу или тронутый. Ну кто же, в конце концов, убивает пауков?

Разумеется, это чёрное бугристое страшилище так и просит хорошего пинка или бульжника. Но стрелять по пауку из автомата? Чужак (так я окрестил его) выпустил в паука по меньшей мере десятков патронов. Пересиливая отвращение, я потрогал дыхальца паука. Они были тёплыми и ещё влажными. Паук был убит минут двадцать назад.

Дальше я мчался бегом. Автомат мягко хлопал по спине, колючки царапали ноги даже сквозь толстую ткань джинсов. Но меня пожирало любопытство. И на берегу Биг Ривер я увидел чужака...

В лесу кого только не встретишь. Солдат из одичавших гарнизонов, монахов из секты Истинно Верующих, или Ордена Братьев Господних, крестьян, пробирающихся от села к селу, ребят из молодёжных банд. Но этот чужак был особенный. Во-первых, он был один. Мало кто решается ходить по лесу в одиночку... Во-вторых, он был прекрасно экипирован. На шее у него болтался новенький «люггер», спину оседлал туго набитый рюкзак, одет чужак был в десантный комбинезон восхитительного буро-зелёного цвета. Слишком роскошно для сопляка, которому от силы двадцать лет... А в-третьих, он был беспечен.

Я огляделся, ожидая подвоха. Нет, сопляк был один. И, похоже, собирался переплыть Биг Ривер. Он неторопливо разделся и стал связывать одежду в узел. Делал он это умело, но, Господи, до чего же беззаботно!

Будь это другой чужак, нищий и неинтересный, я не стал бы ему мешать. Позабавился бы и так, наблюдая из кустов. Но вместе с этим чужаком уходил его люггер. То есть, мой люггер! Я взял свой безотказный «АК» в руки и вышел на берег.

Он обернулся не сразу. Но, наконец, заметил меня и весь подался вперёд. Я приготовился. Сейчас... Он вскинет автомат, и тогда я выстрелю. Первым.

Чужак не стрелял. Он даже выпустил автомат, а его большие глаза стали ещё больше от удивления... и восторга. Восторга? Что он, не соображает, кто я такой? До чужака осталось несколько шагов, и я мог спокойно его разглядеть. Светловолосый мускулистый парнишка, стройный, с симпатичным правильным лицом, пожалуй, даже красивый.

Не похож он был на современную молодёжь... Чужак наконец-то раскрыл рот.

– Добрый день!

Я оцепенел. Он что, совсем одурел?

– Какой день?

Он растерялся:

– Добрый... день.

Краем глаза я следил за его руками. А сам неторопливо расстёгивал свою чёрную кожаную куртку. Полы распахнулись, и прохладный ветер пробежал

по груди. Не ношу рубашек – в лесу трудно их менять, а грязь я терпеть не могу. Чужак сразу на меня уставился. Я знал, что он увидел. Чёрную татуировку – свившийся в кольцо дракон кусает свой хвост. А в центре кольца – цифра 13.

Я думал, он упадёт на колени, зарыдает... Нет. Он пожал плечами, улыбнулся, нерешительно произнес:

– Меня зовут Майк...

Александр ОСТРОВСКИЙ (1823–1886)

12 апреля. 200 лет со дня рождения драматурга Александра Николаевича Островского (12.04.1823, г. Москва – 14.06.1886, с. Щелыково, ныне Островского р-на Костромской обл.). В 1849 году был в Симбирской губернии проездом. Путешествуя на пароходе по Волге, 27-29 мая 1865 года находился в Симбирске; посетил Венец, памятник Карамзину, дом Языковых. Автор пьес «Свои люди – сочтёмся!» (1850), «Бедность не порок» (1853), «Гроза» (1859), «Бешеные деньги» (1869), «Снегурочка» (1873), «Волки и овцы» (1875), «Бесприданница» (1878) и др. Многие пьесы ставились в Ульяновском драматическом театре имени И.А. Гончарова. Его имя присвоено Димитровградскому драматическому театру (2006).

ПИСЬМО Е.Н. ВАСИЛЬЕВОЙ (8 июня 1865 года)

Много любимая и многоуважаемая нами Екатерина Николаевна, из Казани, откуда мы послали Вам отчёт о нашем путешествии, мы быстро направились назад в Симбирск, Самару и Саратов. Быстрые переезды, короткие остановки и кипучая деятельность наша не давали нам времени одуматься. Многозначительные события, одно за другим, бежали так быстро, что мы не только Вам, но и себе не успевали дать в них отчёта. Теперь, когда мы совершили всё, что нам было предназначено свыше, когда последний город (Саратов) нашего путешествия быстро удаляется за кормой нашего парохода и мы, забравшись на «Царевну» (пароход), начинаем спокойное, длинное пятидневное возвращение вверх по Волге; когда мысли успокоились, впечатления улеглись, мы с свежей головой и покойной совестью принимаемся за перья. Плывя от Казани вниз, я дивился тому, с какой премудростью всё устроено в природе, – чем дальше на юг, тем холоднее; один только Саратов оправдал географию; в этой стране, где цветёт лимон, то есть нет, не лимон, а где камышинские арбузы очень дешёвы, – мы на другой день нашего прибытия принуждены были надеть парусинные костюмы.

Из Симбирска мы Вам писали, а из Самары и рады бы написать, да нечего, – город большой, купеческий, жизнь благочестивая, семейная, без удовольствия, нравы жестокие, – необразование полное, – кумысные заведения Аноева и Постникова не процветают, больных мало – больше всех пьёт кумысу здоровый Рассказов. Труппа артистов под управлением Медведева собирается на Сергиевские воды и теперь без дела, т. е. без дела только актёры, а актрисы кой-чем занимаются и довольно усердно, но выгоды имеют малые. Слова песни «Под Самарою разбойнички шалят» не совсем справедливы;

разбойников нет, нельзя, век прогресса, теперь борьбы с судов производятся инженерами водяной коммуникации, а не разбойниками, всё-таки шаг вперёд; не знаю, выгоднее ли стало судозоостванию, да мало ль чего! Что на них смотреть. Разбойник – мужик необразованный, у него и потребности незначительные, оттого он и брал меньше, а офицер дело другое, он и шампанское пьёт и французские перчатки носит.

9 июня. Несправедлив также и другой стих песни: «А в Саратове девицы хороши!». Ничего нет хорошего! Притом же известно, что Саратов есть родина хлыстов. Если бы в Саратове точно были девицы хороши, то не было бы никакого расчёту заводить такую пустую и противоестественную секту. В Саратове уж не шутя пахнет югом, жарко и пыльно, жителей 100 тысяч, есть горсточка порядочных людей, с которыми мы, разумеется, скоро сошлись. Есть вокзал на берегу Волги, есть коммерческий клуб, есть загородный сад с театром, в котором играет Берг с своей труппой. Мы приехали накануне бенефиса Пиуновой (Шмидтгоф), у которой шла «Гроза». Горбунов сейчас же, как учтивый кавалер, предложил свои услуги и сыграл Кудряша и доставил Пиуновой полный сбор. Да она и стоит того – милая актриса и милейшая женщина; я вспомнил одни стишки, которые очень идут к ней: «Не кори, что так развратен / До тебя пройденный путь; / Но целуй до синих пятен / Эту шею, эту грудь».

Саратовские фотографы Муренко и Ушаков увековечили нас в различных позах и разных величин, порознь и в группах. Сии точные изображения придут в Москву вместе с нами.

Горбунов играл ещё в двух спектаклях, разумеется за деньги, которых у него с саратовскими набралось довольно количество; а так как он боится,

что его в Жигулёвских горах ограбят разбойники, то и старается их поскорее пристроить. 7-го числа мы проводили генерала в Пензу, а 8-го утром выехали сами в обратный путь. Теперь подъезжаем к Самаре, вечер восхитительный, хотя и свежо.

10 июня. Вчера в Самаре сел на пароход Рассказов, и теперь мы играем с ним в пикет.

11 июня. Забыл я Вам сказать о пище, которой мы пользуемся: совершенно свежая икра, осетрина, севрюга, стерляди, дупеля, фазаны – всё это ни почём. Кажется, чего бы нам ещё, а всё не хватает

чего-то, очень существенного! Мы теперь уподобляемся бедным путникам, которые в полуразрушенной лодке несколько дней без всякой пищи носятся по океану; говорят, что у этих несчастных особенно страшно выражение глаз: каждый смотрит на своего соседа с непреодолимым желанием съесть его. Посторонние говорят, что у нас точно то же выражение глаз, когда мы смотрим на женщин.

Следующее письмо наше будет из Щелькова.

Целую Ваши ручки...

Наталья ФОНВИЗИНА (1803–1869)

13 апреля. 220 лет назад родилась мемуаристка Наталья Дмитриевна Фонвизина (13.04.1803 – 22.10.1869). Внучка А.И. Апухтина – генерал-губернатора Симбирского и Уфимского наместничества. Во втором браке вышла замуж за И.И. Пуцину, лицейского друга А.С. Пушкина; стала прототипом Татьяны Лариной в романе «Евгений Онегин», позже писала об этом: «...как верно угадал Александр Сергеевич черты моего характера, самую душу мою». В 1850 году в Тобольске добилась свидания в тюрьме с Ф.М. Достоевским; была прототипом Сонечки Мармеладовой в романе «Преступление и наказание» и Натальи в набросках романа Л.Н. Толстого «Декабристы». Оставила воспоминания о своей жизни – «Исповедь» (1865).

ИСПОВЕДЬ (отрывки из воспоминаний)

В памяти моей сохранились некоторые благодатные воспоминания из моего раннего детства: мне был, может быть, год шестой, это было в Калуге в купеческом доме, может быть постоялом, где хозяйку звали Марьей Павловной – а как мою мать звали так же, сходство имён и разность личностей меня очень поразили. Я сидела со своей няней-кормилицей и смотрела на вечернюю зарю. А она что-то рассказывала про Бога, и что всё это Он создал. Не знаю почему, эта вечерняя заря мне как бы напоминала его. Я как будто Его смутно узнала, вероятно, несознательно ощутила Его присутствие, потому что постоянно стала проситься в Зарю – что там Бог, что там славно, что я хочу туда, и долго я всякий вечер с нетерпением ждала Зари и просилась в Зарю и желала бежать туда. Меня бранили, я не умела растолковать своё стремление куда-то и говорила: в Зарю!

Меня называли капризною, я стыдилась, скрывала грусть свою безотчётную и безотчётное стремление – но помню, что долго, очень долго продолжалось со мною то же во всякий ясный вечер. Я росла каким-то сосредоточенным ребёнком. Помню, однажды тётка моя, крёстная мать, которая жила у нас и, должно быть, это было постом, читала вслух житие Марии Египетской. Я ничего, конечно, не поняла из этого чтения, умом ничего не усвоила, но до того расплакалась, что не могли унять, мне кого-то и чего-то так жаль было, что даже на другой день без слёз вспоминать не могла – сердце чем-то так было полно, что я и рассмеяться не хотела от моей грусти. Это оставило, как и Заря, неизгладимое во мне ощущение и воспоминание. Мать, родные и домашние звали меня мямлей и рохлей. Мне до всего хотелось допытаться, а спрашивать совестилась – и говорить не хотелось, я была несообщительна и дика...

С 13 лет я полюбила Мир страстно – и в Мире – все его приманки, все его увеселения, и танцы особенно, и ни о чём больше не думала, кроме предмета любви, который занимал моё сердце в те минуты – предметы эти менялись, но чувство влюблённости было постоянным. В научном образовании я старалась взять памятью, и это мне удавалось, но как Господь одарил меня изрядными способностями, то я многое незаметно для самой себя усваивала и успевала во многом... Законоучитель преподавал мне катехизис. Я, как пытливая разумом, закидывала его вопросами очень мудрёными... Пытливость моя возбудилась до страсти (как и во всём в моей алчной природе), я, например, измучилась предположениями о сотворении мира...

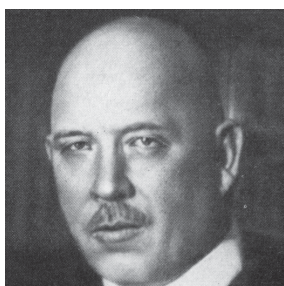
Мне минуло 14 лет... Находясь 13-го августа в деревенской нашей церкви, я в первый раз в жизни увидела покойника, моих лет юношу – любопытство удержало меня у гроба и вызвало глубокое душевное сосредоточие и внутреннее отвлечение от обычной колеи земной жизни. Сильно поразило меня вид смерти и её непреложность для всякого из нас; я как-то серьёзно взглянула на свою жизнь – сознала себя виновною перед родителями, просила прощения, исповедалась и приобщилась в первый раз с чувством... У меня как будто вдруг зрение, слух и смысл открылись – и то, что поют, и то, что читают, стало вдруг понятно... Я стала тиха, кротка, задумчива и молчалива...

Напала на меня жажда страданий – и умерщвления плоти в это время, только этими страданиями плоти удовлетворялось несколько чувство моё пылкое, этот огонь любви требовал пищи... Я почти ничего не ела, не то что постилась, а не хотелось (то, что ощущала, насыщало меня), хотелось же страдать, и чего я не выдумывала для этого. Заказала нашему кузнецу плоские тёрки (три, чтобы не знали

для чего) и носила их в чулках – давая ногам отдых, чтобы не показалась кровь, и так к этому привыкла, что было для меня этого недостаточно – жгла ладони около печек и самовара до того, что кожа сохла. Обвязывалась по нагому телу верёвкой засмоленной (моё тело не переносило смолы), верёвка эта разъедала тело моё кругом – до крови, до струпьев въедалась в тело, при каждом движении жгла, как огнём – и всё это было для меня мало – и всё ни почём. Ничто не удовлетворяло жажды страдания – с моей стороны это был не подвиг, а наслаждение.

Я только и мечтала о мученичестве. Как у меня была особая комната, я никогда не ложилась в

постель, а спала на полу без постилки, подушки и одеяла. Вставала на молитву часов в пять и ранее, а иногда и всю ночь проводила без сна – особенно летом бегала молиться в сад... Я никому не поверяла моей сердечной тайны, но от домашних не скрывалась перемена моя даже в наружности – я так похудела, что на себя не стала похожа. Домашние делали разные заключения, между прочим говорили, что я схожу с ума. Началось гонение, отобрали книги – насмехались, присматривали за мною, заставляли ездить к соседям – для моего развлечения и к себе звали частенько, требовали, чтобы я плясала и пела...

Демьян БЕДНЫЙ (1883–1945)

13 апреля. 140 лет назад родился поэт Демьян Бедный, настоящее имя – Ефим Алексеевич Придворов (13.04.1883, с. Губовка, ныне Компанеевского р-на Кировоградской обл. Украины – 25.05.1945, г. Москва). Во время Гражданской войны в сентябре – октябре 1918 года на бронепоезде выезжал с Л.Д. Троцким на фронт для агитационной работы; стихами и песнями поднимал дух красноармейцев, разоблачая классовых врагов; посетил Свяжжск, Казань, Симбирскую и Самарскую губернии. В 1920-х гг. написал поэму «Главная улица», стихи о Ленине («Снежинки», «Никто не знал» и др.). В 1938 году был исключён из Союза писателей СССР за «моральное разложение». Издано собрание сочинений в 8 томах (1964).

НИКТО НЕ ЗНАЛ

Был день как день, простой, обычный,
Одетый в серенькую мглу.
Гремел сурово голос зычный
Городового на углу.
Гордясь блеском камилавки,
Служил в соборе протопоп.
И у дверей питейной лавки
Шумел с рассвета пьяный скоп.
На рынке лаялись торговки,
Жужжа, как мухи на меду.
Мещанки, зарясь на обновки,
Метались в ситцевом ряду.
На дверь присутственного места
Глядел мужик в немой тоске, –
Пред ним обрывок «манifestа»
Желтел на выцветшей доске.
На каланче кружил пожарный,
Как зверь, прикованный к кольцу,
И солдатня под мат угарный
Маршировала на плацу.
К реке вилась обозов лента.
Шли бурлаки в мучной пыли.
Куда-то рваного студента
Чины конвойные вели.
Какой-то выпивший фабричный
Кричал, кого-то разнося:
«Про-щай, студентик горемычный!»
Никто не знал, Россия вся
Не знала, крест неся привычный,
Что в этот день, такой обычный,
В России... Ленин родился!

ЛЕНИН С НАМИ

Высоких гениев творенья
Не для одной живут поры:
Из поколений в поколенья
Они несут свои дары.

Наследье гениев былого –
Источник вечного добра.
Живое ленинское слово
Звучит сегодня, как вчера.

Трудясь, мы знаем: Ленин – с нами!
И мы отважно под огнём
Несём в боях сквозь дым и пламя
Венчанное победой знамя
С портретом Ленина на нём!

МОЯ МОЛИТВА

Благодарю тебя, создатель,
Что я не плут и не предатель,
Не душегуб, не идиот,
Не заскорузлый патриот.
Благодарю тебя, спаситель,
Что дан мне верный «охранитель»
На всех путях, во всех местах,
Что для меня всегда в Крестах
Готова тихая обитель.

Елена КУВШИННИКОВА (р. 1963)

14 апреля. 60-летний юбилей отмечает поэтесса, журналист Елена Викторовна Кувшинникова (р. 14.04.1963, г. Ульяновск). Член Союза писателей России (1994). Автор поэтических сборников «Негромкий свет» (1992), «Одна надежда» (1999), «Милость сердечная» (2007), «Чудо встречи» (2013), «Фестиваль свиданий» (2018). Работала в Центральной городской библиотеке им. И.А. Гончарова и в журнале «Мономах»; была редактором альманаха «Карамзинский сад». С 2013 года – главный редактор литературного журнала «Симбирскъ». Обладатель Гран-при премии «Шапка Мономаха» (2003), лауреат областной литературной премии имени Н.Н. Благова (2014). Награждена медалью Почёта Ульяновской области (2016).

Я устала хранить эту тайну,
Я забыла, что это – секрет.
Ночью проговорилась случайно,
А наутро – тебя уже нет.

Я запуталась в этой метели,
В этой шали и в этих кистях.
И меня предупредить не успели
О последних и горьких вестях.

Возвращалась устало и поздно
Под мерцание первой звезды.
На окне, на рисунке морозном
Резкий перстень оставил следы.

Мне от этой погони не скрыться,
От следящих зрачков не уйти.
Не растаять ему, не разбиться
Ледящему слову в груди.

Алым по белому. Ягоды зимние
Мягко усыпаны снегом ли, инеем?
Сердце живое укрыто порошами.
Всё верит в чудо. Всё верит в хорошее...
Нет пустоты, одиночества, горестей.
И не срослась ещё исповедь с повестью.
Всё преходяще. Останется вечное:
Небо, душа, эта милость сердечная...

Утро выпрямит влажные ветки.
Шевельнёт молодой ветерок
На перилах старинной беседки
Со свиданья забытый цветок.

Всё родное становится близким.
Волжский берег. Бескрайняя даль.
Чистым голосом Ольги Ильинской
Высоко разольётся печаль.

Станет жить и светлее, и проще.
Есть куда прислониться душе.
Волга. Родина. Милая роща.
...И роднее не будет уже.

Порою грезится устало
Уединенье и покой,
Чтоб там лоскутным одеялом
От бед укрыться с головой.

Пора былая миновала,
Когда все жили без затей.
И только чудо-покрывало
Хранит тепло родных людей.

И длится память долгим эхом
Из стародавности веков.
Беды залатана прореха.
А счастье всё из лоскутков.

Ликуют краски пёстрым хором.
От их цветенья жизнь светлей,
Сияет солнце над простором
Лоскутной родины моей!

Борис СТРУГАЦКИЙ (1933–2012)

15 апреля. 90 лет со дня рождения писателя-фантаста Бориса Натановича Стругацкого (15.04.1933, г. Ленинград, ныне С.-Петербург – 19.11.2012, там же). В 1943–1945 годах жил в эвакуации; бывал проездом на станциях Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово. В 1951 году по дороге в Казахстан вновь был здесь проездом. Окончил Ленинградский университет (1954). Член Союза писателей СССР (1964). С братом Аркадием написал книги «Путь на Амальтею» (1960), «Трудно быть богом» (1964), «Понедельник начинается в субботу» (1965), «Пикник на обочине» (1972) и др. Лауреат Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых (1986). Автор романов «Поиск предназначения» (1995), «Бессильные мира сего» (2003).

КОММЕНТАРИИ К ПРОЙДЕННОМУ (из книги воспоминаний)

Они уехали 28 января 1942 года, оставив нам свои продовольственные карточки на февраль (400 граммов хлеба, 150 «граммов жиров» да 200 «граммов сахара и кондитерских изделий»). Эти граммы, без всякого сомнения, спасли нам с мамой жизнь, потому что февраль 1942-го был самым страшным, самым смертоносным месяцем блокады.

Они уехали и исчезли, как нам казалось тогда, – навсегда. В ответ на отчаянные письма и запросы, которые мама слала в Мелекесс, в апреле 1942-го пришла одна-единственная телеграмма, беспощадная, как война: «НАТАН СТРУГАЦКИЙ МЕЛЕКЕСС НЕ ПРИБЫЛ». Это означало смерть. (Я помню маму у окна с этой телеграммой в руке – сухие глаза её, страшные и словно слепые). Но 1 августа 1942-го в квартиру напротив, где до войны жил школьный дружок Аркадия Натановича, пришло вдруг письмо из райцентра Ташла Чкаловской области. Само это письмо не сохранилось, но сохранился список с него, который мама сделала в тот же день.

«Здравствуй, дорогой друг мой! Как видишь, я жив, хотя прошёл или, вернее, прополз через такой ад, о котором не имел ни малейшего представления в дни жесточайшего голода и холода... Мы выехали морозным утром 28 января. Нам предстояло проехать от Ленинграда до Борисовой Гривы – последней станции на западном берегу Ладожского озера. Путь этот в мирное время проходил в два часа, мы же, голодные и замёрзшие до невозможности, приехали туда только через полтора суток. Когда поезд остановился и надо было вылезать, я почувствовал, что совершенно окоченел. Однако мы выгрузились. Была ночь. Кое-как погрузились в грузовик, который должен был отвезти нас на другую сторону озера (причём шофёр ужасно матерился и угрожал посадить нас). Машина тронулась. Шофёр, очевидно, был новичок, и не прошло и часа, как он сбился с дороги и машина провалилась в полынью. Мы от испуга выскочили из кузова и очутились по пояс в воде (а мороз был градусов 30). Чтобы облегчить машину, шофёр велел выбрасывать вещи, что пассажиры выполнили с плачем и ругательствами (у нас с отцом были только заплечные мешки). Наконец машина снова тронулась, и мы, в хрустящих от льда одеждах, снова влезли в кузов.

Часа через полтора нас доставили на станцию «Жихарево» – первую заозёрную станцию.

Почти без сил мы вылезли и поместились в бараке. Здесь, вероятно, в течение всей эвакуации начальник эвакопункта совершал огромное преступление – выдавал каждому эвакуированному по буханке хлеба и по котелку каши. Все накинулись на еду, и, когда в тот же день отправлялся эшелон на Вологду, никто не смог подняться. Началась дизентерия. Снег вокруг бараков и нужников за одну ночь стал красным. Уже тогда отец мог едва передвигаться. Однако мы погрузились. В нашей теплушке или, вернее, холодушке было человек 30. Хотя печка была, но не было дров...

Поезд шёл до Вологды 8 дней. Эти дни как кошмар. Мы с отцом примёрзли спинами к стенке. Еды не выдавали по 3 – 4 дня. Через три дня обнаружилось, что из населения в вагоне осталось в живых человек пятнадцать. Кое-как, собрав последние силы, мы сдвинули всех мертвецов в один угол, как дрова. До Вологды в нашем вагоне доехали только одиннадцать человек. Приехали в Вологду часа в 4 утра. Не то 7, не то 8 февраля. Наш эшелон завезли куда-то в тупик, откуда до вокзала было около километра по путям, загромождённым длиннейшими составами. Страшный мороз, голод и ни одного человека кругом. Только чернеют непрерывные ряды составов.

Мы с отцом решили добраться до вокзала самостоятельно. Спотыкаясь и падая, добрались до середины дороги и остановились перед новым составом, обойти который не было возможности. Тут отец упал и сказал, что дальше не сделает ни шагу. Я умолял, плакал – напрасно. Тогда я озверел. Я выругал его последними матерными словами и пригрозил, что тут же задушу его. Это подействовало. Он поднялся, и, поддерживая друг друга, мы добрались до вокзала...

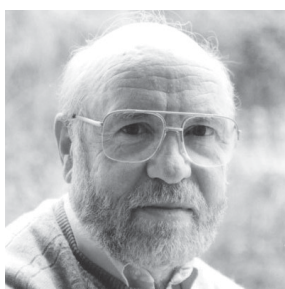
Больше я ничего не помню. Очнулся в госпитале, когда меня раздевали. Как-то смутно и без боли видел, как с меня стащили носки, а вместе с носками кожу и ногти на ногах. Затем заснул. На другой день мне сообщили о смерти отца. Весть эту я принял глубоко равнодушно и только через неделю впервые заплакал, кусая подушку...»

Махмуд ХУСАИН (1923–1993)

15 апреля. 100 лет назад родился татарский поэт, прозаик Махмуд Хафизович Хусаинов, литературный псевдоним – Махмуд Хусаин (15.04.1923, с. Урда Джангалинского р-на Западной области Казахской ССР – 1993, г. Казань). Работал в Татарском книжном издательстве. Член Союза писателей Татарской АССР (1973). В марте 1975 года провёл творческую встречу с читателями в городе Димитровграде. Летом 1987-го посетил Ульяновск, Димитровград, Татарский Калмаюр. Написал с композитором А. Валиуллиным кантату «Студент Ульянов». Автор сборников «Белый голубь» (1951), «Земные кораллы» (1967), «Весенний дождь» (1973), «Мамина рябина» (1979), «Мелодии любви» (1983) и др.

Юрий ДРУЖНИКОВ (1933–2008)

17 апреля. 90 лет со дня рождения писателя, историка литературы Юрия Ильича Дружникова, настоящее имя – Юрий Израилевич Альперович (17.04.1933, г. Москва – 14.05.2008, г. Дэйвис, штат Калифорния, США). В 1955–1957 годах работал учителем в Казахстане, по пути проезжал через станции Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово. Член Союза писателей СССР (1971). Эмигрировал в 1987 году, жил в Австрии и США. Автор книг «Спрашивайте, мальчики!» (1974), «Ангелы на кончике иглы» (1989), «Узник России. По следам неизвестного Пушкина» (1992), «Русские мифы» (1995) и др. Поддерживал связи с Ульяновской библиотекой для детей и юношества, присылал сюда в подарок свои книги.

СВЕТОФОР ПО–МОСКОВСКИ (отрывок из воспоминаний)

Знакомый издатель с периферии, угостив немецким пивом, спросил, не могу ли я достать для него в Америке полиграфические машины, хотя знает ведь, что я могу «достать» только ещё одну рукопись. Редактор модной петербургской газеты перешёл на шёпот:

– Где там у вас можно получить инвестирование?
 – В каком смысле?
 – Нам срочно надо 250 тысяч долларов.
 – Двести пятьдесят я бы редакции подарил, – сказал я. – А такая сумма вряд ли найдётся не вложенной в дело даже у миллионеров. Зачем тебе?
 – Да на развитие демократии, – скромно пояснил он.

Демократия бьёт ключом. Кое-что в избытке, чего-то не хватает, полно прорех. Свобода культуры налицо. Проблема самая болезненная, как мне видится, – культура свободы, разумная организация этой свалившейся с неба вседозволенности. Фраза, выкинутая из статьи приятеля: «В июне успешно выбрали бандершу для нашего бардака». Это о президенте. Впечатления разношёрстные.

Ощущение, что едва ли не все в Москве чем-нибудь да больны. То и дело говорят про болезни и при этом не лечатся. В этот приезд двое из моих знакомых сбиты машинами, одна сломала руку, скатившись по скользкой лестнице в метро.

Надпись на двери студенческой столовой в институте, куда пригласили выступить: «Еда есть – хода нет». Оказывается, ступени проломлены, и надо идти в пальто через дверь кухни, чтобы попасть в зал.

Возле метро новый супермаркет под эффектным названием «Американский магазин «Русь». В нём ничего: цены не по карману. Иду меж полок. За мной следят две кассирши и по пятам идёт охранник, чтобы я не положил йогурт в карман.

Сел в автомобиль «Ока» – прямо из магазина: провода висят, гайки недовинчены, двери не запираются. Свобода разгильдяйства. Качество всех российских изделий бросовое: от ложки до правительственного указа. По сему, как говаривал Булгаков, «не то меня удивляет, что трамваи не ходят, а то меня удивляет, что трамваи ходят».

Зато политизация всех и вся стала даже больше, чем была во времена тотальной идеологии. Дом кино. Бомонд. Вечер памяти известного актёра. А все выступающие, забыв об усопшем, спорят о выборах президента.

Во многих театрах – грязь и сырость. Но актёры, особенно молодые, великолепны. Искусство держится на энтузиазме, интерес – на эротике. В неплохом в общем-то спектакле герои совокупляются на полу, в кресле и стоя, что к сюжету не имеет никакого отношения.

Телевидение разное, интересное, – ради одного этого стоило устраивать заваруху. И здесь то, что у нас в Америке называется quickie – секс на ходу, быстренько. Ежевечерне на экране трупы: с улиц, из моргов, с кладбищ, без такта и меры – холодят душу. А перейти улицу нельзя: потоки бешеные, и вы вынуждены бросаться под колёса.

Продолжается почкование журналов, ибо в редакциях люди разных взглядов не могут найти общий язык. От «Юности» отщепилась «Новая юность», от «Литературного обозрения» – «Новое литературное обозрение», от «Книжного обозрения» – «Новое книжное обозрение», и несчастный подписчик пытается уловить разницу, построенную на амбициях редакторов, а не на сути печатаемого. Слово «новое» вообще опасно, оно моментально стареет, в Москве же это дежурное слово, что вполне понятно.

Иная журнальная жизнь после цензуры, но подчас тот же обострённый контроль за твоей мыслью в старых редакциях: кастрируют мысль и меняют заголовки, подчас выплеснув ребёнка. Писатель для старых редакторов – всё ещё полуфабрикат, который должен соответствовать ведомым теперь только им стандартам. В старой, когда-то престижной газете тираж падает так, что главный редактор скрывает от сотрудников истинную цифру. В газете работает 200 сотрудников, большей частью пожилых.

Появляется покупатель и говорит, что он приватизирует газету, но оставит 50 человек. «У нас решает коллектив», – отвечает ему редактор. Голосуют – 150 против приватизации. Очередная газета обречена.

Ширпотребная фраза советских пропагандистов «Америка – страна контрастов» теперь идеально подходит для другой страны. Поистине, Россия сегодня – страна контрастов...

Ибрагим НУРУЛЛИН (1923–1995)

18 апреля. 100 лет назад родился татарский литературовед и писатель Ибрагим Зиннатович Нуруллин (18.04.1923, д. Боровка, ныне Мелекесского р-на Ульяновской обл. – 01.07.1995, г. Казань). На войне был ранен, в 1943 году вернулся после госпиталя в Боровку, работал учителем в местной школе. Окончил Казанский университет (1950), преподавал там же (1953–1990). Член Союза писателей СССР (1957). Автор пьес «Тукай в Петербурге» (1965), «Его звезда» (1973); художественно-биографических книг «Габдулла Тукай» (1979), «Прометей из Ново-Татарской слободы» (1991); трудов о творчестве Г. Исхаки, Ш. Камала, И. Гази, Н. Фаттаха и др. Лауреат Государственной премии ТАССР имени Г. Тукая (1982).

ТУКАЙ (отрывок из книги)

В один прекрасный день Хасану Акчурину пришла в голову новая идея: почему бы не пригласить к себе молодого поэта Габдулла Тукаева. Что им руководило, сказать трудно: то ли желание позабавиться, то ли продемонстрировать власть денег, то ли избавиться от скуки. Хасан-бай направил письмо крупному купцу и землевладельцу Бадретдину Апанаеву, в котором просил довести до сведения Тукаева, что он желает видеть его своим гостем, и переслал деньги на расходы. Апанаев, учитывая, что Тукай его недолюбливает и совсем недавно задел в одной из сатир, обратился не к самому поэту, а к его друзьям, в частности к Амирхану. Фатых посоветовал Тукаю поехать. Видя, что друг колеблется, стал уговаривать: надо, мол, повидать людей этого круга вблизи, самому составить о них представление, это никогда не повредит. Поэт наконец согласился.

Встретили его по первому классу. А как же иначе? Это не кто-нибудь – Акчурины. Знай наших! На станции Тукая ждал на двух тройках сам Хасан-бай с друзьями и родичами. Под звон бубенчиков, с ветерком довели до огромного каменного особняка Хасана Акчурина, отвели большую светлую комнату.

Вечером в честь поэта был устроен приём. За большим длинным столом расположились братья и сёстры Хасан-бая, приближённые из служащих фабрики, интеллигенция Гурьевки, все одеты по-европейски, в ушах и на пальцах у женщин поблёскивают бриллианты. Один лишь Хасан Акчурин, сидевший во главе стола, был одет по-мусульмански.

– Габдулла-эфенди! – начал хозяин. – По примеру культурных наций мы желали бы сегодня поднять тост, налив бокалы любимым вином нашего дорогого гостя! – Он показал на поблёскивающие всеми цветами радуги бутылки:

– С чего начнём?

Многие из стоявших на столе напитков Тукай видел впервые. Совладав со смущением, он сказал:

– Откройте шампанское!

В тот вечер Тукай на все расспросы отвечал коротко и, сколько его ни просили произнести тост или прочитать стихи, под разными предложениями отказывался.

Поэт пробыл у Акчуриных около недели. О чём шёл разговор, когда в его честь звали гостей, о чём беседовали они с глазу на глаз с фабрикантом, сказать трудно. Из воспоминаний Кадыри, бывшего тогда учителем в медресе Акчуриных, мы знаем лишь, что Тукай научился играть на бильярде и каждый день в свободное время они с учителем гоняли шары. Кадыри упоминает и о том, что Тукай ходил осматривать фабрику. Неизвестно, спрятали ли в тюках шерсти к его приходу работавших на фабрике детей школьного возраста, как прятали при посещениях фабричного инспектора. Если даже это и было сделано, сердце поэта не могло не содрогнуться при виде дышавших шерстяной пылью измождённых мужчин и женщин. А может, он заглянул и в жилые бараки, и страшная нищета, царившая в «фатерах» рабочих, отделённых друг от друга лишь занавесками, вонь и теснота ужаснули его.

Через неделю поэт вернулся в Казань. «Услышав о приезде Тукая, я поднялся к нему, – вспоминал Камал.

– Ну как дела, хорошо съездил, хорошо угощали?

– Угощать-то угощали, хоть лопни. Но я тосковал по своей кровати. Эти люди нам не чета. Прислуги да горничные кормят тебя, как няньки, поят, как няньки, даже спать укладывают. Как хочется, не поспишь, не поешь. Коньяк да шампанское не для наших простонародных желудков.

Тукай жалел, что согласился поехать».

Это путешествие помогло поэту лишней раз убедиться в том, что хваленые представители либеральной буржуазии отнюдь не преисполнены заботы об интересах нации, что между демократами и либералами лежит пропасть.

В это же время из печати вышла книга учёно-богослова Мусы Бигиева «Доказательства милости Аллаха». В ней автор утверждал, что не только мусульмане, но и достойные люди других вероисповеданий могут заслужить божью милость и сподобиться райского блаженства.

Это утверждение вызвало насмешки на страницах татарской печати. Бигиева критиковали и

«слева», и «справа». Хасан Акчурин неодобрительно назвал его «миссионером» и написал Тукаю письмо, в котором предлагал выступить против богослова с позиций ортодоксального ислама, не сомневаясь, что добьётся своего. Как-никак поэт был у него в гостях – не может быть, чтобы он остался недоволен приёмом, а долг платежом красен, тем более что Тукай уже опубликовал одну эпиграмму на Бигиева...

Николай ТРОИЦКИЙ (1903–2011)

20 апреля. 120 лет со дня рождения писателя Николая Александровича Троцкого (20.04.1903, с. Вешкайма, ныне Вешкаймского р-на Ульяновской обл. – 10.05.2011, г. Весталь, штат Нью-Йорк, США). Учился в духовном училище в Симбирске, в школе 2-й ступени в Карсуне, в Симбирском политехникуме (1913–1924). В 1930 году на свои заработки купил родителям половину дома в Ульяновске. В 1941 году попал в плен к немцам под Вязьмой. После войны жил в Мюнхене, в 1955 году переехал в США. Автор книг «Земля и люди» (1972), «Новеллы» (1983), «Тяжёлые сны» (1998), «Ты, моё столетие...» (2006) и др. Вёл переписку с кафедрой литературы УлГПУ; прислал сюда свои книги, воспоминания детства.

ТЫ, МОЁ СТОЛЕТИЕ... (отрывок из воспоминаний)

Понятия не имею, каким ветром занесло в Симбирск уже немолодого, достаточно известного тогда Сергея Городецкого. И почему в школе ликбеза, где я вечерами учительствовал, исполняя свою общественную нагрузку, было устроено нечто подобное тому, что теперь называют мастер-классом. Собралось с десяток-другой местных подающих надежды, остался из любопытства и я. Под конец поэт вывел всех в коридор и предложил продемонстрировать свои способности.

– Уединитесь по классам и пишите.

– А о чём писать? – спросил я.

– О чём хотите. Видите – тополь за окном, вот и пишите!

Это был не первый мой поэтический опыт. Но до того я своих творений никому не показывал. Да и потом тоже, за исключением, может быть, самых близких друзей. А всё началось с Есенина. С небольшой, на грубой серой бумаге напечатанной книжки, невесть как попавшей на симбирский развал. Есенин стал моим кумиром. В его ранних стихах всё было моё, родное, кровное. Пытался подражать...

В ту пору муки творчества мне ещё были не ведомы, и минут через десять на тетрадный листок легли неприхотливые строчки, навеянные тогдашними моими грёзами, ну и Есениным, конечно:

*За окошком тополь стройный
Ветви-руки распустил,
В ночь тёмную гулёну
С милым другом приютил.
Приютил и слушал молча
Шёпот, тихий разговор.
Но поглядывал всё зорче
В передутренний простор.
Вот зарделся край юбочки
Зорьки – девки молодой.*

*Всколыхнулся тополь тонкий,
Шелестит густой листвою.*

Говорит гулёне с парнем,

Что-де утро, мол, пора –

Заалелася румяно

Девка – красная заря.

Выглянул за дверь. В коридоре пусто, Городецкий один стоит у окна.

– Ну что, написали? Читайте!

Видимо, моё творение не произвело на него сильного впечатления. Досадливо поморщился, задумчиво поглядел в окно:

– Не то время, молодой человек. О фабриках надо писать, о заводах...

В конце 30-х в Москве слышал, что Сергей Городецкий взялся за переделку либретто «Жизни за царя».

...Лето 1924-го. Курс политехникума завершён. Из рук директора получаю удостоверение с самой лестной характеристикой моих успехов и способностей и направление в Москву для продолжения образования в МВТУ – Московском высшем техническом училище.

Такое же направление получил мой Анатолий и ещё один, с другого факультета, Борис Михайлов. Тот – из семьи профессиональных революционеров, с солидными родственными связями в высоких органах. Постарше нас. Уже успевший позащищать революционную законность в ЧОНах – частях особого назначения ВЧК–ОГПУ...

Ну что ж. Прощай, юность! Прощайте, родные места! Прощай, Симбирск, город Карамзина и Гончарова, город дяди Кости – великого архидьякона Константина Васильевича Розова! Теперь тебя назвали городом вождя революции. Надолго. Навсегда?..

Гумер САБИРЗЯНОВ (р. 1933)

20 апреля. 90 лет назад родился историк, энциклопедист, публицист Гумер Салихович Сабирзянов (р. 20.04.1933, д. Новое Фейзуллово, ныне Кошкинского р-на Самарской обл.). С 1947 года учился в Ульяновском пед. училище им. И.Я. Яковлева; окончил УлГПИ им. И.Н. Ульянова (1955). Кандидат исторических наук (1971). Работал зам. директора Института Татарской энциклопедии АН РТ (1992–2011); отв. редактором Татарской энциклопедии (2011–2019). Автор изданий «По законам дружбы и братства» (1974), «Поволжские татары и русские в зеркале симпатий и антипатий» (1993), «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала в панораме веков» (1999) и др. Лауреат Государственной премии РТ (2005). Живёт в Казани.

ПОВОЛЖСКИЕ ТАТАРЫ И РУССКИЕ В ЗЕРКАЛЕ СИМПАТИЙ И АНТИПАТИЙ (отрывок из брошюры)

Эти вопросы в последние годы стали широко обсуждаться на страницах периодической печати самой различной ориентации. В качестве одного из таких примеров можно назвать появившуюся в августе 1989 года в шведской прессе статью эстонского профессора Тийта Маде «Великорусский национализм». В ней автор, полный неприязни к русскому народу, характеризовал его такими чертами, как агрессивность, стремление показать свою силу и выдавать чужие успехи за свои и воспринимать культуру всего Советского Союза как собственную. Он писал, что «русские часто глубоко убеждены в том, что во всём мире не существует ничего лучшего, чем русский язык и культура».

Эта статья стала едва ли не первой перчаткой, брошенной в лицо русскому народу в период, когда СССР стремительно шёл к своему развалу. В то время ещё многими не осознавалась разница между административно-бюрократической системой, господствующей в стране, политикой диктата, которую проводили общесоюзные структуры, и ролью русского народа и его культуры в жизни общества. Эти два фактора кое-кем, безусловно, отождествлялись, на что совершенно правильно акцентировалось внимание на научной конференции «Русская нация в союзе народов СССР».

Так или иначе в наше переломное время впервые за долгую историю России возник «русский вопрос». В Татарстане он естественным образом сомкнулся с «татарским вопросом». Надо сказать, что проблемы взаимоотношений татар и русских как в далёком прошлом, так и на современном этапе представляют собой едва ли не самую сложную часть культурно-исторического наследия бывшей Российской империи.

Скорее всего, осознание этого факта, прежде всего среди интеллигенции Татарстана, привело к тому, что выступления на митингах, в печати экстремистски настроенных лидеров отдельных общественных движений не нашли той широкой поддержки в республике, на что они рассчитывали. Некоторые из них в оценке фактора этнокультурного взаимодействия русского и татарского народов оказались в плену эмоций и шли против исторически достоверных фактов. Так, в восьмом номере

журнала «Идель» за 1990 год была опубликована статья «Человечество и этнос», где вопреки реалиям жизни утверждалось: «Нужно честно признать, что сегодня нет никакого взаимодействия культур, нет влияния русской культуры на национальные культуры, а есть противостояние культур. Это факт, из которого нужно исходить при оценке состояния межнациональных отношений».

Прямо скажем: это надуманная идея, и чтобы убедиться в этом, достаточно было посмотреть на репертуар театрально-зрелищных учреждений в Казани, радио- и телевизионных передач в республике, жизнь коллективов заводов, фабрик, совхозов, госучреждений, студенчества и т. д. Нельзя игнорировать и тот факт, что в Татарии около 40 процентов заключаемых браков являются национально смешанными, в основном русско-татарскими. Отношение к таким фактам может быть различным, но не считаться с ними невозможно.

Следует напомнить, что мысль о противостоянии русской и татарской культур никогда не культивировалась ни одним из классиков татарской национальной культуры. Г. Тукай, например, наоборот подчёркивал: «Образцами мне Пушкин и Лермонтов служат», «Пушкин и Лермонтов – два солнца высоко вознесены». В одном из стихотворений поэт, обращаясь к Пушкину, восклицает:

«Я наизусть твердить готов твои произведения,
Вкушать плоды твоих садов,
влюбляться в их цветенье.

.....
Идти повсюду за тобой –

мой долг, моё стремленье,

А то, что веры ты другой, имеет ли значенье?»

Татарский народный поэт С. Хаким ещё совсем недавно писал: «Мы сегодня с гордостью говорим, что Тукай учился у русских поэтов».

Спокойный анализ ситуации показывает, что мы имеем дело не с противостоянием культур, а с кризисом той системы координат, внутри которой начиная с 1920-х годов происходило взаимодействие культур русского и других народов бывшего СССР. Осью в этой системе оказалась идея об основоположенности русской культуры, ценностей русского народа в духовной жизни других народов...

Татьяна УСТИНОВА (р. 1968)

21 апреля. 55-летний юбилей отмечает писательница Татьяна Витальевна Устинова (р. 21.04.1968, пос. Кратово Раменского р-на Московской обл.). Окончила Московский физико-технический институт (1991). Автор книг криминальной прозы «Большая игра» (2000), «Хроника гнусных времён» (2001), «Колодец забытых желаний» (2007), «Сто лет пути» (2014), «Призрак Канта» (2018) и др. За романы «На одном дыхании!» и «Неразрезанные страницы» стала лауреатом премии «Электронная буква» в номинации «Детектив года» (2010, 2012). В 2016 году посетила Ульяновск в рамках проекта «Академия литературы», встреча с читателями состоялась 5 апреля во Дворце книги. Живёт в Москве.

СТО ЛЕТ ПУТИ (отрывок из романа)

Совещание заканчивалось, сейчас начнут «подытоживать», он должен будет сказать что-то связанное, неплохо, чтоб и умное тоже, но как только телефон грянул, все мысли до одной вылетели из головы профессора Шаховского.

Телефон был новейшей, последней модели, а потому чрезвычайно, необыкновенно сложен в употреблении. Телефон умел всё – входить в интернет и даже время от времени выходить из него, показывать курс акций на разных мировых биржах, прокладывать маршруты от Северного полюса к Джигу, светить фонарём, погружать владельца в «Инстаграм», «Твиттер» и «Фейсбук», давать прогноз погоды в Липецке и на западном склоне Фудзиямы на три недели вперёд, фотографировать с приближением и удалением, снимать кино, монтировать видеоклипы, а его процессор превосходил по мощности все компьютеры НАСА в тот исторический день, когда Нил Армстронг высадился на Луну.

Шаховской телефон ненавидел, а как выключить звук, не знал. Марш гремел.

– Господи помилуй, – пробормотал рядом председательствующий Ворошилов и уронил наконец очки, которые примеривался уронить с самого начала совещания, а историк, занудно читавший по бумажке занудный текст, посмотрел на Шаховского негодуяще. Всё собрание, обрадовавшись развлечению, задвигалось и зашумело.

– Прошу прощения, – пробормотал несчастный профессор и выскочил в коридор, изо всех сил прижимая ладонью мобильный, чтобы немного унять марш.

– Дмитрий Иванович, это полковник Никоненко из Следственного комитета. Мы с вами как-то по одному антикварному делу работали. Вы по исторической части, а я, так сказать, по современной линии шёл. Помните?..

Шаховской, который в этот момент люто ненавидел телефон, ничего не понял.

– Я не могу сейчас разговаривать, я на совещании. Перезвоните мне...

– Стоп-стоп-стоп, – непочтительно перебил его полковник Никоненко из Следственного комитета, – это всё я понимаю, но у меня свежий труп, а при нём какие-то бумаги, по всему видать, старинные. Я сейчас за вами машинку пришлю, а вы подъедете, да? Адресок диктуйте, я запишу.

Шаховской – должно быть, из-за сегодняшнего нескладного дня и ненависти к телефону – опять ничего не понял. И не хотел понимать.

– Я в Думе, у меня работа, – сказал он неприязненно. – Перезвоните мне, скажем, через...

– На Охотном Ряду? Мы тут рядышком, на Воздвиженке, время проводим. Выходите прямо сейчас, машинку не перепутаете, она синими буквами подписана.

– Что? – переспросил Шаховской, помедлив.

– Следственный комитет, говорю, на машинке написано! Не ошибётесь. Ну, добро.

И экран, похожий по размеру на экран телевизора «КВН-49», смотреть который полагалось через глицериновую лупу, погас.

«Никуда я не поеду, что за номера?! У меня свои дела, и их много! Мне ещё «подытоживать», а потом статью править, и...»

Тут он вдруг вспомнил этого Никоненко и «антикварное дело» вспомнил! Тогда, сто лет назад, полковник размотал совершенно не поддающийся никакому разматыванию клубок из нескольких убийств. Убивали антикваров – без всякой связи, без логики, жестоко, – и Шаховского позвали как раз затем, чтобы он нашёл логику. Понятно было, что убийства связаны с антиквариатом, но как?! Дмитрий Иванович долго эту логику искал – антиквары торговали предметами случайными и на первый взгляд никак между собой не связанными, – и нашёл! А Никоненко додумал всё остальное. И «громкое дело, находящееся на особом контроле в прокуратуре Российской Федерации, было раскрыто», как сообщили потом в новостях.

Воспоминание было... острым. Шаховской усмехнулся, стоя в одиночестве посреди пустого и широкого думского коридора.

Он никогда не занимался никакими расследованиями, кроме исторических, а тогда вдруг почувствовал себя сыщиком, который осторожно и внимательно идёт по пятам злодея, охотником, выслеживающим взбесившегося зверя, готового на всё ради своих бешеных целей. А Никоненко, – как же его зовут, Владимир Петрович, что ли? – всё прикидывался простаком и «деревенским детективом», а оказался умным, расчётливым, хладнокровным профессионалом...

Константин ПУЗЫРЕВСКИЙ (1898–1951)

22 апреля. 125 лет назад родился военный историк, мемуарист Константин Павлович Пузыревский (22.04.1898, г. Симбирск – 05.10.1951, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Сын симбирского живописца П.И. Пузыревского. Окончил Симбирский кадетский корпус (1915). В 1919–1921 годах находился в Красной армии. Затем преподавал в учебных заведениях ВМФ; капитан 1-го ранга. Автор нескольких научно-исследовательских книг о боевых повреждениях кораблей. Написал мемуарные записки «Воспоминания о моём отце...» и «Творческий путь П.И. Пузыревского». В 1951 году его жена прислала рукописи в отдел краеведения Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина.

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЁМ ОТЦЕ (отрывок из рукописи)

Позднее отец совершал поездки по Волге на пароходе между Самарой и Рыбинском. Одно лето отец провёл в Нерехте. Возвращаясь обратно в Симбирск, отец привозил большое количество этюдов, набросков и зарисовок, они служили рабочим материалом для разработки крупных художественных произведений – картин.

Этюды, написанные отцом, являлись предметом осмотра и обсуждения с разбором их положительных сторон и недостатков. Критикой занимались знакомые и люди, понимавшие искусство. Творческим смотром являлись выставки картин, устраиваемые отцом в помещении «Трудового пункта» на Гончаровской улице, угловой дом в помещении над писчебумажным магазином Тролля.

Кроме того, отец был постоянным участником столичных выставок и выставок в Москве, куда он посылал свои картины в распоряжение различных обществ художников-реалистов. Почти все картины продавались. Помимо работы в области изобразительного искусства отец был инициатором и участником «Общества изящных искусств», целью которого было насаждение культуры в нашем городке и привитие любви к музыке и искусству.

Крупным событием в моей «артистической» карьере стало моё второе публичное выступление. Оно произошло в составе посвящённого проводам Масленицы в 1907 году шествия, организованного моим отцом по поручению «Общества изящных искусств» в зале Симбирского дворянского собрания. Сборы с вечеров поступали либо на культурные мероприятия, либо преследовали благотворительные цели. Когда нужно было сделать большой сбор с публики, посещавшей концерты, отца просили рисовать обложки для концертных программ, которые продавались по повышенной цене, и организаторы концертов в результате собирали больше денег.

В старые времена на Масленой неделе имущие слои симбирского общества всячески веселились. Устраивались обеды, где основным блюдом были блины. Им сопутствовало вино, которое в некоторых домах лилось рекой. После сытных обедов «с возлиянием» тянуло к завершению дня в веселье. Одни садились в широкие сани, запряжённые тройкой лошадей, и неслись по улицам города, другие отправлялись в театр, спеша побывать на последних спектаклях профессиональной труппы,

заканчивающей зимний сезон к началу Великого поста. Любители конкурсов и зрелищ народного характера посещали Дворянское собрание, в зале которого устраивались разнообразные развлечения.

Отец, являясь «художественным руководителем», организовывал массовые шествия с пением русских песен и плясками. Участники шествия одевались в живописные пышные костюмы, а с хор красивого белого зала направлялись могучие лучи света, придавая сказочный характер всему происходящему.

Отец, зная жизнерадостный склад моей природы и склонность к комическим выступлениям, решил, одев меня в чёрный капюшон и вооружив большой бутафорской вилкой с огромным блином, преобразить в образ гнома, который должен был возглавить шествие. Публику пригласили на стулья, размещённые по бокам зала. Вдали – в помещении, выходившем на Венец, запевались песни, и шествие медленно двигалось к центру зала. Там начинались пляски, среди которых я выступал первым номером, выделявая невероятно смешные па. Исполнители плясок и окружающая нас публика покатывались со смеха. Ободренный тем, что я развлекаю всех и тем самым добросовестно выполняю своё предназначение, я ещё больше «поддавал жара» в пляске – до полного изнеможения.

«Обществом изящных искусств» устраивались любительские спектакли и даже ставились оперы «Евгений Онегин» П.И. Чайковского, «Фауст» Гуно. В операх выступали певцы-любители, но с течением времени во время «великого поста», после окончания сезона драматического театра, ставились и другие оперы силами приглашённых певцов, приезжавших преимущественно из Москвы.

Кроме своих «гастрольных» выступлений, я был незаметным закулисным работником в городском театре по декоративной части, готовя декорации к оперным постановкам, и в частности к опере Гуно «Фауст».

Счастье ступить по сцене театра предоставлял мне отец, ведавший в Обществе во время оперного «сезона» постановочной частью и декорациями...

Нина КРЫЛОВА (р. 1948)

22 апреля. 75 лет со дня рождения прозаика Нины Васильевны Крыловой (р. 22.04.1948, с. Тагай Майнского р-на Ульяновской обл.). Окончила отделение журналистики Казанского государственного университета (1972). Работала на Ульяновской студии телевидения, заместителем председателя Ульяновского обкома профсоюза работников культуры. Избиралась членом ЦК Российского профсоюза работников культуры. В соавторстве с сестрой Ольгой Крыловой издала роман «Час между собакой и волком» (2002) и книгу повестей «Ночь над Крутоярмом» (2002). Член Союза писателей России (2005). Публиковалась в литературном сборнике «Симбирская пристань» (2019). Живёт в Ульяновске.

ДОЧЕНЬКИ (отрывок из рассказа)

С весенним половодьем пришло в наш отчий дом горе: умерла мама. С тех пор я с тревожным чувством встречаю весну. Что-то в этой весенней поре таится коварное, зловещее. Обновляется природа и уносит отжившую чью-то жизнь.

В ту весну мне исполнилось шестнадцать. День рождения пришёлся на мамины сороковины. Церкви во всей округе не было ни одной. Раньше в нашем селе церковь была. Её разрушили большевики. Вот и ходили верующие по домам отпеть усопших, помолиться за их царствие небесное.

В тот день в нашем доме собралось много богомольных старушек. Кто-то принёс икону с лампадкой и поставил в переднем углу. Своих-то икон у нас в доме не было. Перед поминальным обедом старушки устроили богослужение.

Мы с младшей сестрёнкой Надей никогда не были в церкви. Крещёными тоже не были.

Песнопения и молитвы старушек со скорбными лицами испугали нас. Мою еле живую душу, казалось, вот-вот вывернет наизнанку. Я ушла в спальню, чтобы прийти в себя. Мне не хотелось показывать своих слёз. Вслед за мной вбежала плачущая сестрёнка. Я взяла её на руки и прижала её личико к своей влажной щеке. Она успокоилась лишь тогда, когда я вышла с ней в сени. Там на диване сидел папа. Он усадил Надю на руки и стал тихонечко ей что-то говорить. Он сильно изменился в последнее время. Лицо посерело, взгляд потух, щёки ввалились, губы побледнели. «Как ты устал, папа», – дошло до моего сознания.

С крыльца ему, да и мне тоже, отчётливо послышался чей-то разговор: мол, негоже коммунисту устраивать у себя молельный дом, могут последовать оргвыводы. Я знала, что папа был членом бюро райкома партии, коммунистом с большим стажем. Поэтому спросила его:

– Папа, может, попросить старушек не петь и не молиться?

Но он, казалось, меня не услышал, лишь закурил сигарету.

Долго я мечтала о возвращении мамы. Смотрела из окна на автобусную остановку в надежде увидеть её. Мама умерла в дороге, когда ехала домой из командировки. Во время похорон мне казалось, что она живая, только заснула крепким сном и вот-вот проснётся. А когда откроет глаза, слегка улыбнётся

всем нам и скажет: «Не плачьте, дорогие мои. Я живая». Мне представлялось тогда, что мамы не могут умирать, они живут вечно. Но чуда не случилось. Мы стали учиться жить без мамы.

Больше всего я боялась за папу. Здоровье его резко ухудшилось. Он замкнулся в себе, был молчалив, подавлен и нервозен. Пройдут годы, и, вспоминая то тяжёлое испытание судьбы, папа скажет своей старшей сестре Марии: «Если бы не доченьки, я бы не выжил».

Я быстро повзрослела без мамы. Торопила время, считала месяцы и дни, когда получу аттестат зрелости и смогу выучиться на врача. Я обещала маме стать врачом и лечить её. Так хотелось, чтобы она не болела.

После похорон папа получал много писем, в основном с соблезнованиями. Но однажды он получил особенное письмо, потому что не положил его в специальный ящик, а спрятал во внутренний карман пиджака. Я заметила, что он перечитывал его не раз. На следующий день папа собрался в дорогу. Сказал, что уезжает дней на десять по делам. Вернулся воодушевлённым и с подарками. Папа преобразился. Помолодел, стал жизнерадостным и ещё более внимательным к нам с сестрёнкой.

Однажды после полудня к нам пришла незнакомка примерно папиного возраста.

- Дома ли Пётр Николаевич?
- Дома, но он отдыхает, – ответила я.
- Мне нужно увидеть его.

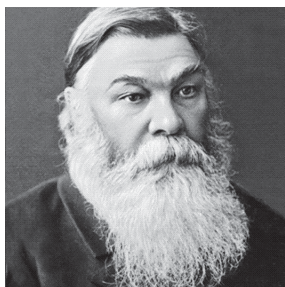
Я не хотела тревожить папу. Но женщина настаивала, чтобы я позвала его.

Папа спал в своей спальне и не сразу среагировал на мой тихий голос: «К тебе пришла какая-то дама». Когда он вышел из спальни, незнакомка уже сидела у стола на кухне. Мне нужно было идти на танцевальный кружок, а Надя ещё не пришла с продлёнки.

Вернувшись вечером, я удивилась, что незнакомая женщина всё ещё не ушла и, похоже, собирается у нас ночевать. Её звали Раиса Григорьевна, и с тех пор она стала часто бывать в нашем доме. А летом переехала к нам совсем.

Я видела её постоянно. Мне трудно было примириться с тем, что в нашем доме появилась эта женщина. И осенью я уехала в Москву на учёбу...

Иван ЯКОВЛЕВ (1848–1930)

25 апреля. 175 лет назад родился чувашский педагог-просветитель, мемуарист Иван Яковлевич Яковлев (25.04.1848, с. Кошки-Новотимбаево, ныне Тетюшского р-на Татарстана – 20.10.1930, г. Москва). Окончил Симбирскую гимназию (1870), Казанский университет (1875). Основал Симбирскую чувашскую учительскую школу (1868). Создатель современной чувашской письменности. С 1922 года жил в Москве. Автор изданий «Детские рассказы» (1968), «Духовное завещание» (1992), «Моя жизнь» (1997), «Верьте в Россию и любите её» (2002) и др. В Ульяновске создан музей «Симбирская чувашская школа. Квартира И.Я. Яковлева»; его имя носят переулок (1968) и сквер, где установлен памятник просветителю (2006).

МОЯ ЖИЗНЬ (отрывок из воспоминаний)

Переносясь в прошлое, представляю себе Симбирск, опустошённый в лучшей его части пожаром 1864 года. Некоторые здания каким-то чудом уцелели в море огня, как, например, деревянный балаган-театр, там, где ныне начинается Театральная улица. Губернская тюрьма (острог), Покровский мужской монастырь уцелели. Бродя по городу после пожара, я чуть было не погиб против того места, где теперь построен кадетский корпус, попав в глубокий, сажень в 20 глубины, колодезь, едва прикрытый досками. Если я в него не провалился, то потому лишь, что инстинктивно ухватился за края руками. Теперь место, где находился колодезь, застроено, и я не мог бы его найти. Помню, как город постепенно возрождался затем под попечением симбирских деятелей – губернатора барона Велио и городского головы купца Александра Ивановича Зотова.

В гимназии я учился усердно; в конце первого года был в числе средних учеников, но русский язык долго мне не давался (с этим боролся учитель русского языка и словесности Виноградов). Также я был слаб по немецкому языку и занимался по этому предмету с товарищем Александра Андреевича Мотовилова – Лебедевым. (Мотовилов путает, в глаза меня уверяя, будто бы он, Мотовилов, давал мне уроки французского языка.) Я и теперь говорить по-французски и по-немецки не могу, вообще иностранные языки знаю слабо.

Вспоминаю о том, каким резким переходом от землемерного училища с его крепостным бытом показалась мне Симбирская гимназия с её общеобразовательным курсом и режимом, в основу которого было положено уважение к человеческой личности.

Так как мне было хорошо при подобных условиях в гимназии, то мне всё более и более хотелось, чтобы так же хорошо могло житься и другим. Почему, думалось мне, нельзя и чувашей сделать такими же счастливыми, довольными, как я, дав им возможность получить солидное образование. В 1868 году у меня окончательно окрепла решимость относительно просвещения чувашей и необходимости создания для них с этой целью особой чувашской школы.

Коснувшись пребывания моего в Симбирской гимназии, считаю нужным остановиться на личности тех педагогов-преподавателей, которые вообще обращали внимание на себя или сыграли роль в моей жизни.

Более всего памятен мне преподаватель русского языка и словесности Алексей Иванович Виноградов, прекрасно, увлекательно рассказывавший

нам, ученикам, содержание греческих трагедий и образцовых произведений русской литературы. Он окончил семинарию и университет. Во мне он вызвал особенную любовь ко всему древнегреческому, так как, будучи сам горячим поклонником греческой культуры, умел во время своих интересных, захватывающих уроков подчеркнуть, что в древней Греции не было ни одной области духовной жизни, которую греки не постарались бы развить, культивировать. К сожалению, как педагог Виноградов страдал тем недостатком, что не всегда бывал справедлив в оценке своих учеников. Так, например, не принимая во внимание того, с какими трудностями мне, чувашу, давалась русская речь, он при разборе в классе моих сочинений зло их вышучивал. Обычно он брал на выбор 3-4 и в течение нескольких уроков подробно, гласно, критически, толково, хорошо разбирал их. Делал это он для блага учеников. От такой системы являлась и польза: зная, какая судьба ожидает наши сочинения, мы подтягивались и тщательно их обрабатывали, особенно я, к которому он был очень придирчив. В 1869 году Виноградов был переведён в Московский учебный округ. В последнее время пребывания его в гимназии я бывал у него раза два-три. Он же предоставил мне давать уроки математики жившему у него ученику Ульянову. Из отношений моих к Виноградову могу привести следующий факт.

У Виноградова была хорошая привычка приглашать к себе на квартиру учеников и разбирать с ними недостатки их классных и домашних работ (сочинений). Я был в пятом классе, и, как уже упоминал, мне особенно доставалось от Виноградова за чувашские обороты речи. Однажды, когда я был им вызван на квартиру, Виноградов обмолвился, что хотел бы покурить, а сигар у него нет. Я ему говорю: «Дайте, я схожу...» Тут он прочёл мне наставление на ту тему, что не надо унижать себя, ронять человеческое достоинство предложением подобных услуг. Всё же в лавочку я сбегал, купил на его деньги и принёс ему сигары.

Рассказываю об этом пустом случае потому, что он меня тогда сильно озадачил. Я ещё полон был при поступлении в гимназию крестьянскими воззрениями на жизнь и на взаимные услуги. Живя в деревне, я не считал чем-либо особенным, обидным, унижительным оказать кому-нибудь услугу вроде той, в какой нуждался Виноградов. Мой воспитатель как бы толкал меня на ложный путь барства...

Александр НИКОНОВ (1948–2018)

27 апреля. 75 лет со дня рождения прозаика Александра Фёдоровича Никонова (27.04.1948, с. Александровка Мелекесского р-на Ульяновской обл. – 28.10.2018, г. Димитровград; похоронен в с. Рязаново Мелекесского р-на). Детство и юность провёл в Рязаново. Окончил Рязановский совхоз-техникум, Казанский государственный университет. Участник Всероссийского семинара молодых литераторов (1989, Латвия). Автор книг прозы «Пахомова неделя» (1997), «Я с тобой, Вэрк!» (2007), «Побег» (2008), «Амурский ангел» (2010), «Цветок на диком камне» (2010), «Пепел родного очага» (2010). Член Союза писателей России (1998). На доме по улице Курчатова в Димитровграде, где он жил, установлена памятная доска.

ПОБЕГ (отрывок из романа)

На лесоповале срубленной елью накрыло за-ключённого Бутрова, переведённого в зону из но-мерной спецтюрьмы месяц назад. О несчастье воз-вестил сначала страшный предсмертный крик, а по-том протяжный, похожий на волчий, вой пострадав-шего. К месту происшествия изо всех углов, укры-тий и помещений, не обращая внимания на крики охранников, сбегались эки, и скоро пространство около упавшей ели напоминал растревоженный до-ждём муравейник. Плотное, живое кольцо состоя-ло как бы из нескольких слоёв: передние сдержива-вали напор волнующейся толпы, средние вытягива-вали шеи, чтобы разглядеть, что там случилось, за-дние напирали, работали локтями, чтобы пробраться вперёд, и нетерпеливо спрашивали:

– Ну что там? Да дайте посмотреть-то!

– Тебе что тут, невестины смотрины, что ли, ду-рак. Крови давно не видел, да? Смотри, вот куманёк начистит тебе мурло, так ты ещё наглотаешься этой кровушки.

– Да я...

– Да я, да ты... Заверни болты и не вякай, шпindel!

Кто-то громко и цинично обсуждал происше-ствие, кто-то угрюмо молчал, кто-то вздыхал, кто-то просто обнажил голову, комкая в руках чёрную кепку.

По лагерным правилам до прибытия начальни-ка охраны или заместителя кума никто и ничего не должен был трогать и предпринимать. Но вот кто-то заметил:

– Умрёт мужик. Может, помочь...

Двое осмелились выйти вперёд. Один из них, седоволосый, худощавый очкарик обратился к окружившим:

– А ну, мужики, подмогните, а то вдвоём тут не управиться.

И первым ухватился за толстый сук. Все замеш-кались, отходя и виновато пряча глаза, – никому не хотелось сидеть в ШИЗО за нарушение лагерных правил. Но вот к седому подошёл один, второй, тре-тий... Хлыст подняли и оттащили в сторону.

Бутров вскинулся, дико вскрикнул, потом тя-жело вздохнул и часто-часто задышал. Очкарик на-клонился к нему, осторожно расстегнул одежду на животе Бутрова и печально покачал головой. Потом протянул:

– Фини-ита ля комедия, или около этого, – не-ожиданно закричал: – Расступитесь, расступитесь! Боль... раненому нужен воздух! Ну, поскорее же!

Его суетливость после первых слов выглядела смешной и нелепой, но эки повиновались ему, раз-двинулись, образовав проход, и очкарик успокоил-ся, видимо, посчитав свою миссию выполненной.

Скоро затарахтел мотор чёрной легковушки, и в зоне появился начальник охраны. Он дал матю-ганную команду, и охранники стали загонять за-ключённых в огороженный высоким частоколом отстойник. Несмотря на примкнутые штывки вин-товок, удары прикладами и просто зуботычины, за-ключённые повиновались нехотя, огрызаясь, пото-му что знали, что ещё вчера всех сторожевых псов, главных их сторожей, мучителей и врагов, увезли на прививку к ветеринару.

А получилось это так. Однажды один из кобелей сорвался с привязи и увязался за сучкой, которая постоянно крутилась у больничной кухни. Из тайги он вернулся дня через три, весь искусанный так, что с него свисала клочьями шкура, в свалывшейся шер-сти клубками торчали головки чертополоха, сосно-вые иглы и сухая трава. Первым делом он метнулся к параше с костями, помывочными помоями, пере-мешанными с кровавыми бинтами, ватой и склян-ками от лекарств, перевернул её и стал жадно по-глощать вытекающую жижу. Вышедшая из столовой вольнонаёмная повариха увидела пса и, замахнув-шись на него мокрой тряпкой, закричала:

– Ах ты, чёрт шелудивый, опрокинул! Собирай теперь за тобой, проклятый! А ну, пшёл отсюда!

Она пнула его ногой, но пёс вцепился ей в икру и оторвал кусок мяса. Отогнали его вышедшие на страшные крики врачи, санитарки и повара. За двое суток пёс покусал ещё несколько человек, разорвал двух дворняг и укусил одного из сторожевых псов. Пса пристрелили, а ветеринары определили, что он болен бешенством – видно, пока он пропадал в лесу, его покусали бешеные волки или лисицы. Решили всем сторожевым собакам сделать прививку от бе-шенства, но своей вакцины не нашлось. Решили для быстроты дела отвезти собак в районный центр, ко-торый располагался в ста двадцати километрах от лагеря. Погрузили псов на платформу, нашив по бо-кам высокие борта, и по узкоколейке отправили в ветлечебницу. Это было вчера...

Ярослав ГАШЕК (1883–1923)

30 апреля. 140 лет назад родился чешский писатель-сатирик Ярослав Гашек (30.04.1883, г. Прага, Австро-Венгрия – 03.01.1923, д. Липнице-над-Сазавоу, Чехословакия). Во время Гражданской войны в России служил в 5-й армии Восточного фронта. В июле – сентябре 1918 года «бродил» по Симбирской губернии, скрываясь от белочехов в Большой Каменке, Симбирске и на левом берегу Волги. После освобождения Симбирска был направлен комендантом в Бугульму. Весной 1919-го вновь посетил Симбирск; побывал в доме на Московской, где жила семья Ульяновых. В 1920 году вернулся на родину. Автор романа «Похождения бравого солдата Швейка» (1923). В Ульяновске открыто кафе «У Гашека» (2002).

ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА (отрывок из романа)

– Убили, значит, Фердинанда-то нашего, – сказала Швейку его служанка.

Швейк несколько лет тому назад, после того как медицинская комиссия признала его идиотом, ушёл с военной службы и теперь промышлял продажей собак, безобразных ублютков, которым он сочинял фальшивые родословные.

Кроме того, он страдал ревматизмом и в настоящий момент растирал себе колени оподельдоком.

– Какого Фердинанда, пани Мюллерова? – спросил Швейк, не переставая массировать колени. – Я знаю двух Фердинандов. Один служит у фармацевта Пруши. Как-то раз по ошибке он выпил у него бутылку жидкости для рращения волос; а ещё есть Фердинанд Кокошка, тот, что собирает собачье дерьмо. Обоих ни чуточки не жалко.

– Нет, эрцгерцога Фердинанда, сударь, убили. Того, что жил в Конопиште, того толстого, набожного...

– Иисус Мария! – вскричал Швейк. – Вот-те на! А где это с господином эрцгерцогом приключилось?

– В Сараеве его укокошили, сударь. Из револьвера. Ехал он со своей эрцгерцогиней в автомобиле...

– Скажите на милость, пани Мюллерова, в автомобиле! Конечно, такой барин может себе это позволить. А наверно, и не подумал, что автомобильные поездки могут так плохо кончиться. Да ещё в Сараеве! Сараеве это в Боснии, пани Мюллерова... А подстроили это, видать, турки. Нечего нам было отнимать у них Боснию и Герцеговину... Вот какие дела, пани Мюллерова. Эрцгерцог, значит, приказал долго жить. Долго мучился?

– Тут же помер, сударь. Известно – с револьвером шутки плохи. Недавно у нас в Нуслях один господин забавлялся револьвером и перестрелял всю семью да ещё швейцара, который пошёл посмотреть, кто там стреляет с четвёртого этажа.

– Из иного револьвера, пани Мюллерова, хоть лопни – не выстрелишь. Таких систем – пропасть. Но для эрцгерцога, наверно, купили что-нибудь этакое, особенное. И я готов биться об заклад, что человек, который стрелял, по такому случаю разделся в пух и прах. Известно, стрелять в эрцгерцога – штука нелёгкая. Это не то, что браконьеру подстрелить лесника. Всё дело в том, как до него добратся. К такому барину в лохмотьях не подойдёшь.

Непрерменно нужно надеть цилиндр, а то того и гляди сцапает полицейский.

– Там, говорят, народу много было, сударь.

– Разумеется, пани Мюллерова, – подтвердил Швейк, заканчивая массаж колен. – Если бы вы, например, пожелали убить эрцгерцога или государя императора, вы бы обязательно с кем-нибудь посоветовались. Ум хорошо – два лучше. Один присоветует одно, другой – другое, «и путь открыт к успехам», как поётся в нашем гимне. Главное – разнохоть, когда такой барин поедет мимо. Помните господина Люккени, который проткнул нашу покойную Елизавету напильником? Ведь он с ней прогуливался. Вот и верьте после этого людям! С той поры ни одна императрица не ходит гулять пешком. Такая участь многих ещё поджидает. Вот увидите, пани Мюллерова, они доберутся и до русского царя с царицей, а может быть, не дай бог, и до нашего государя императора, раз уж начали с его дяди. У него, у старика-то, много врагов, побольше ещё, чем у Фердинанда. Недавно в трактире один господин рассказывал: «Придёт время – эти императоры полетят один за другим, и им даже государственная прокуратура не поможет». Потом оказалось, что этому типу нечем расплатиться за пиво, и трактирщику пришлось позвать полицию, а он дал трактирщику оплеуху, а полицейскому – две. Потом его увезли в корзине очухаться... Да, пани Мюллерова, странные дела нынче творятся! Значит, ещё одна потеря для Австрии. Когда я был на военной службе, так там один пехотинец застрелил капитана. Зарядил ружьё и пошёл в канцелярию. Там сказали, что ему в канцелярии делать нечего, а он – всё своё: должен, мол, говорить с капитаном. Капитан вышел и лишил его отпуска из казармы, а он взял ружьё и – бац ему прямо в сердце! Пуля пробила капитана насквозь да ещё наделала в канцелярии бед: расколола бутылку с чернилами, и они залили служебные бумаги.

– А что стало с тем солдатом? – спросила минуту спустя пани Мюллерова, когда Швейк уже одевался.

– Повесился на помочах, – ответил Швейк, чистя свой котелок. – Да помочи-то были не его, он их выпросил у тюремного сторожа. У него, дескать, штаны спадают. Да и то сказать – не ждать же, пока тебя расстреляют?..

Фёдор МИРОНОВ (1908–1990)

2 мая. 115 лет со дня рождения журналиста, очеркиста, драматурга Фёдора Ефимовича Миронова (02.05.1908, с. Чириково, ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл. – 29.10.1990, г. Оренбург). С 1930 года, после окончания Советской партийной школы в Ульяновске, жил в Оренбурге. Работал редактором газет «Сталинец» и «Большевицкая смена», собкором «Правды» и «Советской России», председателем радиокомитета, возглавлял писательскую организацию области, был начальником управления по охране государственных тайн в печати. Автор книг «О Чебеньковском зерносовхозе» (1950), «Путь к победе» (1957), «Большая дорога» (1959). Пьеса «Родники» (1960) шла в Оренбургском театре драмы.

ТРЕВОЖНЫЕ СУТКИ (отрывок из очерка)

Начинался сентябрьский день...

Замаскировавшись в прибрежном кустарнике, Горбунов наблюдал за противником. Ещё перед тем, как прийти сюда, он обо всём передумал, всё решил. Третий год шагал Илья Горбунов по дорогам войны. Всегда лез в самое пекло боя. Не раз, заменяя убитых командиров, водил в атаки и взвод, и роту. Но никогда он не задумывался так тревожно, как задумался теперь, когда ещё раз не по приказу, а по собственной воле поставил свою жизнь под удар.

Многое вспомнилось, но чаще всего в памяти всплывал один эпизод. Был пасмурный, придавленный дождевыми облаками осенний день первого года войны. Около грузовой автомашины, подрулившей к правленческому зданию, собрались и стар и мал. Провожали его, председателя грачёвского колхоза имени Кирова, на фронт. Когда машина тронулась, в несвязный, приглушённый говор и тихий женский плач ворвался бодрый голос восьмилетнего Вовки:

– Пап, убьёшь фашиста, сразу домой ехай. Ружьё мне не забудь, на охоту с тобой пойдём.

Горбунов печально, как и в тот пасмурный день, улыбнулся одними лишь глазами: «Ах, Вовик, Вовик, не знаешь ты, как ещё далеко мне до дома».

Дивизии предстояло форсировать Днепр. Форсировали две группы добровольцев по двадцать человек. Перед ними ставилась смелая и рискованная задача: под прикрытием ночной темноты скрытно переправиться на лодках через реку, внезапно

ударить по противнику, захватить плацдарм и удерживать его до переправы основных сил дивизии. Весь личный состав дивизии знал, как основательно укрепился противник на том берегу. Каждый воин представлял себе всю опасность переправы с передовым отрядом. Несмотря на это, добровольцев оказалось больше, чем требовалось. В их числе были сержант Горбунов и командир взвода Диртев.

Кого назначить командирами групп? Выбор командира дивизии остановился на Горбунове и Диртеве. Оба они вместе с дивизией прошли боевой путь от Москвы до Днепра. Оба отличались бесстрашием и хладнокровием, умением не теряться в самой сложной обстановке, готовностью пойти на самопожертвование, если того потребуют интересы боя. Но знал командир дивизии и другое: у Горбунова остались дома четверо ребят, один другого меньше. Вчера, вызвав к себе сержанта, он объявил, что предоставляет ему право отказаться от участия в операции. Горбунов ответил:

– Товарищ генерал, я готов выполнить боевую задачу.

Генерал тепло улыбнулся, затем приказал ему и Диртеву тщательно изучить путём наблюдения систему обороны и огня противника.

С той минуты прошло немногим более суток... Сняв стереотрубу, Горбунов возвратился на поляну. В траве, положив руки под голову, спал Диртев. Не хотелось прерывать сон товарища, и сержант, пригибаясь, начал собирать ромашки, полюбившиеся

ему с детских лет своей неувядаемой красотой даже в пору глубокой осени. Но обострённый слух Диртева уловил шорохи.

– Полный порядок, – поспешил Горбунов успокоить товарища и, застеснявшись своего, как ему казалось, неуместного занятия, добавил:

– Думал, ты спишь.

– У нас в Татарии каких только цветов нет! Бывало, пойдёшь в лес...

Диртев не закончил – прощурилась мина, разошлась на противоположной стороне поляны...

По дороге в штаб говорили о том, что удалось увидеть, уточняли отдельные детали в

расположении противника, спорили о системе огневых точек на тех участках обороны, которые плохо просматривались.

После обеда всем воинам групп было приказано спать. Горбунов лежал с открытыми глазами, думал: не упустил ли что-либо в подготовке группы, всё ли предусмотрел. Он ещё и ещё раз критически оценивал обстановку, воздвигал самые различные осложнения, заранее искал нужные решения.

Не успел додумать до конца, как ординарец комбата принёс письмо. Письмо было от жены, Марии Григорьевны, на трёх страничках, вырванных из ученической тетради...

Михаил МАГНИЦКИЙ (1778–1844)

4 мая. 245 лет назад родился государственный деятель, литератор Михаил Леонтьевич Магницкий (04.05.1778, г. Москва – 02.11.1844, г. Одесса). Служил в Вене, Париже, Петербурге, Воронеже, Казани. С июня 1817-го по январь 1819 года был симбирским гражданским губернатором; инициировал следствия против дворян, злоупотребляющих властью. Жил в Вологде и Одессе. Автор «Оды на день восшествия на престол Павла Первого» (1796), «Стихов А.Б. Куракину» (1796); перевода с французского книги Ф. Фенелона «Изречения мудрости» (1797); остроумных записок и философских статей. Писал стихи, несколько из них опубликовано в сборнике «Аониды» под редакцией Н.М. Карамзина.

ПОЭЗИЯ

Свирепы воды с гор лесистых,
Обрушась с рёвом в дол бегут,
Гремят по рёбрам, скал кремнистых,
Леса и камни с стоном рвут:
Из моря вечности глубокой
Времени свирепые потоки
Так в дол стремятся жизни сей,
Так бурей смерти разъяренны,
Страны до облак вознесены
Скрывают в пропасти своей.

Где гордо возвышались грады,
Высокие леса шумят,
Где были царства, там громады,
Покрыты мхом седым, лежат.
Куда текли народов сонмы,
Их гроб – развалины огромны;
Где разливался гром побед,
Уныло воет ветер свирепый;
Где храм сиял великолепный,
В траве по камням змий ползет.
Крылатые где исполины,
Неся сокровища странам,
По чёрным шли хребтам пучины,
Смеялись дерзостным валам:
Там бездна, одичав, седая,

В берега гранитны ударяя,
Ревёт, вокруг пустыни зря;
Внимая рёв вдали гремящий,
Простря сквозь облак взор дрожащий,
Глядит стыдливая заря.

Земля есть дебрь, обремененна
Гробницами народов, стран.
Где ж вы спаслись, кому вселенна
Курит почтенья фимиам?
В каких странах веков стремленья
Укрылись смерти, разрушенья?
Какой всемогущий, грозный Дух
Векам стоять повелевает,
И громом ваших дел пленяет
Внимающей вселенны слух?

Не ты ль, Поэзия священна,
Почтенный глас самих богов,
Не ты ль, гармония небесна,
Сквозь вихрь времён, сквозь мглу веков,
Дела великих Леонидов,
Катонов, Кодров, Аристидов,
В концы вселенныя гласишь,
Противу смерти стать дерзашь,
Героев в гробах оживляешь,
И их бессмертными творишь?..

1797

Мария ВАТУТИНА (р. 1968)

4 мая. 55-летний юбилей отмечает поэтесса, журналист Мария Олеговна Ватутина (р. 04.05.1968, г. Москва). Член Союза писателей Москвы. Окончила Московский юридический институт (1995), Литературный институт им. А.М. Горького (2000). Автор поэтических сборников «Московские стихи» (1996), «Четвёртый Рим» (2000), «Перемена времён» (2006), «Девочка наша» (2008), «На той территории» (2010), «Ничья» (2011), «Цепь событий» (2013), «Небо в алмазах» (2015), «Пока ты спал» (2018), «Смотровая площадка» (2019) и др. Была в Ульяновске 17-22 сентября 2018-го и 16–20 сентября 2019 года; провела творческие встречи во Дворце книги в Ульяновске, а также в библиотеках Новоульяновска и Димитровграда.

Помолясь на крашенные стены,
Наклонившись надо мной легко,
Медсестричка колет мимо вены,
И опять, и снова в молоко.
Я не то чтоб насмерть умираю,
Но проверить хочется врачу,
Это я действительно хвораю
Или просто жалости хочу.

Медсестричка тыкает иголкой
В гиб руки, в запястье – чёрт возьми,
Изверг! А была бы комсомолкой,
Стала б измываться над людьми?
А была б сестрою полевою
Или в санитарном на войне,
Стала б рядом с дыркой пулевою
Ковырять иголочкой во мне?

Я, конечно, та ещё больная –
Одолела штатская напасть,
Только сразу бабку вспоминаю:
Эшелон, эвакупункт, санчасть.
В тыл тяжёлых раненых возила,
Собирала с поля урожай...
Ладно уж, коли ещё, мазила,
Только ради бабки, так и знай.

Твердишь – у победы цена высока,
Чины не признали вину,
Не так, не туда, не такие войска...
Представь на мгновение издалека,
Что мы проиграли войну.

Ну ты же хотел: не тревожить солдат,
И на переправе коней
Менять, и блокадный отдать Ленинград,
Журить холокост, но с ключами у врат
(Под немцем-то всё посытней).

Представь, навсегда отошли за Урал.
Ушли потихоньку в тайгу.
А с башен кремлёвских все звёзды содрал
Рейхсканцлер и свастикой небо попрал.
Представил? А я не могу.

Ты хочешь вернуться в такую страну:
Колбаски, баварский пивас?
Немецкие земли на Тихом Дону?
Ты хочешь, чтоб мы проиграли войну?
Хотя бы сейчас?

И кто бы ты был, да и был бы вообще?
Когда штурмбаннфюрер в шуршащем плаще,
Не переставая курить,
Уже позаботился, прян и медов,
Чтоб ты не возник на этапе дедов.
О чём мне с тобой говорить?

Алексей ГОЛОВИН (1618–1690)

5 мая. 405 лет назад родился составитель летописного свода о Сибири Алексей Петрович Головин (05.05.1618, Кузнецкий острог, ныне г. Новокузнецк Кемеровской обл. – 20.02.1690, г. Тобольск, ныне Тюменской обл.). В начале 1670-х гг. был переведён в Синбирск; служил воеводой Синбирского уезда (1673–1676); в 1677 году упомянут в чине Синбирского окольного. Затем был воеводой в Киеве, возглавлял Ямской приказ. В 1686–1690 гг. служил воеводой в Тобольске. Инициатор составления сборника исторических и географических известий о Сибири, названного Головинской редакцией Сибирского летописного свода (1689), являющегося самым крупным памятником книжной культуры конца XVII века.

Александр ЕРМОЛАЕВ (1908–1991)

9 мая. 115 лет со дня рождения краеведа Александра Дмитриевича Ермолаева (09.05.1908, г. С.-Петербург – 17.02.1991, г. Ульяновск). Окончил Ленинградскую военно-топографическую школу (1936). Участник Великой Отечественной войны. Преподавал военную топографию в Ульяновском гвардейском танковом училище (1951–1955). В 1951–1991 годах вёл военно-научную, краеведческую и поисковую работу. Описал нынешнее состояние Симбирской и части Закамской засеčnih черт. Автор и соавтор книг «Ульяновцы в боях за родину» (1964), «Ты идёшь по родному краю» (1968), «Честь, отвага, мужество» (1979), «Радость дорог» (1990), «Шагнувшие в бессмертие. Ульяновцы – герои Советского Союза» (1994) и др.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ (1933–2010)

12 мая. 90 лет назад родился поэт и публицист Андрей Андреевич Вознесенский (12.05.1933, г. Москва – 01.06.2010, там же). Окончил Московский архитектурный институт (1957). Член Союза писателей СССР (1960). Автор книги воспоминаний «На виртуальном ветру» (1998); сборников стихов «Антимир» (1964), «Тень звука» (1970), «Соблазн» (1978), «Проробы духа» (1984), «Аксиома самоиска» (1990), «Девочка с пирсингом» (2000), «Тьма» (2008) и др. Лауреат Государственной премии СССР (1978). Был проездом в Ульяновской области в августе 1958 года, отправившись на церемонию открытия Куйбышевской ГЭС, и в июне 1995 года по дороге в Самару, где участвовал в фестивале искусств «Из века 20-го в век 21-й».

КРОНЫ И КОРНИ

Несли не хоронить,
Несли короновать.

Седее, чем гранит,
Как бронза – красноват,
Дымясь локомотивом,
Художник жил, лохмат,
Ему лопаты были
Божественней лампад!

Его сирень томилась...
Как звездопад, в поту,
Его спина дымилась
Буханкой на поду!..

Зияет дом его.
Пустые этажи.
На даче никого.
В России – ни души.

Художники уходят
Без шапок, будто в храм,
В гудящие уголья
К берёзам и дубам.

Побеги их – победы.
Уход их – как восход
К полянам и планетам
От ложных позолот.

Леса роняют кроны.
Но мощно над землёй
Ворочаются корни
Корявой пятернёй.

Можно и не быть поэтом,
Но нельзя терпеть, пойми,
Как кричит полоска света,
Прищемлённая дверьми!

ПЕРВЫЙ ЛЁД

Мёрзнет девочка в автомате,
Прячет в зябкое пальтецо
Всё в слезах и губной помаде
Перемазанное лицо.

Дышит в худенькие ладошки.
Пальцы – льдышки. В ушах – серёжки.

Ей обратно одной, одной
Вдоль по улочке ледяной.

Первый лёд. Это в первый раз.
Первый лёд телефонных фраз.

Мёрзлый след на щеках блестит –
Первый лёд от людских обид.

СИРЕНЬ

Сирень похожа на Париж,
горящий осами окошек.
Ты кисть особняков продрогших
серебряную шевелишь.

Гудя нависшими бровями,
страшен от счастья и тоски,
Париж, как пчёлы, собираю
в мои подглазные мешки.

Софья ГОСЛАВСКАЯ (1893–1979)

18 мая. 130 лет со дня рождения актрисы, режиссёра, мемуаристки Софьи Евгеньевны Гославской (18.05.1893, г. Москва – 01.01.1979, там же). В детстве не раз бывала у деда и отца в родовом имении в Старой Майне; сохранилась её фотография с братом Владимиром, сделанная здесь в 1910 году. Снималась в немых фильмах «Домик в Коломне» (1913), «Обрыв» (1913), «Кормилица» (1914), «Покорение Сибири» (1914), «Ревность» (1914), «Руслан и Людмила» (1914), «Сестра милосердия» (1914), «Сказка о спящей царевне и семи богатырях» (1914) «Снегурочка» (1914) и др. Автор книг воспоминаний «Записки киноактрисы» (1974, Москва), «Так кто же виноват? Повесть былых лет» (2010, Ульяновск).

Ольга СКОПИЧЕНКО (1908–1997)

25 мая. 115 лет назад родилась журналист, литератор Ольга Алексеевна Скопиченко (25.05.1908, г. Сызрань Симбирской губ., ныне Самарской обл. – 12.05.1997, г. Сан-Франциско, США). В некоторых источниках местом рождения указан Симбирск. Дочь белого офицера. После революции жила в Харбине и Шанхае. С 1950 года занималась литературной и общественной деятельностью в Сан-Франциско. Автор поэтических сборников «Родные порывы» (1926), «Будущему вождю» (1928), «Путь изгнанника» (1932), «Неугасимое» (1953), «Рассказы и стихи» (1994) и др. Впервые в России её рассказы и стихи изданы в Барнауле отдельной книгой «Мы имя русское, как ладанку, носили, мы Родину иконой пронесли...» (2013).

РОССИЯ

Россия... Россия... Звени перезвоном
Далёких степных бубенцов.
Промчись между рытвин, канав и уклонов,
Но только развеи силу снов.

Сломай, размечи вековые поверья,
Пусть слышен бессвязный твой бред,
Жар-птицей теряй золотистые перья,
Но только откликнись в ответ.

Не спи...
Лучше пьянствуй, безумствуй, ругайся,
Топчи все святыни свои,
А после молись на коленях и кайся,
И плачь от зари до зари.

Не спи... Не молчи...
Сон твой – камень тяжёлый –
Всю душу мою раздавил.
Я сном твоим словно закован в оковы,
И сбросить его нету сил.

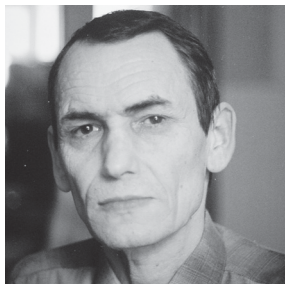
Россия... Россия... Промчись ураганом,
Мне молнией душу спали.
Кричи, пред тобою, безумной и пьяной,
Склонюсь я смиренно в пыли.

Обнимает девушку сказочный седок,
Пылью поднимается дымчатый песок,
А с деревьев песнями птичьего голоса...
Распустилась девичья русая коса.
Жемчугами вышитый яркий сарафан,
Алый, с позументами, бархатный кафтан...
Сказка? Быль народная? Стародавний сон?
Но на нашей Родине сбудется и он.
И царевич сказочный от кровавых лет
В лес умчится радостный, гордый от побед.
Увезёт любимую победивший грусть –
Молодую, новую, солнечную Русь.

Полвека минуло... а в памяти живёт
Весь этот путь двадцатого столетия,
От юных дней, когда был вписан год
В календаре, мы помним, двадцать третий.

Мы помним всё, и в память прошлых дней
Проходим часто по тропинкам узким
На кладбище, чтоб навестить друзей,
На кладбище, что тоже стало русским.

Здесь, в городе у Золотых Ворот,
Закончились потёмки бездорожья...
Благословим же сердцем этот год,
Нам посланный судьбой по Воле Божьей!

Борис МОРОЗОВ (1953–2016)

25 мая. 70 лет со дня рождения поэта Бориса Васильевича Морозова (25.05.1953, с. Сара Сурского р-на Ульяновской обл. – 17.08.2016, г. Ульяновск). Окончил Донской электромеханический техникум (1973, Тульская обл.). Работал инженером Сурского информационно-вычислительного центра (1973–1987). Публиковался в газетах «Сурская правда», «Димитровград-Панорама», «Ульяновская правда», «Экономика и жизнь», «Панорама УАЗ»; в коллективных сборниках «Отражение души», «Мы и время»; в журнале «Симбирскъ». Автор слов гимна Сурского района (2015). С 2003 года жил в Ульяновске. Не раз побеждал в городском конкурсе инвалидов «Я люблю этот мир» в номинации «Поэзия».

ОСЕНЬ

Привет, чарующая осень!
 Люблю я дней твоих печаль,
 И грусть дождя, и неба просинь,
 И увядающую даль.
 Люблю предзимнее дыханье
 И солнца трепетного миг,
 И в вышине, как восклицанье,
 Прощальный журавлиный крик.
 Люблю безмолвное величие
 Листовою плачущих дубрав,
 И тихий щебет стаек птичьих,
 И мягкий шёлк поникших трав,
 Склонённых ласково и нежно
 На изголовье сонных вод,
 Где отражаются безбрежно
 Багряный лес и небосвод.

ИСПОВЕДЬ

Души одинокой и томной,
 Холодной и лёгкой, как снег,
 Любовью коснись неуёмной,
 Мой милый, родной человек.
 И сердце моё отзовётся,
 К незримому счастьем спеша,
 И в небо, как птица, взовётся

Воскресшая в теле душа,
 Согретая ласковым словом,
 Улыбкой, вниманьем твоим,
 Чтоб я с ощущением новым
 Почувствовал вдруг, что любим...
 Но тщетны пустые мечтанья,
 Не будет поправки в судьбе:
 Ты помнишь, какие страданья
 Принёс я когда-то тебе.
 Обманывал, мучил, смеялся,
 Грехи свои в сердце тая,
 И вот на краю оказался,
 Сам Бог мне сегодня судья!
 Теперь, в горький час искупленья
 Молясь до восторженных слёз,
 Прошу я у Бога прощенья
 В саду среди белых берёз.
 И в царстве весеннего сада
 Опять расцветает жасмин
 Под ливень ночной звездопада
 И трепетный шёпот рябин.
 А возле берёз, у забора,
 Где в полдень – прохладная тень,
 Совсем отцветёт уже скоро,
 Как вдовья баба, сирень.
 И мне не дожить до рассвета:
 Устав от гнетущей хандры,
 Задолго до бабьего лета
 Уйду я в иные миры...

Иосиф УТКИН (1903–1944)

28 мая. 120 лет со дня рождения поэта Иосифа Павловича Уткина (28.05.1903, ст. Хинган КВЖД, ныне уезд Якэши, Китай – 13.11.1944, похоронен в Москве). Жил и работал в Иркутске и Москве. Автор книг «Первая книга стихов» (1927), «Публицистическая лирика» (1931), «Стихи о войне» (1933), «О Родине. О дружбе. О любви» (1944) и др. Был проездом на станциях Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово Куйбышевской, ныне Ульяновской обл. в сентябре 1941 года, когда в бою под Ельней был ранен осколком мины (оторвало четыре пальца правой руки) и отправлен в санитарном поезде на лечение в Ташкент. В 1944 году, возвращаясь с фронта, погиб в авиационной катастрофе недалеко от Москвы.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Трудно нам с тобой договориться,
Трудно, милая, трудней всего:
Резко обозначена граница
Счастья твоего и моего.
И усталые, полуживые,
Зубы стиснувши и губы сжав,
Мы с тобой стоим, как часовые
Двух насторожившихся держав.

Я видел девочку убитую,
Цветы стояли у стола.
С глазами, навсегда закрытыми,
Казалось, девочка спала.

И сон её, казалось, тонок,
И вся она напряжена,
Как будто что-то ждал ребёнок...
Спроси, чего ждала она.

Она ждала, товарищ, вести,
Тобою вырванной в бою, –
О страшной, беспощадной мести
За смерть невинную свою!

Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это – другая.
Это значит... сырая земля.

Это значит, дубы-нелюдимы
Надо мною грустят в тишине,
А такую разлуку с любимой
Ты простишь вместе с родиной мне.

Только вам я всем сердцем и внемлю.
Только вами и счастлив я был:
Лишь тебя и родимую землю
Я всем сердцем, ты знаешь, любил.

И доколе дубы-нелюдимы
Надо мной не склонятся, дремля,
Только ты мне и будешь любимой,
Только ты да родная земля!

ПАМЯТИ ЗАМУЧЕННЫХ

Наш путь крестами обозначен.
Но крепок дуб от старческих морщин!
Закал борьбы: теряя, мы не плачем,
И, проклиная, мы молчим.

В нас многое захладила снежность,
Но, чуждая никчёмных слов,
И в нас есть дружеская нежность
И комсомольская любовь.

И если так, то в чёрный день утраты,
Как самым-самым дорогим,
Мы вам, товарищи... ребята,
Любовь и нежность отдадим!

Всему есть срок... сорвётся голос ровный,
В шеренге дней и дни расплаты есть:
Мы не откроем рта, но будут многословны
Огонь и сталь, наган и месть!

Алексей ДУРАКОВ (1898–1944)

28 мая. 125 лет назад родился поэт и переводчик Алексей Петрович Дураков (28.05.1898, с. Дураково-Черкасское Пензенской губ. – 12.08.1944, д. Прогар, близ Белграда, Югославия). Окончил Симбирский кадетский корпус в чине фельдфебеля (1917). Плавал на крейсере «Орёл», жил в эмиграции. Стихи писал с 1921 года, печатался в сборниках и журналах Парижа, Праги, Выборга. Участвовал как переводчик в «Антологии новой югославянской лирики» (Белград, 1933). Во время войны участвовал в партизанском движении. В 1946 году в Белграде вдова поэта собрала его сохранившиеся стихи в машинописный сборник; на его основании в 2005-м в Москве издана книга стихотворений «Один из солнечных лучей».

БОСНИЯ

Гор содвинувшиеся кряжи,
Как чудовища, припавшие к земле,
У ворот чистилища на страже
Горбятся в кроваво-дымной мгле.

Запад рдеет, и лучи струятся.
Подозрительный, томительный покой.
А они, коварные, дымятся
И сверкают алой чешуёй.

Из духоты, от жизни пыльной
Да вдруг в благословенный край
Душе унылой и бессильной
Пришлось примчаться невзначай.

О удивительное Вранье!
Расскажешь – скажут, что враньё –
Здесь в небе в сладком замиранье
Галдит, кружася, вороньё,

А воздух солнышком разнежен
И для чахоточных грудей
Всевышней властью обезврежен
Над морем высоты своей.

Но не хранит сей воздух чистый
От чар возлюбленной моей.
Здесь больше, чем на Саве мглистой,
Власть затуманенных очей.

И так же сердце ею полно,
И думы тихие о ней
Непобедимы и безмолвны
В невыразимости своей.

О удивительное Вранье,
Ты грустный сон, а не враньё,
Здесь сердце бьётся в замиранье,
А в небе – синь и вороньё.

Тёмных вод глухую пасть покинув,
Я, спасённый, к берегу приплыл,
Где лежите вы, плащи свои раскинув,
Среди муз, харит и нежныхвил*.

Что ж, и я одну из них добуду.
Будет взор её – морская глубина,
Где сплелись причудливые чуда,
Где сиянье радужного дна.

Там узнаю я изменчивые тени,
Тёмных мыслей и печали плен –
Свитки вещие, не ведавшие тленья,
Мной ещё не сказанных поэм.

И за музой той, чьё имя сердцу мило,
Чья душа темна, но горяча,
Выйду встретить новое светило,
Сеять бисер с влажного плаща.

* Вила – по-сербски русалка, дриада.

Нина ПОНОМАРЁВА (1928–2019)

28 мая. 95 лет со дня рождения педагога, краеведа Нины Васильевны Пономарёвой (28.05.1928, г. Ульяновск – 12.06.2019, там же). Детство провела в Подмоскowie; в 1938 году вернулась с семьёй в Ульяновск. Окончила Ульяновский педагогический институт (1950); работала учителем истории, завучем школы №38; директором школ №7 и №8. Заслуженный учитель РСФСР (1977). Публиковалась в сборнике «Добрый гений наших краеведов» (2007). Автор краеведческих изданий «Родной край Ильича» (1976), «Я помню Кашкадамовскую школу» (2004), «Школа наших исканий и надежд» (2005), «Были земли Симбирской» (2007). Почётный гражданин города Ульяновска (2001). Её имя присвоено ульяновской школе №8 (2011).

Я ПОМНЮ КАШКАДАМОВСКУЮ ШКОЛУ (отрывок из книги)

Сохранилось много фотографий основательницы нашей школы Веры Васильевны Кашкадамовой. Но мне хочется воссоздать её облик по воспоминаниям учеников и коллег, хорошо её знавших.

Вот что написала о Вере Васильевне учительница истории Екатерина Сергеевна Орлова: «Меня буквально очаровала эта живая, среднего роста, умеренной полноты женщина. Её подвижность, живость глаз, блестящих особым огоньком душевного подъёма, когда она вся разгоралась, говоря о своей работе».

Вера Ивановна Костина вспоминает: «На вид она была всегда строгая, спокойная, говорила тихо, ласково, но внушительно. Хочет сделать строгое, сердитое лицо, а глаза из-под очков смеются».

Владимир Петрович Касаткин словно сфотографировал Веру Васильевну в работе: «Вот учительница неторопливо входит в класс. На ней тёмный, пожалуй, старомодный, но всегда очень опрятный костюм: короткий пиджачок «английского покроя», длинная юбка. Обшлага белой блузки нешироким ободком обрамляют рукава, а под накрахмаленным отложным воротничком единственное скромное украшение – серебряная брошь. И неизменное пенсне. Пенсне на чёрном шнурочке, какое теперь едва ли кто носит, да и тогда уже – в двадцатых годах – оно редко встречалось. Не потому ли оно казалось нам особенным, характерным признаком именно Веры Васильевны, вещью, сжившейся, ладившей с хозяйкой. И за уроком наши глаза не без удовольствия улавливали нужные, размеренные движения этой вещи, которые как бы иллюстрировали ход занятий. Вот Вера Васильевна в пенсне диктует задачу, поясняет, и оно минуту покачивается на шнурке у неё на груди, а вот опустилось в боковой кармашек, значит, учительница подойдёт к доске или начнёт опрос».

Валентина Николаевна Ястржембская, окончившая гимназию с золотой медалью, отмечает исключительную справедливость Веры Васильевны. Однажды я спросила Марию Ивановну Герасимову: «А приходилось ли Вере Васильевне за какие-либо проступки журить своих учениц?» И Мария Ивановна ответила: «Проступки случались, например, кто-то после 18 часов был замечен на Большой улице

города или посетил театр без сопровождения родителей, тогда выговор ослушнице был обеспечен. И Вера Васильевна в гневе могла произнести своё самое страшное «ругательство»: «Ах ты, бесстыдница, бессовестная! Как тебе не стыдно, не совестно!» И девочки, опустив голову, просили прощения и давали твёрдое обещание, что впредь нарушений дисциплины не будет».

Герасимова Мария Ивановна, пожалуй, главная хранительница воспоминаний о Вере Васильевне Кашкадамовой. Когда мы готовились к открытию школьного музея, мы буквально «присосались» к ней, часто посещали дом на улице Водников, а в день рождения Веры Васильевны покупали торт, разные сладости и устраивали чаепитие. Мария Ивановна усаживалась в кресло-качалку, покрытое собачьей шкурой, и начинала вспоминать. Мы записали её рассказ о необыкновенном случае на уроке, и я дословно его передаю...

«Пришла Вера Васильевна домой возбуждённая и стала рассказывать о том, как к ней на урок пришёл Илья Николаевич Ульянов. Девочки засуетились, забегали, кричат: «Дилехтор приехал». Облепили его, тетрадки показывают, чтобы похвалил. Ну всё как всегда. Да тут звонок прозвенел. «Веду урок, – говорит Вера Васильевна, – вижу, одна девочка юркнула под парту да и поползла ящеркой. Я так и обомлела. А девочка-то, оказывается, до начала урока не успела свою тетрадку «дилехтору» показать, вот на четвереньках и поползла к Илье Николаевичу. Думала, журить меня Илья Николаевич будет, а он только посмеялся».

Вроде бы мелкая деталь, но она даёт возможность судить о взаимоотношениях директора народных училищ с учителями.

У Марии Ивановны бережно хранились личные вещи, документы Веры Васильевны. Не сразу, по частям она их нам передавала. И лишь убедившись, что мы имеем твёрдое намерение открыть в школе музей В.В. Кашкадамовой, все вещи и документы она передала нам. Вот эти документы и стали основой экспозиции нашего музея.

Школьный музей был открыт в день рождения Веры Васильевны – 19 февраля 1965 года. Среди почётных гостей была и Мария Ивановна Герасимова...

Нинель ДОБРЯНСКАЯ (р. 1938)

28 мая. 85 лет исполняется литератору Нинели Васильевне Добрянской (р. 28.05.1938, с. Натальевка Запорожской обл. Украинской ССР). С 1994 года живёт в Ульяновске. Написала повесть «Роза любви моей»; рассказы «А смерть была совсем рядом...», «Мой Бог», «Пасха», «Сухарики для пленных», «О чём молчат валуны», «Голубечики мои миленькие» и др. Публиковалась в журналах «Мономах» и «Симбирскъ», в альманахах «Карамзинский сад» и «Гончаровская беседка». Автор книги прозы «Смешная девчонка» (2009); исторических романов «Княжна Натали» (2011), «Предки вещают...» (2021, в соавторстве с дочерью Т.В. Лотоцкой). Член Ульяновского отделения Российского союза профессиональных литераторов.

КТО ТАМ, В КОЛОДЦЕ? (отрывок из рассказа)

...Мне стало так тоскливо и одиноко, что я заплакала. Но тут заметила, что, погнавшись за котёнком, совсем близко подошла к колодцу. И увидела, что крышка, обычно закрывающая его, отодвинута в сторону. И видно ведро, болтающееся на цепи. В один миг моё плохое настроение куда-то улетучилось! Сейчас всё моё внимание переключилось на этот таинственный колодец. Я знала, что в нём живёт страшный водяной, который не любит маленьких деток. Так мне говорил дедушка Демьян. Поэтому мне и не велели близко подходить к колодцу.

– Наверное, водяной сердится, когда у него берут водичку. А она у него такая вкусная, холодная! Только пить её надо маленькими глоточками, чтобы не заболело горлышко, – так говорила бабушка Фрося.

– А если я не буду брать водичку, он же ничего плохого мне не сделает? – размышляла я. – Мне бы только одним глазком посмотреть: какой же он? Я присела на край колодца и заглянула в него.

– Ого! Какой он большой и тёмный! – произнесла я и услышала, как эхо вторит моим словам:

– Тё-о-о-мный! – А мне подумалось, что это отвечает водяной.

– А где же ты сам? Покажись! Я тебя не вижу.

– Ви-и-ижу! – откликается эхо. Внимательно всматриваюсь в воду, и мне начинает казаться, что там, в темноте, что-то проявляется.

– Кто там, в колодце? – спрашиваю я. И вдруг отчётливо вижу девочку!

– Ой! Девочка! Как ты туда попала?

– Упа-а-ала... – отвечает эхо.

– Тебя затянул водяной?

– Водяно-ой... – звучит эхо, а мне кажется, что это девочка говорит со мной.

– А где же он сам? Может, пошёл кушать и тебя оставил одну?

– Одну-у... – отражается звук от дна колодца.

– Хорошо, что ты одна! Я сейчас тебя спасу. А ты будешь со мной играть?

– Игра-ать... – слышу её ответ.

– Вот и хорошо, что ты согласна!

– Согла-а-асна...

– А я уже где-то тебя видела! У тебя такие же

кудряшки, как у меня! Я так рада, что мы будем с тобой играть! А то мне одной скучно. Даже Мурзик убежал от меня! Сейчас я спущу тебе ведёрко...

– Ведё-орко...

Я уже протягиваю руку, пытаюсь дотянуться до ведра, висящего на железной цепи. И в этот миг кто-то больно хватает меня за волосы и опрокидывает на землю.

– Ой-ой! Дядя Гриша, я так тебя люблю, зачем же ты делаешь мне больно?

– Ах ты, дрянная девчонка! Ещё спрашиваешь! – сердито кричит он на меня. – Да не подскочи я вовремя, ещё чуть-чуть и ты бы свалилась в колодец!

– Я только хотела спасти девочку! Водяной её туда утянул!

– Дурёха! Там нет никакой девочки! Ты видела в воде своё отражение!

– Никакого выражения я там не видела!

– Не выражения, а отражения! Ладно, пойми одно – ты видела саму себя!

– Нет, я была здесь, наверху, а там, внизу, была девочка. Она сказала, что будет со мной играть! Вытяти её оттуда! – плача, прошу я дядю.

– Бесплезно тебе объяснять! Наверное, в трёхлетнем возрасте в твоей голове это трудно укладывается. Зато заруби себе на носу, что тебе запрещается даже приближаться к колодцу! – И он с шумом задвинул тяжёлую крышку.

На шум и крики из дома выскочила бабушка Фрося.

– Ты чего там раскричался? – спросила она.

– Этот ребёнок без приключений жить не может! – ответил ей дядя Гриша. – Если бы я вовремя не подскочил, Нэлька утопилась бы в колодце!

– Да что ты говоришь? – ужаснулась бабушка. – Она что, сама смогла крышку отодвинуть?

– Нет, кто-то видать забыл закрыть за собою. А Нэлька тут как тут! Только и следи за ней!

– Ну и морока с этим ребёнком! У меня нет времени нянчиться с ней – столько забот по хозяйству, а за ней нужен глаз да глаз! Сынок, отведи-ка ты её к родной бабке в Лежано! Не дай Бог что случится, Шурка скажет, что недосмотрели...

Николай ПОЛОТНЯНКО (р. 1943)

30 мая. 80-летие отмечает писатель Николай Алексеевич Полотнянко (р. 30.05.1943, пгт. Тальменка Алтайского края). С 1973 года живёт в Ульяновске. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей РСФСР (1988). Автор книг стихов и прозы «Братина» (1977), «Симбирский временник» (2003), «Государев наместник» (2007), «Счастлив посмертно» (2014), «Клад Емельяна Пугачёва» (2009), «Сказания земли Симбирской» (2021) и др. Лауреат Всероссийской литературной премии им. И.А. Гончарова (2008), областной поэтической премии им. Н.Н. Благова (2016). Награждён медалью Н.М. Карамзина (2011, Ульяновск), литературным орденом Ф.М. Достоевского (2014, Пермь).

ОПОЛЧЕНЕЦ ДОНБАССА

1

Я русский по духу и крови,
Славянского корня мужик.
Не склонен к украинской мове
Мой древний природный язык.

Хотя хороши, нет сомненья,
Шевченко простые слова,
Но есть моё твёрдое мнение:
У русских своя голова.

Не стоит другим, даже брату,
Что явно давно не в себе,
Влезать в мою русскую хату,
В моей ковыряться судьбе.

Топтать мою веру и память,
И рвать кровью политый стяг.
И будет победа за нами,
За кем Сталинград и Рейхстаг!

2

Сколько раз я хотел
Быть не плотью, а тенью,
Но и тени сжигал в землю вогнанный гром.
Довелось на земле
Мне родиться мишенью
С красным яблоком под ребром.

Под четвёртым ребром
Кровь толчками катилась.
На бегу. Под огнём. В жёстком ритме атак.
Сколько раз я хотел,
Чтоб земля расступилась
И сокрыла в себе этот огненный мрак!

И окоп отрывая лопаткой сапёрной,
И вгрызаясь по плечи в горячий бугор,
Сколько раз материл я упругие корни
И сплетённый столетьями дёрн.

Солнце в красном дыму
Было тускло и слепо.
Задыхаясь землёй, я долбил свой окоп,
Чтоб скорее уйти от горящего неба
И повиснувших в пламени бомб!

...Тишина показалась огромной и зыбкой.
За бугор горький дым относил ветерок.
Где-то рядом в траве запиликал на скрипке
Переживший бомбёжку сверчок.

Он подругу искал,
Чтобы петь с нею рядом.
Он, живой, о любви ей признаться хотел
На холме, изувеченном залпами «Града»,
Средь разбитых машин и разорванных тел.

Свет на цвет был кровав,
И заря, как подранок,
Билась вспышками на пулемётном стволе.
Я подумал, что если победа за нами,
Значит, есть ещё Правда как Бог на Земле.

Игнатий ФАРМАКОВСКИЙ (1813–1873)

210 лет назад родился протоиерей, духовный писатель и педагог Игнатий Фёдорович Фармаковский (1813, Симбирская губ. – 18.02.1873, г. Вятка, ныне Киров). Учился в Казанской духовной семинарии и Петербургской духовной академии. Служил в Спасском соборе в Вятке; с 1863 года был редактором «Вятских епархиальных ведомостей»; с 1869-го преподавал в Вятском епархиальном женском училище. Автор трудов «Два замечательных случая из быта вятских крестьян» (1863), «Слово в день тезоименитства Благодетельнейшего Государя Императора Александра Николаевича» (1863), «О первоначальном появлении раскола в Вятской епархии» (1868), «Некоторые сведения о книгах Нового Завета» (1871) и др.

ДВА ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ СЛУЧАЯ ИЗ БЫТА ВЯТСКИХ КРЕСТЬЯН

(отрывок из сочинения)

Одна молодая поселянка терпела много неприятностей и притеснений в семействе своего мужа от матери его, своей свекрови. Причины этих притеснений, может быть, заключались и в капризах или своенравии свекрови; но главное основание для них было, как кажется, в поступках самой молодой женщины. Как бы то ни было, в один день гонимая женщина, управившись с своими хозяйственными занятиями, испекши утром хлеб для своей семьи, скрылась из дому, и скрылась так, что и след простыл. Три дня её искали и семейные её, и соседи, но без успеха. Дело дошло до формальных розысков чрез местное начальство; результат был тот же; так что после всех розысков открытие костей пропавшей предоставлено было уже воле Божией.

Прошло 12 дней с того времени, как молодая женщина скрылась из своего семейства, – её считали погибшею, – как вдруг неожиданно-негаданно она является в дом свёкра, живая и здоровая, и рассказывает, что её уносил к себе леший; что у лешего живёт будто бы много молодых женщин и питаются они его сладким хлебом. Женщины эти, продолжала рассказчица, все были не в любви – то у своих мужей, то у отцов и матерей, и подвергались своей участи или вследствие проклятия своих родителей, или по действию слов «чёрт тебя побери, леший тебя унеси» и подобных. Такой женщине, прибавляла рассказчица, рук лешего уже не миновать.

Наша рассказчица спаслась от власти лешего только тем, что она, любя мужа и свёкра своего, не хотела есть предложенного ей лешим хлеба. Поэтому именно леший далее 12 дней держать её не мог; отнёс её и посадил на пресловутую в своём месте заветную берёзу. Сидя на этой берёзе, я видела, говорила возвратившаяся, как мимо проходили люди, слышала их разговоры, но сама говорить сначала не могла и слезть с берёзы и добраться до дому была не в состоянии. Но потом мало-помалу собралась с силами, слезла с берёзы и пришла домой.

Домашние были рады-радехоньки возвращению потерявшейся; а муж её и свёкор не знали, как и благодарить её за то, что она по любви к ним не согласилась есть хлеб у лешего и таким образом спаслась от него и имела возможность возвратиться домой. Слух о возвращении потерявшейся быстро разнёсся по деревне и привлёк любопытных. Все слушали рассказы её со страхом и сожалением о ней, как о жертве нечистой силы. Явилось и местное деревенское начальство; явились для своих надобностей и так называемые мироеды и коштаны. Начались толки и рассуждения, полились нескончаемые

рассказы про подобные случаи, бывавшие будто бы или с самими рассказчиками, или с их знакомыми, и заключались все восклицаниями такого рода: кому же не доводилось из людей, разумеется, опытных, самому видать, или по крайней мере слышать о таких проказах дубровского князя – нашего дедушки. (Имени лешего крестьяне не смели произносить, боясь, чтобы он не оскорбился и как-нибудь не подшутил за невежливость.) Стало быть, что же тут дивного, что соседка наша побывала в лапах у лешего, пожила у него и наконец воротилась домой? Всё это бывальщина.

Никому и в голову не пришло спросить у пропадавшей о чём-нибудь другом, что не относилось к таинственной области лешего; никто не заикнулся и намёком на то, не оклеветан ли женщиной напрасно небывалый леший, чтобы просто-напросто обмануть мужа? Ответы женщины были прямы и определённы. Положено было общим советом: беглянку оставить в покое, как ни в чём не виноватую, так что она, как видно, преспокойно может, пожалуй, и в другой раз погостить у лешего. Но свекровь... свекровь, которая, без сомнения, в ссорах со снохой не один раз посылала её к лешему, свекровь должна была испытать немало наставлений.

Другой случай. Один крестьянин, большой охотник до лёгкой наживы, придумал воспользоваться простотой и легковерием своих соседей, ближних и дальних, для своего обогащения. Мало-помалу он успел уверить их, что одержим злым духом, а про дом свой распустил слух, что в нём поселилась кикимора. Слухи и рассказы эти навели страх на всех окрестных поселян; и он хитрым влиянием этого бестолкового страха воспользовался как нельзя лучше для своих видов. Начались кражи, и довольно смелые. Бывало, что и поличное указывало, куда девалось краденое и где хранилось: но ведь с кикиморой что сделаешь? И так крестьяне под влиянием своего суеверного страха бедствовали, а хитрец оставался без наказания. Дело ясное, что при здравомыслии крестьян кикиморе не миновать бы тюрьмы и суда: к несчастью, именно здравомыслия-то у них не было.

Случаи эти показывают нам, что есть в епархии вятской уголки, где крестьянство находится ещё в самой крайней простоте – на той степени умственного развития, на которой кажутся совершенно достоверными самые нелепые рассказы, как например о живой и мёртвой воде, о жар-птице и тому подобные сказания...

Василий СИДОРОВ (1843–1903)

*180 лет со дня рождения писателя, переводчика, путешественника и натуралиста Василия Михайловича Сидорова (1843, ? – 1903, г. С.-Петербург). Автор сборника «Стихотворения и драматические поэмы», опубликованного под псевдонимом В. Отрадин (1890); путевых заметок «Окольной дорогой» (1891), «По России» (1894, 1897). Сделал авторский перевод студенческого гимна *Gaudeamus* и стихотворное переложение рассказа Эдгара По «Чёрный кот». Путешествовал по России; во время плавания на пароходе по Волге посетил Симбирск. Издал книгу «Волга. Путевые заметки и впечатления. От Валдая до Каспия» (1894), в которой описал достопримечательности Симбирска. Город показался ему скучным и унылым.*

ВОЛГА. ОТ ВАЛДАЯ ДО КАСПИЯ (отрывок из путевых заметок)

Симбирск так далеко и высоко забрался на гору, что с пристани его совсем не видно и в город приходится подыматься по довольно крутому, изогнутому змеёй Петропавловскому спуску. Лёжа на горе между Волгой и Свягой, которая пробегает своими верховьями совсем рядом с старшей своей сестрой, Симбирск совсем заснул на высоком своём пьедестале, с крутыми обрывами к обеим рекам. Это старое, дворянское гнездо, с славой и весельем в прошлом, с преданиями жизни прежних помещиков и важных бар, центр в былые дни провинциального блеска, всего модного и изящного, старый барин среди волжских городов, обедневший, заснувший и полузабытый нынче, когда вся аристократия его испарилась.

Скучно и вяло глядит, прежде весёлый, город, эта родина Гончарова, Карамзина и Языкова, эта столица дворянства и особых симбирских татар. Симбирск, выстроенный в 17-м веке для охраны края от набегов татар, дважды счастливо отразил Разина с его 20 тысячами войска и Федьку Шелудяка, а во время Пугачёвщины оставался верным Екатерине II и видел Пугачёва, разбитого Михельсоном и им засаженного в железную клетку при отправке в Москву на казнь. За верность Екатерина II пожаловала герб дворянам Симбирска в виде столба с золотую на нём короною, помещённого на синем поле. Говорят, что этот герб создал выражение «столбовой дворянин». Пожары разогнали дворянство, а прежний блеск, ослепительные празднества, прославленные балы – всё осталось, как милое предание хорошей старины, во всех этих больших зданиях и губернаторского дворца, и дворянского собрания, и частных помещичьих домов.

Душный, среди облаков пыли спит город с своим Венцом, очевидно бывшим кремлём, где от прежних крепостей, палисад и стен, от многочисленных башен и следа не осталось. Венец – высший пункт города, и вид с него на Волгу прекрасен. В сторону к Свяге горы падают от Венца уступами. Здесь прекрасные большие здания, молчаливо глядящие на пыльные и скучные улицы, тихие сады и бульвары.

На Карамзинской площади, окружённой хорошими зданиями, курьёзный и очень неудачный памятник историку Карамзину. На высоком пьедестале стоит фигура музы Клио с трубой и скрижалю, а на барельефах изображено: на одном – бюст Карамзина в римской тоге, по крайне дикой фантазии скульптора Гольберга, на другом – чтение Карамзиным своей истории Александру I, на третьем –

вручение умирающему Карамзину благодарственного рескрипта Императора Николая. Барельефы плохи, фигуры, в подражание Риму, полуобнажены и смешны в России, а фигура Клио подаёт повод народу думать, что памятник поставлен какой-то покаявшейся волжской разбойнице, и назвать его чугунной бабой. Против памятника – прекрасная и богатая Карамзинская публичная библиотека.

Главная улица Симбирска – Широкая, с бульваром деревьев посередине, такая же скучная, как и остальные улицы города. Уныло глядит здание театра на площади, в которую упирается Широкая улица, уныло нудит большой гостиный двор, тоже на площади, на другом конце симбирского Невского.

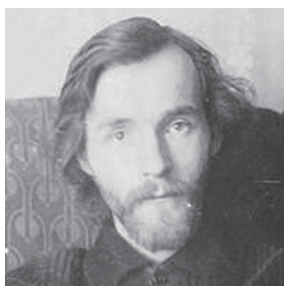
Собор св. Троицы на Венце, выстроенный в память Отечественной войны 1812 года, величественно высится своей колокольней и белыми стенами и глядит на заволжские дали. Другой – Никольский собор, полный исторических и церковных вещей, как же Вознесенский, так и старая очень любопытная единоверческая церковь, так все остальные 24 церкви Симбирска и два его монастыря придают городу богатый и красивый вид, и всё-таки тоска бежит следом за вами. Словно попал в старый дом, ставни которого давно не отворялись, и всё, начиная с стен, приобрело специфический затхлый запах сырости. Даже далёкий вид с городского бульвара и с Венца на безбрежные дали, на далёкую ровную площадь не имеет ни разнообразия, ни веселья других волжских видов и радуешься, когда приходит время отъезда, и кажется, что был в дому, где нет хозяина.

Только во время Соборной ярмарки Симбирск оживает и сбрасывает с себя этот заколдованный сон, а также во время ежегодного торжественного крестного хода в память избавления города от Стеньки Разина, во время которого при торжественном перезвоне всех церквей народ и духовенство совершают шествие по той самой исторической дороге, по которой горожане во время осады, более 200 лет тому назад, совершали Крестный ход с воеводой Милославским во главе.

Здесь, около Симбирска, в трех с половиной верстах от города, находится Киндяковка, где жили и Вера, и Марфинька, и бабушка, где у забора ожидал Марк Волохов Веру, где показывают обрыв, уверяя, что это тот самый, именем которого Гончаров назвал один из лучших своих романов...

Тимофей АВЕРЬЯНОВ (1878–1958)

145 лет назад родился поэт-самоучка Тимофей Фёдорович Аверьянов (1878, Симбирская губ. – 1958, г. Ульяновск). Он родился в деревне и заявлял, что сам крестьянин, и жизнь крестьянина, дух его и веру знает отлично. Трудился рабочим столярной фабрики Кудрявцева в Симбирске. Участник революционных событий 1905–1907 гг. в Симбирской губернии. Писал стихи и рассказы, публиковался в местных газетах. Был знаком с писателем С.Г. Петровым-Скитальцем. Сотрудничал в симбирских газетах «Заря» и «Известия»; псевдоним – Путник. Член сызранского и симбирского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени. Рукописи хранятся в Госархиве Ульяновской области.

Пётр БУНАКОВ (1888 – не ранее 1944)

135 лет со дня рождения поэта, журналиста, художника-карикатуриста Петра Петровича Бунакова (1888, г. Москва – не ранее 1944, г. Куйбышев, ныне Самара). Публиковал стихи и рассказы для детей в московских изданиях «Женская жизнь», «Журнал для хозяек», газете «Беднота». Работал в Симбирском отделении «Окон РОСТА»; несколько стихов напечатал в «Сборнике стихотворений» с предисловием И. Варейкиса (Симбирск, 1920); в 1921–1925 гг. печатался в местных сатирических изданиях; в 1922 году – редактор журнала «Симбирский комар», в 1923-м сотрудничал с журналом «Бегемот». Затем жил и работал в Самаре. Автор книг «Из тьмы к свету» (1917), «И стихом, и прикладом по фашистским гадам» (1942) и др.

ВЕСНА

Были сосны и берёзки
В пышном белом серебре.
А теперь сверкают слёзки
На ветвях и на коре.

И весна поёт на поле:
«Уходи, зима, и верь –
Больше нет твоей неволи...
Я царить хочу теперь.

Там, где злая вьюга пела,
Где мороз любил плясать,
Я проталинки успела
Всюду, всюду разбросать.

Где я только проходила,
Шаловлива и ясна –
Всё улыбкой разбудила.
Я – царевна, я – весна!»

Голос радостный, напевный
Ловят реки и леса.
Каждый шаг весны царевны
Совершает чудеса.

ПОКОС

С первым проблеском зари
Вышли в поле косари.
Милый север, грустный север,
Как хорош твой мягкий клевер,
Как под острою косой
Он ложится полосой!
Звонко пели косы в поле
О небесной синей воле
И о том, как здесь красив
Океан полей и нив.
День прошёл, и клевер скошен,
На родную землю брошен.
Ветер, кончен праздник твой!
Не шуметь тебе травой,
Целовать нельзя ромашку,
И зардевшую кашку
Ты с земли не можешь гнуть,
Чтобы бабочку спугнуть.
Солнце яркий клевер сушит,
А тебя рыданья душат.
И по скошенным полям
Ты помчался к тополям.
Дико ветви их колышешь,
Речи ласковой не слышишь...
А шептали тополя:
– Не состарится земля,
И грядущею весною
Ароматною волною,
И тоскуя, и любя,
Позовут опять тебя...

Виктор СЫСУЕВ (1938–2011)

85 лет назад родился прозаик, переводчик и поэт-баснописец Виктор Петрович Сысуйев (1938, с. Богдановка Кинельского р-на Куйбышевской, ныне Самарской обл. – 30.12.2011, г. Димитровград). Окончил школу в селе Никольское-на-Черемшане (1956), Ульяновский сельскохозяйственный институт. Работал в Мелекесском объединении «Сельхозхимия». Был членом Димитровградской писательской организации. Автор нового переложения со старославянского языка «Слова о полку Игореве» (2004), книги очерков и рассказов «От генерала до ефрейтора» (2006). Переводил стихи Дж. Байрона, Г. Лонгфелло, В. Гёте, Г. Гейне, Д. Мейсфилда, Ф. Шиллера и др. Готовил книгу о древнейшей истории родного края.

НЫРЯЛЬЩИК

*(отрывок из баллады
Фридриха Шиллера)*

– Отважится кто – иль рыцарь, иль воин –
На дно опуститься морское?
Тот кубка золотого будет достоин,
Что будет призом победным герою.
Кто сможет вернуть его, мне показать –
Тот может его у себя удержать!

Король говорит и с утёса кидает
Свой кубок в кипящее море.
Харибды ужаснейший рёв возникает,
Прибою свирепому, грозному вторя.
Король вопрошает второй уже раз:
– Найдётся ли всё же смельчак среди вас?

Молчит и смотрит на буйное море
Вся королевская рать.
Никто не хочет стать героем
И кубок на дне морском отыскать.
И в третий раз возглашает он снова:
– Могу отыскать храбреца я такого?

Всё тихо, как прежде, но вот из рядов
Выходит паж молодой.
Желанье монарха исполнить готов,
Кидает на землю он плащ боевой.
И дамы, и рыцари – все подряд
На дерзкого юношу молча глядят.

И вот он подходит к скалистому краю
И смотрит пучине в глаза,
Где влага бунтует, и волны играют,
Как будто бы с тучей собралась гроза,
Как будто вода с огнём смешалась,
Стихия угрюмая с цепи сорвалась...

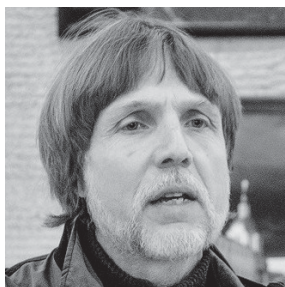
Бурлит и клокочет, шипит и кипит,
И брызги до неба взлетают.
Поток за потоком друг друга теснит,
И скалы их с пеной, шумя, отражают.
А волны бушуют, друг с другом споря.
Как будто бы море – родить хочет море.

Но вот на мгновение шум утихает,
Стихия внизу улеглась.
Воронка без дна в белой пене зияет,
Раскрыла свою ненасытную пасть,
И волны как в ад устремились туда,
Где водоворот, где взбесилась вода.

И быстро, пока не вернулся прибой,
Он богу себя доверяет,
Крик ужаса вырвался, смолк над толпой,
Что будет с ним? Бог один знает.
И смыло его набежавшей волной,
Вернётся иль нет он из ада живой?..

*Перевёл с немецкого
Виктор Сысуйев.*

Виктор ВАРЛАМОВ (р. 1958)

65 лет исполняется поэту, барду Виктору Владимировичу Варламову (р. 1958, г. Ульяновск). Окончил Московский архитектурный институт (1983). Работал главным архитектором в городе Пущино Московской области. Более 20 лет занимается строительством и реставрацией храмов в Подмосковье, Рязанской и Ярославской областях. Стихи и песни пишет с 1982 года. Состоял в клубе авторской песни Центрального дома архитекторов в Москве. Лауреат московского областного конкурса авторской песни «Пою Богу моему» (2007). Выпустил музыкальный альбом с песнями на свои стихи «Здравствуй, милая Родина!» (2011). Выступал в Звёздном городке в Подмосковье, в других городах России.

ДВА ОКНА

Два окна в берёзовом тумане,
Тёплая тесовая стена,
Сад, дрова, калитка, погреб, баня,
Лес, рябина, колкая сосна.

Два окна затейливо резные,
Из трубы колечками дымок:
Ах, моя уютная Россия,
В зелени утопший теремок.

Шиты занавески тонко-тонко,
В печке горячится уголёк,
Ах, моя смолистая сторонка,
Гибкий золотистый стебелёк.

Чисто, ладно белена светлица,
Спас глядит из красного угла,
Мать моя Россия, мастерица,
В окнах золотятся купола.

Если занеможу на беду я,
Не дойдя до цели два шага,
Выметет тоску мою лихую,
Словно из избы, твоя рука.

Если я в дороге заплутаю,
Сбоку, прямо – темень, пелена,
Сяду, успокоюсь, вспоминая
Два твоих со ставнями окна.

ЗОЛОТОМ РАСПИСАННАЯ РУСЬ

Тают обаянные рябины,
Утопая в золотых лучах,
Отзвуком от стаи журавлиной –
Клёкот родниковый на камнях.

Сбросили стыдливые берёзы
Платья на прибрежную траву,
Сыпет на задумчивые склоны
Ветер драгоценную листву.

Я и сам, как дальний лес сосновый,
Разомлел, затих, стою, гляжусь
В звонкие осенние покровы,
В золотом расписанную Русь.

Над Окою в воздухе прохладном –
Несказанно ясные лучи
Озарили светлой благодатью
Солнечной полуденной свечи.

Захмелев от тонкости осенней,
Расплескав в задумчивости грусть,
Окунаюсь в небо, в счастье, в вечность,
В золотом расписанную Русь.

Сколько же свободного покоя,
Сколько нерастроченных красот:
Завтра снова – радость над рекою,
Завтра снова – солнечный восход.

Захлебнувшись вечной красотой,
Сгинуть и исчезнуть не боюсь,
С радостью и верой окунаюсь
В золотом расписанную Русь!

*Юбилейный календарь подготовил
Николай МАРЯНИН, поэт и краевед*

